

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Анисимов О.С.

**Язык теории деятельности:
становление**

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

**Руководители издания
"Энциклопедия управленческих знаний"**

Атаманчук Г.В., Иванов В.Н.,
Патрушев В.И. (зам. руководителя),
Гладышев А.Г. (ученый секретарь)

Редакционная коллегия:

Анисимов О.С.	Деркач А.А.	Мазин Г.И.
Атаманчук Г.В.	Добреньков В.И.	Мельников С.Б.
Гладышев А.Г.	Дятченко Л.Я.	Павлюк Н.Я.
Городяненко В.Г.	Иванов В.Н.	Петраков Н.Я.
Григорьев С.И.	Керимов Д.А.	Уржа О.А.
Гусева А.С.	Львов Д.С.	Шамхалов Ф.И.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Анисимов О.С.

**Язык теории деятельности:
становление**

Москва – 2001

ББК 87.3

А 67

Анисимов О.С.

Язык теории деятельности: становление

М., 2001 – 484 с

В данной работе автор приводит результаты парадигматизации языка теории деятельности, а также ряд материалов 70-х гг., показывающих ход обоснования этого подхода и его особенности.

Издание работы осуществляется в контексте подготовки к созданию типовой учебной дисциплины для управленцев – "Основы теории деятельности", которая сама по себе носит общекультурный, необходимый для всех типов профессионалов, характер.

ISBN 5-93098-012-8

© Анисимов О.С.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	18
I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	Ошибка! Закладка не определена.
II. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	Ошибка! Закладка не определена.
2.1. ПРОГРАММА ММПК	Ошибка! Закладка не определена.
2.2. МЕТОД РАБОТЫ С ТЕКСТОМ И АНАЛИТИКА.	Ошибка! Закладка не определена.
2.3. О МЕТОДЕ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ.....	Ошибка! Закладка не определена.
2.4. МРТ И ИССЛЕДОВАНИЕ МЫШЛЕНИЯ	Ошибка! Закладка не определена.
2.5. МРТ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ	Ошибка! Закладка не определена.
2.6. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА	Ошибка! Закладка не определена.
2.7. КАТЕГОРИИ.....	Ошибка! Закладка не определена.
2.8. ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ...	Ошибка! Закладка не определена.
2.9. ГЕГЕЛЬ И МЕТАФИЗИКА.....	Ошибка! Закладка не определена.
2.10. ЯЗЫК СХЕМАТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ОНТОЛОГИИ	245
2.11. ЯСИ КАК СРЕДСТВА МЫШЛЕНИЯ	263
2.12. ЯСИ И РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ.....	296
2.13. «АКТИВНОСТЬ» ЧЕЛОВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	310
III. ЗНАКОМСТВО С ПАРАДИГМОЙ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	338
Приложение I.	
Е М Е Л Ь Я Н О В А . Л .	
ЯЗЫК СХЕМАТИЗИРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ.....	414
Приложение II.	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ "АЗБУКА"	460
Приложение III.	
ИНФОРМАЦИЯ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ.....	475
ЛИТЕРАТУРА.....	482

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с созданием непсихологической или социотехнической теории деятельности в рамках московского методологического кружка (ММК) с самого начала (с начала 60-ых гг. XX в.) возникала проблема выделения парадигматической основы для конструирования типологически значимых схем в их онтологической и нормативной функции. Многочисленные споры на методологическом семинаре о парадигматическом и синтагматическом статусе введенных в ММК схем теории деятельности приобретали драматизм в зависимости от уровня ориентированности участников в общих знаниях о механизме языка.

Так как появление средств языка теории деятельности объективно вело к созданию собственно профессионального языка для управленцев и аналитиков управленческой деятельности, то вместе с выделением проблем обучения теории деятельности и трансляции культуры методологического мышления в образовательном пространстве данные проблемы оформления языка стали еще более значимыми. Именно на этом был сделан наш акцент при создании московского методолого-педагогического кружка (ММПК) в 1978 г. Приобретя опыт решения учебно-педагогических проблем, мы вновь возвратились к макроцели налаживания механизма трансляции языка теории деятельности. Осознавая значимость и сложность подобных проблем еще в начале 70-ых гг., мы особое внимание уделили моделированию языковых явлений и обеспечению транслируемости как языка в целом, так и парадигмы языка. Этому помогал опыт применения специфического метода работы с текстом (МРТ), который стал основой всех мыслетехнических разработок в ММПК. Для образовательных целей мы отработывали технику схематизации, применение логических формо-схем и др., что обеспечивало формирование у студентов, профессионалов логико-семиотического сознания и самосознания. Решающую роль играло оформление идей

Гегеля, касающихся формы движения мысли в реализации ценности "истинности".

В данной работе мы приведем результаты парадигматизации языка теории деятельности, а также ряд материалов 70-ых гг., показывающих ход обоснования нашего подхода и его особенности, активное вовлечение идей немецкой классической философии, а также идей логико-познавательного характера у Платона, Аристотеля и др.

Издание работы осуществляется в контексте подготовки к созданию типовой учебной дисциплины для управленцев – "Основы теории деятельности", которая сама по себе носит общекультурный, необходимый для всех типов профессионалов характер. Продолжается отработка способов надежной трансляции языка и подготавливается соответствующий корпус преподавателей из числа сторонников нашей версии парадигмы языка теории деятельности.

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для того, чтобы обслужить различные вопросы, касающиеся парадигмы языка теории деятельности (ЯТД), нужно не только осуществлять построение ЯТД, но и рефлексировать этот процесс, а затем использовать абстрактные представления о сущности языка, его парадигмы и т.п. как средства организации рефлексии создания парадигмы языка в целом. Практическое порождение парадигмы ЯТД приобретает тогда свои неслучайные и сущностные формы.

Практический слой процесса создания ЯТД будет показан в ряде последующих разделов. Он же дополнен и пронизан рефлексивными обсуждениями этого процесса. Здесь же мы остановимся на сущностной основе любых языков и месте онтологии в общей системе ЯТД, ее роли в порождении парадигмы, "словаря" и "азбуки".

Языком является система средств и способов использования средств порождения высказываний и реализации иных мыслекоммуникативных, чувство-коммуникативных и т.п. функций. Источником заказа на систему этих средств выступает коммуникация. В коммуникации устанавливается воздействие и взаимодействие, позволяющее переносить (транслировать) содержание (или "информацию") от одного человека к другому. Сама необходимость ("заказ") на перенос именно содержания возникает в общении, в его согласовательной составляющей, при "сообщении" варианта совмещенного бытия конфликтующих сторон.

Потребность в языке появляется вместе с фиксацией недостаточной определенности, жесткости, точности, однозначности и т.п. тех сообщений, которые выражаются естественными средствами, которыми владеет человек. Если

естественная форма бытия содержания (образов) в человеке включенном в коммуникацию называется "смыслом", то потребностное устремление ведет к трансформации смыслов в те формы, которые обладают определенностью, точностью, однозначностью и т.п., то есть – в "значения".

Иначе говоря, *трудности в коммуникации, обусловленные неприемлемостью недостаточной определенности смыслов, преодолеваются за счет введения значений*. Но их нельзя ввести, сделать сохраняемыми в желаемой определенности без использования соответствующим образом организованного *посредника* (воздух, лист бумаги и т.п.). Для того, чтобы приобрести значение как заместитель смыслов нужно *создать знак* как организованный посредник, *исключить его из естественных отношений*, создав второе бытие посредника – языковое. Опираясь на знак (знаковые системы), удобный для организованного оперирования, человек подчиняется его специальным, порожденным свойствам и в ходе подчинения в целом *подчиняет бытие смыслов, превращая их в значения*.

Скрепляя знаки и значения человек приобретает единицы языковых средств. В реальной коммуникации требуются такие средства, которые, *будучи постоянными, позволяли бы выстраивать изменяющиеся процессуальные или структурные конструкции*, обеспечивающие трансляцию содержания. Чем более постоянен набор средств (*парадигма*), обслуживающий неограниченное количество ситуационно порождаемых высказываний или конструкций из этих средств (*синтагматика*), тем совершеннее язык. Организация эффективного построения синтагм оформляется в *построение* общих, типизированных *правил* (синтаксис, грамматика и т.п.).

Тем самым, язык состоит из внеситуативной системы парадигматических средств, включающих знаки и значения, системы правил, в которых даны формы синтагм. Но это составляет статику языка, потенциальную возможность реализации коммуникативных функций. Динамика состоит в актуализации потенциала в рамках "требований" коммуникативной ситуации и актуализация заключается в построении *высказываний* (синтагм).

Синтагматическая структура языка связана с потенциалом значений смысловой динамики и статики значениевыми

структурами, статическими и динамическими. Поэтому в языке есть парадигматическая составляющая семантики и синтагматическая составляющая семантики, а также абстрактная форма синтагматических конструкторов в системе правил.

Язык обладает системными характеристиками. Они выражены в системно-структурной организации синтагм и парадигмы. Если в синтагматическом плане структурирование определяется стремлением коммуниканта дать организованное содержание и организацией процесса понимания, то в парадигматическом плане структурирование определяется требованием выделения универсальных единиц, "складывание" которых обеспечивает создание непротиворечивого представления о мире. Если в синтагматическом конструировании уникальность смыслового прототипа содержания высказывания ведет к уникальности сочетания универсальных единиц, то в парадигме сочетание всех универсалий порождает единственную "картину мира" – *онтологию*. Именно приход к онтологии, ее разложение на "кирпичики", универсальные единицы, воссоздание онтологии из этих (всех) единиц и реализация набором единиц потребностей в построении любого количества синтагм для выражения любых смыслов носителя языка является свидетельством *развитости языка*.

Очевидно, что становление и совершенствование языков никогда не доходит до этого уровня. Но приближение к такому уровню удастся осуществить для специальных *профессиональных языков*. Они строятся на основе теоретических воззрений, реализующих онтологическую функцию. Философия всегда стремилась дать единое, непротиворечивое, определенное представление о мире "вообще", о сущности всего в целостности и т.п. Она строила абстрактные миры ("метафизики", онтологий). Это же требуется при построении ЯТД в рамках мира деятельности.

Следовательно, методологическим условием создания эффективного и высокоразвитого ЯТД выступает введение *единой, абстрактной онтологии* с последующей парадигматизацией, *созданием системы универсалий* как набора средств конструирования тех "миров", которые нужны для выражения актуального и значимого для коммуниканта смысла.

Все универсалии переходимы "друг к другу" через посредство онтологии.

Содержание высказываний определяется либо акцентировкой на уникальность смыслового прототипа носителя языка в уникальной ситуации, либо акцентировкой на "извлечение" части онтологии или целостности онтологии для решения своих мыслекоммуникативных задач.

Мы пока ограничивались лишь "информационной" установкой в коммуникации. Но в коммуникацию может вмешиваться механизм общения, который резко изменяет все акценты и процедуры в использовании языка, так как ведущим становится не содержание и его выражение, а отношение и его выражение с помощью языковых средств. В художественной литературе и поэзии этот акцент приобретает особую, эстетическую, а также и этическую ориентацию.

Тем самым, парадигма языка, особенно профессионального, "неестественного" языка (например, ЯТД), может быть создана лишь при наличии звена онтологического конструирования. Правила же создания строго организованной онтологии порождаются из рефлексии теоретического мышления и высшей формой таких правил предстает логическая форма "систематического уточнения" или "псевдогенетическая форма теоретического конструирования".

В исторически ориентированных разделах мы покажем более конкретно на какие представления о языке, о мышлении, о формах мышления и логике, о специфике схематических изображений и т.п. мы опирались, оформляя метод работы с текстами (МРТ), каковы возможности для изучения и формирования, развития мышления, создавая МРТ и почему именно МРТ стал опорной базой во всей линии оформления методологического мышления и мыследеятельности, перевода методологической практики из ЕИ-формы (естественно-искусственные формы) бытия в ИЕ-форму (искусственно-естественную форму) бытия. Именно в контексте решения мыслекоммуникативных задач (понимание, критика, авторское полагание версии, арбитраж, организация и т.п.) в позиции рефлектирующего "практические" действия, в рефлексивной коммуникации при переходе от Е-формы (естественной формы) реконструкции содержания и хода мысли к ИЕ-форме, что

соответствует концептуальной рефлексии, применение МРТ и привело к созданию нашей версии парадигмы ЯТД. В этой форме рефлексии (4-ая "доска" в функциональном поле рефлексии) нужна и парадигма, и правила конструирования **"деятельностных миров"** в средствах ЯТД.

Мы хотим показать, что важнейшим необходимым условием перехода от ЕИ-уровня мышления и рефлексивной самоорганизации к ИЕ-уровню выступила культура онтического конструирования. Если в общей теории языка мы уже показали роль перехода от смыслов к значениям в становлении языковой способности человека, да и самом становлении языка как культурного механизма-средства в интеллектуальной работе, то мы это воплотили в соответствующее оперирование в рамках МРТ. В МРТ предполагалась оппозиция "первичный текст – вторичный текст". Мы строили вторичные тексты, а затем схематические изображения для преодоления смыслового уровня понимания автора. Построение конспектов и СИ обслуживало переход от Е-формы к ЕИ-форме бытия смыслов. Но, именно дополнительное введение функционального требования "искать и строить" парадигму, а затем – онтологию как особую синтагму, подготавливало переход ЕИ-формы бытия смыслов в их ИЕ-форму замещенного бытия значений. В этой работе решающую роль играло применение логики "восхождения от абстрактного к конкретному" (ВАК), которая предельно совершенствовала парадигматику, приводила к универсалиям. Одновременно она же обеспечивала построение онтологических замещений первоначальных смыслов. Это и становилось конечной фазой "конспектирования" и построения СИ. Имея эти замещения, можно было переходить к реконструкции мысли автора, к ее коррекции и реализации "наметок" в творческом импульсе. Приобретя такую практику, мы могли с уверенностью идти к созданию своей версии ЯТД, к словарию и "азбуке".

В онтологическом конструировании огромную роль играло использование "принципа каузальности". Мы были склонны считать понимание автора завершенным лишь при наличии ощущения, что все содержание выстроено по непрерывной цепи "причин и следствий". Затем, особенно после 1973 г., ис-

пользование СИ обратило внимание на необходимость учитывать единицы бытия, "нечто", которое только и может реагировать на "внешние" для него воздействия. Внесение коррекции в принцип каузальности и его оформление в принцип **"объектной каузальности"** обеспечило нам не только успешность в решении всех коммуникативных, а затем мыслительных и рефлексивных задач и проблем, но и свободу в совершенствовании своих первоначальных версий.

Важно понять, что нас сопровождал и определял весь слой чтений и анализа содержания предшественников. У них, особенно у Гегеля и Щедровицкого Г.П., мы извлекали стимулы и содержания, которые вели нас к наиболее глубоким и сущностно значимым проблемам и темам. Кроме того, мы выносили свои версии во внешний план конспектов и СИ для перехода к систематической и неограниченной критике и самокритике. Мы постоянно "чистили" себя не только при наличии критиков, но и без них. И принцип объектной каузальности и псевдогенетический подход, использование логики систематического уточнения (ЛСУ) являлись условиями надежного успеха и своевременной проблематизации.

II. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(версия 1978-1979 г.г.)

К 1978 г. накопление опыта пребывания в ММК и параллельного сбора теоретических идей в различных областях знания, касающихся мышления, деятельности и психики, а также экспериментального опыта обучения мышлению, вовлечения в культуру мышления и в методологический тип организации мыслительных процессов подошло к черте, когда нужно было стратегически самоопределиться. Либо выделение проблемного поля внутри ММК и создание своей линии разработок под контролем Г.П. Щедровицкого, либо введение своей линии в более свободном варианте, учитывая ощущение качественной своеобразности наших техник мышления и отношения к методологической культуре. Мы в середине 1978 г. выбрали второй вариант и с октября этого года началась работа в ММПК.

Поскольку в общении с ближайшими друзьями-соратниками (В. Чернушевичем, В. Бязыровым, Ю. Ясницким) приходилось постоянно соотноситься и комментировать понятийные различия, принятые в ММК, то постепенно появилось понимание, что нужно видоизменить корпус средств ЯТД, приблизить его и к категориальному уровню по критериям логики ВАК, и к условиям обучения, трансляции. Если в 75-76 гг. мы основное внимание уделяли сущности деятельности как функционирующему целому. В 77-78 г.г. на первый план стали выходить темы рефлексивного типа. Нужно было разобраться в проектировании, программировании, технологическом конструировании, историко-критической работе, проблематизации и т.п. Все это понималось в целостности «разви-

тия деятельности». Приведем примеры обсуждения подобных проблем, осуществленных совместно с В. Бязыровым.

«Бязыров В. *(Далее по тексту: Б.В.)*. Сначала (22.11.1978 г.) я тебе введу ситуацию. В Уральском научном центре Академии наук появился текст: «Программирование деятельности и деятельность программирования». Комиссия по президиуму УНЦ АН СОСР по этой теме реализует заказ. Нужны руководящие указания для институтов, методологически значимые и нужны конкретные программы для института экономики и института Экологии.

Анисимов О. *(Далее по тексту: А.О.)*. Нужны методологические предписания для программиста?

Б.В. И сущность, и предписания.

А.О. Давай, сопоставим частное программирование и метод программирования. Для рассуждения нужна схема рефлексивной организации деятельности. В рефлексивной или развивающей надстройке размещаются функции исследования, критики и нормирования деятельности, в частности – программирования. После возврата в слой деятельности дополняется еще контролем. В любом НИИ есть работа по программированию. Вторично вводятся коррекции через рефлексивный слой и обеспечение реализации измененной программы. Условия изменения норм могут быть любыми. Так как часто программирование воспроизводится, оно может быть выделено в особую деятельность. Тут нам нужна схема «системообразование в деятельности». Можно анализировать усложнение систем деятельности. А сама деятельность программирования вначале выступает как служебная. Она занимает функциональное место нормативного звена в целостности рефлексии.

Б.В. Это сервис, обслуживание. Поэтому нужны какие-то исследования, где эта деятельность полезна и т.п.

А.О. Но тогда сама исходная деятельность расщепляется и выделяет звено исследований, диагностики и т.п., или программирование обрастает своими служебными звеньями. Существенно то, что если программирование выделилось как деятельность, то оно быстро дополняется обеспечивающими звеньями, включая организационными.

Б.В. Тем самым, ты применяешь схему системогенеза то к базовой деятельности, то к сервисной – программирование. И сами расщепления связаны у тебя с обслуживанием программирования?

А.О. Раз есть программирование и оно функционирует, то базовая деятельность меняется и, в том числе, расщепляется и т.п. А другое дело, что это касается содержательного результата, тогда как способ, механизм программирования зависит от сервисных структур программирования как деятельности. Да и содержание начинает зависеть от мощности и тонкости программирования, обеспечиваемых именно сервисами программирования. Например, зависит от использования ЯТД и качества этого языка.

Б.В. Одно дело твой язык, а другое дело Г.П. Щедровицкого (далее по тексту Г.П.Щ.) или иной?

А.О. Да. Я ведь еще и уровни развитости языка различаю. Кроме того, если сервисный блок появляется у программирования, то появится и программирование программирования, а затем и методологическое обеспечение программирования.

Б.В. Я детализирую. Важны шаги мысли. Сначала программирование осуществляется и оно чем-то обеспечено. А новые деятельности появляются после этого. Так?

А.О. Если есть функционирование программирования, то это означает следствие рефлексивного оформления процесса, а не деятельности программирования. Рефлексия, с нормативным звеном, сначала ситуативна, вызвана затруднением. Нормы нет.

Б.В. Как на семинарах ММК. У новичков.

А.О. Да. А вот когда уже процесс программирования сталкивается с затруднением, а нужда в нем осталась, то появляется рефлексия этого процесса, включая нормирование. И возникает, на 2^м этапе рефлексии, норма для программирования. А она в реализации, требует обеспечения. После всех утрясок появляется феномен реализации нормы программирования.

Б.В. Вот и ответ, каким образом подходить к методическому сервису программирования. К работе НИИ тоже.

А.О. Я в 1974 г. пытался участвовать в программировании НИИВШ, благо тогда легко было входить в группу ученого

секретаря. Итак. Пока мы добрались до функционирования, а потому и обискусствления процессов программирования. Хотя еще нет культурного фона, окультуривания программирования.

Б.В. Еще нет процесса методологизации?

А.О. Конечно. И тут можно встретить реальные образцы с различной эффективностью. Да и дифференцировки в самом процессе программирования, расчленения на систему деятельности и т.п. нового качества не дает. Оно может, по содержанию, по разному менять «практику», упрощать, усложнять. Что дает, то и дает программирование. Нельзя ставить вопросы типа: «на каком основании такие программы?».

Б.В. Часто все равно задают такие вопросы.

А.О. Задают по недоразумению. Что такое «основание»? Вот в чем вопрос. Если усмотрение, то это одно. А если понятие – то другое. Либо субъективный взгляд, придание значимости на уровне здравого разума, либо надсубъективность, лежащая в социо-культуре. Чем ближе к понятиям и категориям, тем менее субъективно «основание». Все зависит от компетентности аналитика. В философии все уже давно разобрали.

Б.В. Следовательно, если мы рефлексию направляем на сам процесс программирования, то выходим на развития программирования?

А.О. Либо изменение, либо развитие. Второе связано со сменной механизмов программирования. В основе их лежит особая организация мышления. Но эти механизмические изменения касаются либо функционарности, «акторности», либо системности и появления сервисных надстроек. Одно идет за другим. Сам сервис идет вслед за нуждами функционирования. И лишь затем он начинает обращаться к себе и создает механизм сервиса, а потом и систему деятельности сервиса.

Б.В. Ты ведешь линию очень абстрактно. Народ будет пищать.

А.О. Мы же мыслим. И я применяю схемы «Азбуки» сознательно. Хватит эмпиризма!

Б.В. А чем предопределяется сама дифференцировка базовой деятельности и ее структурирование в теле программирования?

А.О. Критикой. В критике рефлексия становится акцентированной. Часть противопоставляется целому в акцентировках. И это обеспечивает управляемое структурирование.

Б.В. Углы дел затруднение и это подсказка для акцентирования. Так?

А.О. Да. В реконструкции происшедшего выявляется то, на что надо обращать внимание. Но структурирование сначала процессуальное. И реконструкция процессуальна. И нормирование процессуально.

Б.В. А структуры и структурирование?

А.О. Через структурирование процессов появляется выход на механизмы.

Б.В. И программирование из процесса переходит в деятельность?

А.О. Если по сущности деятельности – да. А ведь это может быть структурирование по сущности мышления. Все это важно при переходе к методической позиции.

Б.В. Вроде бы уже видно, как писать программу для деятельности программиста. И приложить это к двум институтам УНЦ. А потом еще вот что. Я начну писать реальные программы для институтов. А в рефлексии реконструирую результат и путь. Обработав реконструкцию, я напишу руководство.

А.О. Да. Вот тебя поставили на «должность» методиста для программистов. И в начале ты не знаешь, как это делать. Нет абстрактных ориентиров. Хорошо, если есть образцы опыта. Что ты делаешь? Рефлексивно реконструируешь, как они программируют. При необходимости используешь описания для реального программирования, вместо них. И рефлектируешь свою практику. Используешь как образец.

Б.В. Это я и имею в виду.

А.О. И вот появляется порог. Если на этой стихии оставаться, то это одно. А где культура, где методология? Раз программирование в основе своей мышление, то нужны логические формы. Применительно к твоей же заимствованной позиции как программиста.

Б.В. Такая ситуация и возникла.

А.О. Методист сидит уже на культурных формах. У него уже есть критерии, языки и т.п. Вот это и следует натурализовать, создать образец и его оформить, «выпрямить».

Б.В. Что значит «культурные формы»? Мог бы ты что-то простое ввести, для новичка?

А.О. Думаю, что самое простое это критерий «неслучайности». В культуре вводится неслучайность и разрыв границы отдельного человека. Так как в нем неслучайность нельзя найти. Он движим своим бытием.

Б.В. Неслучайность понятна. Но ведь в естественнонаучной парадигме это не столь очевидно. Броуновская частица – случайно себя проявляет. А в картезианстве и вообще в метафизике нет случайности. Все во взаимосвязи. Та же частица ведет себя так не случайно. Как тут быть?

А.О. Да. Надо предположить конкретные границы. Например, донормативное и поднормативное. Случайность здесь видна и где?

Б.В. Видна. Она – в донормативном. Но нормы тоже меняются. И что-то в них устраняется как случайное.

А.О. Случайное для данного случая, для данного материала. И вот когда этот критерий начинает обрастать массой условий для уточнения содержания, тогда нужно вводить более надежный, не сложный критерий. Это «сущность». Она трактовалась в культуре и в философии, в частности, как нечто вечное, постоянное. И только в культуре она появляется. Через посредство науки.

Б.В. Следовательно, нужна сущность. И ее нужно оперировать?

А.О. Знание этого типа рассматривается как инструмент и форма оперирования. Вспомним операционализм и инструментализм в философии XX в. И это вводится в рефлексию. Именно как средство и ориентир. Здесь особенно четко видна роль методологии, подхватившая ряд направлений в философии и внесшая деятельностный подход. Рефлексия как насыщенная средствами мысли. Включая программирование.

Б.В. Вот в чем культурность?! Но тогда нужны понятия о том, о чем идет речь. О деятельности, о программировании, о рефлексии. Так?

А.О. Конечно. И если ввести понятие рефлексии, то увидим, что программирование идет после критики. Отсюда и требование: «После критики». Затруднение, реконструкция, выявление причины затруднения и лишь затем программирование.

Б.В. Обрати внимание. Даже это положение резко поворачивает анализ. Обычно критике не уделяют большого внимания. По ходу и слегка. А ведь по понятию с плохой критикой лучшей программист может проиграть полемику.

А.О. Конечно. Акцентов может быть много. Хотя и здесь все зависит от применяемых средств мысли. В схемах уже указано сколько и чего, в каких отношениях. Поэтому можно по схеме вводить типологию фокусировок.

Б.В. Отлично! Почти рутина. Вот и проявление сущностных представлений в оперативности. На первый взгляд кажется это рутинно и дебильно. А по сути так оно и есть. Вот и надо научить всех твоих семинаристов технике использования «Азбуки» в критике. А затем – в программировании. Кстати, на кафедре экономики и в институте экономики много размышляют о прогнозировании. Вот, например, популярна книга С. Саркисяна. Об этом и психологи пишут. Сборник института психологии АН СССР. Ведь можно и в прогнозировании применить схемы ЯТД.

А.О. Конечно. Да и понятие *прогнозирование* легко выводится. Это же *продолжение реконструкции в конструировании будущего прошлого процесса*.

Б.В. А отличим от программирования?

А.О. *Программирование имеет своей опорой желание, заказ, а лишь потом слежение за поведением объекта, деятельности.* Мы себя вводим в судьбу процессов деятельности и поворачиваем как это хочется. Придаем нормативный статус. А в прогнозировании мы «спрашиваем» процесс, деятельность, что же будет дальше.

Б.В. Сложные переходы. Неподготовленный человек может запутаться. И тут нужна твердая почва. Культура мышления?

А.О. Да, естественно. Ибо в ней вводится универсум всех форм мышления. Включая прогнозирование. *Но культура мышления предполагает самоопределение в подходе.* Если деятельностный подход, то надо вводить сначала в мир деятельности. И

вести «по нему» туда, куда хочется. В пределах правильного хождения.

Б.В. И твоя «Азбука» дает возможность войти в этот мир и даже идти в конкретизации до любого требуемого местечка?

А.О. Конечно. Иначе это не парадигма развитого языка, а так. Случайное скопление схем. Вот тут-то и начинается главное. Нужно организовать движение мысли в этом мире деятельности. При том, что мы еще и мыслью полагаем этот мир. Разные жанры. И все уже задается схемой акта мысли.

Б.В. Ты имеешь ввиду различие выбора и введение предиката, с одной стороны, и его субъективация, движение в объектном содержании?

А.О. Да. Если положил, интерпретирующее напряжение ввел, то затем иди по положенному миру. И "сними с плеч" любой произвол.

Б.В. И в схеме построения знания есть момент.

А.О. Точнее, в схеме «схематизация». Этап *отождествления структуры, конструкции с объектом или с материалом изображения*.

Б.В. Но в схеме акта предикат уже есть. А если субъект есть, а предиката нет. Нет даже в словаре, то надо строить предикат.

А.О. Правильно. И тогда мы меняем конструктор и требования к хождению по миру.

Б.В. То есть, в твоём языке хождение одно, а у Г.П.Щ. – уже другое?

А.О. Вот именно. Поэтому и ответственность за схемы, за парадигму. Это, кстати, давно учитывается в ММК. Но это не так просто.

Б.В. Я вижу здесь великие тонкости, если сочетать схемы акта мысли и схемообразования. Да еще логики ВАК. И коммуникации. Здорово! Ты мощную технику придумал. Жесткую и гибкую одновременно.

А.О. При одной предпосылке – умение работать с ними.

Б.В. В связи с чтением схем я вижу проблему объектного чтения. У ребят в кружке и в ММК все так лихо ездит. А ведь схемы то жесткие. Вольно не подвигаешься.

А.О. Да, объектного, процессуального чтения. И каузального. Возьми и почитай схему развития деятельности, внеся в нее схемы акта мысли, коммуникации, системообразования и др.

Б.В. Захватывающая перспектива. Но дико сложно. Нужен великий самоконтроль.

А.О. И самоорганизация, самоконтроля. Здесь же разные типы соединения «естественного» и «искусственного». Для самоорганизации требуются схемы «вхождение в деятельность», «становление организованности».

Б.В. Да! Чего стоит твоя схема становления организованности. Тут разбираться и развираться.

А.О. Дело ведь еще в том, что анализ морфологии и ее судьбы помогает увидеть путь развития человека, его личности. Если это происходит в деятельностном мире.

Б.В. Ты касаешься психологии?

А.О. Я немного остановлюсь на личности. Исследователи – тоже личности. Перед человеком, входящим в деятельность, возникают требования к его бытию, к отношениям с другими участниками деятельности. А коммуникация и обучение нужны и в функционировании деятельности, и в развитии, при реагировании на затруднения. Даже безотносительно к деятельности, в общении люди создают нормы: моральные, нравственные и т.п. Уровни общения могут быть разными и могут быть затруднения уже в самом общении. Ситуативных конвенций может и не хватать. А ведь это все вовлекается в деятельность, где требования существуют к любым процессам, включая и обучение. Да и программирование деятельности должны учесть возможности общения.

Б.В. То есть, ты вводишь в действие здесь схему «становления организованности»? К общению в деятельности.

А.О. Да, Слава. Личность появляется при прохождении пути включения во все системы требований деятельности. Человек входит не в одно место, а в структуру мест, в систему деятельности. Берет на себя груз ответственности за надестественное существование. И там уже переходы от реализации норм к их коррекции. Высшее личности – в творчестве, в коррекции норм. Человек должен выработать в себе способность адекватно входить в «место» для деятельности, менять места, иметь траекторию «передвижения», но оставаться одним и тем же.

Б.В. Парадокс! Это в психологии раскрыто?

А.О. Как раз нет, все запутано. Тут должна помогать техника мысли Гегеля. Ведь «в – себе бытие» не меняется при множестве реагирования в стиле «бытие для – иного» или «бытие для – себя». Если это так. Но до этого-то и надо дойти. До деятельности это отсутствует у человека.

Б.В. А социализация, окультуривание?

А.О. Частично возникает. Подготовка идет. Тут лучше тщательно смотреть «Философию духа» Гегеля. Но именно в мире деятельности требования более жесткие и системные. В социуме системность требований намного сложнее получить и освоить. Все синкретичным остается. Так вот – «Я» должно появиться, чтобы оно *реагировало на разное, оставаясь собой*. До-личностное бытие быстро «скидывает» адаптации, так как тут действует индивидуальное «Эго». Нужно в эти «пред-Я» создать абстрактное основание – «Я», чтобы затем быть одним в любых ситуациях. Конечно, чем более масштабная личность, тем более *«постоянное», но гибкое «Я» у нее*. Конкретизацию абстрактного «Я» немного обсуждал Маркс, но слегка. И у Гегеля это мало рассмотрено. Много говорится о росте, а не о бытии. Также как и в эзотерических картинах. В деятельности у человека не только поведение, но и мотивация просматривается. Создаются абстрактные мотивы, о чем немного говорили С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев. Явление воли здесь крайне важное и плохо раскрытое. Я этим занимался в 75-77 гг. Основу «Я» и порождает мотивационный блок, но затем «Я» как бы преодолевает оковы мотивации. Оно начинает жить в системе требований деятельности и от ее имени. Начало трансформации «Я» и вообще становление «Я» связываю с динамикой общения. Но затем уже мир деятельности резко расширяет границы «подчинения».

Б.В. А в программировании есть особые требования к «Я»?

А.О. Это зависит от функций рефлексии и программирования, в частности. Они базируются на мышлении, надстроенности мышления, обращенности на прошлое или будущее, как в программировании, на предписывание или подготовку к этому. Для ответа на вопрос следует раскрыть субъективные особенности рефлексии, программирования, в индивидуальных и групповых формах. Интересен новый игровой опыт. Следует раскрыть особенности программирования в части субъектив-

ного бытия. Надо разобраться в том, что означает психологическая рефлексия и, в частности, психологическое программирование. Вообще, можно и нужно идти и в технологическом, и в психологическом аспектах, взаимодополняя их в анализе. И уточнить средства психологического анализа. Предисание включает в себя требования к субъективным проявлениям. Как именно это выражается и понимается? Надо раскрывать.

Б.В. Действительно. Опыт первых игр уже показал, что психологический слой рефлексии важен и его значимость будет возрастать. Схематизм совместной деятельности как бы скрывает детали отношений между людьми в деятельности. Но в нем еще опознаются базовые схемы, как бы предполагаются. И субъективная динамика, так?

А.О. Да. Это такой этап развертывания, где многое уже введено. А субъективный пласт еще только начинаю отслеживать особо. Ребята как-то не вошли в заказ Ислама Ильясова. Так бы могли бы появиться заготовки схем психологии. К этому придется поворачиваться самому.

Б.В. А какой тут путь, если идти в средствах «Азбуки».

А.О. Думаю, что все начинается с ориентированной рефлексии, с фокусировок. Одна из них – на самих деятелях и их психологических механизмах. Например, рефлексия познавательных и вообще мыслительных способностей. Немного уточнений и появляется схема появления образов, а затем и схема акта мысли. В промежутке где-то выводится язык с коммуникацией. Вообще нужно раскрывать разные стороны и механизмы человека в деятельности. Человек может идти в след требованиям или сопротивляться. Тут действуют общие свойства соотношения морфологии и формы. Судьба субъективной морфологии – предмет анализа. На этом фоне и появляются схемы вхождения в деятельность, динамика вхождения и выхождения. Понял?

Б.В. Да. Выход может быть под какой то замысел, а может быть просто противопоставление не конкретной деятельности, а любой. Согласен?

А.О. Конечно. Это я назвал бы абстрактным типом выхода. Если внести технику восхождения и нисхождения как мыслительную машину, то откроется много интересного. Между

конкретным и абстрактным выходом, естественным и искусственным много промежуточных типов. Вот бы и посмотреть! Применение логической схемы ВАК и дополнение схемами личностного характера ход анализа может быть на порядок сложнее и интереснее. Особенно для психолога.

Б.В. Иначе говоря, у тебя роль ориентированной, фокусированной рефлексии очень велика. Один фокус задает линию одну, например, мыслительную, а другой – другую, например, деятельную.

А.О. Или субъективно-личностную линию в иной фокусировке. И через соотнесение линий появляются еще другие важные особенности. Например, оспособительная линия.

Б.В. Во всяком случае, отсюда можно вывести типологию сервисов. Например, на основе схемы акта деятельности. Отсюда и формирование систем деятельности.

А.О. Это один подход, основанный на фокусировке. А если ввести подход иной, через критику, проблематизацию? Фокусировка делит целое, а критика ведет к трансформациям. Делить можно и «базис», и «надстройку». Деля рефлексии мы получаем все типы интеллектуальных деятельностей.

Б.В. Отличная перспектива! На самом деле тут четко вырисовываются линии порождения современных систем деятельности. Современного пространства и универсума деятельности. А также сфер деятельности.

Б.В. И давай сферу науки рассмотрим. Используя этот тип развертывания и логику ВАК.

А.О. Нам нужно создавать исследовательские программы и «присутствовать» в сфере науки. Возникает вопрос о техническом ведении сферы, учитывая логику ВАК. Сначала должна быть рефлексивная организация деятельности как исходное начало. Эта синтетическая схема вводит подход, деятельностный. Затем надо искать исследование. За счет фокусировки в рефлексии самой рефлексии, введение акцента на познание появляется линия исследований.

Б.В. А типа деятельности – исследовательского еще нет?

А.О. Нет, но он появляется за счет выделения исследования в рефлексии и применения схемы системообразования. Исследование оформляется и отделяется как деятельность.

Б.В. Она становится сервисом?

А.О. Да. Для «практики».

Б.В. А другие части рефлексии могут отделиться?

А.О. Конечно. Таким же мыслительным приемом. Другая фокусированная рефлексия, выделение, оформление, введение в системные отношения.

Б.В. Но пока мы имеем моно-исследователя.

А.О. Да. Но моноисследователь подчинен особенностям познавательного процесса. Этот процесс состоит в имитации, организации и проверке структуры как результата организации.

Б.В. То есть то, что ты говорил про схемообразование.

А.О. Конечно. В основе всего - схемы и их возникновение. И акцентны в рефлексии исследования возникают отсюда.

Б.В. Какие акцентны? На имитационную и иные фазы?

А.О. Конечно. И тогда появятся эмпирическая или феноменальная фаза, теоретическая работа и эксперимент или проверка гипотез. Структура то ведь всегда гипотетична.

Б.В. Понял. Три этапа – классические. И все прозрачно. Это и позволяет тебе остаться в этих различениях?

А.О. Да. Цикл то завершен. Научное знание всегда имеет эти фазы. Другое дело, что далее должна вестись «история» и включение в нее последующих исследователей. Но пока это абстрактные места, задающие целостность сферы науки. Чтобы эти места согласовать, в случае разрывов, появляются согласовательные места.

Б.В. А акт деятельности? Их тут три должно быть?

А.О. Рефлексия-то мыслительна. Поэтому сначала оформляется мышление. И тут возникают фазы – выделение и оформление субъекта мысли (феноменологическая мыследеятельность), оформление предиката, через обобщение феноменального материала (теоретическая мыследеятельность) и оформление проверки на подтверждение и опровержение (эксперимент). На каком-то шаге рефлексивной организации выделяется деятельностный тип организации. И там появляются функции исходного материала, средства, продукта и т.п. Аккуратно можно вводить схему акта деятельности.

Б.В. Тут масса сложностей. И рефлексия, и ее фазы, и мышление, и деятельностные формы и т.п. А как соорганизуются эти места? Что остается системообразующим?

А.О. Как и в *теории восприятия* – результат обладает тремя свойствами: *постоянство* (константность), *структурность* и *предметность* (объектность). Имитационный результат не дает знания. Он быстро меняется и непредсказуем. А обобщенная схема – абстракция – «не меняется» и отождествляется с объектом. Это отождествление проверяется, но после проверки именно схема эта и есть результат.

Б.В. То есть – теория. Это гипотеза, но подтверждаемая в эксперименте. Общий результат – теория. Это и есть системообразующая позиция – теоретическая мыследеятельность?

А.О. Да. Ей отчитывается наука, ее результатом. Это Поппер и рассматривал. Он говорил, что *если теория не подвергается сомнению, то наука стоит*. Даже если феномены накапливаются.

Б.В. То есть, они готовят проблематизацию.

А.О. Если они удачно используются в проблематизации – наука пойдет вперед. Только можно и не дожидаться феноменов и через особые формы мышления проблематизировать. Этим и занимаются в методологии.

Б.В. Твой МРТ в работе теоретика самое главное оружие.

А.О. Это да. Но в чем дело? Теоретик работает с текстами и замечает многие тексты, описаний, одним – конструктивным. Отсюда проблемы логической организации мышления в ходе теоретического конструирования. Я рад тому, что еще в 75-76 гг. понял, что теоретика нужно рассматривать, прежде всего, в работе по замещению как «выпрямлению» хода мысли эмпириков. И опыт работы по МРТ, создание схем, СИ, введение форм логики ВАК – все это свело работу к технологии. Теоретик стал для меня прозрачным. «Для него» я и диссертацию написал. И даже удивлялся тому, почему теоретики не вышли на эти «очевидные» технологии.

Б.В. Какая тут очевидность? Кто так схематизирует и подчиняется логике ВАК? Так что ты сам себе изобрел машину теоретического мышления.

А.О. Вообще-то, все подготовил Гегель. Благо я его уже знал. А Маркс дал образец реализации метода. И я знал Маркса,

очень ценил его. А вот схематизация – тут я и стал все оформлять технически, создавать мыслетехнику.

Б.В. Но ведь ты и Гегеля понял благодаря схематизации, особому конспектированию. Идеи-то его знали все или многие. Возьми Мамардашвили, Щедровицкого, Ильенкова, Зиновьева и т.п. А ведь то, что ты выделил и оформил едва ли есть у кого-то. В чем суть техники в рамках этого метода – в уточнении.

А.О. Последующий предикат уточняет предшествующий. Идея проста. Главное – связать эту техническую идею с *функцией теоретика*. Она состоит в *реконструкции пути становления и развития «объекта»*.

Б.В. Воспроизвести идею. Даже если нет достаточных исторических фиксаций, касающихся переходов от качества к качеству, от уровня к уровню?

А.О. Если я понимаю текст эмпирика, то предикаты подбираю так, чтобы идти вслед за его мыслью, вслед за субъектом мысли. Но это если я всего лишь иду вслед. А при работе с многими материалами, версиями возникает вопрос – кому верить? В замещении я должен иметь один только вариант движения «вперед». И тогда Гегель подсказывает, что надо слушаться сущности. Она одна. Поэтому *она проходит путь без «скитаний», напрямик*. Вот тут и доходим до *логики объекта в его становлении*. Не сам конструктор, как захотел, подбирает следующий предикат, а его видение сущности, двигающейся самой по себе вперед.

Б.В. Тут ты всю диалектику и вводишь. То, что назвал Г.П.Щ. – псевдогенетической логикой?

А.О. Конечно. Отсюда огромная роль схем и их объектного чтения в теоретическом мышлении. Объект развивается «сам». Но под это еще нужно подтянуть мышление теоретика. Чтобы не своевольничал.

Б.В. Тут на каждом шагу очень великие вопросы культуры мышления.

А.О. А как же? Здесь и загвоздка. Так как без свободы мышления, рефлексивного слежения и контроля, коррекции нельзя добраться до логики объекта и сущности. Фактически конструирование объектных схем и стало мне палочкой-

выручалочкой в МРТ. Там я менял свое сознание и весь строй субъективности в мышлении.

Б.В. Правильно я понимаю, что ты потому много говорил о науке и теории, что в программировании у тебя возникает та же дилемма - либо программировать «эмпирически», стихийно, случайно, либо это делать неслучайно от сущности.

А.О. Вот именно! Потому и нужна «априорная форма» конструирования программ, чтобы сама деятельность, ее сущность говорила, что должно быть в содержании программы. *И нормы теоретического мышления перетекают в нормы программирующего мышления. Построил мир деятельности, а затем придал этому статусу нормы.*

Б.В. В отличие от перехода «описание – в предписание» и «от желания – к требованию»?

А.О. Именно так. Программы должны быть объектообразны. В качестве объекта здесь – деятельность. Ее жизнь в развитии.

Б.В. Но в практике нужно учитывать и то, что не соответствует сущности. Или только от сущности зависеть?

А.О. Сначала надо иметь сущностный вариант картины деятельности. А вторично, если это требуется, ухудшать, инвалидизировать, но опять же по правилам, аккуратно.

Б.В. Ты заставляешь программистов сидеть на понимании сущности деятельности. А они в сущности деятельности и методологии плохо разбираются. Еще только копят потенциал.

А.О. Я ведь обсуждаю принципиально, вне истории. Хотя через образование все и надо поправлять. Отсюда, опять же, роль «Азбуки». Это ведь ликбез для всех. По функции. Поэтому надо отрабатывать трансляцию ЯТД.

Б.В. Есть, конечно, управленческое образование. И самих людей, находящихся в организационно-управленческой позиции, тьма. Им-то и нужно учиться программировать так, как ты говоришь. Это будет колоссальный переворот в управлении.

А.О. Это точно. Но главное в том, что «Азбуку» можно давать лишь в пакете с введением, обучением, развитием культуры мышления и рефлексии.

Б.В. Научив сначала методологов.

А.О. Кое-что ведь идет. И работа Г.П.Щ. очень важна. Она подготавливает к нашему этапу. Я стал понимать, что организованность мысли, кажущаяся сначала – миф. Методологи не

прошли фундаментальные шаги в обучении. Они быстро и стихийно летят на высоты мысли. Появляются фигуры мысли, стереотипы. Но подлинных основ чаще всего и не видно. Моя «Азбука» проста ужасно. Но это основы. И тут тренировка нужна масштабная. Фактически становление методологов остается крайне стихийным. Поэтому я пошел по пути создания ММПК.

Б.В. Это, как бы, далеко от практики. А в практике дисциплина мысли тесно связана с позицией организатора. Твоя схема кооперативной единицы об этом и говорит. Программистом по профессии является организатор, управленец. Ему нужна культура мышления в программировании и язык теории деятельности. Ему нужен переход от разъединенности деятельности к кооперативности и системности. Ему нужна рефлексия каждой деятельности и переход к совместимым формам совместного бытия в кооперации. Ему нужна рефлексивная культура.

А.О. Да, ты прав. И вообще надо думать о перестройке всего образования, внося момент организации деятельности как всеобщую основу профессионализма. И тогда у него должно быть искусство множественности ориентированных, фокусированных рефлексий. Все либо организаторы, либо соучастники в реализации и коррекции этой работы. Все должны иметь способность соучастия в кооперационной жизни с любым уровнем, масштабом кооперации.

Б.В. Но тогда тезис уже звучит как «всеобщая методологизация». Так как без методологической подготовки все это невозможно.

А.О. Я согласен. Вот и будем туда вести дело.

Б.В. Это особая революция, почище культурной. Всем овладеть рефлексией, в том числе и исследовательской, критической и нормативной формами мышления. Уметь программировать свою деятельность и свое программирование. Вот уж высоты так высоты. Тогда можно достигать совершенно иной уровень понимания между специалистами всех типов.

А.О. Так обучить, чтобы все необходимое мог сам и обнаруживать, включать в свою самоорганизацию. В его нормах появляется многопозиционные картины и траектории переходов

от позиции к позиции. Множество видений и способов бытия. А далее, должны быть техники самоизменения, самоискусствования, саморазвития. Я с Димой Аврамковым обсуждал путь самометодологизации. Ввел *три слоя*: первоначальное чтение для *понимания* (или, потом, и критики), *рефлексия* хода и *выработки средств рефлексии*. Постепенное появление всех слов задает перспективу разобраться во всем и в себе тоже. Все будет происходить быстрее, если к МРТ добавится еще и «Азбука». Она войдет в дело тогда, когда понадобится. Как и любой словарь.

Б.В. Ты знаешь, парадигмы и такие, какие ты вводишь, предполагают не только уважение, но и любовь к абстракциям. Ты сам показываешь, как надо их любить. Но для это надо еще прийти к такому отношению. Этот ход тоже заложен в «Азбуке»?

А.О. Заложен, если идти систематически. Сначала фокусировки в рефлексии обращены на то, что в функционировании положено. Но схема развития легко кладется как средство конкретизации ее самой. В двух функциях та же схема. И тогда в *рефлексии* рефлексии фокусировки касаются состава рефлексии, в частности – построения знания, затем оценки в критике. Но оценка сама предполагает «средство» оценки. И в исследовательском мышлении эта оппозиция есть – познаваемое, познающее и знание как результат действия познающего. Разбираясь с этим средством мы опознаем, что оно разное на разных уровнях. Популярно различие между *чувственным и рассудочным*. Но последнее – *результат введения «внешнего» средства – языка*. И тут понеслось. Фокусировка на эти средства ведет к фокусировке парадигматической. А тем – абстракции.

Б.В. Вижу путь. Но «Азбука» как бы сидит уже на многом. Готов человек, общество, культура. Остается ввести деятельность. Как тут быть? Твоя парадигма не изначальна?

А.О. Конечно. Это Гегель вводил от «А» до «Я». Поэтому нужна мета-точка знания, философия. И онтология деятельности, по содержанию, лишь ее часть. А вот деятельность должна быть показана также псевдогенетически, как это делали Гегель, Маркс. Нужно показать псевдогенез и норм, программ, методов, технологий.

Б.В. И самое начало с нормами?

А.О. Описание возникает раньше. Остается перевести в функцию предписания. Вначале любое описание перефункционалируется. А предпосылкой выступает преобразовательное устремление, «навязывание» субъективности объекту. Это у Гегеля в учении о воле показано. И фиксированность описания организует стихию устремленности. Описание получает энергию. Предписание – синтез устремления, энергии и содержательности знания. *Но знание из «прошлого» должно помещаться в «будущее».* Это в соответствие с устремленностью.

Б.В. Еще вот что. Мы говорим – план, проект, программа. Можно назвать программу планом реализации? У публики все это не разделено.

А.О. Надо сначала реконструировать употребления терминов и в них выделить отличия, если они есть. Можно реконструировать типы нормативных ситуаций и различить нормы. Если все это не проводить сейчас, то я лишь прикидку сделаю. «Проект» употребляется к мыслительным образам будущего проекта, результата деятельности, выраженному в особых изобразительных, а иногда и «обычных» средствах. Поэтому можно рассмотреть как результат – саму деятельность. Тогда предписание превращается в проект деятельности. «План» проще понимать как нормативное введение цепи промежуточных результатов по критерию «продукта». Деятельность оставляет «следы». Но план можно рассмотреть как цепь процедур, в целом дающих конечный эффект. План – норма этой цепи. «Программа» дает полноту нормативного видения смещенных процессов в рамках целостности деятельности, если брать критерии – схемы «азбуки».

Б.В. Все-таки, проект и программа не очень то отличаются.

А.О. Программа, видимо, ближе к совместной, сложной деятельности относится. А проект – к монодеятельности. Хотя здесь нужны разработки языковые, чтобы не путать. Проще идти от абстракций, а называть – в зависимости от различности.

Б.В. Надо как-то это соединить. Мы ведь с директорами и ведущими специалистами должны вести речь. Им нельзя перегреваться от методологии. Если прямое обучение парадигме,

то легче. Тренинги и т.п. Но неясно, на что они пойдут. Может быть создать методологический сектор в УНЦ.

А.О. Хорошо бы, чтобы можно было гарантированное обучение налаживать. А людей, обучающихся, привлекать к программированию. Постепенно профессионализировать программистов в УНЦ".

***Примечание.** В эти годы В. Бязыров активно использовал свое место в качестве ученого секретаря Совета «Экологическая технология» для внедрения фрагментов методологии, самого методологического подхода. При обсуждении возникающих ситуаций и затруднений мы могли «пробовать» применять средства ЯТД и нашу технику мышления. Для того, чтобы почувствовать характер таких обсуждений приведем тот, который касается организации научных исследований.*

«Б.В. Давай (28.05.1979 г.) обсудим мои дела с помощью твоих средств. Я создавал программу работ по Совету и использовал схему «сфера науки» при создании общей структуры. Устранял детали в содержании схемы. Это нормально?

А.О. В рамках логики ВАК можно усложнять, упрощать фиксированное содержание. Вместе с тем – и схемы. При стратегическом подходе, при ориентирующей прикидке видения целого это упрощение очень важно осуществлять. Должно быть сохранено целое объекта – «науки». Аккуратно – всегда можно, в зависимости от типа задачи. Так же как при использовании приема «фокусировка в целостности». Надо лишь гарантировать возможность возврата в стартовую точку.

Б.В. Я ухожу в начало «истории», а затем последовательно возвращаюсь к сложившемуся или к тому, что имею ввиду как реальное. А так практика, феноменология, теория, эксперимент – выступают как компоненты структуры комплексной научно-исследовательской программы. Отсюда направления организации работ. Теория должна обеспечить преобразование практики.

А.О. Это требует разъяснений. Теория имеет функцию знания. А знание ничего не обеспечивает.

Б.В. Теория помогает?

А.О. Знание теоретического типа, после подтверждения теории как гипотезы в эксперименте, суть отражение. И все. Другое дело кооперация ученого с практиком. Практик решает задачи и ему нужны знания. В том числе и теоретические. Поэтому практике самой себя надо обеспечивать, гарантировать результативность. В этом участвует знание и теоретическое – тоже. Но оно перестает быть «теорией», становится лишь знанием. Ответственность за получение результата уже не у теоретика. Если у практика появляются затруднения, то он сам использует все, в том числе и знания, для преодоления затруднения. У теоретика свои трудности. Он кооперируется с феноменологом и экспериментатором. А в своем монопроцессе он зависим лишь от своего мышления.

Б.В. Ты говорил, что теория – отчетный материал, точнее – продукт от имени сферы науки, а не только теоретической работы.

А.О. Да. Ты смотри на схему. Там введены социотехнические отношения в познании. Это частный вариант той же системы деятельности – схема «социотехнической единицы». В схеме, если ее читать, показан путь, ход «событий». Одно дело в *кооперации*, другое дело в *монодеятельности*. Деятельность умирает в продукте, говорил Гегель. Теория построена – все. Внутри монодеятельности. А вне ее она меняет функцию. Хотя ее природа, абстрактное представление о чем-то, выраженное в тексте, ограничивает произвол перефункционализации.

Б.В. При структурировании разделов КНИП в разделе «практика» мы понимаем «практика управления антропогенным воздействием на среду обитания человека» → взял исходным схематизм «акт деятельности». Могу я так делать? Ведь тут про управление речь.

А.О. Можешь, так как в начале анализа ты всего лишь фиксируешь бытие деятельности, а она в простоте представлена этой схемой. Потом будет мыслительное «опознание» того, что это управленческий тип деятельности. Все равно ведь деятельности. После первого применения схемы можно вводить фокусировки и системогенез. Тогда первые места «заполняются» содержанием схемы акта деятельности. Но уже содержание

звеньев будет конкретизироваться. Так же и относительно схемы развития деятельности. Другое дело, что надо выявлять основания к уточнению. А содержательные основания лежат в самом уточняемом. На этом строится путь *по форме саморазвития*.

Б.В. И тогда получится, что расщепляя первоначальное содержание схем - акта и развития деятельности, мы постепенно доходим до управления антропогенным воздействием и т.п. И у нас теряется само звено управления?

А.О. Нет. Мы, таким образом, его находим в пространстве деятельности.

Б.В. А тогда какую роль играют начальные схемы?

А.О. Роль *средства* построения пространства деятельности, как и схемы фокусированной рефлексии, схемы системогенеза и др. А затем – средства оправдания бытия нужной нам деятельности.

Б.В. Когда мы говорим, что в «практике» человек как бы теряется и на первый план выходят объективные составляющие, то можно ли не рисовать человека?

А.О. В базовых схемах-то он есть. А другие схемы лишь акцентируют на что-то. В схеме «вхождения в деятельность» акцент ставится на прохождение человеком пути в деятельность. Вот он и не "в тени". А в других фокусировках он "в тени". Так что в онтологических схемах про человека нельзя забывать, хотя он в разной степени ведущее начало в акте и в развитии. Но нельзя забывать, что человек в деятельности подчинен бытию целостности – деятельности.

Б.В. То есть, главное – форма, а человек – частная морфология. Так?

А.О. Да. *Человек в деятельности морфология*. Но он и *создатель форм*. Механизмы морфологии и формы – совершенно различны. Но это лишь категориальное противопоставления. А в содержании мысли *одно и другое может менять функции*. Например, человек ввел в рефлексии норму своего бытия и ей подчиняется. *Вводя он не подчинялся, а введя – подчиняется*. В одном случае человек породитель форм и все, что рассматривается как морфология, подчинено форме и создателю форм. В другом случае сам человек – морфология и он подчиняется отошедшей от человека форме. И вообще морфология рас-

смачивается в паре с формой. *Если в морфологии не «видна» нужная форма, то и обработка морфологии бессмысленна. Природа же сама следит за соответствием «формы и материи» по Аристотелю.*

Б.В. Ты дал фактически стратегию работы по проектированию – технолога, инженера. Проектировщик должен изучить морфологию, выявить возможные состояния, долю частей в целом, найти путь прохождения от теперешнего состояния к возможному и должному. Да еще и без потерь или минимума потерь морфологии в переходах. Это и означает разложить представление о том, что есть в месте для исходного материала – в мысли, конечно?

А.О. В этом направлении. Действительно, это стратегия. Ее не легко реализовать. На схеме и в мысли все проще. Надо дополнить еще анализом механизма бытия морфологии и тенденций, прогноза возможных трансформаций в фиксированных условиях. Это уже ближе к экспериментированию, планированию эксперимента и построению модели. А механизм и его изучение сближает с анализом развития. В зависимости от прогноза подбор обстоятельств и средств. Это все – ускоряющие приемы. А также провоцирующие удержание линии изменений в нужном русле.

Б.В. Тут большие трудности в анализе. Должно быть много осмотрительности. Слоев и линий анализа много. И что все это структурирует?

А.О. Онтологическое в анализе. Если я по сущности вижу и объект, и среду, то я могу свободно рассуждать. Я не встречаюсь с "испарением" предшествующих рамок, не будет плавления в неизвестном. *В онтологической картине от любой точки можно пройти к любой и к целому.* Такое мышление крайне необходимо исследователю. И вообще аналитику.

Б.В. А если появился новый материал и приходится заменять части или заменять их, убирать. Картина же измениться!

А.О. Да, конечно. Но после перестройки картины мышление опять очень определенное. Как я и говорил. *А в схеме парадигмы изменений нет.* Их читать – тоже надо научиться. А в синтезе, в синтагматике, в синтетических схемах, в их соединении тоже надо хотя бы на мгновение, сделать мир неизмен-

ным по составу схемы и образа, чтобы уверенно «ходить» по миру. Как карта. Он есть и можно решать задачи – куда и когда пойти.

Б.В. Так же как читать промежуточные расстояния материала в переходе к продукту?

А.О. Конечно. В зависимости от воздействий могут быть разные траектории переходов. Но это уже увеличение зоны просмотра.

Б.В. А естественная динамика! Она непредсказуема. Как тогда читать схемы, оживляя их?

А.О. Это зависит от цепи отношений и от механизма бытия большой целостности, а также сферы. Все зависит от того, как ты «нарисуешь» мир, вздохнув жизнь.

Б.В. А при соотношении схем эмпирических и теоретических? Особенно, когда мы еще и не можем зафиксировать то, что «мелькает» перед глазами.

А.О. Если все плывет перед глазами, то мышление не получится. Структуралисты в мышлении – Дункер, Вертхаймер и др., не случайно шли от структуры к структуре. Переходимость, *пльвучесть в мышлении должна быть контролируемой. Схематизация – могучее оружие организации мысли.* Другое дело, что то, что мы схематизируем, должно быть рядом. Пусть оно плывет. Это еще до мышления. Подготовка к мышлению.

Б.В. А тот же Гегель. Там же движение, преобразование, развитие и т.п.!

А.О. Там за этими «телами» дается «душа» – формы, по которым идет эти процессы. Надо отделять мышление как «движение» содержания. Отсюда иллюзии не владения им. Так и «состояния» форм. В мышлении все движется только по иллюзии. Мы движемся, отбирая то, в чем надо двигаться. А если что-то не учли, то это будет источником проблематизации. В работе по МРТ все так и построено. Поэтому в такой работе возникают все вопросы классической логики, философии, языкознания и т.п. А как только перестал вести организованную линию в мышлении – все смешивается, и опять далеко от культуры. Схемное в аналитики плохо рефлектируется и теряется. И тогда аналитик легко уходит в мистификации.

Б.В. А почему математики такие догматики? Они много обсуждают свои мыслительные ходы.

А.О. Слава! Ты встречал математиков, которые рефлектируют свое мышление? Или все же они анализируют идеальные объекты, их перемещение, синтезирования, соблюдение правил и т.п.

Б.В. Здесь где-то грань, когда рефлексия упрощается в содержании. Действительно, они видят многое в мышлении, но не видят мышления.

А.О. А также и инженеры, и управленцы. Да и кто угодно. Как не просто войти в рефлексии своего мышления. Поэтому методологов мало. Я с философами общался. Уж им то карты в руки! А ведь нет. Вот Генрих Батищев – отличный философ, а мимо рефлексии идет.

Б.В. Я теперь обращаю внимание на другое. Вот мы говорили: "внимание на морфологию". А средство? Категория «морфология» легко накладывается на материал. А средство? Вроде бы тоже можно.

А.О. Если функция средств опознана и есть функциональное место для средства в деятельности или мышлении, то любое может быть введено на это место. Тогда да. Но если так, то морфология будет расходиться с функцией средства. На неудобстве этого несоответствия и возникает производство, а не подбор средств. Однако это нужно еще ввести. Функция должна появиться.

Б.В. И что за функция? Как она появляется?

А.О. Все эти разговоры осмыслены лишь в отнесении к мышлению. Мыслительно мы должны «пойти вместе» с объектом и дойти до потребности в чем-то. Это и есть морфология функции. Нужда в чем-то. Тогда что-то и рассматривается применительно к его значимости «для другого». И «другое» сначала появляется как зов внутри исходного объекта. Этот зов дает содержательность требованию к наличию чего-то. В психологии говорят - «предмет потребности». Он сначала появляется как потребностное состояние, желание того, что нужно. Содержание уже готово. Но содержание «требуемое». А когда находится предмет, то его оценивают исходя из этого «требования». Если соответствует, то рассматривают как предмет

потребности. Говорит, как бы, что этот предмет уже не должен жить как хочет. Он должен жить «для меня». И затем под это требование реальный предмет может потерять свою свободу. Иначе говоря, *функция – это требование прежней целостности (деятельность, система деятельности и т.п.), обращенное вовне. В нем задается абстрактный образ того, что может удовлетворить требование. В функции закладывается способ бытия иного.*

Б.В. И это применяю к средству?

А.О. Да, конечно. Нужно рассмотреть процесс бытия исходного материала в его преобразовании под цель и выявить зов к такому внешнему иному, которое устранил случайность преобразование и подведет под цель. И сначала это иное ищется в логике Е-бытия. А потом оказывается, что как морфология это иное бесполезное. Оно не преодолевает случайность. И тогда появляется «заказ» на такое иное, которое бы эти минусы нейтрализовало. Таким образом доходят до требования неизменности иного по его натуре и перевода изменяемости в употреблении. Так дорастаем до функции средств.

Б.В. А человек туда же может подойти.

А.О. Если он станет сосредоточенным в неизменяемое внутри и изменяемое, употребляемое извне. И либо им пользуются как средством, либо он ухитряется совмещать функции деятеля и средства.

Б.В. Но чтобы было это и иное средство нужны иные, новые средства, еще более средственные, неслучайные.

А.О. Да. Путь средств – путь быстрого взлета качеств. Чтобы пользоваться обычным языком как системой средств и его совершенствовать нужен метаязык, логика и т.п. Чтобы произвести лопату нужен станок и т.п. В проектировании деятельности, в программировании нужны все более надежные средства. А их произвести можно либо случайно, либо с помощью мощных средств ЯТД. Вот я и занимаюсь этим.

Б.В. Пока можно остановиться. Кое-что стало яснее».

Примечание. В те времена основным звеном всей методологической техники работы в ММК было конструирование систем деятельности. Они еще назывались кооперативными системами деятельности.

Способ конструирования обсуждался с различных сторон. Поэтому естественным было размышление о стереотипизации процедуры и о полноте охвата «реальных систем». Приведем пример подобных размышлений.

«А.О. Начнем (01.06.1979 г.). Анализ социальных и социотехнических систем остается важным направлением работы в методологии. Я хочу отметить, что возникают типовые вопросы о «клеточке» анализа, о технике перехода от нее к большим системам. В «Азбуке» главная система в функции клеточки – схема «организации совместной деятельности». В схеме три позиции и места для деятельностей. Два относимы к распределенной деятельности и они расположены как «базовые», а третья – подстрочная, реализующая функцию соорганизации при наличии рассогласованности.

Б.В. А распределенная деятельность или кооперация в базе должна иметь продукт от целостности. Следовательно, должна быть цель и целеполагание.

А.О. Конечно. Я рассматриваю трехпозиционную схему как выведенную из двойной схемы – акта и развития. Разделение на части – результат рефлексии и восстановления деятельности при расчленении, результат преодоления разрыва. Так как была норма и, следовательно, цель монодеятельности, то она остается. Но снятие разрыва организационного типа – тоже частное направление. Оно завершаемо тогда, когда в рефлексии выделяется целеопределение как часть нормирования и превращается в отдельную, четвертую позицию. Организационная позиция ведет к технологичности, проектности и т.п., а целеполагание – внетехнологично. На основе целеполагания появляется и целостное отношение и даже позиция. Но пока усложнять в эту сторону не будем.

Б.В. А целеполагание связано с развитием?

А.О. Изменение здесь очевидно. А развитие? Что такое *развитие*? Это же *качественный переход*. То есть *изменение основания или формы «в – себе бытия»*. Для нового содержания основания старая цель может быть частным событием. И со-

храняться. Главное – механизм бытия деятельности. А он уже конкретизируется и до цели.

Б.В. Функционирование и развитие. Ты говоришь о том, что изменив функционирование по механизму можно оставить прежние цели. Какова функция развития?

А.О. Изменение деятельности через посредство рефлексии и последующего снабжения, контроля, коррекции, сначала предназначено для возврата в функционирование. Но без разрыва. А вот потом может быть перефокусировка значимости на изменяемость.

Б.В. Это как изобретательство? Изобретать и изобретать.

А.О. Да, инновационная значимость и установка. В ней зарождается и методология, сидящая на механизме изменяемости.

Б.В. Ну, да. Проектирование и проектирование. Вперед и вперед. И некогда остановиться. Так?

А.О. Да. В этом то, что Гегель называл диалектическим в мышлении. Абстракция отрицается духом. Отрицается и новая абстракция. Дурная бесконечность.

Б.В. И тогда вопит практик! Когда ему работать, если все меняется инноватором или методологом.

А.О. Вот и цена «бесконечного прогресса». Отсутствие мудрости и меры. Я думаю, что это хорошая иллюстрация двух типов проектов: в *функционировании – зстой*, в *изменяемости –* постоянная разруха. Но методология изменяемость переводит в развитие. Смену оснований и механизма. Однако после этого надо вернуться «на землю». Две схемы нужно согласовать: *консервация и расконсервация*.

Б.В. И функционирование не должно развиваться?

А.О. Развитие здесь подчинено успешности функционирования. И это практическое отношение.

Б.В. А в науке без проблематизации нет движения. И тогда?

А.О. В науке функционирование подчинено развитию. Например, эксперимент. Похож на практику, но предназначен для подтверждения или опровержения новой теории.

Б.В. Я правильно понимаю, что при фокусировке на позицию организатора усиливается расконсервация, а при фокусировке на позиции «практиков», целедостигателей – усиливается консервация?

А.О. Конечно. Все тут уже потенциально подогревается. А целеполагание идет вслед за расконсервацией. Иначе оно лишь поддерживает цель. Соответственно и объемы рефлексии у позиций разные.

Б.В. Ты предполагаешь «привешивание» к позициям своих рефлексий?

А.О. Да. При автономизации появляется свое рефлексивное обеспечение. Для реагирования на «свои» разрывы. Другое дело разрывы, разъединяющие части и мешающие получению единого продукта. Тут уже организационная позиция нужна. А она имеет свои обязанности и бытие, соответствующее им. И свою сопровождающую рефлексю. Она также как любая «сопровождающая» рефлексия консервирует, укрепляет воспроизводство деятельности. Иное дело, когда разрывы перестают быть ситуационными и превращаются в принципиальные.

Б.В. А что принципиального в позиции согласователя?

А.О. Во-первых, это *рефлексивный* тип базового процесса. Поэтому рост качества связан с механизмами рефлексии, мышления, субъективности и т.п.

Б.В. Но ведь и базовые позиции могут быть по содержанию рефлексивные!

А.О. Конечно. Но тогда будет похожее и развитие. Деятельность же *имеет базой не рефлексю, а преобразование «натурь»*. И вторично выходит на дух, субъективность, мышление.

Б.В. То есть, это фундаментальное положение о материальности «производства» как исходном в мире деятельности?

А.О. Да. Отсюда и простота схемы акта деятельности. Если начать с иного, то запутаться легко. Ведь Маркс действительно подготовил все для теории деятельности. Если Аристотель, Плотин и т.п. говорили о деятельности, то они брали эпизоды, хотя тоже близкие к рассуждению Маркса. Но именно Маркс рассмотрел уже всю план-карту деятельностного устройства экономического общества. Базис и надстройки. И это все прямо по схеме системогенеза. Главное – регулярная форма анализа.

Б.В. Ты имеешь ввиду то, что любая позиция может обрести типовым набором деятельностей?

А.О. Конечно. Каждая монодеятельность проходит тот же путь и становится расчлененной, а ее обслуживает надстройка из организационной и целевой позиции.

Б.В. Свои цели, программы, технологии.

А.О. Да. Свое снабжение, контроль, коррекции.

Б.В. В этом регулярность в конструировании пространств деятельности? Красиво. Крайне просто, Если понять изначальную схему по трем позициям.

А.О. Если понять базовые схемы – акта и рефлексии, развития деятельности, а затем – системогенеза и фокусированной рефлексии. Может быть, система деятельности по целеполаганию.

Б.В. А по ценностным основаниям? Так же?

А.О. Да. Если дойти.

Б.В. И тогда целеполагание разделяется на цели функционирования и развития. Изнутри?

А.О. Все зависит от онтологической интриги, от траектории мысли. Может быть, лишь подхватывание целеполаганий в частях и оформление их. Кстати, в силу различия направленностей целеполаганий они могут противостоять друг другу. Их тянут противопоставленные базовые и надстроечные позиции.

Б.В. Исповедывать сразу различные ценности нельзя. Вредно для деятельности.

А.О. Если говорить не о потенциальном, а об актуальном. В парадигме есть все и различное. Но она потенциальна. В синтагматике же все совмещено и там должна быть соподчиненность и выбор – «что главное?». Каждая линия может иметь свое частное эгоцентрическое развитие. Но при возврате в иерархию, в соподчинение. Не доказал соподчиненность и все – коррекция. В том числе и уменьшение самостоятельности и себяцентризма.

Б.В. Я думаю, что и "сыр-бор" возникает тогда, когда разнонаправленные позиции сидят на одной морфологии.

А.О. Верно. Так же как споры при одном и ограниченном ресурсе в экономических системах.

Б.В. Но борьба предполагает уже коммуникацию и общение субъективных носителей.

А.О. Конечно. И тут включаются содержания из схем коммуникации. Всегда находится автор и оппонент. А затем и организатор взаимодействия.

Б.В. То есть в мышлении что-то похожее на схему, с которой мы начинали.

А.О. Да, конечно. Типы функций похожи. Но в коммуникации своя содержательность, свои функциональные членения, своя сущность. И она подстраивает под себя ход процессов.

Б.В. А как сохраняется деятельностная основа? Или коммуникация размывает ее?

А.О. Потенциал размывания конечно есть. И необходимость возвращать мыслекоммуникативные процессы, их ход развертывания в прежние рамки деятельности.

Б.В. А если мыслекоммуникантов уже не удержать?

А.О. Тогда развал деятельности. Ведь мыслекоммуникация не сама по себе, а реализует внешнюю функцию. Она суть здесь морфология для функционального места.

Б.В. Как и сами люди, коммуниканты. С их причудами.

А.О. Верно. Но как и все морфологии они имеют свое, свои сущности. И в них, если там есть предпосылки, может воюги деятельностная сущность. Через коммуникантов, которые замештвуют деятельностные различения и через свою рефлексию подстроят ход первичных процессов.

Б.В. Ты говоришь, что они могут иметь свои цели, задачи, средства, исходный материал?

А.О. Да. Они могут внести форму деятельности в свои процессы. Этим путем появляется мыследеятельность.

Б.В. Это тонко. Нужно быть внимательным. А с точки зрения техники мысли?

А.О. Очень просто. Мы вносим схемы акта деятельности и развития деятельности через рефлексию как уточняющие предикаты.

Б.В. А не наломаешь дров, не придадим ли искусственность деятельному бытию коммуникации?

А.О. По логике **ВАК** уточняющий предикат может быть использован лишь при его приемлемости со стороны уточняемого предиката. В последнем (уточняемом предикате) должна

быть возможность подстраиваться под критерии вводимые извне.

Б.В. То есть, как и в проектировании. Не выявив потенциально возможного состояния нельзя создавать условия перевода состояния туда. Так?

А.О. Именно. Гегель был очень мудр в своем методе. Он говорил о развитии как саморазвитии. В свою очередь Г.П.Щ. говорит об организованности. А в ней морфология соответствует функциональной форме, следовательно, прошла путь приведения себя в соответствие и это *возможное* ставшее *действительным*.

Б.В. Смотри. Мы получили две линии расщеплений и структурирования. Две системы – исполнительской и организационно-управленческой. Ведь так?

А.О. Ты прав. У них своя автономизация и может быть свое снабжение и рефлексия. При этом они на макро уровне согласованы.

Б.В. Возникло два социума. Внутри каждого нет уже противопоставления организационной позиции и целеполагания.

А.О. Вплоть до оформления ценностей. И тогда можно говорить, если уже именно о социуме говорить, есть макросоциум и микросоциумы. Их воспроизводство зависит от помещенности людей в соответствующие места. Однако если целеполагание идет от потребностей и, более высоко, от ценностей, то организация идет к техническим формам. Макросоциум предполагает свое целеполагание и организацию. Поэтому либо «кто-то» из участников совмещает объемы микро и макро, либо выделяются собственно макро-целеполагатели и организаторы.

Б.В. И тогда возникает организационно-управленческая иерархия. Кстати, что ты имел ввиду, говоря о технологиях?

А.О. То, что речь не идет о ценностях, так как они уже заданы. Нужно создавать форму деятельности, операции средства и т.п. Возьми беседы, дискуссии. Если возникла технологическая ориентация, то все идет мило. Находя ошибки друг у друга никто не злорадствует, а тот, у кого они найдены, радуется, что получится более совершенная мысль. Если же ценность целевая, то сами цели могут смешаться и основания целей мо-

гут быть любыми. И все зависит от типа личностных качеств, от культуры участника дискуссии и т.п.

Б.В. Лучше иметь фиксированные цели и согласование в их изменениях, договоренность о коррекции и т.п.

А.О. Обрати внимание. Ты ведешь опять в сторону организации и технологизации. Чем хороша работа в ММК? Тем, что методологи не только устремляются в проблематизацию, в полемики, но и в формы, технологии, культуру этих процессов. В этом большая польза.

Б.В. Это плюс. А минус – запутанность и проявление уточненного эгоцентризма.

А.О. Здесь источник борьбы. При технологизации и рефлексивной культуре борьба растворяется. Хотя, как это часто говорил Г.П.Щ., он борется за включенность в культуру. При нарушениях внутренней для ММК культуры он набрасывается. Например, на Розина, Генисаретского и т.п. Если позиция целеполагания колеблется, неустойчива, то снижается устойчивость и на микро и макро уровне социумов.

Б.В. А борющиеся микросоциумы создают нормальный макросоциум?

А.О. Думаю, что нет. Ведь *целостность предполагает распространение признаков целостности на части*. Конечно, с учетом частей, т.е. не формалистично. Борьба всегда ведет к уничтожению. Чтобы придать динамизм частям и целому вводятся механизмы проблематизации. А это уже не борьба. Метафорически можно говорить, но не по сути.

Б.В. Но ведь реально борьба то там, то тут возникает. И она часто позитивна. Устраняет преграды к прогрессу.

А.О. Это не столько борьба уже, а коррекция, хотя и похожая на борьбу. У всего свои функции или «идеи» по Платону, Лейбницу. Борьба связана с противостоянием, противодействием. Но она определяется установкой на преодоление сопротивления противостоящей стороны. Если преодоление «само по себе», то это уничтожение. А если это лишь сервис для решения задач – то это лишь корректирующая трансформация. Ну, как наказание. Клаузевиц ведь говорил, что война – сервис политики. Иначе она – уничтожение. А подчиненность политике ведет к сохранению имущества «врага». И даже самого врага,

потерявшего потенциал сопротивления. Китайцы еще мудрее, Сунь-Цзы, например. Если есть возможность обмануть, чтобы не драться, но победить, то этот путь предпочтительнее. Я люблю Клаузевица, глубокий автор. Но возвратимся уже к социуму. При различии целей, а тем более – ценностей, легко возникает уход от согласованного или согласования. И тогда макро-организатор вынужден корректировать. Санкциональность. Не получается убедить, то наказание. Социум удерживает свою целостность. И могут быть варианты.

Б.В. А откуда эти позиции берутся? Из истории или иначе?

А.О. Возьми фокусированность в рефлексии. Если организатор вводит проект совместной деятельности, то он дополняет рефлексией снабжением, контролем. Контроль фиксирует расхождение, если оно возникает, между нормой и реальным процессом. И тогда цикл завершается коррекцией. Все по схеме. Вот и начало карающей истории. А схема становления организованности! Морфология может не вписываться в форму и это сущность морфологии. И форма может не соответствовать морфологии. Все это повторяется в коммуникативной схеме, когда "раздрай" между автором и критиком не удается снять. Возникает позиция организатора, а вместе с ней и «санкции», коррекции. А схема вхождение в деятельность! Если не понял, не принял – то не будет соответствовать требованию, даже если есть способности. И т.п.

Б.В. То есть ты применил все эти схемы «Азбуки» и дошел до социологии и психологии?

А.О. Да. И очень строго, по-шажно. Надо только контролировать шаги проблематизации и депроблематизации, в зависимости от цели и задачи.

Б.В. И так доходишь до власти, до демиурга и т.п. И можно обращаться к истории? К описанию социосистем?

А.О. Да, до власти, типов властей. Я в 66-67 гг. читал про государство, политику у философов. И очень интересно было. А потом этику у ряда философов. Хотел четко реконструировать. Вот сейчас вижу эту возможность».

Примечание. Большой интерес в то время мы проявляли к линии становления, развития деятельности. Хотелось все рассмотреть по возможности детально

и в средствах «Азбуки». Приведем пример размышлений по этой теме.

А.О. Начнем? (15.06.1979г.). Рассмотрим становление и развитие деятельности. Сначала становление. Это предполагает оперирование схемой акта деятельности. Содержание его разнородно. Оно состоит из субъективной и объективной частей.

Б.В. Действительно, оно разнообразно. При попытке разложения этой схемы на проекции я заметил, что мне сложно соотносить момент, на чем я фиксирую акцент и через который я смотрю на СИ со всем остальным содержанием.

А.О. Эта процедура важна. Вот есть схема. Ее надо объективировать. Либо это удастся, либо не удастся. Если удастся, то «акт» деятельности мы видим и тогда фокусировка – сведение целостности до части. Желаемой. А если не удастся, то опора на части схемы. Берем ту, на которую глаз устремился. Какая разница? И оживляем. Тогда фокусировка сводится к целостному оживлению части. Но это уже не та фокусировка. А оживив эту часть надо начинать оживление всех остальных и вплоть до всего.

Б.В. То есть фокусировка всегда начинается от целого и идет к части. Как бы надевается шторка на иные части?

А.О. Нет. Иначе опять потеря целого. *Сосредоточение на части не устраняет связи с целым.* И особый вариант состоит в переходе от акцентировки как сосредоточения на части к акцентировке как рассмотрения всего с точки зрения части, т.е. создание «проекции» целого.

Б.В. Для этого надо хорошо видеть. То есть быстро переходить от восприятия схемы, ее части к объекту и жить в нем. А, с другой стороны, хорошо двигаться в объекте в зависимости от задачи.

А.О. Да, правильно Слава. Тут целая сумма процессов. Нужна культура схематическая, а затем и мыслительная. Семиотическая культура – вначале всего. И только все это уже имея мы неслучайно видим и неслучайно движем свое внимание, решая задачу. Например, смотрим на исходный материал. Главное в нем то состояние, в котором эта «вещь» находится. Но мы же не пойдем исходного материала, если не свяжем его с осталь-

ным. С переходом в иное состояние, с условиями перехода, со средством, с умыслом деятеля и т.п.

Б.В. То есть, мыслью мы должны проходить путь от этого компонента ко всему, поочередно и знать, что этот компонент ценен лишь при наличии этих отношений. Так?

А.О. Да, так. Вне соотнесенности эта часть перестает быть частью «акта». Вот, например. Заготовка – это вещь сам по себе. И может гнить и дальше, ржаветь. Но тогда она уже и не нужна для деятельности.

Б.В. То есть, она должна быть в напряжении, готовности к включению в отношения? В этом проекционность?

А.О. Да, по содержанию. А по форме – включенность в схемное высказывание, готовность показать это и реализовать.

Б.В. Это требования к мыслителю.

А.О. Да, точно. Это мышление должно быть способным к оживлению, решению задач и т.п. Вот идет процесс. Состояние меняется. Откуда источник процесса? Акцент смещается на другое. На средство или на механизм исходного материала. Это событие или вынужденное бытие у «вещи»? Мы размышляем. Если вынужденное бытие – то тогда что это за средство такое? С чего оно стало таким воздействующим? И уже размышление о средстве, его природе. Но оказывается, что средство не подлинная причина. Средство могло быть «пассивным» сколько угодно. И оно не живет «своей» жизнью. Тогда деятель. Вот он захотел и все! И стал применять средство. И вопросы уже к деятелю. Это что, такова жизнь человека? А какова она? И выявление того, что человек тоже не свободен. Не в нем суть дела. Он свободен вне деятельности. А суть всего – содержание нормы. И ее требовательный статус. Но тогда не при чем и человек, и средство? Нет, причем. Если нет того и другого, то нет деятельности. Они нужны. Но в пределах требований нормы. И тут и все выясняется.

Б.В. Ты тут цепочку причин и следствий выстроил. Каузальная цепь. Очень интересно! Надо так и научиться мыслить. Это – чтение схем? Культура чтения. И тогда, если мы фокусируем внимание на части схемы, оживляем ее, то мы должны учесть эти каузальные переходы?

А.О. Именно.

Б.В. Переходы одни и те же, в сумме. А акцентов много.

А.О. Вот все вместе и есть онтологема. А акцентировки, это уход в мыслительные задачи.

Б.В. В основе всего – онтологическая работа и культура онтологического мышления. Ведь так?

А.О. Да. Пока нет онтологемы – все сыпется, все – временно. Мышление – невозможно. Вот в МРТ. Если я не выстраиваю в СИ онтологему, объектное представление, всеобщее, структурное, однозначное, мне автор не виден.

Б.В. То есть, без этих СИ ты не решаешь задачи на понимание?

А.О. Да. И кригики. Теперь. Мы выбираем «исходный материал» в схеме почему?

Б.В. Потому что он и становится продуктом.

А.О. Потому, что *переход от материала к продукту задает целостность акта деятельности*. И эта *целостность дана двояко – в норме и в «реальности»*, реализации.

Б.В. Начиная от цели.

А.О. Да. И если говорить уже познанным деятельности, тогда началом служит цель. Потом вся норма, потом реализация нормы. И тут мы доходим до исходного материала.

Б.В. То есть, мы сначала стихийно взяли за материал, а потом уже организованно.

А.О. От имени процессов деятельности и обыденным образом. Что под руку попадет! Сначала создается форма, а затем подтягивается морфология.

Б.В. Мне кажется, что анализ всех категорий деятельности затруднен из-за того, что мы формно не мыслим. Мы приучились все видеть морфологически. Созерцаем натуру. А функции не созерцаемы.

А.О. Вот именно, Слава. Так же как не видны в исследованиях идеальные объекты. Они могут лишь мыслиться. Также и формы процессов, функции частей акта деятельности. Функция средства, например.

Б.В. Мы замечаем, безусловно, что «нечто» имеется. Что оно как-то вовлекается во взаимодействие. И говорим, без особого осознания, что это «средство». Но видим-то мы морфологию средства.

А.О. То есть видим внешнюю проявленность средства, даже если это молоток, станок. Сущность скрыта и фиксируется как результат умозаключения. Вся философия, в ее глубоких образцах, про это писала. Так же как мы *видим явления, но не видим законов*. Не видим сущностное всего, природы, общества и т.п.

Б.В. Такой подход практики оценивают как «болтовня», нечто неясное, непонятное.

А.О. Кстати, это все особым образом можно увидеть и в психологии мышления. Особенно – у структуралистов. Ведь понимая исходные условия, говорят они, мы постепенно структурируем содержание. А что означает, что можно анализировать функции частей, их "предназначение" для соседей и, косвенно, для всего. Находим эти функции и тогда ответ на вопрос выявляется и легко.

Б.В. Вот и здесь. Если мы заметим функции средства, материала, человека и т.п., то можем увидеть сущность их в структуре и вычислять ход событий. Ведь так?

А.О. Да. Структурно-функциональный анализ в рамках онтологии. Тут полезны наши предшественники. Типа Прокла.

Б.В. Таким же образом и система отношений не сразу видна. На схеме то есть линии связи или их нет. А при онтологизации еще нужно узнать, выявить отношения и связи, но в мышлении.

А.О. Да, в объектном мышлении. С сопровождающей рефлексией. Только в результате прохождения этого пути появляется сущностно - значимое видение деятельности. Здесь пока – «акта» деятельности.

Б.В. Можно еще так сказать, что мы имеем в деятельности *особую связность двух типов детерминации – морфологической и функциональной*.

А.О. Эти типы детерминации разделяются при несоответствии морфологии требованиям формы. А так детерминация «организованная».

Б.В. На деле тут требуется крайне изошренное мышление.

А.О. А как же! Я это ощутил частично еще в 71 г., а более серьезно, с 1974 г. Кстати, о средстве. Ведь средство, если его позицию занять и от его имени мыслить, живет как бы «сам по себе». Оно отсоединено от обычных отношений. Не разобрав-

шись со средством мы не поймем бытия культуры. В ММК много о культуре говорят. Но все это пока лишь предварительные характеристики. Мне проще. Я работаю со схемами. Это мой средственный полигон. И я могу с ними проходить путь. Что значит быть существующим «в-себе»? Это максимально и представлено средствами. Они могут бесконечно жить, так как откреплены от суеты. А что для этих средств материал? Как место для демонстрации силы средства. И Гегель хорошо писал про сущность средств. Надо его читать отцам и сынам ММК. А что для средства сам деятель? Как энергоинформационный побудитель, но и как хранитель «в-себе бытия» средства. В этом сохранении человек готов подстраиваться под возможности средства, обеспечивая ему демонстрацию силы средства. Но средство находит свое место в реализации нормы, в порождении продукта вопреки сопротивлению исходного материала.

Б.В. В общем надо предполагать несколько проекционных хождений мысли, под каждую часть схемы, а потом еще и совмещение проекций в онтологеме. Получается много содержания.

А.О. Вот именно. Сколько всего узнаешь про части и целое деятельности. Здесь работает не традиционная логика. И введение схем «Азбуки» подстегивает переход к такому мышлению, к различным типам синтагматического синтезирования. Все сказанное усложняется на порядок, когда мы развертываем единицы деятельности, «акты», устанавливаем кооперативные отношения. А в них *один и тот же компонент в одном акте становится живущим иначе*. В иной функции в другом акте. Так средство превращается в материал, человек – в средство, продукт – в средство и т.п. Надо обладать такой тщательностью мышления, чтобы не перепутать месторасположение чего-то и не упустить содержательности. А тут еще и линия самого анализа, в зависимости от того, что нас интересует.

Б.В. Чего стоит только слежение за передвижениями деятеля, человека из одного места в другое!

А.О. Я уж не говорю о том, что мы себя еще куда-то должны положить. А потому еще построить пространство для этого.

Б.В. А хотя бы тот же предикат. Он в схеме акта мысли свои функции меняет. А уж в схеме логики ВАК – тем более.

А.О. Конечно. Он – средство и как бы отчужден от объекта мысли. Не имеет содержательности. Для его бессодержательности его «выражают» знаком, символом. Полное омертвление. А затем оживление. Формальное содержание вводится, в словаре, отдельно от других. А потом это формальное содержание превращается в «содержательное» содержание за счет установления «тождества» с субъектом мысли. А если субъект «сопротивляется», то предикат вновь возвращают в формальную содержательность и даже в бессодержательность. Для перекройки содержания, формального.

Б.В. У меня рябит в глазах! Ты лихо въезжаешь в философские интерпретации, а предполагается резкое приподняtie над реальной ситуацией мышления.

А.О. Слава! Если я продвигаю свое сознание к сущности и соответствующему комментированию, то это значит, что я продвигаюсь к «реальности». Мы же поняли, что *не созерцаемое реально, а наполненное сущностью, хотя и проявляющееся.*

Б.В. Ты еще раз отмечаешь, что методолог должен иметь свободу в философском мышлении. Так как без этого теряется глубина?

А.О. Так как только тогда не теряется содержательность деятельности и мышления как культурных и социокультурных феноменов. Гегель все время говорил – дух, дух. *Ищите дух, лежащий в основе материи.* И это в методологии, слава Богу, как-то сохраняется.

Б.В. Тяжелая ноша у методолога! Вот хотя бы твои квадранты в схеме акта мысли. В них содержание уже лежит еще до наличия предикатов. Ведь так?

А.О. Вот именно. Это как «чистое бытие» у Гегеля, имеющее содержательную определенность «ничто». Это не нуль, а содержание, но абстрактное. Функционально-мыслительное.

Б.В. Как и в твоих пространственно - деятельностных схемах?

А.О. Такого же типа.

Б.В. Кстати. Ведь и норма – это про деятельность. И там все составляющие. В том числе и про норму? Чистое видение деятельности как реализацию нормы. Как это все понять?

А.О. Главное, не умножать формально сущности. В норме запись отношений и субстанциональных характеристик всех составляющих, но запись требующая. Требования к «ресурсам» и ресурсным, морфологически существующим составляющим. И морфология разная – материала, средства, человека и т.п. Тут действует принцип параллелизма – форма и морфология, а также подчиненности морфологии форме. Норма не предъявляет требования к норме же.

Б.В. А если у нормы есть более абстрактный заместитель?

А.О. Это другое дело. Если у *проекта есть более абстрактный дубликат – метод*, то должна быть позиция иного деятеля, методиста, который конкретизирует метод и у него проект – продукт конкретизации. И это он делает по норме.

Б.В. Да, но по мыслительной норме, логической.

А.О. Конечно, в основе – логическая норма, логики ВАК. А еще и деятельностная, так как методист включен в деятельностную кооперацию.

Б.В. Тут новые сложности, касающиеся типов норм и вообще соотношения деятельности и мышления. В деятельности нормируется преобразование со всеми факторами. А в мышлении нормируется что? Сознание, оперирование знаками и т.п.?

А.О. Действительно. Деятельность как феномен изучается с опорой на то, что Маркс называл «Материальным производом». Здесь все очевидно, модельно и эту простую форму накладывают на все иные формы деятельности. Также как с товарным обменом. Чтобы выявить всеобщую сущность рынка, рыночного целого, общества в экономической стихии. Здесь – всеобщее деятельности усматривают в преобразовании вещей под цель. А в мышлении что может быть подобным? Смена образа, ассоциативный переход, структурирование образов – в сознании? Или иное? Гегель дал всю панораму развития духа и ответил на эти вопросы. Практический дух связан с навязыванием субъективности в объективном мире, а теоретический дух – с «навязыванием» объективности в субъективном мире. *Воля – практическое бытие духа*. Отсюда и преобразовательность, деятельность. Но не простое самовыражение вовне, а под фиксированный замысел. А мышление – не преобразовательное отношение, а «отражательное» Следователь-

но, построение замещения внешнего. Но все равно это проявление внутреннего. Оно себя ставит «вместо» внешнего. Отсюда все формы замещения. И в восприятии, и в суждении. Но в суждении все раскрывается. Оно и становится «клеткой» анализа мышления. В нем исходным процессом становится сопоставление, «внешнего» (субъект) и «внутреннего» (предикат). А от этого и пошли типы умозаключений. Либо субъект «подчиняется», подводится под предикат, либо наоборот. И отсюда либо понимание, либо критика и т.п. И нормы, естественно, здесь иначе, чем в деятельности.

Б.В. Норма в деятельности и мышлении не процессуальна. В то же время они предполагают и вызывают процессы. Как это лучше понять?

А.О. *Сущность нормы в предписанности* того, что она вызывает или оформляет. Но вторично она имеет содержание, «временное» проявление сущности и зависимое от того, что она предопределяет. Это особенность функции и функциональных структур. Они предельно потенциальны и потому «вечны», как идеи Платона или монады Лейбница. Это абстрактная сила. И она довлеет над реальностью «материей». Но жизнь невозможна лишь в функциональности. Гегель говорил о *самостоятельности духа*. Но он не может не проявляться. И это создает напряжение потребности, в случае живых существ. Норма, в отличие от функции, ближе к жизни, но имеет ту же основу. Она имеет бытие сама по себе, но устремлена к реализации и создает напряжение. Так как норма является изделием конкретного нормировщика, а он – включен рефлексивно в жизнь, то он и передает напряжение жизни норме, и из своей потенциальности она устремляется в актуализацию, в реализацию, к миру морфологическому.

Б.В. Норма живет, как говорит Г.П.Щ., в знаковых формах и потому не зависит от различных обстоятельств. Тексты могут лежать сколько угодно.

А.О. Норма может быть внесена и в морфологическое, в натуру средства, например. Мы не только создаем средства, но и сопровождаем их введением правил их использования.

Б.В. Я, правда, могу взять и переопределить правила.

А.О. Конечно. Но в рамках возможностей средства. Иначе – формализм и расстыковка.

Б.В. А я могу предписывать использование и материала.

А.О. Только это не будет способом, а просто норма на раз, пока материал еще не стал продуктом. А в средстве это исключается, поэтому *появляется способ*.

Б.В. Но ведь и выбор способа использования средства зависит от различия материала и продукта, т.е. как бы «на раз».

А.О. И все равно. Способ, фиксируемый для данного перехода, легко автономизируется и переносим на любые другие деятельности, где способ совместим с различием материала и продукта.

Б.В. У тебя фокусно-позиционное видение. Так ведь?

А.О. Да, в пределах сохранности категории «средство» или что-либо иное.

Б.В. Норма предопределяет. Но только через человека. Так ведь?

А.О. Да. Только соединившись с активностью человека, но и подчинив его активность, придав ей содержательную конкретность.

Б.В. Но активность человека может выйти за рубежи и тогда не поздоровится и норме!

А.О. В рефлексии всегда есть место подвигам. Но сам по себе произвол активности является разрушительным. Поэтому в рефлексии она уже вмонтирована в функциональные рамки. Проблематизация и то не свободна полностью. Она зависит от результатов реконструктивной работы, выявленности затруднений и результатов самоопределения.

Б.В. И здесь опять вопрос обостряется и разрешается относительно части и целого. Активность – часть целого. Это ты хочешь сказать?

А.О. Да. И в недеятелиности она все же связана, и в деятельности, и в рефлексии действий. Когда говорят о *творчестве*, часто излишне увлекаются и *акцентируют свободу, активность и т.п.* А то, что *свобода лишь момент творчества, вытесняется в анализе*.

Б.В. В рефлексии уходят от прошлого и потому вынужденно активны. Нужна она, в проблематизации. Можно ведь не ограничиваться лишь выявленным затруднением. Вот методологи,

они горазды все подвергать проблематизации. Есть здесь и переевлеченность, но есть в этом что-то и существенное.

А.О. Безусловно, Слава. Функция проблематизации требует активности в поиске возможных несоответствий сущности или поиск возможных новых оснований. Но все равно, никуда за пределы онтологемы не убежишь, иначе начинаются ошибки.

Б.В. А онтологему тоже можно проблематизировать.

А.О. Можно. Даже сами абстрактные основания, язык теории деятельности. Молодые склоны побыстрее там найти прорехи. Но философия всех учила, что есть изначальные сущности, основа всего универсума. Ее не переключишь и не «запроблематизируешь» безнаказанно. Онтологемы историчны, но они быстрее нас ведут к этим основам. Все равно все имеет свою функцию, идею или «число», как говорил Пифагор.

Б.В. А в ВАКе ты же проблеме ты видишь?

А.О. Да. Гегель же говорил, что диалектичность мышления и состоит в «дурной» активности, смене оснований без остановки. Это как раз похоже на многих из ММК. Но спекулятивность мышления ограничивает эту дурную бесконечность. Все зависит от «самораскрывающейся сущности». Ей подчинен мыслитель. Когда она рвется на новый шаг мысли, надо ей дать ход. Пусть будет активной. Но тогда и только. Логика ВАК учит всем режимам мысли.

Б.В. Вот и у Крона есть подобное. Порождающая процедура изменения значений – «матрица преобразований». Твоя особенность в методологии, как я уже вижу, состоит не в ситуационных конструированиях систем деятельности и частных кооперативных картин, а в создании и использовании условий, логико-мыслительных и семиотических, для собственно онтологического, абсолютного конструирования. И ты вполне однозначно можешь вести речь о становлении, развитии деятельности. Да еще это все рассматривается как пропедевтика к миру методологии, деятельности и мышления. Отсюда организованное введение методологических проблем, а также быстрота перехода от парадигмы средств, системы категорий в план методологических предписаний. В частности, при ответе на вопрос о том, где граница развития деятельности, где "оконечивается" бесконечность. Но тогда можно представить себе систематический список вопросов, которые должен задавать

себе управляющий с учетом характера возникшего или возможного затруднения. Однако если нам нужно пройти путь становления деятельности, мы должны взять твою схему акта деятельности и редуцировать до устранения собственно деятельностных свойств. И получится точка, где деятельности нет, но она возможна. Это и есть начало. Так?

А.О. Да.

Б.В. И это «обычный» мир. Но нужно напряжение деятельностного требования, нормативного давления. Как оно появляется? Надо начать с методологического слоя, так как деятельности еще нет. Но как тут двигаться? Надо зафиксировать онтологию обычного мира?

А.О. Слава, ты очень важный аспект подчеркиваешь. Ведь «азбука» дана в нескольких схемах, парадигматических. А онтология она предполагает проходимость пути от «А» до «Я». И тогда возникают все гегелевские вопросы о начале, о механизме движения, о конце. Все из чего-то. Если мы говорим о деятельности, то надо сказать и о до-деятельности, о тех противоречиях, которые возникают в ней и ведут к деятельности. Так же как у Гегеля «право» появляется на до-правовой основе и все предпосылки уже показаны в «субъективном духе». Как упростить редукцию? Очень просто. Средство лишить «средственности», а продукт – «продуктности». И тогда будут всего лишь взаимодействия вещей. И человека можно лишить его «деятельностных» качеств. Он может быть свободен до уровня «вещности». Но это все уже излишний редукционный энтузиазм. Возникает вопрос о том, что должно быть пороговым. Гегель говорил о росте духа, который преодолевает субъективность. Но уже субъективность включает в себя противопоставление реагируемости, детерминистичности. Это уже момент индетерминизма. *Дух – индетерминистичен.* Он идет от себя, а не от внешнего. *А внешнее он превращает сначала во внутреннее, а потом реагирует от себя.* В то же время субъективность, та форма ее проявления, которая связана с удовлетворением потребности, противостоит и нормативности. Нормативность должна быть еще порождена из субъективности.

Б.В. Это философское обоснование или подготовка к раскрытию перехода к деятельности?

А.О. И то, и это. Вот я анализировал «генезис языка» и связь появления феномена деятельности с развитием языковых способностей. Помнишь?

Б.В. Конечно. Красивая схема. Но очень трудоемкая по раскрытию.

А.О. Так как она ключевая, то все характеристики крайне важны. Главное, что я получил в 74г. Путь *трансформации сознания с помощью языка и возникновение механизмов **целенолагания и целеудержания***, без чего деятельность невозможна.

Б.В. Я вспоминаю.

А.О. Тем самым, прежде чем говорить о переходе к миру деятельности следует разобраться с появлением и развитием субъективности, дохождением до шага, когда «все готово». Конечно, субъективность не только индивидуальная, но и «совместная».

Б.В. Можно это назвать развитием «естественных» механизмов? В оппозиции к искусственному. Есть ли естественные условия для перехода спонтанного механизма к организованному бытию. Появление продукта не является ведь одним естественным событием, а более точно это событие неестественное. Он появляется вопреки естественному?

А.О. В чем «неестественность» социального, социокультурного и деятельностного? В том, что естественное многообразие отношений ограничивается. Закрываются ненужные отношения и усиливаются нужные. Как в моделировании. Но чтобы это сделать наша натура, субъективность должна приобрести эти качества – дирижирование отношениями относительно фиксированных объектов. Нужен императив категорического типа, выписанный из естества. Маркс такую возможность связывал с «орудиями» труда, а Гегель – со свойствами духа. И, в частности, со свойствами рефлексии. Г.П.Щ. на вопрос о становлении мало что говорит. Выготский частично напоминает мысли Гегеля, учитывая разнообразие психологических, социологических и культурологических акцентов, сложившихся к его времени.

Б.В. Наверное здесь и нужен тандем субъективности и ответственности. Как ты говорил, что средство оживает через активность субъекта, а в то же время его активность организует.

А.О. Да. Я до сих пор считаю, что мне повезло в огромных масштабах познакомиться со схемами. СИ выступают провокаторами развития сознания и мышления. Если бы это подробно раскрыть. Тогда можно было бы не «опровергать» Выготского и др., а уточнить то, что уже осуждал Гегель. Сейчас накопилось огромное множество идей, мыслей у гуманитариев. Всю эту кашу надо соотнести с предшественниками и заместить моно онтологией субъективного и социокультурного развития. Только тогда объяснения развития перестанут быть схематизацией эмпирии.

Примечание. Подобные размышления в конце 70-х и начале 80-х гг. переместились в план игромоделирования. Возврат к онтологическому анализу развития осуществился в 1996 г. в нашей работе – «Развитие. Моделирование. Технологии», а также, позднее, в работах: «Акмеология мышления» и «Гегель: мышление и развитие»

Б.В. Вот само становление деятельности ты связываешь со становлением норм деятельности. А развитие – с изменением норм?

А.О. При развитии деятельности в норме предполагаются новые деятельности, как снимающие разрывы в исходной. Если рассмотреть просто «нечто», то оно при помещении в условия меняет состояние, реагируя. Может быть изменение состояний в «одну сторону». Если же мы рассмотрим направленное изменение так, что новое состояние зависит от прежнего как основы, то можно говорить о развитии. Новое состояние содержит прежнее в качестве основы, но что-то добавляется.

Б.В. «Новое» в деятельности – сервисная деятельность. Но это как бы снабжение. Г.П.Щ. обычно выделяет средственные сервисы.

А.О. Так как у него обсуждается переход к культурным формам.

Б.В. А обучение входит в культуру?

А.О. Нет. Если есть культура, то для ее воспроизводства нужно *обучение*, подтягивание людей до уровня требований единиц культуры. Хорошо, пока достаточно.

Примечание. Одной из основных тем размышлений с Бязыровым В. была зависимость парадигматических свойств «азбуки» от их выраженности в схемах, СИ. Приведем примеры некоторых обсуждений.

"А.О. (21.11.1978 г.) Ты хотел поговорить о мышлении в деятельности. Мышление всегда обслуживает деятельность, будучи одним из «процессов» в структуре деятельности. Чтобы мышление использовать, нужно знать его природу. В схеме акта мышления дана основа. Поскольку там предполагается использование предиката, то как средство оно требует определенности процессов. Вся единица пропитана нормативностью.

Б.В. Но нормы ты здесь не рисовал.

А.О. Да. Но это ведь не начальная схема. И путь уже пройден. Она базируется на схеме коммуникации и рефлексии. Следовательно, уже пройден путь к языку, парадигме, системе значений, правилам синтагматического конструирования. Все есть. И вот этот акт мысли, суждение. В использовании языка уже масса норм реализуется.

Б.В. Пока ты это не упомянул и не показал, твоя мысль о нормативности звучала формально.

А.О. Как сказать! Если предикат субъективируется, то он «должен» при этом сохраняться в знаковой основе, в значении. Это уже не естественный процесс. А затем, различие предиката как средства и как объекта, его онтологизация – тоже не естественная процедура.

Б.В. Но ведь ты говорил, что и в психологии есть эти предпосылки. Долженствование там где-то в тени.

А.О. В психологическом анализе – да. То же и в отношении автора в коммуникации. Он достаточно свободен, но не совсем. А вот понимающий менее свободен. А особенно арбитр, как конструктор средства, т.е. предиката. В логическом же анализе этой свободы нет.

Б.В. Это не видно непосредственно.

А.О. Непосредственно – нет. А вот в позиции нормировщика мышления, точнее – языкового мышления, видно. Так как в этой позиции сочетается, как и вообще в рефлексии средств и норм, имитационность, самовыражение мыслителя, с одной стороны, и специфика языковых средств, развитости парадигмы и т.п., с другой стороны. Вместе с нормировщиком, конструктором языка, появляется обучающая позиция, т.к. иначе не реализовать. Вот я создал «Азбуку» и сейчас мне нужно обучать, чтобы она работала в других руках. Но это означает, что просто и свободно «мыслителем» не будут пользоваться.

Б.В. Убедил. Сколько стоит за этой схемой?! Пока не раскроешь, последовательно, ход усложнения правильно ее не поймешь. Способности мыслителя становятся двойными – «естественными», с чего он и начинал, и «искусственные» после обучения.

А.О. И только тогда можно вводить схему акта мысли.

Б.В. Когда я автор и размышляю, я достаточно свободен. Что мне мешает так и продолжать? И логику забуду.

А.О. Понимающий меня потревожит, если я так уж свободно пойду в размышлении. В его голове определенности не сложится. И я ему должен помочь. Для этого я еще должен войти в рефлекссию, найти в критике причину этого затруднения и скорректировать свою речь.

Б.В. Это ясно. Коррекции тоже могут быть стихийными. И трудности воспроизведутся.

А.О. Вот ты и подошел к главному. Если я именно это вижу, эту причину, то я и перехожу к построению схемы.

Б.В. И появляется новое действие или даже деятельность?

А.О. Здесь работает механизм развития деятельности, но на материале мыслекоммуникации. Ты обрати внимание, что *появление позиции критика – уже сервис для первичной коммуникации*. Не просто изложить свою версию. Тогда нет кооперации. А именно «усовершенствовать» авторскую мысль, сохраняя ее. Здесь уже есть обязанности.

Б.В. Ты всю схему сделал кооперативно деятельностью?

А.О. Да, схема коммуникации – кооперативно-деятельностная, а не только мыслекоммуникативная. Так и Г.П.Щ. мыслил в статьях о знаке, значении и т.п. Чтобы проводить схематиза-

цию и конструировать схемы как дополнительное средство мышления я должен скорректировать, и нормативную базу. Будет нормативная инновация.

Б.В. Какого типа?

А.О. Это нормы построения языков. Сначала простая фаза – конструирую схему как синтагму, как получится. Затем я уже могу парадигматизировать схему, создать язык схем и вновь возвращаться в синтагматику.

Б.В. Так все сложно! Это твоя специфика.

А.О. Если психологически, то да. Но я говорю в логике мыслекоммуникации. Ведь введение схемы как условия организации понимания или совершенствования изложения создает всю нить появления дополнительного языка. Вот и изучай на этой практике всю сущность генезиса языка.

Б.В. Красиво! Но это все усложнение для автора.

А.О. А сразу за этим – и для остальных. Хотя бы для понимающего. Так как я как автор обращаю свое внимание на это средство – схему, то я и понимающего в это же втрапляю. Так как я забочусь о структурированности его результата понимания и определенности того, что он у меня берет.

Б.В. И ты ему говоришь про схему!

А.О. Да. Я его сдвигаю в сторону опоры не на свои внутренние смыслы, а на то, что в схеме введено. Я говорю, что в схеме и выражено то, что хочу сказать. И пусть со мной пойдет по этой схеме, но в терминах того, что было и раньше.

Б.В. И ты его в двухслойке держишь?

А.О. Да. Схема и ее прямое изобразительное чтение – одно, а смыслы и привязка к обычному языку – другое. Через схему вытягивается «чистая мысль», сама по себе данная, а через термины сохраняется «живая мысль», естество. И этот слоенный пирог нужно сделать условием допонимания.

Б.В. В этом пироге легко запутаться. Не будет ли это переусложнением?

А.О. Конечно, если вводится что-то новое, все усложняется. Но моя затея и состоит в том, чтобы не просто внести схему в прошлую механику мысли, а через нее оттащить понимающего, да и себя от всех случайностей субъективных процессов.

Б.В. Тут и находятся все тайны ММК. И путаницу создают и "распутаницу". Ты хочешь распутать принципиально.

А.О. Так, Слава. Именно так. Я перевожу путь в сторону схемы, чистого мышления и однозначности, прежде всего, в понимании сущности деятельности и мышления. Обучаю двигаться «строго по схеме». Но для этого сама схема должна быть неслучайной. Вот отсюда у нас и различия с Г.П.Щ. и его ребятами. Я все время иду, иду в сторону неслучайности схем, понимая то, что говорил Гегель – средство должно быть «истинным», содержательным, а не уводящим от сущности. Это не просто сделать. Форма и содержание тут в глубоких отношениях. Вот тебе и семиотика, и логика, и даже теория познания, теория мышления, да еще и теория сознания, самосознания и т.п. Все тут.

Б.В. Я понял, почему ты на этом так сидел. Это у тебя точка опоры, как у Архимеда.

А.О. Схема – рельсы, по которым я еду и везу свое содержание. А так как схема изобразительна, то она еще и согласована с содержанием.

Б.В. Этот момент у меня западал.

А.О. При «прямом» применении схемы ты можешь задавать вопросы к схемам. «Сколько элементов мира, сколько и какие отношения» и т.п. Не к опыту своему, не к наблюдаемому вопросы ставишь.

Б.В. А такие вопросы, как «что лежит в основе?» для данной схемы я могу задавать?

А.О. Самое прямое – «абстрагирование» или редукция уточнения. И тогда иди и ищи, что самое изначальное в схеме, а что «позже» появляется.

Б.В. И тогда я перехожу к базовой оппозиции. Например, норма и морфология, мир и познающий. Так?

А.О. Так. Или объекты и термины. Часто методологи, заучив слова, прикладывают их очень неаккуратно.

Б.В. И что? Этим все страдают. Есть эталоны, типа Г.П.Щ. А сейчас и ты возрастаешь быстро. Потенциал у тебя гораздо выше, чем у Г.П.Щ. Просто он еще не так вылез наружу. Хотя ты уже столько успел создать и осмыслить! Значения привязаны к нашим судьбам. И в семинарах это вскрывается. Но на то и критика, проблематизация. Внутренняя.

А.О. И согласовываться, вводя основания. Надо только учесть, что в синтагматическом плане термины получают разные содержания в разных знаковых окружениях. Этому соответствуют фокусированные видения одного и того же. Чтобы не было неразберихи, следует иметь одну онтологию или часть ее, а затем разные разглядывания на онтологии. Это связано и с проецированием объекта. В разных координатах разные образы.

Б.В. Хорошо, если онтологема есть, и мы владеем ею в мышлении. Но их много онтологом. А термины – одни и те же.

А.О. Если мы идем к языку и его развитию, развитому состоянию, то это одно. Другое дело, когда он уже есть. Вот я уже построил «Азбуку». И тогда онтологема-то оказывается одна. И на ней все имена с их значениями, все возможные употребления совмещаются и не противоречат друг другу. Когда вводится смысл, то в нем начинается усмотрение значеиевого аналога.

Б.В. Это уже понимаемо лишь через «руки», в тренингах. Очень сложно нюансы держать. Язык тоже проходит путь и его онтология – тоже. Вплоть до соответствия функции онтологии. Это станет категоричным языком, абстрактным. Методология и стремится иметь такой язык как надежную систему средств.

А.О. Отлично. Я действительно стремился к абстрактной онтологии. Меня вело. Но тут легкое оправдание. Чем более абстрактна онтология, тем надежнее система различений. После этого, когда есть такая онтология и парадигма остается налаживать лишь конкретизацию и учет ситуаций. Конкретизация обеспечивается логикой ВАК. Ситуационный учет – схемотехникой. Мне помогало понимание идеи ВАК и схематизированность в процессах понимания. Вместе с абстрагированием и функциональным переводом «описания» в «предписания» мы получаем абстрактные и нормы. Вот и вся тайна прихода к методу.

Б.В. И ты как бы конструируешь методы. Можешь их создать много.

А.О. Ходячее понимание методологии здесь оформляется. *Методология* – это «принципы» порождения методов. Но так же как – «принцип» порождения теорий. Если методолог изу-

чает деятельность, он ее реконструирует в этих средствах. Строит теорию и «сущность» происходящего.

Б.В. И видит глубже.

А.О. Конечно. Парадигма и логика приведут к глубине. И к заполнению «пустых мест».

Б.В. Для теоретиков эта технология – сущий клад.

А.О. Если бы они догадывались об этом. Вот и методологи ММК еще никак не увидят то, о чем ты говоришь.

Б.В. А почему? Почему они не очень-то видят то, чем ты занимаешься?

А.О. Дело ведь еще вот в чем. Ребята психологи в ММК многие знают меня еще со времени стройотряда 1970 г. Я там конспектировал 6-ть томов истории философии. Они видели мои конспекты. И пригласили в ММК, так как уже ходили в ММК. Несколько лет они могли бы все мои необычности распознать и как-то отнестись. Тем более, что с 1974 г. я уже докладывал в ММК, хотя и не часто. И они были на докладах. И все же я остался «еще одним из массы», хотя и своим. Только любовь к Гегелю была отмечена, с долей юмора. Тут понять трудно. Хотя я и тогда уже мог раскрыть свои секреты.

Б.В. Изюминка все же остается в движении мысли в онтологическом строительстве. Мало кто это умеет. А у тебя тут прорыв. Вместо эмпирии ты кладешь схемы и объективируя их получаешь развитие идеального объекта через другие схемы. Преемственность удерживается и изменение, движение к новым качествам. Так?

А.О. Вот мы берем схемы акта и развития деятельности. Превращаем их в единый «объект». И нужно его двинуть дальше по пути развития. Нужно преобразовать прежний объект. Гегель говорил, что нужно выявить разотождествление объекта и в этом напряжении «заметить» иное, противоположное и его удержав совместить с прошлым. Технически это так. Новую схему надо ввести. Для этого ее объективируем и используем как подсказку в разглядывании как разотождествления, так и нового состояния. Самое сложное, не сделать этот ход формальным.

Б.В. Спрашивать у предшествующей схемы, можно ли?

А.О. Да, именно так. А потом и новый схематизм можно усложнить за счет третьего. А это уточнение даст импульс в уточнении первой схемы.

Б.В. Технично, но дико сложно.

А.О. А что делать! Привыкать. Накапливать опыт. Надо еще достойные цели ставить, чтобы подбор «новых» схем был фундаментальнее, а не случайным.

Б.В. И тогда получается, что все определено твоим методом.

А.О. Метод-то Гегелевский. Я только оформляю его. Понятно, почему Г.П.Щ. говорит, что, указав схемы парадигмы, он уже может не говорить о синтагматике. Все уже определено. Все варианты ходов заложены методом и онтологией языка. Кстати, через мою «Азбуку» и можно инвентаризировать все значения в ММК, все типовые ходы мысли.

Б.В. И можем выявить множество неразличений и различений версий про одно и то же.

А.О. Да. И критику сделать хорошую. Укрепляющую. Кстати, все то же можно сделать относительно любого опыта и фиксированных содержаний. Взять, например, программу НИИ, и ее «выпрямить». Вот и польза. Можно зарабатывать.

Б.В. То есть, окультурировать эти организации. Вот и надо нас этому научить всех. Будем командой на все руки.

А.О. Тем более, что по ВАК можно идти в любой уровень конкретизации. Так же как и при самоорганизации. Можно свою работу усовершенствовать до самых высших уровней – хватило бы силы и терпения.

Б.В. И не нужна эмпирия?

А.О. Отчего же. Нужна. Она наполняет мышление значимостью в жизни. Однако мы эту эмпирию можем увидеть все более детальными «очками». И это позволяет видеть созерцаемое совсем иначе, видеть и перспективы, и то, что существеннее.

***Примечание.** Наибольшую значимость имел анализ функций парадигмы ЯТД в мыслительной работе и в методологической работе, в частности. Приведем пример восприятия этой парадигмы.*

«**А.О.** Обратимся вновь к схемам «Начал» (13.6.1979г.).

Эти схемы набора выглядят как самостоятельные. И в этом есть осмысленность. Каждую из них можно употреблять изолированно и для решения некой группы задач. Некоторые схемы могут использоваться для решения любых задач. Я представляю себе учебные мыслительные игры. Сначала брать схемы изолированно, раскрывать их внутреннее содержание, затем находить подходящие ситуации. Это приближает к реальным условиям. Можно переходить от анализа к моделированию. С другой стороны, схемы связаны друг с другом. Более того, они как бы переходят друг в друга, развивают содержание. Это уже похоже на переходимость к синтагме как онтологеме. Возникает вопрос о том, в чем заключена пружина последовательности и сущность перехода. Оказывается, что схемы не равноценны. Одни могут быть использованы как понятие, соотносимого с объектом. А другие - как компоненты языка, явно парадигматизированны. Например, понятийно выступают схемы деятельности и мышления. Акт деятельности и акт мысли, схема логики ВАК и т.п. Но все схемы, в том числе и эти, несут в себе парадигматичность. Например, только соединив схему акта и схему рефлексии, развития деятельности мы получаем понятие деятельности, видна объектность целого. Они вместе создают «клеточку» в терминах Маркса. Я ввожу гипотезу о том, что этой двойки схем достаточно для разворачивания самого перехода к усложнению. И тут нужна техника проекционной рефлексии, применение схемы системообразования. Жесткое, определенное содержание исходных схем предопределяет получение четких результатов в детализации. Отсюда и цель – обучить наших ребят в ММПК этим процедурам. Именно таким путем можно учесть эмпирический материал описаний деятельности и строить уже нормативное описание деятельности – НОД, по сущностным критериям.

Б.В. И можно охватить любую сложную кооперацию?

А.О. Я думаю, что да. В чем состоят гарантии успеха? Схемы как средства имитации систем деятельности в мышлении возникают исторически. На данном этапе можно иметь такие схемы, которые позволяют решать реконструктивные задачи. Может быть позднее что – то и придется проблематизировать, например, в содержании начальных двух схем. Но тогда и со-

держание выводных конструкций будет меняться. Так как это парадигматические схемы, то любое их преобразование является не просто заметным событием, но и «революционным». По технике выведения последующее предопределяется предшествующим, особенно – изначальными схемами. Это историзм. Теперь второе основание. Оно – логическое, поскольку я использую особую логику – ВАК, она уникальна именно в том, что позволяет осуществлять расщепление как саморасщепление с исчерпыванием исходных содержаний. Просто так туда уточняющее содержание не засунешь.

Б.В. А не могу ли я использовать какие-то другие схематизмы, про которые и не подозревают, что они исходные?

А.О. Формально, да. Но очень много нужно усилий для обоснования правомерности их привнесения.

Б.В. А практика как критерий. Почему ты так насторожено относишься к подобной возможности?

А.О. В рамках историчности ответа скажу, что я имею колоссальную практику методологической работы, анализа, пока эти схемы не ввел. Имеет ли кто еще, кроме Г.П. Щедровицкого такой же опыт. Я имею, мыслительный и с анализом мыслительных, категориальных оснований. Если мне удастся применить мои схемы к анализу самой методологической работы, то я буду гарантирован на успех при работе с любым материалом. Я могу применить свой метод для проблематизации своего опыта и даже содержания самих схем парадигмы. Проблематизация заключена как возможность во второй и третьей схемах. Сама логика ВАК имеет всеобщий статус и может быть применена для «очищения» любых содержаний. Нам помогает славный Гегель. Пусть схема окажется не «исходной». Обнаружим и пройдем к «реально» исходной. Функции исходного и уточняющего предикатов – всеобщи, и предопределяют жизнь любого реального предиката. Я уже много поработал, по-проверял. И убедился в огромной степени. Если переопределим парадигматические элементы, содержания, то будет эффект развития парадигмы.

Б.В. И все же твоя уверенность звучит слишком категорически.

А.О. Тебе надо приобрести подобный опыт. И в работе с текстами, и в создании парадигматики, и в анализе логических

версий, семиотических версий и т.п. Схемы парадигмы снимают предшествующую практику. Если схвачен механизм ее существования, то мы готовы и к следующей практике. Маркс говорил: «Я имею полное представление о теперешней практике. Затем ищу регулярное исходное событие, которое позволяет использовать его как исходное основание для объяснения всего остального. В этом использовании я проверяю свою гипотезу». А потом идет уже фаза «изложения» исторического материала в строгой форме мысли и применяя проверенное исходное представление. Я говорю, что мои рассуждения историчны и схемы могут быть проблематизированы, мною или другими. Но это надо сделать, да и вообще возможно лишь по требованиям логики ВАК. Только она адекватна для поиска «начала» и прохождения пути к «концу».

Б.В. То есть, если мы оказались со своими схемами на деле не в начале, а в середине цепочки развертывания, то логика ВАК нас поправит?

А.О. Да, именно. В логике ВАК происходит саморазворачивание. И эта версия, которая это не позволяет сделать, будет или устранена, или поправлена. Будет логизированная история. Уже ясно, что наши две схемы – не тотальное начало. Можно идти задом наперед и уйти из мира деятельности. Так мы повторим Гегеля. Придем к «чистому бытию». Другое дело, что проверять на эмпиричность, конечно же, нужно. Но это особая работа.

Б.В. У тебя мышление, схемы акта и движения мысли в конце введены. Почему?

А.О. Легко обнаружить, что мышление встречается уже во второй схеме, рефлексивной организации, развития деятельности. И схемы мышления предстают как проекционные к исходным. Более того, мышление существует и в содержании схемы акта деятельности. Развертывается уже там. Деятель «читает» норму, строит действие исходя из шага прочтения. Но на этом уровне усложнения деятельности какие-то особые усилия в организации средств мышления и т.п. еще не нужны. А переходимость от акта к акту, воспроизводство, коррекция содержания акта в деталях и на микро уровне здесь возможны.

Если же учесть суть схемы развития деятельности, то перспектива грандиозная уже видна.

Б.В. У тебя две схемы понятийны, а другие – категориальны. Ты как-то рассказывал о логике ВАК и функциональных местах для предикатов. Вообще у тебя необычно трактуются категории.

А.О. Да, почти все схемы, прежде всего, несут нагрузку категориальную. Они уточняют исходную сдвоенную схему. Они – средство метафизического, но псевдогенетического развертывания онтологии деятельности.

Б.В. Почему все же твои первые две схемы являются «исходными»?

А.О. Присмотримся. Схема акта деятельности вводит мир деятельности. Ведь мы имеем парадигму деятельностного, а не иного перехода. Но эта схема задает статику деятельности. Динамика вводится второй схемой. Оба начала и создают живое целое. Без статики динамика лежит на пустом месте. С чего начать в системе онтологических различений и в системе операций, процедур? Эта проблема тщательно обсуждена Гегелем и Маркс ее тоже обсуждал. Результат уже есть, а нужно мыслительно пройти путь к нему по критериям самого объекта. И тут важно, что в исходной схеме должен быть потенциал прихода к концу. Если это не так, то прохождение пути становится искусственным, носильным для содержания. Но и клеточка откуда-то берется. И это уже из более охватывающих онтологий. Потому Гегель и создал охватывающую систему и раскрывал природу духа.

Б.В. Каждая схема «Азбуки» вставляется как звено онтологии?

А.О. Она, по форме, вставляется как «еще одна». А по содержанию – как «выявленная» в предшествующей, после того, как содержание предшествующей стало усложняться, саморазожествляться. То есть, онтология охватывает все, что удастся синтезировать, но в ней показывается механизм раскрытия потенциального, актуализации в ходе «развития».

Б.В. А схема «знания» как вводится?

А.О. Она в свернутом виде дана в схеме акта деятельности, а развернуто – в схеме акта мысли. Тем более, в схеме сферы науки.

Б.В. Какое значение имеет парадигматика, если ответ в развертывании один, есть она или нет ее?

А.О. Я уже говорил о «машинке» Гегеля. Его метод – способ теоретического развертывания. Он противопоставлен как смысловой до-рациональности, так и формальному рационализму. Он пользуется языковыми средствами для того, чтобы первоначальное месиво эмпирии или даже рассудочных схем заместить движением сущности к своему полному развитию от самого начала. И это делается в языковых средствах. Следовательно, моно-синтагма строится и возникают вопросы об уточняемом, уточняющем, ряде уточняющих. Вот и приходим к построению синтагмы с помощью парадигмы. Если парадигма не разработана, то не получится и синтагма. Обычно язык имеет одну парадигму для бесконечного количества синтагм. А в теории – одна синтагма и для нее одна парадигма. Один ряд, последовательный ряд уточняющих предикатов, т.е. категорий.

Б.В. И тогда в чем историзм? В том, что парадигма эта сразу не получается, что и бывает в истории?

А.О. Так, конечно. Но еще вот в чем. Есть логическая форма. Она дана в схеме ВАК и ее обоснования. Затем берется материал эмпирии, текстов эмпирических. И начинается выявление того, что соответствует логической форме.

Б.В. Идет схематизация?

А.О. Конечно. Но она вначале эмпирична, а затем строятся все более абстрактные схемы и более соответствующие требованиям логической формы. Ведь не просто схемы строятся, но и те тексты их описания, которые выступают замещающими эмпирический материал текстов.

Б.В. То есть, все время работает твой механизм МРТ?

А.О. Да. С его «теоретической» ориентацией.

Б.В. Грандиозные усилия! Все ведь мучаются с этим. В том числе в ММК. А у тебя выходит так все просто.

А.О. Ясно, но не просто. Я изобрел машинку мышления. Для любых задач в коммуникации и вообще. Теоретические, понятийные, категориальные задачи – в частности.

Б.В. И это ты использовал при переработке парадигмы Г.П.Щ.?

А.О. Да. Была перепарадигматизация.

Б.В. А первую схему ты мог бы вывести?

А.О. Да. Я написал недавно текст этого типа. Он выглядит несколько искусственно, так как я шел в «имманентной» манере. Этот текст очень важен, как образец подобной работы в синтагматике.

Примечание. Это был текст, ставший третьей частью книги «Системоделятельный подход (СМД-подход) к практической подготовке студентов», Пенза, 1981 г.

Б.В. Что все-таки является подлинным началом в онтологии деятельности? Какая схема? Или обе первые?

А.О. Подлинное начало, основание лежит во второй схеме, «развитие деятельности». В рефлексии все начала. Так как она и оформляет, и изменяет морфологию пред-деятельности. Я это и показывал. В псевдогенезе переход от не деятельности к деятельности опосредствован рефлексией. В начале она имеет как бы нулевое содержание, потенция порождения. Это по Гегелю содержательное «ничто», как определенность «чистого бытия» Только то, что рефлексией, а затем снабжением и т.п. положится, то и будет в функционировании.

Б.В. И этого достаточно, чтобы появился схематизм функционирования деятельности и акта?

А.О. Нет. Надо еще проходить путь становления, появления «акта» развернутого.

Б.В. Может быть один и ввести схематизм, чтобы с него начать. Зачем два то нужны?

А.О. Еще Аристотель, да и его предшественники говорили, что существующее имеет «форму» и «материю». Обязательно две стороны бытия. И китайцы говорили всегда – есть «ин» и «ян». Пропорции их активности, выделенности разные. В функционировании ведет нормореализация, а в развитии – рефлексия. Это законы бытия, «постулаты Евклида». Рефлексия динамизует и отходит от динамики, статику вводит. Этот переход от отражения к проблематизации и от проблематизации к депроблематизации, к озадачиванию. Тут появляется и засасывает время. В акте – время устранивается.

Б.В. Как это? Там же идет и запланированное изменение?

А.О. Вот-вот. Изменение – в рамках нормы и подчинено ей. Ничего не меняется. Норма превращает в статическое то, что морфологично, в динамике. Как буддисты, можем сказать: "ничего не меняется".

Б.В. С нормативной точки зрения.

А.О. Да, конечно. Так как в ней сущность. Так же как в онтологии. Сущность – неизменна, но все изменяется «по видимости». Явление – изменяемо.

Б.В. Это классно! В этом особенность теории деятельности?

А.О. Как бы философия деятельностного подхода. В ММК – нормативно-деятельностный подход. Кстати. Когда нормируется продукт – «целеполагание», процесс абсолютно подвижен, но уже начинает сосредотачиваться, зависеть от характеристик продукта. А когда предопределяется материал, а потом средство, а затем и человек. Так появляется монада акта. Но сколько шагов в рефлексии надо пройти. Это похоже на философию природы у Гегеля. Природа доходит до духа и в этом ее зов. Но пока она доходит, чтобы была завершенная реальность духа. Хотя это дух субъективный, а природный он уже в «природе».

Б.В. А схема развития зависит от схемы акта?

А.О. Да. Сначала есть исходные функции, а наполнены они морфологией. Пока не возникнет рефлексия рефлексии. И тогда рефлексия будет появляться в форме организованности. То есть, и здесь затруднения должны быть зафиксированы. Это новый слой формообразования, нового качества. Так мы и дойдем до методологии.

Б.В. И может быть рутинизация в рефлексии? В развитии в целом!

А.О. А что тут такого? Сначала полная стихия, но в рамках функции. Е-форма. Затем какие-то стереотипы, через функцию и нормирование образцов. Будет ЕИ-форма. При полном оформлении и обеспечении – рутинизация будет.

Б.В. А какая обеспеченность тут?

А.О. Но человек то должен иметь способности для ЯТД – это же язык для «рутинизации» рефлексивных процедур, если это нужно.

Б.В. Решение рефлексивных задач?

А.О. Конечно. Щелкать их должен методист. А методолог должен находить проблемы в средствах, формах рефлексирования. Находя как повод разрывы в практике.

Б.В. То есть, ты свою «Азбуку» строишь для рутины?

А.О. Не только. Для любых ситуаций. Но для регулярности, определенности анализа. Для преодоления хаоса в методологических поисках. Точнее, для перехода от ЕИ к ИЕ форме работы в методологии.

Б.В. А если кто-то обнаружит дефект в парадигме, от ИЕ – формы возвращаемся к ЕИ – форме?

А.О. В начале пути. Когда опишем проблемную ситуацию, можно по тексту уже работать в ЕИ – форме?

Б.В. Ты все время как бы взлетаешь! Это удивительно.

А.О. Чем ближе и больше сущности в языке, тем ближе к этой форме. Появится нормальная догматика, канон. Ты только посмотри. Сама схема развития деятельности и ее основное звено – рефлексия, может проходить, функционально, тот же путь, что и функционирование. И схема акта где-то «поместится» в схему развития.

Б.В. И все эти этапы становления повторятся в надстройке?

А.О. В соотношении с особенностями самих функций и морфологии развития деятельности. Учет их обязателен. И тогда появится управление как имеющая форму методология развития.

Б.В. Ты как бы вывел управленца?

А.О. Управленческую функцию, место для управленца.

Б.В. А где границы развития?

А.О. По механизму, это снятие затруднения за счет новых качеств. Например, новых позиций, мест для деятельности и их заполнения.

Б.В. А новое качество за счет чего появится?

А.О. Сначала как «озарение» в проектировании. А затем за счет средств рефлексии. И они вводят сущность. То есть новый уровень, новые качества, а не количества.

Б.В. А в функционировании тоже есть «немного» от развития?

А.О. В микрообъемах рефлексия то действует. И в малых точках что-то от развития есть. Но не меняющее рамки целого и его специфичности.

Б.В. А в развитии есть и функционирование.

А.О. Есть, когда процесс превращается в деятельность. Но это будет все равно реализовывать функцию развития.

Б.В. И человек в схеме акта и в схеме развития разный?

А.О. В той мере, в какой функционал там и тут различен.

Б.В. В одном случае он не меняет состояния, а в другом меняет?

А.О. Все сложнее. Человек то один и тот же. А вовлекаемые в реализацию требований «части» – различны и в различной степени в зависимости от функции. Человек в функционировании должен быть «собранным». Однако только в начале оискуствления. А затем он организованно участвует в развитии, подстраиваясь уже под форму прохождения развития. Методолог же должен быть собранным, чтобы поворачиваться быстро.

Б.В. Должна быть быстрая рефлексивная самоорганизация?

А.О. Конечно. Как механизм, а не только процесс.

Б.В. И что такое механизм?

А.О. «Механизм» здесь – это та сторона изменяемой вещи, которая сама по себе неизменна. В ситуации он, оставаясь неизменным «в – себе» проявляется «для – иного» по разному. Методолог, у которого нет механизма, реагирующего на все различным образом, это уже не методолог.

Б.В. Вот и поискать таких! Мы лишь учимся. И Юра тоже учится. И главная забота тогда – механизм методолога?

А.О. Да. И язык (ЯТД) – основа его «в – себе» бытия.

Это не означает, что он как машина работает. Нет. Когда надо я всегда ухожу в Е – форму мышления. Хотя бы в понимании, в построении предварительной версии. Все жанры, абстрактные, даны в рефлексии.

Б.В. Главный тип мышления – онтологический?

А.О. Это не так очевидно. Я знаю, что если онтологическую схему не построил, вообще – упорядоченное представление о мире, то у меня нет опоры входить в решение задач и анализировать что-либо. Я знаю, что все можно понять, если иметь способ понимания текстов. До меня сколько было мыслителей! А сейчас сколько носителей версий! И они – «все мои». Я знаю, что за ними стоит что-то. Но я же знаю, что чаще все в текстах выражено плохо, случайно. Поэтому выделяю «классиков», где имеет смысл долго и упорно работать в понима-

нии. И вот во всем этом море у меня корабль. Прежде всего – это механизм понимания текстов. А в нем действительно главная задача – сервисная, т.е. по построению представления о том, о чем ведется речь. Я это делаю с акцентом на всеобщее. То есть, на сущность, на онтологию. И когда добиваюсь построения удобоваримой онтосхемы, тогда открывается все. В том числе и автор. И я сам много чего начинаю вносить. Нет же ничего нового под луной. Я лишь «вспоминаю», по Платону. Но прохожу свой путь. Мне звезды нашептали, чтобы я к сути тянулся. И мне хорошо, когда я что-то успеваю сделать, понять для себя. А потом и для других.

Вот и "акторная схема", и иные схемы – результаты, может быть и промежуточные, в решении задачи по парадигматизации. Я должен себе найти или положить в мир деятельности, особенно ту часть, которая называется «методологией». То есть, я кладу мир деятельности, там «нахожу» методологию, а в ней «нахожу» язык свой и в нем еще и онтологию, мир деятельности.

Б.В. Хитро! С одной стороны, прозрачно. С другой же здесь заложена сложнейшая техника мышления. Тебя ребята из ММК могли бы сразу припечатать. Из-за недоразумений, конечно. У них смысл гуляет по голове лихо – скажут, например, где тут недеятельностный мир и т.п.

А.О. А он, в разных линиях, дан как проекционно, так и в машине конкретизации как предстоящий деятельностному миру.

Б.В. Ты как бы разлагаешь деятельностный мир?

А.О. В проекционном мышлении. Отсюда вытекают проекционные онтологии и языки, категориальные аппараты ряда наук. Может быть – всех. И методолог должен работать во многих языках как переводчик.

Б.В. Ты этим хочешь сказать, что язык теории деятельности будет изучаться наподобие языка философии?

А.О. Язык философии все время был в контексте, факультативно. С этими наметками, да. Ведь позиции всех держателей наук и практик вытекают из деятельностной онтологии.

Б.В. (31.5.1979) Ты начинал работу кружка без «Азбуки»?

А.О. Вообще я схемы имел уже готовые до первого семинара. Но работа в нем достаточно быстро привела к необходимости вводить опоры, ориентиры. Нужно было ввести для семи-

нарисован единый язык. Он нужен для работы по пониманию текстов ММК, для анализа деятельности и для дискуссий. Эти «Начала» нужны для достаточно строгой процедуры развертывания деятельностных миров по форме мышления, данной логики ВАК, уточнения исходных предикатов. Эта работа создает картину такой деятельности, чтобы можно было ее уже сравнивать с первичным рефлексивным описанием, содержанием этого «эмпирического» текста.

Б.В. И какая это деятельность может быть, которую ты описываешь?

А.О. Свою, твою, организатора какой-то деятельности, руководителя НИР, автора текста. То есть, я называю эту процедуру «нормативное описание деятельности». С одной стороны, имитационная функция остается. Но имитация в средствах особого языка. Это получается уже не имитация, порождение средства критики опыта. Что-то в материале найдется соответствующее, что-то – не соответствующее. Отсюда ресурс развития исходной практики. Это универсальная «отмычка». Эта же техника может быть использована и для программирования при фиксированном заказе. В содержании заказа усматривается и соображение о состоянии развития деятельности, до которого надо дойти в восхождении.

Б.В. А это не будет нормативным оформлением глупости прошлой практики или заказа?

А.О. В том то и дело, что НОД при наличии логики ВАК и исходных «начал» вычищает глупости.

Б.В. Ты как бы вносишь законы? И что, твои СИ являются законами деятельности, по аналогии с законами природы?

А.О. Аналогия есть. Так как что такое «закон» – это запись сущностного бытия. Но онтологические схемы – это такая запись. Когда Маркс вводил «клеточку» и ее разворачивал, он вводил законы, в рамках его версии. И Гегель и другие. И я также, как и Г.П.Щ. Проблема то сейчас в том, какова должна быть «клеточка». Ее «саморазвитие» дает любое иное богатство.

Б.В. И какая твоя клеточка, две схемы «Азбуки», первые?

А.О. Да. Они вместе содержат противоречивое целое. Вначале пути. Но мое начало пути – условное. Оно уже результат ста-

новление. Я не могу как Гегель опять все показывать синтагматически. Я даю парадигму. И в ней начало выглядит как сдвоенная схема. Она применима как понятие, т.е. объективируемое средство мысли. И она взлетает как объект, а не как мысль об объекте. Именно как объект его можно «поворачивать», изучать и т.п. Этот «объект» начнет развиваться, а мы в мышлении будем ему подкладывать все необходимое.

Б.В. Это сконструированный объект, идеальный, как теоретическая модель мира деятельности.

А.О. С учетом, что она еще только в «роддоме». Потенциал «клетки» актуализируется в течение всего пути.

Б.В. Но ведь не виден окончательный, последний шаг.

А.О. Да. Пока речь идет о системах деятельности, конец не виден. Но возникает проблема универсума деятельности. Пока нам это и не нужно. Но, в принципе, здесь нужно будет думать. Сферы, универсум. Самое простое, использовать критерии универсумальности «вообще».

Б.В. То есть, конкретно ты не можешь сказать об универсуме?

А.О. Конкретно – нет. Надо осмыслить заготовки ММК по поводу сфер деятельности. А пока – критерий «целостности», отсутствие внеположенного, сохранность жизни внутреннего без внешних источников. И т.п. В то же время универсумальные качества и «клеточки». Если считать, что вне ее деятельности нет. Если есть что-либо, то это иное бытие.

Б.В. То есть эта клеточка – монада?

А.О. И да, и нет. Она – монадна, так как ее граница не открыта и все внутреннее – внутри. Но она сама себя «разрывает» разотождествляется в себе, создает внешнее, вспоминает о внешнем и превращается опять в успокоенную монаду – системодетельностную.

Б.В. Так в чем главная идея в пользовании «Азбукой»?

А.О. В том, что пользующейся не вовлекает имеющиеся сложные и детальные схемы, а вводит в дело небольшую группу схем и правила применения в решении любых задач.

Б.В. Хорошо бы сделать учебное пособие в форме диалогов, как у Галлилея.

А.О. Это надо продумывать. Дать натуру развертывания и методическое сопровождение. Предвижу, что обучение будет длительным даже при терпеливом слушателе и ученике.

Б.В. Наверное, возможен математический аппарат для «начал» и развертывания мысли. Мы решим инвентаризационную задачу, которую ты ставил в октябре. Но много времени надо.

А.О. С математикой все непросто. Ты ее лучше знаешь, хотя я тоже самостоятельно шел в освоении ряда областей. Вот и пробуй.

Б.В. (6.6.1979). Я предлагаю немного пообсуждать мыслительные процессы и использование твоих схем в этом процессе. Как ты используешь схему акта мысли? При анализе реального мышления.

А.О. В акте мысли, точнее - в схеме, выражена норма абсолютного мышления. Понятие – есть, способность к его применению – есть. Трудности возникают тогда, когда понятие еще «слабое», не развитое. Теперь перейдем к использованию схемы при реальном материале. Например, в материале рефлексии мышления. Что есть в начале? Субъект мысли или образ, возникающий при чтении материала рефлексивных текстов. С другой стороны, есть предикаты, словарь. Но есть и «пространство мышления» или создания «знания» о субъекте. Это пространство собственно мышления, в которое вводят предикаты. Применяя предикат, мы его по содержанию интерпретируем как субъект мысли. Иными словами – понятие интерпретируем как объект, объективируем понятие. Альтернативный процесс – снятия, устранения объективации. Это как бы проблематизация отождествления предиката с субъектом. Сам этот процесс связан с негативным результатом подтверждения возможности отождествления. И тогда предикат возвращается в словарь, в его средственное, а не содержательное бытие.

Б.В. Так что, субъективированный предикат – это знание?

А.О. Да. Либо формальное – как гипотеза. Либо содержательное, подтвержденное. Кстати, если мы возвращаем предикат, то одним из вариантов будет перемещение его в сферу науки, в место для теоретика, его продукта с уходом из этого места в место полуфабриката или даже материал. А может быть просто возврат в словарь.

Б.В. То есть предикаты поступают из теоретического блока науки.

А.О. Да. И там уже либо мы теорию «выпрямляем» через проверку проходимости в машине логики ВАК, либо вводим в целое прохождения пути знания в науке. С экспериментом и феноменологический звеном. Так или иначе, но словарь языка – это результат отчуждения из сферы науки их понятийных и категориальных продуктов, теорий. Хотя может быть такой вариант, когда предикат слишком содержательный. Объем велик для случая. И тогда надо редуцировать его. Если слишком мал объем учтенного материала содержания субъекта, то можно синтезировать с иным, подходящим предикатом. Прежний предикат не убирается из словаря. И он в синтезировании остается в синтагматическом комплексе.

Б.В. А синтезирование или редукция предиката ведут тоже к предикату?

А.О. Да. После видоизменения конструкция помещается в функциональное место предиката как средства, а затем как знания. Будет вновь мышление.

Б.В. А переконструирование относишь к мышлению?

А.О. По базе – нет. Это надстройка. Она больше – семиотична, чем мыслительна. Но в целом, это часть мышления, хотя и сервисная, техническая, «бессодержательная» часть.

Б.В. тем самым, ты уже усложняешь пространство мышления.

А.О. Конечно. Появляется системно-мыслительное пространство. И оно предусмотрено схемой логики ВАК. Место, где переделываются предикаты – служебное место. Как инструментальный цех. Но в нем учитывается заказ, идущий из звена акта мысли и всей цепи таких актов как части пространства.

Б.В. А изготовление предикатов? Это ведь тоже сервис.

А.О. Конечно. Это может быть парадигматическая, семиотическая работа в пространстве мышления. Хотя может быть присоединение сферы науки, но только тем боком, который связан с парадигматизацией языка.

Б.В. Вся сфера сюда заезжает?

А.О. Может быть и вся. А так, могут быть кооперативные связи, когда научная сфера живет по своим законам, но имеет заказ из пространства мышления, подпространства языкового обеспечения в звене парадигматизации.

Б.В. А теоретику это нужно?

А.О. А как же! Он тоже может плюсы языка брать на вооружение. И тогда использует пространство мышления. Создает заказы, направленные на удобства своего теоретического мышления.

Б.В. Если учесть, что словарь то везде используется, в любых системах деятельности, то и наука с ним в кооперации вовлечена в «практику»

А.О. Там, где требования к мышлению специфические, серьезные. То есть, в рефлексии, в зоне проблематизации, в арбитраже и т.п. Там связь с чистотой парадигмы действительно велика. И логика тогда тоже сервирует мыслительную практику, мыслекоммуникацию и языковое обеспечение.

Б.В. Вообще-то редко обращаются к коррекции даже элементов парадигм профессиональных языков. Как правило прикрепляются к словам, их смыслу, а реже к значению. Но не как к элементу парадигмы. Надо ведь еще учесть общеязыковому взгляду, семиотическому сознанию. Даже в методологической среде.

А.О. В ходе подготовки диссертации интерес к группам и системам понятий возрастает, но не надолго. Я крайне рад, что вышел на эту проблематику «в принципе». Надо все время предполагать выход на такой охват, занимаясь методологической работой. Этим она и специфична. По крайней мере мы должны думать и о критериях изменяемости языка как механизма в целом. Знать общую картину и ее использовать как инструмент.

Б.В. ты знаешь, я прикинул сколько всего уже имеется знаний про язык, сколько трудов опубликовано, сколько нюансов и ужаснулся. А ты, с их точки зрения, сводишь к такой простоте, что им будет неважно.

А.О. Я и говорю, что они имеют опыт работы с категориями, с общими утверждениями и т.п., но это все в большой куче. И когда даешь мои простые схемы, то это кажется примитивом. Так было, кстати, с моим докладом у Вадима Розина, в институте языкознания. Я говорил о логике Гегеля, использовал

свои «простые» схемы. Ведь для меня схема «генезис языка» остается крайне содержательной, хотя она появилась в 1974 г. Еще до всех усложнений и «Азбуки». Она помогает мне ориентироваться в массе концепций, в лингвистике и логике.

Б.В. Скажи, а категория «предикат» лучше действует в теории мышления или коммуникации?

А.О. Схема акта мысли дана для логического анализа мышления. В мыслекоммуникации законными становятся издержки и временность владения тем или иным уровнем языка. Там могут быть «слабые» наполнения функции предиката и др. То есть, функции – всеобщие, а наполнения – историчны. И в мыслекоммуникации историзм расцветает. Другое дело, что есть арбитражная позиция. Там приближение к функции идет целенаправленно. Ведь остановка в развитии языка осуществляется именно базовыми коммуникантами: автор – понимающий – критик. Только арбитр «сомневается» в устройстве языка и сам вносит вклад.

Б.В. Он похож на теоретика?

А.О. Конечно, не похож. Он тоже конструктор миров. Кстати, в лингвистике особо отмечают, что язык конвенционален. Это и означает, что смыслы у соглашающихся могут и не дорасти до значений, а тем более – категорий.

Б.В. А арбитр как бы взлетает над собой?

А.О. Да, преодолевает зависимость от случайного в себе, свою индивидуальность.

Б.В. Качественный рост.

А.О. Да, качественно иной механизм мышления. И субъективных качеств. Вот я такой во многом. Взлетаю и ищу этой возможности.

Б.В. Если я тебя понял, то схема акта мысли размывается в коммуникации? И в случае меточного использования знака схема акта растворилась полностью.

А.О. Да нет. Не точно. Схема работает. Но вместо значения (понятия и т.п.) в предикате остается лишь знаковая оболочка, натура средства. Содержательность с ней не закреплена. И каждый трактует так, как хочется или получается. Отослал к

объекту и все. Пусть смотрят и строят образ. В этом суть меточного типа связи знака с означаемым.

Б.В. Как ты считаешь, если оставаться в меточном типе употребления знака, то можно развивать язык?

А.О. Нет. Так же как и в смысловом варианте. Если язык уже «встал на ноги», то он не будет развиваться в этих условиях. «На ноги» – то есть у него есть и парадигматика знаковых средств, и правила построения текстов и т.п. То есть, механизм.

Б.В. А когда он будет развиваться?

А.О. Если будет прогресс механизма. Не будет хватать связки «парадигматика – сингагматика» в пределах общей стратегии развития языка, в соответствующей фазе.

Б.В. Например.

А.О. Например, как говорил Мартине, потребуется второе членение парадигмы делать. Не моно-элементы в парадигме, а структуры. Вплоть до дифференциальных признаков. А затем еще и универсализация этих признаков.

Б.В. Так же и в семантическом слое?

А.О. А как же! Вот я беру значение знака. Если оно по содержанию разложимо, то будет новое членение. А если еще и части я буду универсализировать, то появится мощная «категориальная» система.

Б.В. И ты все время стремишься к дифференциализации и универсализации? В семантике.

А.О. Да. И «интегрализации». То есть, ввожу технику конструирования семантических структур, категорий – точнее.

Б.В. И никого не спрашиваешь. Сам себя накручиваешь.

А.О. У меня логическая идея. Она требует категорий как тотальных средств конструирования онтологических схем. В обычных условиях, когда критиков нет и нет зацикленности в дискуссиях, эти ожесточения как бы не оправданы. И я если и шел к этому, вопреки идее конвенциональности знака и значения, сначала в конспектировании, а затем – в изобразительной схемотехнике, то меня вела склонность к однозначности. Вто-

рично вела склонность к сущности и всеобщности. Конвенция обслуживает базовый процесс – понимание, критику. А арбитраж – выше конвенции. Это позиция чистого мышления в позиции Бога.

Б.В. Но ведь теории конвенциональны, согласовательны.

А.О. По морфологическому критерию – да. История. Но функциональном звучании – теоретик становится над согласователем. И берет на себя ответственность. А потом есть процедура подтверждения, опровержения, которые тоже дальше конвенции.

Б.В. И так, коммуникативное мышление в силу конвенциональности, более низкого порядка, чем теоретическое.

А.О. Да. Пока не разворачивается жизнь арбитража, а потом его рефлексивного обеспечения. Арбитр и уходит в языковое, парадигматизацию.

Б.В. Если не арбитр, а иной рисует схему, то этим он вводит и значение?

А.О. Это может быть, если рисующий перестал работать «на себя» и стал работать «на других», на всех. Если он конструирует «мир», а не самовыражается.

Б.В. А как же объективация схемы?

А.О. Если он строил мир и превращал его в средство мысли, то делал акцент на содержание. А если он акцент делал «просто» на рисовании! Тогда он не предполагал отнесения по принципу параллелизма: Элементы схемы тут не соответствуют элементам «объекта». Да еще сама схема с ее содержанием соотносится с созерцаниями, результатами созерцания. Иначе ее мы оставляем лишь в словаре, а если и оставляем в мыслекоммуникации, то формально-содержательно.

Б.В. Необходимость в значениях появляется в мыслекоммуникации или в мышлении иного типа?

А.О. В первичной коммуникации, без арбитра значения не возникает. Достаточно смыслов или стереотипизированных смыслов. Значения – конструкции и обобщенные, и структурированные. Они учитывают набор, парадигму и вставляются в нее. Другое дело, что и арбитраж зависит от истории, от ди-

намики и конфликтов в коммуникации. И тут прагматизм может процветать. Тут и конвенциональность. А вот в науке теоретик мыслит более жестко, так как добавляется функция «истинности». Она, истинность, не терпит согласованности, так как сущность, истина – одна.

Б.В. И тогда само построение текста перестает быть случайным и согласованным?

А.О. По содержанию появляется императив, категорический. Когда теоретик пишет, то тут не в конвенциональности дело и строится «только таким образом».

Б.В. И так наука появляется?

А.О. Тут надо отличать функцию «научного» познания и науку. Философия раньше науки шла к истине, к сущности. А науки появились в результате проекционных разложений онтологий, т.е. на базе философии и ее результатов. И тогда вместо одного сущностного объекта появляется много, идеальных объектов в каждой науке. Но они все уже зависят от эмпирии, а не только от онтологемы.

Б.В. А значение имеет нормативное содержание?

А.О. Конечно. Если надо строить оперирование, тексты и т.п., то значение влияет на то, как оперировать знаком. Отдельно и в знаковом окружении. Бриджмен прямо говорит о значении (понятии) как совокупности операций. Значение помещается в две функциональные ячейки – знания и предписания.

Б.В. И любое знание – таково?

А.О. Да, так как оно помещается в организацию действий. Предикат несет в себе норму его применения. В пределах семантического учета в синтагмировании. Кстати, отсюда идет семантическая трактовка грамматики, семантической синтаксиса и т.п.

Б.В. Это, наверное, не так жестко. Где тут отличить влияние значения на соединение знаковых единиц, на формы стыковки в синтаксисе и грамматике.

А.О. В структурной семантике многое уже обсуждено. Почитай Кацнельсона, да и таких как Звягинцев. И т.п. Чтобы все

это разбирать нужна онтология языка и коммуникации, техника слежения за динамикой использования языка. Ведь ты отличаешь и морфологически, и семантически отличие «я иду» от «идти», «я иду» от «она идет». Есть ограничения на сочетания. Появляются грамматические значения. Мы можем строить правильные высказывания не глядя, но подразумевая объект, тип ситуации.

Б.В. А как отличить мыслекоммуникативную и собственно мыслительную ситуации?

А.О. Прежде всего оформлением в качестве решения задачи. Коммуникация легко вырывается за пределы формы решения задач. Эти формы, решения задач и проблем, становятся источниками ограничений жестокостей и т.п.

Б.В. Итак. Язык совершенствуется и в плане знаков, и в плане значений. Это социотехнический процесс? Когда накапливаются разрывы в коммуникации?

А.О. Да, при адекватном использовании языка в его прежнем состоянии. Ведь я это и проделываю с языком теории деятельности. Причем я знаки или означающие можно сказать не меняю. Почти. А значениевый ряд – меняю. И саму технику работы с значениями, означаемыми. Кроме того, у организатора коммуникации толкающим фактором выступает разрыв в понимании, критике. А есть еще один организующий и стимулирующий к трансформации языка фактор – логика. И именно логика ВАК. Хотя и иные логики дают точки в употреблении языка, толчки в сторону языкоконструкторов. Язык, до предела «развивается в связи с применением логики ВАК, в позиции теоретика. Это я понял в начале 1974 г. и был в радости от этого понимания. Суть этого явления, можно сказать, не обсуждается в языкознании. Да и в этом суть размышлений Гегеля, который обратил внимание не на парадигму, а на логику. Но в контексте «истинного метода».

Б.В. А проблематика понимания другая, чем эта?

А.О. Да. Другая. Но без понимания как процесса, формы работы, функции и т.п. не будет всего остального. Достаточно обратить внимание на результат.

Б.В. Это образ, сложившийся у понимающего, когда он воспринимает текст?

А.О. Да. Но главное не в этом. А в том, что этот результат опробывается на размещении авторского образа. Отождествление по содержанию и потом – по форме.

Б.В. Хорошо. И что тут сложного?

А.О. Есть проблема техники и технологии отождествления понимающего с понимаемым. Имитация состояний, чувств и др., сопереживание. Все это естественно и по видимости лишь действительно отождествляется. Надо же выйти за субъективизм понятности, нужны критерии. Даже «те же» тексты – ненадежны. В методологической коммуникации результат создается в мышлении. В рефлектирующем мышлении. А где «надежность» в понимании? В понимании мы по функции имитируем, а по морфологии – конструируем. Г.П.Щ. все время вытряхивает сенсуализм Локка, Гоббса и др., говоря, что он не исследует, а конструирует. Это да. А потом –конструкцию то мы интерпретируем не как конструкторский произвол, а как то, что «соответствует» чему-то. В коммуникации проверка производится легко. Спросил, ответили, согласны, несогласны. Вот отсюда то и появляется проблема «содержательно-генетической логики», а раньше – всей философии Гегеля. Он же говорил, что кроме мышления ничего нет, кроме духа – ничего нет. И лишь мышление проявляется в сознании своего инобытия. Совмещение функционального и морфологического в мышлении и в духе, познающем, и является идеалом, источником возможности понимания и познания. «Восстанавливая» прошлое мы его создаем. А по функции, как говорил Платон, воспоминаем.

Б.В. В рефлексии мы воспоминаем или строим деятельность?

А.О. Реконструируем или воссоздаем прошлое и строим, проектируя, новое. Если только перефункционализируем – то идем к воспроизводству, а если через критику переопределяем прошлое содержание, вносим новое, убираем прошлое – то идем к развитию или деградации.

Б.В. То есть, в рефлексии мы несемся вперед к воспроизводимой или новой деятельности. И без ошибок.

А.О. А устранение ошибок – социотехническая рамка этого процесса.

Б.В. В социотехнике есть исследования?

А.О. Исследование – свернутая социотехника. Это самоустранение своего основания. И исследование всегда должно возвращаться в целое социотехники. Так же как часть рефлексии – в целое рефлексии.

Б.В. А можно еще так. Исследование реализует функцию консервации, а социотехника – расконсервации?

А.О. Частично. Гегель показал, что в исследовании, как в любом проявлении духа, снимается, по-своему, парадокс, о котором мы говорили. Знание – и конструкция, и отображение. Все есть «дух» – «в себе и для себя» сущий. Нет иного. Он себя и делает иным. В социотехнике разделяется целое духа. На себя и не себя. Субъективности разные и помещаемые в объединяющие пространства деятельности. Там возникает и организационно-корректирующее отношение к усилиям партнера. Это и есть начала социотехники. Кстати, Гегель разделил проявления духа на «теоретические» (познавательные) и «практические» (коррекционные).

Б.В. То есть, в методе Гегеля ты видишь «социотехничность»?

А.О. Да, замаскированную в механизме развития. Он говорит, что прежнее «разотождествляется» и становится и прежним, и новым, «иным». В рефлексии критика этим и занимается, разотождествлением того, что должно остаться и тем, что не должно оставаться, а в проектировании – введением альтернативы или просто нового, или добавки и т.п. То есть иное помещается в новое целое. Период «дестабилизации» завершается. А по логической форме это что? А это – путь к иному, уточняющему предикату, в стадии дестабилизации. Затем – синтезирование, возврат к стабильности, но уже с помещенным уточняющим предикатом. Для этого надо доказать, что прежний предикат не выразил «всего» хотя и выразил «что-то». Его сохраняют, но уточняют. В конце опять проверка на

«более точное» выражение, более полное. Но вот Гегель говорит, что последующий предикат не просто найден где-то и помещен, а «порожден» предшествующим. Вот тут онтологическая тайна. Значит формальный процесс «поиска» нового предиката оказывается извлечением из того, что уже было. Но ведь его не было. Не было – актуально. А было – потенциально. Актуализация – дело содержания предшествующего предиката. Оно пошажно вытаскивает из себя все свое содержание, раскрывая его как понятие. Но это и есть форма саморазвития. Обрати внимание. Автор излагает как придется. Понимающий – уже задумывается – как изложить вторично. Если случайным образом излагает, то в любой момент возникает ступор, автор огорчается, стопорит, не соглашается. А тогда надо изложить организованно. Но это согласовательный вариант неслучайности. А вот в арбитраже – подлинная неслучайность. И тогда арбитр приходит в позицию понимающего и систематически развертывает все содержание.

Б.В. Тем самым, уточнение – следствие необходимости сделать организованное вторичное изложение?

А.О. Да. И не только то, что уже сказал автор, но и идя к возможным авторам, замечаю всех. Это же арбитражное понимание. И тогда, принцип не внешнего, а внутреннего источника содержания.

Б.В. Здорово! Хитер был Гегель. И ты не вытряхнул его гениальное достояние. А в уточнении движется вперед все или уделяется внимание частям, сторонам целого?

А.О. Это уже надо смотреть на образцы работы мысли. У Маркса, например. У Гегеля тоже. Думаю, что тут влияет онтологический кригерий. Как идет развитие? От сосредоточия на одном, а затем – на другом. Противоречивом.

Б.В. Сначала – на «ин», а затем – на «ян». Или наоборот?

А.О. Посмотри на кооперативные схемы у Г.П.Щ. Морфологическая сторона совершенствуется раньше, чем функциональная.

Б.В. Кстати. Если несколько уточнений проводится, то последующий уточняющий предикат насаживается на предыдущий?

А.О. Сначала нужно уточнить соседний уточняющий. Так как тот сам уточнял что-то раньше, то после его уточнения он в новом «состоянии» уточняет своего предшествующего соседа. И так до исходного предиката.

Б.В. Иначе говоря, надо следить за тем, что бы не спешить уточнить и дойти до исходного предиката. Очень сложно? Принцип вроде бы ясен и прост. Но по содержанию начинаешь прикидывать и глаза "едут на лоб"!

А.О. Особенно если не забываем «вынужденный» характер прихода к новому уточняющему предикату, через его «выталкивание» от предшествующего этапа развития объекта. И тогда выталкивает все предикаты тот же самый исходный предикат.

Б.В. Я и говорю. Как трудно содержательно это себе представить!

А.О. Крепись, атаманом будешь. Нужно в сознании разворачивать события, да еще и руководить этим процессом в соответствии с логикой ВАК. А чтобы не отлететь от дороги мысли – строить схемы и в них стабилизировать поток смыслов, ужесточить их до строго движения мысли. Нужен опыт такого манипулирования собой и схемами. Нужно много сил потратить на сущность развития и саморазвития. А потом- в применении к человеку, обществу, культуре, деятельности. Нужна «осознанная необходимость» мысли.

Б.В. И всему этому надо как-то учить.

А.О. Не «как-то», а очень организованно. Я надеюсь на разработку путей и моделей обучения.

Б.В. И кого обучать? В ММПК?

А.О. Да. Будущих методологов и преподавателей методологии. Об этом я говорил в октябре прошлого года».

2.1. ПРОГРАММА ММПК (версия 1978)

Основным событием, оформившим наше самоопределение в методологическом пространстве, выступило создание «Кружка» – московского методолого-педагогического кружка (ММПК). Стремление к коллективному прохождению пути развития и саморазвития выявилось задолго до начала работы ММПК. Еще в 1962 г., в конце года мы вовлекаем некоторых сослуживцев в армейском подразделении в размышления о физических явлениях, о физиках и о физике как науке. Более широкий обзор и предмет размышлений сложился в 1964–65 гг. после влияния таких ярких сослуживцев, как А. Чирков, В. Забровский. Неслучайны попытки кружковской работы после службы в армии, в 1965–1968 гг., а их содержанием выступали общественные явления. К 70-му году мы имели уже рефлексию «метода» (МРТ) наметки программы «РЛЭГИС», носящей гуманитарный и акмеологический характер. До 1978 г. был приобретен опыт, хотя и фрагментарный, создания кружков и обсуждений. Тем более, что после создания в 1971 г. перед нами стоял пример ММК, появлений Г.П. Щедровицкого и его учеников. В 1977 г. произошла важная встреча с Г.П. Щедровицким, касающаяся самоопределения в ММК. Мы сказали, что хотим воспроизводить методологов на основе МРТ, чем вызвали неблагоприятную реакцию из-за крайней сложности проблемы и отсутствия «ясных методологических шагов» в этом направлении. Но мы уже успели сделать несколько серий докладов на ММК, показать свои ориентации. Кроме того, мы уже полностью подтвердили гипотезы о возможности формировать М-культуру мышления в контексте обучения культуре работы со схемами, с текстами. К этому времени были сделаны ряд обзоров идей предшественников по всем линиям проблемы. Мы чувствовали твердую опору в истории и подтверждающей идеи практики мышления методологов. Приведем содержание первого доклада на ММПК.

"Анисимов О. (18 октября 1978 г.) Мы начинаем особый семинар. Он предназначен для достижения нескольких целей. Цель первая – реконструкция истории ММК. С этим связана цель вторая – реконструкция методологического наследия, средств, методов, созданных в ММК, образцов мыслительной работы методологов. Это позволит зафиксировать культурное лицо ММК. Необходимо из естественного хода работы кружка, из его деятельности выявить и отделить научные культурные результаты. Но как мы будем осуществлять реконструкцию? Прежде всего, опираясь на метод работы с текстами – МРТ. Он позволяет решать самые трудные задачи в этих линиях. По содержанию результаты работы ММК я членю на два типа. Первые из них – «явные», оформленные под отчуждаемые результаты самими авторами, например, Г.П. Щедровицким, О.И. Генисаретским, В.М. Розиным, В.Я. Дубровским, Б.В. Сазоновым и др. Они сами выделяют и ставят акценты, говоря, что это – «результат» методологии, ММК и т.п. Второй тип результатов – «неявные». Они возникают в ходе дискуссий и не обязательно оформляются отчетливо. Таких материалов накопилось очень много. Тем самым, МРТ будет применяться и для оформления «заготовок», имеющих культурную значимость.

Третья цель семинара состоит в выявлении форм и методов самого методологического мышления, Выявление из живой ткани мысли методологов. Тем более, что эта ткань представлена в текстах, с которыми надо работать. Надо выявлять образцы, их типологизировать и оформлять как методы. С этим связана цель выявления различия между технологическим и методным результатом и способом его получения. Здесь выделяются формы обсуждения, дискуссий, столкновения точек зрения. И тут я подчеркнул бы роль не только «дела», культуры дискутирования, приложение «своих же» наработок, но и конфликты между участниками, противопоставления, индивидуальные качества, эгоизм, стремление к победе любой ценой, невнимание друг к другу и т.п. Надо выявить место борьбы в работе и бытии методологов ММК, понять их позитивную и негативную роль. Следует выявлять методы борьбы и их оправданность для самой методо-

логии. Надо понять и тот урон, который наносит методологии и культуре эта борьба.

Следующая, пятая цель состоит в развитии метода, МРТ и сопутствующих форм организации мысли. Надо предполагать, что в чем-то МРТ может работать неэффективно и тогда его надо модифицировать. Может быть нужны варианты МРТ, их типологизация. Кроме того, этот же МРТ можно приложить и к художественным текстам. Нужны адаптации МРТ к типам текстов. Надо раскрыть специфику МРТ, учитывая, что такой метод в культуре еще отсутствует.

Особая цель – обучение членов кружка. Члены кружка в различной степени оспособлены как методологи, а работа предстоит столь сложная, что без развития и непрерывного движения вперед обойтись невозможно. Наряду с умением анализировать тексты ММК и любые нужные тексты необходимо умение организовывать свое мышление при работе с устными и письменными текстами. Отсюда идет потребность в обучении такой организации, а затем организации не своего мышления, а мышления других участников. Еще более отстоящая цель – обучение бытию в качестве руководителя семинара. Такое умение понадобится для возникновения параллельных семинаров и семинаров в других местах, куда забросит судьба. Так культура мышления, которая формируется при использовании МРТ, нужна в этой работе руководителя семинара, в его обучении семинаристов культуре мышления. И тут в основе лежит вся машина критической работы с помощью МРТ. Усвоив все возможности МРТ и соответствующие средства, участник кружка будет готов решать любую задачу в методологии, участвовать в развитии методологии наилучшим и осознанным образом. Он приобретет опыт как в распознавании способов порождения результатов, так и в типовых путях существования методологов, а затем и типовых путях роста, развития методологических способностей. Обучение методологов перестанет быть экзотикой и станет регулярным, имеющим форму процессом. Естественно, что в раскрытии способов обучения, тайн становления методологов нужно использовать опыт педагогической и психологической мысли и технологический опыт. Когда-нибудь мы сможем создать для этого специальные учебные процессы.

Наконец, моя собственная цель. Мне хочется выявить затруднения в реализации требований МРТ. Различные ошибки выступают как повод раскрытия их причин. Здесь я вижу огромную перспективу фиксации тех феноменов, учет которых поможет резко увеличить эффективность освоения МРТ, схемотехники, работы в рамках логики ВАК, рефлексивной самоорганизации. Все это лежит в основе всего направления развития и распространения культуры мышления и методологического мышления, а затем и деятельности.

Можно ли достигнуть эти цели в принципе? Раз цель поставлена, то надо ухитриться ее достигнуть. Однако я хочу подчеркнуть, что следует не просто фиксировать то, что сделали другие. Я считаю, что следует их рассматривать как материал. Следовательно, нужно из них еще создать абстрактные заместители. Подлинные результаты должны быть абстрактными, а затем и конкретизируемыми. Необходимы максимально неслучайные результаты, что достижимо лишь на основе абстрагирования. Причем это абстрагирование я связываю с применением логики ВАК, идей Гегеля. Он в высшей форме выразил требования к содержательным абстракциям. В ММК Гегель никак не приживается. Поэтому и результаты обладают большой долей случайности. А у меня в МРТ главная опора лежит именно на логике ВАК. Схематизация лишь подготавливает к логическим формам и высшим эффектам.

Кроме того, в различных местах методологи дают разные версии «тех же» результатов, разные образцы мысли. Поэтому мы должны их дениндивидуализировать и сделать результатами ММК. Так что задача похожа на ту часть МРТ, когда приходится работать на материале различных фрагментов по одной теме. Все тексты ММК разделяются по множеству типовых тем и эти наборы тем еще надо выявить.

Понятно, что осуществляя подобную работу, мы плавно переходим от реконструкции к конструированию. Поэтому вполне возможно, что мы преодолеем рубеж теперешнего ММК и начнем идти вперед, к более высоким результатам. Точно так же, как в работе с текстами. Сначала понимание «естественное», а затем переходим к созданию средств более глубокого понимания, в чем помогают и схематизация, и логика. А идя в глубину, мы «проходим» мимо автора, преодолева-

ем и «находим» свою версию. Еще более прямо к такому результату можно прийти через критику, через активный поиск несоответствий, неудач, возможностей усовершенствования. Это хорошо видно в схематизации.

В отличии от ситуации работы с текстами в обычных условиях мы должны опережающими темпами создавать средства реконструкции как типовые средства методологии. И тогда нужно обучать их применению, как в прямой работе, так и при организации мыслительного взаимодействия, организации дискуссий. Типовые наборы ММК носят исторический характер. А нам нужно иметь эти средства как учебные, внеисторические. Иначе говоря, сервис критики и реконструкции связан с обучением как содержание обучающего процесса. Кружок наш (ММПК) потому и педагогический, что он направлен на такую реконструкцию наследия, которая могла бы обеспечить трансляцию методологической культуры. Мы извлекаем из ММК то, что помещаемо в трансляцию и организованную подготовку методологов. Реконструирование и образовательное конструирование тесно связаны друг с другом.

Следует отметить, что мой метод, МРТ, в своей основе имеет «теоретическое мышление» как наиболее рафинированное, строгое. Но оно особым образом «поворачивается» в сторону решения любых задач. Оно выступает как «искусственный» слой и аналог начальному, «естественному» мышлению, воспроизводящему движение мысли автора. Могут быть и авторы, мыслящие строго и «теоретически». Но тогда уровень совмещения и «совпадения» с заместителем растет. И все же применение логики ВАК в культуре эпизодично, редкое событие. Поэтому всегда найдется возможность выпрямить мысль и содержание, сделать их более жесткими и точными, более глубокими.

Вместе с тем, введение и оперирование схематическими изображениями перемещает акцент работы с содержания на форму мысли. Поэтому члены кружка будут более ускоренно проходить путь методолога в ММК. Сам МРТ концентрирует все особенности мышления методологов. Разбирательство с

автором превратится в разбирательство со своей мыслью и мышлением, с мышлением других кружковцев. И у нас гораздо больше возможностей быть организованными в мышлении, чем в ММК. Основа оптимизма как раз и состоит в техничности своей работы благодаря МРТ. Остается следить за собственным развитием и применять МРТ к рефлексивным текстам, текстам о ходе развития. Этот оборот я обсуждал с Димой Аврамковым. И то же самое лежало в процессе перехода к использованию МРТ в исследованиях и обучении, начиная с опыта 1975 г. с Эльзой Тищенко на тексте «Я и ОНО» Фрейда.

Самошкин С. И все же, что станет ведущим в нашей работе? Теоретическое или методологическое мышление? Исторические реконструкции или разработки нового в методологии?

Анисимов О. Я подчеркиваю, что в основу кладу воспроизводство методологов. Для этого надо иметь ввиду и их способности, и освоенность конкретных результатов ММК. Результаты надо еще реконструировать из массы материалов. Для этого нужна техника исторической реконструкции и критики. Здесь мною вводится МРТ как ключевая техника и метод для решения реконструктивных задач. Но она еще и такова, что может совершенствовать результат реконструкции. Поэтому мы можем получить более хороший результат. Восстановление и совершенствование – две стороны процесса в рамках метода, и вообще в организованном, культурном мышлении. Хотя можно акцентировать внимание и на критике, на проблематизации. Я считаю, что для нашей идеи требуются переходы от того, что было на «станке» у методологов к тому, что надо для воспроизводства и трансляции. Это уже переход к замещению, к обобщению, созданию парадигмы языка. Вот тут то и нужна логика ВАК особо. В ММК пока что пренебрегают Гегелем и этой логикой. Есть логика содержательно-генетическая. Она стоит в этом же ряду. Но Г.П. Щедровицкий понимает Фихте, а Гегеля не понимает. И ругает даже. А я люблю Гегеля и считаю, что он намного выше Фихте. Тут то и возникают наши преимущества. Мы можем создавать учебную

парадигму языка теории деятельности. Я ее и создавал как «Азбуку». Но еще пока все в процессе. Теперь об обучении. Работая с материалами ММК, я хочу обучать. А это значит «ставить голос мыслителей». Это обучение как бы в ходе работы и на базе работы. Это —развивающее обучение. Можно использовать идеи Гальперина, Давыдова и других. Все выяснится по пути. Но главное — основы мышления и культуры мышления. И тут опять на помощь идет и не только логика ВАК, а и схематизация, семиотика. Поэтому я такое внимание и уделял языку, его генезису, рассмотрению изобразительных схем как провокаторов развития мышления. Чем труднее текст, тем больше появляется нюансов в семиотических процедурах и условий для семиотического сознания. А затем — логическое сознание и самосознание. И вообще вся мыслительная механика вскрывается. А по пути обнаруживаются «бунты» природы, стремлений и т.п. Вот и придется заниматься внутренним миром. Нужно будет проходить весь путь овладения собою, о котором говорил Гегель, кстати, и современные психологи, педагоги, культурологи. Чем жестче средства ЯТД, тем быстрее все обнаруживается.

Самошкин С. И мы будем готовиться к «практической» работе в ММК?

Анисимов О. Да, семинар, кружок наш — сервисный к ММК. Если удастся сделать его «законным». А это еще не очевидно. При любом раскладе будем идти. И опережать. За счет более тонкой мыслетехники, за счет сознательного отношения к развитию себя.

Самошкин С. И мы будем входить в детали мысли Г.П. Щедровицкого и других?

Анисимов О. Это хотелось бы. Но надо еще наладить механизм работы вообще. Мы беремся за суперсложную работу. Слава Бязыров и Юра Ясницкий в трепете за этот замысел. Все сложно и ответственно.

Чернушевич В. В ММК давно работают со схемами. В чем тут твоя оригинальность?

Анисимов О. Только в том, что я систематически и тщательно делаю тоже. Иду в основания всех процедур как бы до конца. И у меня не только огромная подготовка была теоретическая, в чтении и схематизации литературы по лингвистике, логике, психолингвистике и т.п., но и опыт огромный внедрения всех идей.

Чернушевич В. Это когда ты в НИИВШ мучил народ?

Анисимов О. Да, в том числе. Но, сначала, я «мучил» себя во всех деталях. О которых не подозревают ребята ММК.

Чернушевич В. Но ведь ты им докладывал? Они поняли тебя?

Анисимов О. Все факультативно реагировали. На деле я взаимодействовал с Г.П. Щедровицким. А он застрял в тщательности формы и мало прошел со мною содержательно. Хотя уважение к моему делу иногда отмечал.

Чернушевич В. Ты говоришь о теоретическом мышлении. А он – теоретик, с твоей точки зрения?

Анисимов О. Я, входя в ММК, уже «имел» Гегеля. Поэтому отметил еще в 1971 г. изящество мысли Г.П. Щедровицкого. Но по форме. А по глубине он мне казался не на уровне Гегеля. И сейчас я его рассматриваю как мастера рассудка, а не разума. Ведь мышление в стиле ВАК – это высшая форма разумного мышления. Она лежит в основе культурности мысли. Я полностью на стороне Гегеля. А выкрутасы, и красивые, у Г.П. Щедровицкого следствие симбиоза Канта и Фихте. Он склонен противопоставлять и тут у него в руке Кант. Но он любит конструировать и тут у него в руке Фихте. При этом он эгоцентрист, хочет преобразовать все на свете. Отсюда у него нет внеслучайного самоограничения, что есть у Гегеля. Истина его не интересует, а Гегеля – интересует. Да еще как. И меня тоже. Но не тупая, формальная «истина», а в логике содержания. И это крайне сложно. С этим в ММК и не справились. Хотя обсуждения «диалектической логики» были большие. Вся механика рассуждений Гегеля была оставлена за бортом. Итак, теоретическое мышление или полное использование возможностей логики ВАК нам нужно для реконструкции всех тонких шагов методологов и иных мыслителей. Мой метод, МРТ и

предназначен, прежде всего, для формирования базы мышления, его глубины – теоретического мышления. А затем и периферии – всех иных форм.

Самошкин С. Каково соотношение между теоретическим и методологическим мышлением?

Анисимов О. Теоретическое мышление – основа, а методологическое – основанное. Оно удерживает базу, но реагирует на все многообразие практических ситуаций. Поэтому и является мощным.

Самошкин С. А наше обычное мышление каково?

Анисимов О. Оно является синкретом всех и вся. В нем надо отслаивать различные составляющие. Гегель это показал в псевдогенезе. Но он организованно делал, идя от простого к сложному. Я в работе с текстом получал лабораторную ситуацию всех расслоений. Огромное значение здесь играла схематехника, рефлексия работы со схемами, конспектами и изображениями. Надо научиться всему этому настолько, чтобы перейти от обнаружений к конструированию мыслительной «машины». Этим и будем заниматься. Методолог включен в деятельность и ее организацию. Поэтому его мышление зависит от деятельности и организации деятельности. Но методолог это делает, мысля и организуя свое мышление через рефлекссию. Он пользуется всей неслучайностью форм мышления, превращая случайное в мышлении в неслучайное при сохранении контекста деятельности. Методологи ввели кооперативные структуры деятельности, научившись мыслить в той или иной позиции, заимствуя их в рефлексии и переходя от позиции к позиции. Здесь и лежат главные достоинства методологов. Но как сохранить базу, сущностное основание или «теоретическое мышление» во всех позициях и переходах? Вопрос сложный. Я на него и отвечаю, иду к ответам. Только за счет мыслетехники, в основе которой лежит «метод» Гегеля, мое техническое оформление его "метода". Содержание норм зависит от мышления указанного типа. Чем «чище» мышление, тем лучше совершенствование деятельности. Вот мы и посмотрим, как это было сделано в ММК.

Е. Нормы теоретического мышления в разных позициях одни и те же или нет?

Анисимов О. База, исходная абстракция нормы мысли – одна и та же. Но в рамках позиции появляется «основанное», а не просто «основание». Вот и появятся разные проявления теоретического мышления. Но как «выведенные» из основания. В отличие от стихии мышления.

Самошкин С. В критической деятельности есть какое-то пересечение восстановления картины прошлой деятельности и какие-то ходы как бы от себя. В картине прошлого надо оставлять то, что связано с затруднением?

Анисимов О. Критика осуществляется в контексте рефлексии. Нет затруднений и нет рефлексии. Нет тогда и критики. Поэтому нам важно фиксировать затруднения в работе методологов и затруднения у тех, кого они анализируют. Но сначала нужна полная реконструкция. Иначе будет источник ошибок.

Битехтина Л. Разве у критики нет иной функции, как поиск причины затруднения?

Анисимов О. Да, в основе лежит этот поиск. Я так ввожу критику. Это моя конструкторская условность. Нашел причину затруднения и получаешь право проблематизировать, исходя из идеи преодоления затруднения.

Битехтина Л. Но это же условность!

Анисимов О. Да, как у любого конструктора языка. Но я строю язык так, чтобы можно было видеть всю целостность мира деятельности, и чтобы в этой картине ничто друг другу не мешало. У каждой части мира – свое. Так что все здесь должно быть как у Пифагора, Платона, Прокла, Гегеля и т.п.

Самошкин С. Но тогда тут должны быть единицы. Что это за единицы мира деятельности?

Анисимов О. В роли единицы у меня взята не одна схема, а минимальный набор. Используя его, я строю любую сложную картину. Это требование логики ВАК.

Хаценок. Возможно ли это?

Анисимов О. Не столько возможно, сколько «нужно». Не зря же была нить дискуссий в философии. Все уже обсуждено.

Смотрите линию Кант – Фихте – Шеллинг – Гегель. А еще раньше – Платон, Лейбниц и т.п. Но только у Гегеля все предельно раскрыто. В ММПК этого не достигли при всей конструктивной механике и операциональности. Я все это отрефлектировал в ходе работы с текстами. Нужен большой объем «ручной» работы с ними. Тогда все станет легче. История логики приблизится.

А. Сколько схем окажется достаточным?

Анисимов О. Немного. Конечно, не так как введено начало у Гегеля, так как мы начинаем не с Адама, а с деятельности. Но логика требует и схем должно быть «немного». Кстати, схема развития у Г.П. Щедровицкого – одна из заготовок этой исходной схемы. Или схема акта деятельности. Шаг развития – основная единица. От деятельности к деятельности через рефлексию. Деятельность себя меняет за счет рефлексии. Спокойное функционирование заменяется бурной рефлексией и возвращается в спокойное функционирование с иным содержанием. Примерно так, как изображал развитие науки Т. Кун.

Самошкин С. И насколько велики могут быть изменения?

Анисимов О. Например, за счет членения этой схемы можно прийти к сферным представлениям. И в функциональной, и в рефлексивной части могут быть членения, если рефлексия сама расщепляется и расщепляет функционирование будучи расщепленной. Тут уже онтологические и логические соображения.

Самошкин С. В критике можно работать без средств, интуитивно и со средствами. После реконструкции прямой средства нужно использовать в реализации реконструктивной функции?

Анисимов О. Да, когда идет оформление материала. Тогда строится теория случая. И менее случайно находится причина затруднения. От применения средств уже здесь зависит и проектирование деятельности.

Битехтина Л. Г.П. Щедровицкий применяет системную четырехслойку. Ее можно в критике применять?

Анисимов О. А как же! Это четыре фокусировки как возможности в критике.

Битехтина Л. А критика зависит от материала? Это будут разные критики?

Анисимов О. Если у нас есть унифицированные средства и техника их применения, то это будет «одна» критическая позиция и техника, но по разному себя проявляющая. Средства позволяют ввести сколько угодно акцентировок, но это будет одно критическое мышление. Это ведь разная синтагматика при одной парадигматике. Строя синтагму, я много раз могу ввести в последовательность одни и те же средства, если я доказал, что их можно ввести по содержанию мысли критика. Очень важно разобраться с тем, как выстраивается мысль в высказывании, как вводятся предикаты, как они усложняются. Помните, как я вводил схему акта мысли? В этой схеме потенциально введен мир мышления, языкового. Но Гегель показал, как он появляется еще до языка в прототипном виде. Нельзя понять то, как работают в ММК без раскрытия этой схемы, других схем. Базис есть базис. Иначе не увидим, как меняется и содержание мысли, и форма, и основания мысли в дискуссиях. В ходе дискуссий многократно выходят в рефлексию и меняют основания, направление движения и т.п. Все это надо реконструировать, если нам мало фиксировать только результат.

Самошкин С. То есть, в критической деятельности соединяются и консервация, и расконсервация?

Анисимов О. Да. Сначала обнаруживается то, что сохраняется (квалификация). А затем, что несохраняемо (оценка). Появляется место для проблемы. А затем уже и переход в нормировании. Имитационная функция – начальная для фиксации материала. Надо уметь стать на время Розиным В.М. или Генисаретским О.И.

Итак. Поле для работы я очертил. Есть цели, есть метод. Остается идти.

2.2. МЕТОД РАБОТЫ С ТЕКСТОМ И АНАЛИТИКА

(версия 1970 г.)

В самом начале 1970 г. мы осуществили вторую рефлексию своего опыта работы с текстами, конспектирования. Первая рефлексия состоялась в 1967 г. Она оформила технологические акценты, ставшие основой и успехов в достижении мыслекоммуникативных целей, и качественного роста самой мыслительной работы, роста "интеллекта".

В 1967 г. вспоминалась ситуация "самостоятельного анализа причин затруднений в понимании трудных текстов". Мы в 1960 г. на доску "выносили" материал формул по дисциплине "сопротивление материалов" и строили каузальные цепи, выявляя пропуски значимых звеньев и заполняя их материалом из других разделов. Таким образом, вводя и стирая звенья, формулы, мы расчистили себе всю непрерывную цепь и достигли понимания. Естественно, что такой опыт остался в памяти, и мы полусознанно применяли его и в конспектировании текстов не "формульного" типа. В 1963-65 гг. этот опыт стал достаточно большим. Специфика состояла в том, что жесткость, структурность формул математики можно было достичь лишь особым образом манипулируя с текстами.

Прежде всего, нужно было осуществлять **выделение фрагментов, их членение, отбор значимых компонентов и их вторичное размещение** на "площади" листа бумаги, **удобное** и для отдельного восприятия модифицированного, замещаемого фрагмента, и для быстрого перехода от знаков к их содержанию. Тем более, что работа с текстами нужна, прежде всего, **для перехода от него, текста, к версии содержания**, прежде всего – автора. Поэтому конспектирование превращало процесс фиксации частей текста автора и его разнообразное

акцентирование (подчеркивание, выделение и т.п.) в мыслительную работу с текстом, в параллельные движения по слоям знаков и содержательности. Так как фрагментов по теме могло быть много, то появлялась необходимость *замещения вариантов конструкции единым, в котором содержательно "главное" было бы неслучайным и полным, структурированным, удобно выраженным*. Тем самым появлялась техника абстрагирующего обобщения или оформляющего "очищения". Эти заместители превращались в средства соотнесения заместителя с замещаемым и опознания значимости того или иного фрагмента по теме.

Естественно, что подобное *соотнесение подготавливало сознание* мыслительной и логической сущности процедуры, *перехода формирования культуры работы с субъектом и предикатом мысли*, а затем – культуры постановки задач и проблем, их решения.

Конспектирование делает оперативным совершенствование авторского текста, приход к "своему" аналогу и смену функции понимания на кригику, проектирование текстов, а также ими выражаемых содержаний. Само совершенствование мыслилось *в рамках увеличения строгости* движения мысли. Кроме того, схематизация *открывала перспективу создания* своих коммуникативных замыслов, *своих линий движения содержания и мыслительного творчества*. В то же время, конспектирование и схематизация обеспечивают *самокритику и быстроту совершенствования своих версий* мысли по теме, сдвигов в иные тематические линии.

В 1970 г. мы обсуждали возможности конспектирования и схематизации для аналитической работы.

"Схематизация, конспектирование – это метод мышления и средство организации мышления. Приступая к пониманию автора, мы последовательно кладем его мысли на лист бумаги. Так как мысль движется через посредство цепей терминов, то, выделяя цепи и их части, вводя в рамку можно облегчить рассмотрение каждого элемента и иерархировать их по значимо-

сти, смысловой важности. Конструкцию можно сделать яркой, легкой для восприятия. Последующая мысль обрабатывается таким же образом. Воспроизводится вся линия мысли, а ее облегченное восприятие позволяет ориентироваться в мысли в целом. **После** некоторого **накопления цепей появляется необходимость в систематизации, обобщении**, а сам результат обобщения можно выразить кратким вторичным рассуждением, новой цепочкой терминов. Если чувствуется недостаточность содержания и появляется потребность в дополнительных компонентах, то их можно найти в иных разделах, фрагментах. Возникшее целое оформляется в удобном виде, усиливая наглядность и яркость, что облегчает переход к мысли более общей, чем ранее. Отмечая различными изобразительными средствами, подчиняя их системному охвату можно вести к созданию целостной и общей "картины" мысли. Это помогает возникновению новых мыслей.

Кроме того, результат организации авторского текста можно применить к ускоренному пониманию другого, а затем – многих авторов. Те же процедуры лишь уменьшаются в объеме, так как выделенная мысль на одном авторе облегчает выявление неслучайного в мыслях другого автора. Работая с группой текстов автора, мы достигаем этого же эффекта ускорения. А постепенная трансформация единого варианта мысли, заместителя всех текстов по теме ведут к высокому обобщению.

В результате реконструкция мысли автора облегчается системой выделенных и опробованных на неслучайность компонентов, опознанием реального или возможного перехода по линиям развития в глубину или детализацию, иерархизацию, широту рассуждения. Преодолевается неосознаваемая подмена авторской мысли своей мыслью, возникающей по ходу чтения. Своя версия легко может быть развита с учетом выделенности мысли автора и авторов. Изобразительными средствами подчеркивается наиболее значимое для ее содержания или отличного от иных мыслей.

Данная система процедур позволяет отчетливо подчеркнуть мысль, отражающую положение в поле мнений, общее состояние развитости содержания по теме. Кроме того, облегчается и выделение общей для всех проблемы, так как оперативно можно наметить недостающие детали, исходные звенья мысли по содержанию и знаковой форме. Логические проблемы могут быть заполнены дополнительной оценкой целого мысли по критерию целостности и объектности, полноты объектных связей.

Поскольку конспектирование создает конструкты и их можно располагать соположенно, то облегчается быстрый переход от одной версии к другой, а также от замещающей к каждой мысли. Критика приобретает конструктивный характер и преодолевает зависимость от объема "живого" текста.

Сами процессы выделения элементов из целого, удобство и наглядность расположения опираются на слежение за этими процессами, усиливают осознанность и осмысленность действий. Растущее самосознание невольно может быть усилено особыми приемами. В целом такая техника ведет к нарастающей экономии мыслительных сил после появления достаточно эффективных и глубоких по содержанию схем. Организованность и строгость мышления появляется сначала также досознательно, а затем осознанно. Переходы от одной области знаний к другой появление всеобщего охвата знаний и появление систем понятийно жестких опор осуществляется как неизбежность при наличии достаточного объема опыта и склонности к организации мышления, к неограниченности стремлений по охвату содержания. Если возникает необходимость в быстром написании и хорошей организации структуры мысли в трудах, книгах большого и малого объема, то данная технология полностью гарантирует такой эффект".

2.3. О МЕТОДЕ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ

(версия 1977 г.)

В 1977 г. мы познакомились с В.С-Б. Бязыровым. Он был уже активным участником ММК и обладал энциклопедическими знаниями во многих областях знания. Этому помогала ему и работа в качестве ученого секретаря межвузовского Совета по экологическим технологиям, позволившая общаться с различными изобретателями, новаторами, специалистами и учеными. Встретившись на семинаре ММК, мы достаточно быстро сблизились по подходу к обсуждениям, а затем особую роль сыграла именно проблемная линия технологии организации мышления. В ее рамках мы раскрыли возможности МРТ и опыт обучения культуре умственного труда в МИСИС. Интересна динамика погружения В.Бязырова в МРТ и достижения им основ метода. Поэтому мы приведем этот образец общения, который был в начале нашего знакомства с В.Бязыровым.

"О. Анисимов (Далее по тексту О.А.). "Сегодня 23.12.1977 г., мы будем говорить о способе, методе работы с текстами и о работе обучающего, организующего присвоение МРТ обучаемым. Какова идея метода? Она состоит в организации мыслительной работы в теоретической реконструкции. Для организации мышления этого человека нужны средства. В результате их применения появится "грамотная" работа, неслучайный процесс решения задач обычного "потребителя". Этот потребитель должен иметь установку на непрерывное окультуривание мышления. Обучающий вносит культурную составляющую и оискусствляет процесс. Один из планов организации – структурирование процесса. Лишь позднее можно спрашивать, является ли организация методологически соответствующей. Организатор как бы вносит конструкторское начало в работу с текстом. Методологический организатор выявляет те позиции, входя в которые можно решать теоретические задачи. Сначала

вхождение в "позиции" осуществляется естественно. Средством организации является схематическое изображение.

В. Бязыров (*Далее по тексту В.Б.*). Схематическое изображение чего?

О.А. Это выражение смыслов, накопившихся у читателя в схематизированном изображении. Смыслы касаются содержания текста. Текст выражает мысли автора.

В.Б. Это мысли теоретика? Теоретические мысли?

О.А. Даже если это не мысли теоретика, читатель должен придать им теоретическую функцию и схематизированное изображение (СИ) примет форму средства теоретической мысли.

В.Б. Это как бы навязывание автору теоретичности его мысли.

О.А. Да. Результат будет таким. Если еще добавить, что СИ надо прочитать, построить вторичный текст, то строя вторичный текст читатель вносит форму теоретического мышления в процесс построения этого текста.

В.Б. А если автор реально теоретик?

О.А. Вот и хорошо. Теоретическая форма текста не будет "чужая" для автора. А читатель должен себя помещать в теоретическую позицию.

В.Б. А зачем это надо? Почему теоретическая позиция?

О.А. Это моя уловка. В рамках метода. Теоретический текст более организован, более точно выстроен по содержанию, более однозначно вводит мысль.

В.Б. Теоретическая мысль у тебя как эталон организованной мысли?

О.А. Да. Я следую заветам Гегеля. Он считал, что *теоретический дух несет в себе сущность, а не случайные устремления практического духа.*

В.Б. Следовательно, если ты хочешь понять текст, то тебе надо отойти от случайности его написания и уподобиться теоретику?

О.А. Конечно.

В.Б. Но тогда ты очень сильно можешь деформировать мысли автора, отходить от его оригинальности.

О.А. Да, этот прием нас ведет от автора, но как от случайного автора. Мне нужно *понять его по сути, а не по явлению.*

В.Б. То есть, ты как бы приставляешь к автору его двойника, теоретика? Если он согласится.

О.А. Он может и не соглашаться, а долг понимающего велит мне отойти от случайности. Зачем мне реагировать на его случайности? Я должен серьезнее относиться к автору.

В.Б. Ты вносишь кардинальную "головную боль" в герменевтику. Все тебя будут ругать.

О.А. А Гегель, думаю, похвалит. Да и если я выявлю в авторе сущностное, то потом найду место и его случайностям. Теоретическое оформление мысли автора, это построение средства обнаружения его "*оригинальности*", но уже в координатах сущности. Как говорил Гегель, *существенная несущественность богаче и глубже несущественной сущности*.

В.Б. И эта схема, графика замещает первоначальный текст?

О.А. Да. Я строю графему, СИ как выражающую и замещающую. Она выражает мою мысль, если я ее строю. А моя мысль – замещает мысль автора.

В.Б. То есть, ты – интерпретатор.

О.А. Похоже. Хотя это не совсем точно.

В.Б. Каково соотношение здесь между смыслами и содержанием?

О.А. Мы субъективно порождаем смыслы, зависимые от сознания, а объективно порождаем содержания. Они прикреплены не к сознанию, а к тесту.

В.Б. Но текст это лишь знаковая структура!

О.А. Да. И еще побудитель работы сознания, но читателя. И потенциально в текст как бы вложены все возможные смыслы читателей. Но это в субъективном измерении. *В тексте введено то, что не зависит от читателя, его сознания. Это отделенное, но предполагающее работу сознания, основание смыслообразования и есть содержание.* Чтобы приблизиться к нему читатель должен *смыслообразование подчинить тому, что "объективно" введено в текст.* И только подчинившись, читатель приходит к содержанию и внутри себя. Смысл начинает приобретать статус содержания.

В.Б. Но ведь автор-то мог иметь ввиду другое, чем, то, что выразил в языке!

О.А. Конечно. Это и создает всю проблематику. Моя методическая линия *прикреплена к пониманию текста, а не автора*. До автора можно дотянуться после понимания текста.

В.Б. Ты очень сложно поставил задачу. Различение у тебя очень необычное. *Все понимают автора и вторично - текст*.

О.А. Не замечая, что это лишь иллюзия. Можно понимать текст. А прийти к пониманию автора - сложнее. Он мог реально не только "ошибиться", но и вводить дезинформацию. Имея ввиду совсем другое, чем то что сказал. А вот то, что он не избегает "проколоться" и проявить себя, это позволяет идти и к пониманию автора.

В.Б. Тем самым, ты строишь технологию реконструкции мысли автора, а она не совпадает с его смыслом. Так?

О.А. Да. Так как передо мною текст автора, а автор "где-то" недалеко. *А текст – вовне выведенная мысль, если идти дальше знаковости*.

В.Б. А без этого текст – просто масса знаков?

О.А. Это организованный посредник, а *принципы организации посредника и составляют язык, со стороны его формы*.

В.Б. И текст рассматривается вне контекста теоретического полагания?

О.А. Да. Сначала мы решаем синтагматическую задачу, создаем текст как структуру по языковой форме. А затем уже эту задачу помещаем в задачу теоретическую.

В.Б. А что изменяется?

О.А. Теория подчинена выражению многообразия феноменов, но в замещении их "одним". Это и есть обобщение. *По содержанию обобщение тоже касается того, о чем ведется речь*. Это представленность объекта в мысли. Но *по форме это текст*. А раз так, то это особое развертывание содержания. Требования развертывания вводятся извне, конструктором обобщения или абстрагирования. Эти требования не семиотические, а познавательные, идущие от имени того, кто уже познал и желает показать результат. А показ идет в зависимости от принципа. В логике много принципов. И вот Гегель, соединявший интересы логики и науки, выразил **принцип** так – *надо показать содержание от его имени и в развитии. Содержание должно быть самопоказывающим, самораскрывающим*. А это

и соответствует в логике способу, названному "методом Гегеля".

В.Б. Вот за это соединение интересов логики и науки тебя и трепал Г.П. Щедровицкий?

О.А. Да, тут у нас нет взаимопонимания. Он разъединяет логику и науку в системе критериев теоретического полагания. Считает Гегеля путаником и меня "туда же". А вот Фихте – не путаник.

В.Б. Но ведь логика есть логика. Зачем ее смешивать с другим? Может быть он прав?

О.А. Мне на докладах не удавалось, не успевал я всю палитру критериев ввести. Он сразу же в свое русло уводил. А еще не так свободен в технике доказательства и споров. Мне нужна не давка в споре, а спокойное разбирательство.

В.Б. Мне кажется, что ты задеваешь такое количество аспектов, что невозможно это все пройти на докладах.

О.А. Конечно. Так же как и в НИИВШ, у Матюшкина. Но все же. Логика, в отличие от грамматики, отходит от житейских эталонов и стереотипов. Она *организует мыслительный процесс "в принципе"*. Гегель сделал важное уточнение. Фактически он *связал мышление с позицией теоретика*, который живет в познании. Почему бы нет? Мышление в позиции. Это звучит прямо как в ММК. И тогда позиционность вносит ряд уточнений в логическое содержание. "Вот так именно надо двигать мысль". Здесь не отрицается ни Аристотель с его "Аналитиками", ни Фихте и т.п.

В.Б. Я согласен с тобой. Звучит современно. Форма мышления, но особая. *Особое идет от позиции в системе деятельности*.

О.А. Но здесь еще одно и важное обстоятельство. Я читал обзоры по философии XX в. и заметил, что многое в них как бы структурно-функционально совмещается. После того, как я разобрался с генезисом знака в 1974г. и соединил это с теорией познания, у меня выделилась и заиграла схема "Акта мысли".

В.Б. Вот эта? То, что ты раскрывал часто и говорил с воодушевлением.

О.А. А как же! В ней теория познания вся как на ладони. Поэтому и Кант стал прозрачен и другие. Через нее понятно, что писал *Гегель о тройкости мышления*.

В.Б. А что он писал?

О.А. *Три стороны мышления: абстрактность, диалектичность и спекулятивность.* Первое и соответствует акту мысли, траектории предиката, *двухсторонности акта и бытия предиката – как средства мысли и как "содержания"* (или "онтологемы"). А *переходимость к другому предикату – диалектичность. Синтезируемость предикатов – спекулятивность.*

В.Б. понял. Прозрачно. И в чем напряжение, чему тут сопротивляться?

О.А. Дело в том, что логика сидит на переходимости и совмещаемости предикатов. Как синтаксис и грамматика в отношении знаковых структур. Но предикаты в своей содержательности подчиняются либо "самовыражению" мыслителя, либо внутренней необходимости "объектного содержания" (или онтичности). Вся полемика Гегеля с Кантом, Фихте и иными мыслителями касалась принципа необходимости в движении мысли. *Практический разум не имеет необходимости. А теоретический – имеет. Так как не воля субъекта соединяет предикаты, а "истина", сущность объектная.* Не явления.

В.Б. То есть, ты говоришь, что, дожимая этот принцип, Гегель и построил свою систему?

О.А. Вот именно. И это как раз внутренняя необходимость теоретической позиции. Если я теоретик, то свои эгоцентрические интересы должен вытеснить.

В.Б. И потому ты так плотно сидишь на теоретической позиции? Превращаешь понимание в понимание теоретика?

О.А. Думаю, что здесь я и сделал главную инновацию в герменевтике. Подтянул всю полемику к логике и теории науки, сделав понимание помещенным в сложнейший контекст. Но этим я и решаю главную проблему – откуда взять ресурс неслучайного понимания.

В.Б. Я сразу почувствовал в твоих разъяснениях великую перспективу. Даже на фоне ММК. А схемы, СИ у тебя какую роль тогда играют? Ты ведь сидишь на них. Все это уже знают.

О.А. Вот тут-то и источник всей техники организации процесса понимания. СИ – это, по содержанию, либо *субъект мысли*, выведенный вовне, либо *предикат*. Меняя СИ, я меняю содержание предиката или субъекта. Но СИ чем выгодно? Тем,

что можно следить за считыванием содержания СИ, направлять себя куда желаешь. Но тут-то и замечаешь, что *не везде можно идти мыслью*. "Объект" подсказывает то, что возможно. Но тогда и смена СИ тоже не произвольна, а зависит от объектного содержания. А тут недалеко и до всех вопросов о развитии.

В.Б. И вся эта кухня наваливается на тех, кто пойдет вслед за тобой.

О.А. Да, наваливается. Я оперирование с СИ утрясаю до той степени, чтобы применить логику "Восхождения от абстрактного к конкретному" (далее по тексту: ВАК), добиться "истинности", а затем уже вновь возвращаюсь к тексту автора и ищу то, что еще не освоил.

В.Б. А твое понимание по результату может сильно отличаться от того, что получается у других. И это следует хорошо утрясти и показать, что ты более точно понял.

О.А. В этой моей работе, в отличие от других подходов, "быстрого чтения" и т.п., я и вытряхиваю смыслы, превращая их в содержание для понимающего.

В.Б. Здорово!

О.А. Содержание текста зависит от возможностей языка, так как к тексту понимающий относится как к языковому явлению. Но текст зависит и от автора, который поворачивает возможности языка в нужную сторону. Автор – мыслитель полагающий, конструирующий, опираясь и на свои смыслы, внутреннее, и на средства языка, внешнее, и на свой образ партнера, тоже внешнее.

В.Б. И тогда *смыслы автора – это субъекты его мысли, а текст – предикативное замещение?*

О.А. Именно. А у понимающего иначе. У него субъектом мысли выступает смысл, возникающий в ходе восприятия текста, а предикатами – его система значений, которой он владеет.

В.Б. А понимающий и автор живут с результатами не только отношений к текстам, но и с результатами познания объектов. Эти представления об объектах совпадают со смыслами?

О.А. "Смысл" для меня, да и вообще в предмете мыслекоммуникации, не совпадает с "образом объекта". Так как иная ситу-

ация. В коммуникации ведь не познают, а лишь пользуются результатами познания.

В.Б. И тогда образ объекта может перевоплотиться в смысл, автоматически. Перепредметизация. Так?

О.А. Натурально – да. Но в динамике этот образ начинает жить в иной сфере, воздействует и испытывает воздействия, прежде всего со стороны субъективной динамики. Смысл адаптирован к этой динамике. Поэтому он не отражает, а выражает внутреннюю жизнь.

В.Б. Отражает эту жизнь.

О.А. Нет, все же не отражает. Ведь отражать можно что-то определенное – "объект". А тут стихия внутренней жизни. Что тут является "нечто"? Не узнать. Смысл и выражается в поведении и в тексте. Это в психологии осознанно. Например, в теории внутренней речи Л.С. Выготского. Или у Жинкина и т.п. Думаю, что и у Г.П. Щедровицкого также.

В.Б. Скажи, а смысл можно категоризовать как ЕИ-тип образца? Или все же Е-тип?

О.А. Конечно, Е-тип. Это принадлежность отдельного человека. То же самое и в теории порождения высказывания у А.А. Леонтьева, у И.А. Зимней, да и у Л.С. Выготского, А.Р. Лурия. Языковые средства подсоединяются и превращают смысл в содержание текста, пока содержание текста не перейдет в смысл у понимающего, в его приватизацию.

В.Б. Но тогда почему не превращаешь содержание в И-тип образцов? Это же языковые единицы, семантические.

О.А. *Значения*, как это обсуждалось и в языкознании, и в психолингвистике, принадлежат к *надиндивидуальному*. Следовательно, как бы к *И-типу* содержаний. Но дело как раз в том, о чем говорил Гегель. Он критиковал субъективное конструирование, называющее себя подлинным. Это все *рассудочные абстракции*. Они как раз *ЕИ-типа* образы. А различные абстракции, реализующие идею объектного конструирования – *ИЕ-тип* образов. Гегель о них и пекся. Я тоже этим озабочен. Мои СИ сначала носят ЕИ-характер, так как произвол схематизатора еще удерживает. Но я заставляю через логику ВАК их вести в ИЕ-уровень. Это же основная моя уловка, моя ценность! Здесь я отрываюсь не только от психолингвистики и лингви-

стики, от герменевтики теперешней, но и от логических адептов ММК. Они же не понимают и не любят Гегеля.

В.Б. Ты затрагиваешь их струны, да еще как. Кстати, у Г.П. Щедровицкого немало писалось об универсалиях. Помнишь, статья 1969 г.? Но это все относилось главным образом к парадигматике. А ты вносишь парадигматичное в синтагматику. Так я понял?

О.А. Я делаю явным *соотнесение парадигматического и синтагматического слоев в форме и в содержании текста* и строящего текст мышления. Понимающий у меня не просто устремлен к образу понимания, к смыслу, вызванному восприятием текста. Он развертывает всю машину языка в опробывании своего понимающего процесса и версии понимания. Я его заставляю строить СИ, соединять СИ, вовлекать парадигматические СИ, интерпретировать СИ и т.п. В этом процессе он отслеживает переход от случайных фиксаций смыслов и их возникновения к полаганию замещений и замещающих абстракций.

В.Б. Но это все можно назвать мышлением. И будут к тебе придираться. Спрашивать – где же тут понимание?

О.А. Правильно. Я строю по МРТ *понимающее мышление*.

В.Б. Ты по пути еще и к критике переходишь!

О.А. Да, а потом - *критикующее мышление*. И более того. Я затем перехожу и в *арбитражное мышление*.

В.Б. К самому себе с собой дискутирующему?

О.А. Конечно. Но даже еще хитрее поступаю. Я ввожу арбитражное еще до дискуссии с собой. Я же "лечу на парусах" к предельным обобщениям. А лишь затем редуцирую абстракции до авторских границ.

В.Б. Я только сейчас начинаю понимать твою провокацию! Это у тебя установка такая, от Гегеля. Ничего не сделать без высших понятий.

О.А. Этим я "грешен". Согласен.

В.Б. Если бы ты сам это делал, был бы просто оригиналом. А ведь и всех туда ведешь! Лбы-то у всех начнут рассыпаться. Непосильная ноша.

О.А. Когда нужно, тогда и идти "до конца". Но ведь далеко не всегда нужно. Я работал с Эльзой Тисленко в 1975 г. и нам для

понимания Фрейда по тексту "Я и Оно" хватало того, что далеко от предельных абстракций.

В.Б. То есть, у тебя предполагается много ступенек?

О.А. В линии развития мышления тут масса ступеней. Я это и имел ввиду в докладах на секторе у Матюшкина в НИИВШ.

В.Б. Я думаю, что им было не просто тебя понять.

О.А. Вадим Петровский понял. Да и другие. Дима, Вадик Мозговой и т.п. Но это такая трясина. На тему схематизации написано много. Но там все в кашеобразном состоянии. У Гамезо неплохо. Есть кое-что. Но я своими абстракциями все очень усложняю. Тут Доблаеву далеко.

В.Б. Давыдов В.В. и его люди что-то похожее, наверное, делают. Они же любят Гегеля.

О.А. Давыдов В.В. молодец. Идеи Гегеля несет в жизнь. Но технологически тут много темного. Много идеологического. Гальперин П.Я. и его последователи тоже кое-что делают. И говорят про модели. Но тут более или менее близко к Канту, а не к Гегелю. Кстати, как у Г.П. Щедровицкого. Есть детали, но в целом – тут. Я не просто строю СИ, но и *подчиняю их строительство понятийной культуре*. Искусственный слой появляется особо в этой рамке. Но это не понятия для науки, а понятия для понимания.

В.Б. И до науки тут недалеко.

О.А. Вот именно. От этой работы недалеко и до науки, если понимающий, научившись у меня, перейдет в сферу науки.

В.Б. То есть, ты создал полигон для выращивания теоретиков.

О.А. Не только. Но и методологов. Надо всю технику МРТ направить на освоение наследия ММК. А эта техника, при нужной рефлексии, становится полигоном для начинающих методологов.

В.Б. Вот это здорово! Об этом мечтают только в ММК.

О.А. Если мечтают. Не уверен.

В.Б. Им бы все разъяснить! Это был бы фурор!

О.А. Посмотрим. Кстати, вводя парадигматизацию по МРТ, по ВАКу, я могу подойти и к критике парадигмы ММК.

В.Б. А что! Красиво! Давай, займемся. Нужен флаг.

О.А. Думаю, что сейчас парадигма в ММК носит ЕИ-форму. А можно сделать ИЕ-форму. Качественный скачок.

В.Б. Ты искусственное вносишь, прежде всего, в процесс понимания. Ты строишь идеальные объекты.

О.А. И объект "идеальный" строю и его описание налаживаю по правилам логики ВАК. Поэтому возникает слой оперирования категориями. Все тут искусственное. СИ превращается из просто оформленного смысла и даже значения в идеальный объект. До него можно "дотянуться". Главное в этом – путь к идеальному объекту. Прошел путь и увидел свое мышление измененным кардинально. Это мастерская развития мышления.

В.Б. Поэтому ты так хочешь внедрить свои методы в НИИВШ?

О.А. Хотел бы. Но там живут иной жизнью. Проблемы высшей школы есть, их осознание – тоже, названия близкие есть. Например, проблемы активизации мышления студентов, обучения мышлению и т.п. Но мои задумки кажутся экстравагантными. Тем более, что они идут от меня, т.е. от "какого-то" младшего научного сотрудника.

В.Б. Конечно. Ты говоришь о кухне мышления. Ее строишь. А им нужен результат. Твои кружочки, схемы для них не результат. А без кружочков все пропадает. Так ведь!

О.А. Да, пока не построил СИ, не сделал его как идеальный объект – все теряет смысл. Надо иметь объект и уметь его описывать и использовать. Я построю идеальный объект на части текста и потом его использую для выявления новых содержания. Это резко ускоряет процесс чтения, позволяет доказывать есть или нет новизна мысли, облегчает переход к критике и порождению альтернатив.

В.Б. Но этим ты заставляешь двойко читать и оценивать СИ. *С одной стороны, оно у тебя просто знаково-символическая конструкция. А с другой стороны, это у тебя объект.*

О.А. Конечно. Это СИ как предикат имеет *две законные стороны – средство-языковую и содержательно-онтологическую.*

В.Б. И тогда требования к порождению и оперированию у тебя двойки.

О.А. Да. Но еще тут осуществляется учет трехслойности языка. Это и *средственно-парадигматическое и средственно-синтагматическое, и содержательно-семантическое.* Но лю-

бой спросит меня, где у меня язык как особая конструкция, где ЯСИ. В реальной практике, как правило, нет ЯСИ. Кое-что есть в проектно-конструкторском деле.

В.Б. Тебе прошлое техническое помогает?

О.А. Я так плавно прошел путь к иному, чем техника, что и не знаю. Наверное, помогает. Хотя бы сам инстинктивный ход в конструировании превратился в конструкторский. Я стандартную часть ЯСИ именно как графем, схемантем имею. И она как-то идет от работы с философскими текстами. Схемотехника как системоструктурная техника. Так что можно вспомнить и Прокла, и Плотина и т.п. Но ситуационного в схемотехнику тоже много. Транслировать можно стандарты, а остальное сводится к трансляции "искусства".

В.Б. Семиотического?

О.А. Да. И логико-онтологического. По крайней мере, здесь видна техника по созданию идеальных объектов.

В.Б. И это многого стоит.

О.А. Еще бы! Я гегельянство делаю ручным через схемотехнику. Красота-то мысли Гегеля еще не знакома большинству мыслителей нашего времени. И по содержанию, и по форме.

В.Б. И ты делаешь ручным всю логику ВАК.

О.А. Да. И работу с одним предикатом, и его уточнение, и уточнение уточняющего предиката.

В.Б. Кстати, у Ласточкина Б.А. была недавно работа, в начале 70-х г.г. Есть работа Трусова Ю. Они писали о качестве и количестве, о мере. Да и Маркса вспомнить надо. Еще и М.Мамардашвили, А. Зиновьева, Э. Ильенкова.

О.А. Там надо разбираться и разбираться. Мы на семинарах ММК по истории логики пытаемся обсуждать. Но это долгая история. И ключевые вещи, мне кажется, были как раз на моих докладах. Я понял, что Г.П. Щедровицкий всего лишь на дальних подступах к пониманию форм диалектики. И Гегеля. Это его невзятый "Измаил". Он сказал, чтобы я подробно поправил Мамардашвили, если смогу. Когда-нибудь я это и сделаю. А пока – жаль времени. Я прошел путь от 73 к 75 г.г. Этого достаточно, чтобы идти зрячим.

В.Б. Как ты считаешь, Маркс реализовал метод Гегеля? Полностью?

О.А. Думаю, что плохо поняв Гегеля нельзя оценить и Маркса. Конечно, еще с Ленина идет мысль, что марксизм опирался, основывался и на немецкой классике. Несколько попыток было реконструкции мысли Маркса в "Капитале". Зиновьев А., Мамардашвили М. И еще кто-то. Но едва ли они поняли Гегеля. Неслучайно Г.П. Щедровицкий трясет свою идею "путаничества", реализованного Гегелем ("Гегель – путаник"). И М.Мамардашвили, когда он нам читал на психфаке, не показал знания Гегеля. Декарт и даже Кант показан интересно. А Гегель – плохо. Маркс дан вне соотнесения с Гегелем. Больше – мифы и стереотипы. У Маркса гегелевский дух имеется, но это далеко от собственно Гегеля, его системы и характеристики метода. Я с удовольствием слежу за мыслью Маркса уже с начала 60-х гг. Считаю, что его надо серьезно изучать, мыслительно реконструировать. Попытки А. Зиновьева - только самое начало. Вот так.

В.Б. Можно сказать, что Маркс следовал тому, что у тебя есть в схеме акта мысли? Различал он все это?

О.А. Конечно различал. Например, различие поиска и показа предиката. Дедукция присутствует во втором. Маркс строил и сами предикаты, отличая их от субъектов, эмпирии. У него есть и схемы. Иногда очень строгие мысли, функциональные. Красота. Даже переходы больше от товара к циклу движения стоимости и потом – к фокусированным капиталам, все это в духе мысли Гегеля. Но это все же прикидки. Чтобы следовать не только линии движения содержания, но и следовать форме метода нужна мыслетехника. А ее нет у Маркса. У Гегеля есть прототипное к мыслетехнике. Сейчас мыслетехника уже возможна.

В.Б. А у Г.П. Щедровицкого она есть?

О.А. У него много подконтрольного, продуманного в мышлении. Это как бы провозвестник в мыслетехнике. Но очень много смыслотехники. Как у Олега Генисаретского. Думаю, что введя схему акта мысли, схему "восхождения", генезиса знака, типов употребления знаков и т.п. я действительно начал мыслетехническую историю. Я ощущаю это так же, как осознал мощности конспектирования. Особенно после 1970 г. Я могу жестко себя контролировать в мышлении. И следовать идее, методу Гегеля. Но и тут я лишь принцип в руке имею и могу

приближаться. Хотя и более четко, чем ребята ММК. Скоро это будет показано до очевидности.

В.Б. Мне кажется, что все сложности начинаются в переходе от акта мысли к акту мысли. Конечно, создание предиката и даже подбор иногда хлопотливы. Но переходы важнее для хода мысли. Ведь так?

О.А. Конечно. Во-первых, если поработал с отрывком и ухитрился построить СИ, выражающее содержание мысли, то после нахождения другого отрывка, где есть "новое" содержание нужно и оформлять. То есть ту же работу проделывать и соотносить с прежним СИ.

В.Б. Обычный чтец начнет возмущаться. Ведь ты обращаешься не к тексту прежнего отрывка, а к своему СИ.

О.А. Конечно. В этом состоит интрига. Как Гегель писал, дух работает сам с собой, а не с внешним. И внешнее превращает в свое. Ведь и Кант стоял на том, что мы познаем не "вещь-в-себе", так как знание – это изделие самого познающего. Да и Беркли говорил о знании как о "призраке", то есть не то что есть, а что кажется. В том и дело, что само познание "полагающее", строящее. Даже реконструкция – наше изделие. А организация следа, продукта реконструкция – тоже наше занятие, а не объекта. Другое дело, что мы идем к объекту в имитационности. Но эта имитация – хаос эмпирии. Поэтому возникает *основная проблема немецкой классики, Гегеля – как примирить конструктивность и имитационность в знании* и что такое знание – конструктивность в функции имитационности. Все проблематизации – это только такая проблема. Ее "снял" только Гегель. И в ММК ее старались снять, осознавая преобразовательное начало или деятельностный подход как изначальный. В содержательно-генетической логики это главная проблема. А я эту проблему натурализирую с помощью СИ. Если удастся оправдать мое конструирование СИ, "подтвердить", то я имитационность реализовал. А тогда получаю право и пользоваться СИ как заместителем авторского текста. Кстати, когда я работал с первым отрывком, там тоже членение на части осуществляется и работа с частями. Построил часть, а затем нужно совместить с другими частями. Переходы от части к части становятся семиотическими и логическими. И здесь нужно ответить на твой вопрос. В минимасштабах.

В.Б. Да, согласен.

О.А. Так вот я и различаю в своей логической форме, подтверждение и переконструирование. *Подтверждение* это успешное соотнесение текста автора и построенного СИ, по содержанию. А *переконструирование* – это то, что Гегель называл "диалектическим" и "спекулятивным" в любом мышлении. То есть, я ухожу от СИ₁ и иду к СИ₂. Куда приду – не знаю. Главное – идти. Дурная бесконечность. Или проблематизация.

В.Б. Это как в ММК. Любители проблематизировать, искать изъяны, пробовать на прочность.

О.А. Да, это и установка, и приемы. И мало техники. Так и происходит в ММК, на семинарах. "Диалектика". Не по Марксу, а по Гегелю. А вот затем находится новое СИ. И все возвращается к подтверждению, к акту мысли. Но если так, то нет "спекулятивности". Чтобы она была, *нужно найти новое, но не отрицающее значимость прежнего, а изменяющее положение прежнего.* В "восхождении" это и происходит. *Новое является уточняющим, а не устраняющим.* Синтезируются предикаты, а у нас – СИ. Вот и надо найти новое, а затем обнаружить его логический статус. То ли оно *дополняет* и это одна логика. Простейшая. Либо оно *уточняет* и это другая логика – сложнейшая. *Конструирование и состоит в интеграции предикатов.* Я ему место и нахожу. Вне акта мысли.

В.Б. Это крайности. А в промежутке есть что-то?

О.А. Любые типы, сочетающие моменты крайностей. Гегеля волновало именно уточнение, так как это *единственный вариант строгого движения мысли от имени объекта, а объект идет не от стихии, а от сущности своей.* Проблема истинности.

В.Б. Вообще-то тебе бы это все хорошо показать нашей братии в ММК. Да и вообще всем логикам, философам и т.п. Это же действительно великая ясность. И мыслетехничность, как ты говоришь. Это здорово! Все ясно и просто.

О.А. Мне кажется, что это действительно просто. Но нужна настроенность на истину и связь с природой языка, сознания, духа и т.п. Нужно тщательно рассматривать конспектирование и схематизацию.

В.Б. Все-таки удивительно. Это ты ведь докладывал. И Г.П. Щедровицкий – недооценил?

О.А. Не спеши. Я в докладах только "касался" чего-то близкого. Не было и цели в этом разобраться. Закапывались в деталях. Да и требует такая эпопея столько времени. При темпе Г.П. Щедровицкого. Так что еще не скоро.

В.Б. Итак. Ты строишь иную схему, за счет расслоения содержания нового отрывка и подчинения логической идее уточнения?

О.А. Да. Ты прав.

В.Б. И такая переработка невероятно сложна. Согласен? И что делать бедным мыслителям, которым копать не хочется столь подробно?

О.А. Мышление требует жертв. Спекуляция по Гегелю действительно суперответственная процедура. Это тайна генетического перехода, развития. Для обычного самовыражающегося и созерцающего мышления это крайне необычно и искусственно. Но зато я восстанавливаю генетическую генетическую, по форме, версию авторского содержания. Это *сущностный аналог*. И отход от его исторического прототипа.

В.Б. То есть, ты как теоретик говоришь эмпирику: "Вот твое предикативное лицо! Вот как движется мысль в линии предикатов, сущностная мысль!" А он удивляется, как "исказили" его первоначальную мысль. Забавно! И может обидеться.

О.А. Если так, обидится. Но тогда я беру ответственность и говорю: "Вот моя версия, на вашем материале. Но это не я, а Вы источник мысли. Я лишь оформил. А вот *когда я решил задачу понимания, то могу и пойти дальше как инноватор.*"

В.Б. То есть ты под свою схематизацию и пересхематизацию подложил всю теорию познания, логику и семиотику. И это уже совсем иная герменевтика. А ошибки здесь предполагаются, псевдодвижения и т.п.?

О.А. Сколько угодно. Схематизация и логическая система рамок поправит. Е-уровень мышления нельзя отменить. Нужно иметь технологические формы перевода на ЕИ и ИЕ-уровень. Чем больше опыта работы с текстами, схемами и т.п., тем быстрее и увереннее прохождение пути.

В.Б. Кстати, здесь еще немалая проблема правильного чтения СИ. Ведь, дав СИ, ты как бы отдаешь объект, мир. И его еще нужно сохранить, не исказить.

О.А. Конечно. Поэтому построил СИ, а затем нужно выстроить текст описания и убрать случайности, произвол, осуществить отчуждение схемы, несущей содержание.

В.Б. И мы пользуемся своими имеющимися значениями обычного языка.

О.А. Да. И соотнося с СИ мы добиваемся совмещения, однозначности значений. Тут уже реализуется развивающая функция СИ. Они провоцируют утряску, достройку, усовершенствование значений, всей структуры семантической парадигмы. Вспомни мою работу "Генезис знака". От нее пошла веером ясность.

В.Б. То есть, по ходу построения и применения СИ читатель осуществляет работу с собой и принципиальную работу, преобразуясь?

О.А. Именно. Задержки в получении результата, обычного, например, в учебной работе, определяются именно неразвитостью психики, внутреннего мира читателя. Поэтому, следуя МРТ, я "перегружаю" читателя его самосовершенствованием.

В.Б. Это принципиально. Это здорово, перспективно, но утомительно для начинающего. Ты создаешь ловушку развития.

О.А. Да, это я и имел в виду, когда докладывал в НИИВШ у Матюшкина А.М. Он мало что понял. И это объяснимо, так как надо "вручную" все прокрутить, на себе. Работая с текстом все время устанавливается отношение к нему, а затем к себе.

В.Б. И к автору.

О.А. Да, к своей версии автора. Пока пройдешь путь к "подлинному" автору, пройдет много фаз. И он выявляется в своей оригинальности лишь на основе построения логизированных замещений его мысли. Они выступают как средства реконструкции уникальности.

В.Б. Вот это одна из тяжелых мыслей для мыслящей публики. Не имея предиката, нельзя иметь опознанность уникальности субъекта мысли.

О.А. Неслучайности этой уникальности. Это "существенная несущественность", логизированное лицо единичности при минимальной замещаемости, но под призматом всеобщего.

В.Б. Придется когда-то всем проходить ликбез по Гегелю.

О.А. Я ведь неслучайно долго вычищал себя, шел к сущности, проводя конспектирование, работая с источниками в начале 70-х гг. Иначе так бы сейчас и не говорил.

В.Б. Скажи теперь, как ты учиываешь то, что у автора мысль движется не по одной, а по многим темам. Ведь твоя техника набрасывается на монотему. Автор же как бы более разнообразен.

О.А. Конечно. Я иду по одной тематической линии. Все отсеиваю. Но я могу развилки находить, начало иных тем. И тогда от этого начала начинается новая работа, по другой теме.

В.Б. И все вновь?

О.А. Конечно. Сначала работа идет так, как будто ничего не было. То есть "от Адама и Евы". А лишь затем строится многотематическая реконструкция. И она сначала строится имитационно, оформляя "реальности". А затем я вновь "включаю" организационное начало и выявляю охватывающее начало всех тем. И вновь строится монолиния, но "интегральная". А отходы от нее либо обнаруживаются как законные, в ходе восхождения. У Гегеля такое тоже есть и его не избежать по самой природе линейности текста при структурности мысли. Либо эти отклонения выявляются как "незаконные", связанные с полетом автора или решением попутных задач.

В.Б. А какие задачи он решает можно выявить?

О.А. А как же! Нужна тогда деятельностьная реконструкция движения мысли, помещенности мысли в деятельностьное пространство. Как и самого мышления и мыслителя.

В.Б. А новая тема означает смену объекта?

О.А. Да. В основе любой темы лежит обобщенное объектное представление. *Кто не пользуется понятиями, тот не может осознанно работать с темами.*

В.Б. И когда автор движется по теме, он как бы раскрывает объект, его конкретизирует?

О.А. Да. Он по-своему в зависимости от своего видения идет в раскрытии.

В.Б. А автор может идти и не иметь абстрактного объекта, не раскрывать его? Как тогда существует тема для него?

О.А. Дело в том, что тема может существовать как бы интуитивно, интенционально, как бы сказал Фома Аквинский. И тогда он не раскрывает, а самовыражается.

В.Б. А читатель тоже должен на интуицию переходить?

О.А. Нет. Его обязанности иные. На Е-фазе он, конечно, может сидеть на интуиции. Как обычно и бывает. Но я ввожу особые требования к читателю, понимающему. МРТ – это, как ты понимаешь, сверконцентрация культурных рамок и форм. Это непосильное бремя для несомоопределенного мыслителя. Поэтому МРТ берет в руки очень самоопределенный – хотя бы склонный к вершинам мысли.

В.Б. А не получится игнорирование авторского текста, обесценивания в этом взлете?

О.А. Не должно. Ведь у читателя, понимающего, при отсутствии живого автора, одна надежда, на текст. Поэтому он должен доверять тексту с самого начала, пока не выявит то, чему он мог бы доверять как результату своего конструирования. Это также как с эмпирией. Пока она не получает теоретического замещение, ей доверие должно быть. А после построение теории доверие к теории преобладает. Но при проверке на подтверждение может выявиться "формальность" теории, ее конструктивный произвол. И тогда опять доверие смещается к эмпирии. Эмпирия все время должна быть "под боком". И все эти акцентировки включены в единую функционально-деятельностную и функционально-мыслительную ткань. Эта ткань, как культурная онтология, должна появиться, иначе все шаги останутся случайными. Все типы задач вычисляются из ткани. Мне очень помогает то, что я много рылся в теории познания.

В.Б. Но у понимающего есть задачи не только на понимание. Он может готовиться к ревизии, к критике и т.п. И вообще, *понять* хочется для решения каких-то задач. В психологии много на эту тему говорится.

О.А. Вообще, *понимание* появляется как сервис решения *деятельностных задач*. Так что они, эти задачи, влияют на понимание. Например, на выбор темы и т.п. Но при вхождении в понимание все функциональные требования к пониманию становятся ведущими. Так что влияет не на способ, а на материал. Также строится работа при переходе от понимания в одной

коммуникации к пониманию в другой коммуникации. Та, первая, является источником заказа на вторую. Если уж понимаешь текст, то свои заказы не делай разрушителем процесса понимания.

В.Б. Это также в дискуссиях, в том же семинаре ММК. Один понимает, а другой его ведет в иную сторону своим вопросом. И тогда нужно найти меру вмешательства и использовать вмешательство. Г.П. Щедровицкий мастерски использует и продвигает свое.

О.А. Да. Пока он озирается можно ему подкладывать тезисы, свое. А как уцепится за что-то, потом его и не повернешь. Всех сомнет. В этом резкая по форме, но принципиальность. Хотя и эгоцентрическая. Читатель ведь тоже "эгоцентрист". Ему хочется разобраться по "его теме". Но он должен доверять тексту автора, чтобы взять то, что есть у автора. А когда взял, то продолжать тянуть свое, вставив или учтя авторское. И подобное происходит при переходе от темы к теме. *Если есть моноцель, есть монотематизм, то хождение по другим темам имеют только служебный характер.*

В.Б. И тогда это будет точка зрения автора в рамках заказа к знакомству с автором.

О.А. Конечно. Полнота автора – это предел реконструктивности, имитационности в системе работы. А технология движения, "локомотив" работы тот же самый – МРТ,

В.Б. У тебя планка поднята неподъемная для наших мыслителей. Я для себя прикидываю и то становится тяжело.

О.А. Так уж устроено. Истина, как говорил Платон, дороже друга.

В.Б. Да, еще вот что. Если автор не имеет своей содержательной логики, пишет так, что все сыпется. Что делать? Вводить для него свою логику?

О.А. Если автор составляет неорганизованную "кучу-малу", то иного выхода и нет, как подвести его под категорию "исходный материал". А из него можно что-то получить в пределах поставленной цели. Цель ставит понимающий. Но *он может построить материал негодный для цели и тогда это уже не "исходный материал", а вещь вне деятельностьная. Надо учитывать возможности материала при постановке целей. А дальше все зависит от средств.*

В.Б. И что продуктного в материале? Если он хилый.

О.А. Я обладаю МРТ, который позволяет брать любой материал по теме, самый дурной. Из него – лепить что-то очень хорошее. Все дело в методе и средствах.

В.Б. Но у автора-то горох в содержании и в голове тоже, наверное.

О.А. Не в авторе дело. Докладчик может быть совсем хаотичным. А вот "выпрямлять" его, сделать организованностью можно.

В.Б. Если он согласится, поддастся.

О.А. Когда я понимаю, то автор мне не указ. Я из него делаю все, что надо. Если же у него есть версия, какая-то структура содержания, гештальт, то я могу его учесть. В понимании его, а не текста. А если он один "горох", что часто я наблюдал в НИИВШ, особенно в отделе комвоспитания, то мне приходится не реконструировать, а конструировать точку зрения.

В.Б. И все дело в *схематизации и логизации*?

О.А. Да, конечно. При осмысленности *деятельностной рамки и при рефлексивном отслеживании*. Так вот, в любом материале есть зачатки всех продуктов, которые возможны, конечно. Здесь подобие переходов от темы к теме у Гессе в "Игре в бисер". Переходит свободно "свободный мыслитель". А это означает, что средства хождения универсальны. Вот у меня сам метод такой. Могу строить любые миры.

В.Б. А значения берешь в обычном языке или в философии?

О.А. Я вместе с МРТ являюсь строителем языков и онтологий, объектов и т.п. Пользуясь обычным языком, я и его значения могу усовершенствовать. Что и делаю. По ходу работы мне нужно иметь опоры в системе абстрактных различений, чтобы управлять ходом реконструкции. Поэтому я значения обычного языка возвышаю на более абстрактный уровень с помощью схем и логики. Логика ВАК – универсальная машина для абстрагирования систем значений. Так я и дохожу до философских парадигм. Надо, когда-нибудь, реконструировать эти парадигмы. В 1974 г. я схватился за Канта. Но я реконструировал учение о познании. Так же как и набрасывался несколько раз на Гегеля. А также иные обзоры и реконструкции – Платона, Аристотеля и т.п.

В.Б. Тем самым, ты как бы не только логик, но и метафизик, онготехник. Так?

О.А. Вообще-то, это было главным до ММК. Я онтологически воспринимал Гегеля и др. И лишь после переломного шага в "генезисе знака", после оформления МРТ и докладов по схеме диссертации я действительно перешел на *логико-формные, технические основания*. Я стал методологом в этот период 74-76 гг.

В.Б. Красиво. Ты уже имеешь мощную историю своих поисков. Но хочу спросить, как твоя работа по логике ВАК совмещается с авторской оригинальностью?

О.А. Действительно. Я иду от сущности познания и познания сущности. Когда стараюсь понять автора, то весь груз техник познания я применяю. Так как это происходит не в действии с объектом, а в действии с текстом, то я оперирую с ним и "вытряхиваю" точку зрения. Она же дана как содержание текста. Поэтому оперирование с текстом это проникновение в содержание текста. Но и оно-то представлено лишь в моем сознании. Поэтому текст нужен для появления у меня моих смыслов, навеянных текстом. Я могу и ошибиться. В начале – почти всегда. И вот есть эти смыслы. В них я раскрываю что-то авторское. Это и составляет "познание в понимании". Тексты помогают тогда, когда они корректирую смыслы и способствуют "сближению" намеков текста и ясности смысла. Но это все в самом начале. Я же иду к сущности. А она требует не эмпирического, а теоретического похода. Поэтому применяю логику ВАК, как собственно теоретическую, теоретическое мышление. Внутри формы логики ВАК есть исходный, уточняющий и уточненные предикаты. Если автор не возражает против исходного предиката, то я максимально доволен. Если не могу найти такую версию исходного предиката, чтобы автор "согласился", то ищу хотя бы уточненный предикат. И думаю, почему не удастся найти уточняемый и уточняющий предикаты. А уж если нашел, то могу идти сравнительно самостоятельно вперед к более конкретным этапам, к усложненным содержаниям, подбирая "свой" уточняющие предикаты. Это все будет в жанре теоретического конструирования, построения гипотез. А потом сравниваю с текстами по теме и проверяю. Обнаруживается, кстати очень быстро, то, что под-

тверждает или опровергает гипотезу. И все это, конечно, проходит в слое СИ. Так что сохраняется авторская оригинальность лишь в контексте "сущности", сущностных содержаний, а не всего гороха. Еще раз подчеркну – *самое сложное это найти исходный предикат, так как он и "вводит" идеальный объект*. Попал на него и нужно уже радоваться и быть успокоенным.

В.Б. А все детали авторских мыслей?

О.А. Они "размещаются" в линии тез различений, которые осуществлены в конструировании. Прикрепляются. То, что лишнее, дубликаты, легкие намеки и т.п. – вытряхиваются. Остаются наиболее содержательно значимое и адекватное предикату, тому или иному. Но это отстранение может быть полезным для других целей. Так что их совсем убирать не стоит.

В.Б. И так ты сжимаешь текст. Он у тебя становится коротким. Так?

О.А. Да. Замещающие, вторичные тексты становятся короче. Очень сжимается текст автора. Вадим Петровский любит с пафосом говорить в секторе – "кто может на одной странице изложить Гегеля и Маркса!" Преувеличение, но суть выражена. Другое дело, что я могу эту укороченность удлинять по логике ВАК. И это уже от реконструкции к порождению своего, в функции адепта. Кстати, какие-то блоки предикативные автором могут быть "пропущены". Это как бы "скважины" по Чистяковой. И их можно заполнять в других формах работы. Ведь сжатие-то идет в абстрактном слое, а в конкретизации – наоборот, развертывание. И там пропуски находятся.

В.Б. Это все здорово тогда, когда мы еще входим в новую область. Текстов много, все – про разное. Много мнений. А ты – тут как тут. И строишь замещение тотальное. Одно на всех. А потом развертываешь и всех покрываешь. Так?

О.А. Да, Слава. Точно описал сюжет. Я ведь так и склонен. Мне авторы важны из любви к истории и эстетике. А по делу мне нужен заместитель. Чтобы сразу без кучи ошибок идти к решению задач и проблем. Я понимаю, сколько интересного можно прочитать у Платона, Аристотеля, Плотина, Августина, Фомы Аквинского и т.п. Но есть их особый заместитель – Гегель. А Гегеля должен заместить я, по всем правилам мысле-

техники. И тогда история "умирает" в заместителе. Так Гегель и трактовал работу мысли. В том числе и в "Философии", точнее – в "Истории философии". Он говорил, что предшественники позволяют последовательно найти лучшее понятие философии и тогда они свою роль сыграли. Дальше уже не история, а "сама философия", конечно, в версии последователя. Другое дело, чтобы последователь унес богатство, а не оставил его рядом, введя свои крохи мысли. На то и классики, чтобы сохранять.

В.Б. Но ведь получается так, что только по твоей методе и возможно удержание, а также усиление!

О.А. Я в этом тоже уверен. Не вижу препятствий к удержанию, накоплению и усилению. В этом мой пафос и даже гордость.

В.Б. Но как ты эту махину передашь? Это же лопнешь, пока возьмешь!

О.А. Это все потенциально. А реально – все проще. Иди и осилишь когда-нибудь. Я вот хочу перейти к подготовке методологов на этой основе.

В.Б. Это было бы событие! Думаю, что только ты и сможешь вытянуть. Даже Г.П. Щедровицкий едва ли и возьмется за это.

О.А. У него другие задачи. Да и характер. А также – и техника мышления.

В.Б. Скажи, а можно выявлять парадигмы авторов?

О.А. Конечно. Вспомни. Когда я разлагаю первый фрагмент автора по теме, я иду к этому. *Сначала членю сам текст. Нахожу ключевые слова. Затем создаю списки ключевых слов. Чем больше отрывков и новых, тем быстрее выявляется список по теме. А затем я рисую СИ для ключевых слов. На этом пути и появляется парадигма автора.*

В.Б. Но ведь ты в этом процессе опять свои СИ вставляешь!

О.А. Да, вставляю. Строю. Но это максимально возможная оформительская, сохраняющая автора процедура. Хотя я могу быстро начать заменять автора своими парадигматическими устремлениями. Если автор дает определение ключевых слов, то мне легче быть в оформлении, а не в порождении. Когда же нет определений парадигматического характера, то приходится вводить свое. Тут нужна только рефлексивная осторож-

ность. Все надо "видеть". Для того и рефлексивная способность дана. Не перепутать жанр.

В.Б. Ты еще раз убедил, что авторам нужно овладевать философией и системной парадигматикой. А список ключевых слов мы все время поправляем?

О.А. Да, следим, чтобы он нас не обманул, не запутал, а был средством распутывания. Я всегда стремлюсь иметь два варианта списка – с авторскими парадигматическими намеками и свою, более надежную версию. Все это крайне необходимо, когда нужно в работе с минимумом источников взлететь на верхний уровень развитости версий, к их исходным различениям, их парадигматике. Я помню, сколько времени потратил в 66-м году сидя в ленинской библиотеке на текстах Аристотеля и Платона по теме "государство". И после этого я "поехал" быстро по многим другим работам, вплоть до Канта. А "у ног" Гегеля остановился. Понял, что нужна качественная, мощная работа, чтобы его взять. На "Логике" я сломался. Но он уже был "моим автором".

В.Б. Ты показал работу с текстом в позиции входящего, ученика. Если бы еще про учителя вспомнил. Ты ведь этим уже занялся несколько лет назад.

О.А. Да, первый формирующий опыт был в 1975 г., с Эльзой Тисленко. Красивый цикл. Все было раскрывающимся. Прежде всего надо зафиксировать функцию обучающего. Это – организатор естественного процесса. Он дифференцирует и структурирует процесс. И, конечно, у него есть предписывающее отношение. Простая форма отношения тогда состоит в том, чтобы сказать: "Ты так-то делал, а делай так-то!" Но это оправдано тогда, когда все шаги есть в предложении и в содержании нет произвола. Да еще значимость шагов для обучающегося субъективно принимается. В работе с текстом только сверх мастер готов к этому жанру и сверх-ученик. Полнота шагов построена на сущности и ученик пронизан сущностью. Понятно, что это совершенно невероятный случай. Другой вариант, это наведение. В определенных рамках мы позволяем ученику действовать самостоятельно. Со своими

версиями, представлениями. Если что-то неправильно сделано, то можно попросить сделать еще раз, на что-то обратить внимание, стимулировать самоорганизацию. Более сложная форма, когда говорится о том, что мешает ученику и как обойти препятствие, внешнее или внутреннее. Реально обучающий дирижирует наведением и предписыванием. Для наведения в нужном направлении обучаемый должен быть активным, самостоятельно идти к цели. Это помогает выявить неправильности и их источники. Обучающий имеет рефлексивно-исследовательскую и критико-нормативную установки.

Особую сторону отношений между ними (обучающим и обучаемым) составляет то, что предполагает сознательное вхождение обучаемого в проектировочную позицию своих действий, а также в позицию конструктора средств, используемых для самоорганизации. Сначала это все проходит стихийно, а обучающий лишь следит за процессом. А затем он создает условия для обучаемого, чтобы тот менее стихийно самоорганизовывался.

В.Б. Так ты говоришь уже о самостоятельной деятельности обучаемого. И там есть слой действий и слой рефлексии, самоорганизации по ходу. Иначе говоря, это путь подготовки рефлексивно самоорганизованных, да еще средственно себя обеспечивающих. То есть, это схема подготовки методологов?

О.А. Это начало, мостик к обучению методологов. Для тех, кто хочет идти в методологию. Цикл самоорганизовывается. И это по всем задачам, которые встречаются в рамках метода – МРТ. Кстати, этот цикл можно упрощать, вплоть до житейских уровней. И если оставить ситуацию работы с текстами, то отрабатывается позиция теоретика, а также конструктора языка и т.п.

В.Б. Иначе говоря, во всех звеньях МРТ можно акцентированно проводить этот цикл. Так можно сложить из звеньев работу института и развить институт. Это универсальная культурная машина. Так ведь?

О.А. Да. Здесь набор всех типовых позиций. И поэтому система акцентировок для интеллектуально-развивающейся работы

– универсальна. Я хотел бы в этой машине ускорить прохождение семинаристами естественного пути развития. Так как в машине все типы задач, связанные друг с другом и все они нужны, чтобы получился полноценный культурный мыслитель. На этом пути виден качественный процесс методологии. **В.Б.** Насколько это реально? Такая машина! Будет ли согласие войти в нее?

О.А. Да, главное – это согласие на все типы работ и на весь путь от естественных попыток до культурных. *Главное – следование нормам, а не сами успехи. Форма, норма задает и внутренний механизм.* Это уже показано в школе П.Я. Гальперина. Хотя и результат тоже нужен. Это не отрицается. И Гегель говорил о *неравенстве процесса и результата. Процесс важен вместе со своим результатом, но в результате "омертвляется" процесс. Каков процесс, таков и результат.* А Фихте говорил, что *человек меняется в действии, а не в результате*".

В этот же период мы провели цикл применения МРТ на текстах полигического содержания. Важность данного обсуждения состояла не только в том, что была зафиксирована технологическая основа МРТ, но и перспективы, возможности перехода к методологической подготовке. Это уже были идеи не прикладной и общекультурно-мыслительной, а именно методологической подготовки. К следующему (1978 г.) году созрел замысел кружка (ММПК), а в 1980 г. на докладе в ММК первые обсуждения нашего подхода к подготовке методологов привели Г.П. Щедровицкого к позитивному отношению хотя бы к части замысла, которую успели обсудить. Но эпоха ОД-игр уже не оставила возможности спокойно разбираться в наших замыслах.

2.4. МРТ И ИССЛЕДОВАНИЕ МЫШЛЕНИЯ

(версия 1975 г.)

В конце лета возникли условия для выдвижения проекта научного исследования, могущего оформиться как кандидатская диссертация. Предпосылками перехода от обычной практики работы с текстами, особой самоорганизации в ней к постановке исследовательских задач выступили следующие. Во-первых, был проведен демонстративно-модельный цикл организации мышления в процессе понимания (Э. Тисленко, в работе с текстом «Я и ОНО» З. Фрейда), показывает в деталях все основные особенности МРТ как факторной системы, положительно влияющей на рост качества мышления и рефлексии. Во-вторых, это общение с В.А. Петровским и демонстрация скорости понимания сложного текста (его статьи в «Вопросах психологии») и последующей реконструкции, приведшее к той рефлексии феномена, которая натолкнула на мысль использования МРТ как средства и исследования, и формирования мышления. Накопленный опыт применения МРТ и его трансляции подтвердил результаты первых рефлексий техники мышления в этих ситуациях (1967, 1970) и детализировал их. Так возникла возможность диссертационного проекта, предложенного 25.08.1975 г. на секторе психологии НИИВШ.

«**Анисимов О.** Я укажу сначала область реальности, где возникает проблемное поле, выделю проблему, предложу методичку и то, что она может дать. В высшем образовании работа с различными текстами является значимой и это очевидно для всех участников образовательного процесса. В работе с текстами моделируется работа ученого, его основные мыслительные процедуры. Но прежде всего вырабатывается комплекс мыслительных процедур и стереотипов студента в его учебной деятельности. Организуя и моделируя работу мысли в

понимании текстов, а затем и в критике версий авторов, мы готовим студента и к будущим исследованиям.

Рассмотрим особенности работы с текстами. Читатель переходит от структуры текста к структуре смыслов в его сознании, воспроизводящих содержание текста или объектную структуру, выраженную структурой смыслов и структурой текста. Но у читателя свои цели и задачи, средства решения задач, отличающиеся от авторских. Следовательно, смысловое целое читателя может расходиться с содержанием текста автора. Сам текст автора «сохраняется» для читателя не полностью, а в зависимости от решаемой задачи. Данное несоответствие является для меня исходным.

В рамках учебной деятельности студент не только воспроизводит содержание текста того или иного автора, но и пытается перейти к общей картине уровня знаний в соответствующей области, к наиболее развитой части знаний. Текст конкретного автора лишь условие достижения подобной цели. Обычно цель достигается чтением огромного количества источников. Используемая мною методика, точнее метод работы с текстами (МРТ) позволяет проходить путь к указанному результату на минимуме источников и чаще даже на одном источнике можно проходить большую часть пути. Это зависит от требований к мыслительной работе и самоорганизации, которые введены в МРТ. МРТ обеспечивает в реконструкции взглядов ввести ускоренное уплотнение и очищение содержания, преодоления зависимости от автора. Читатель следуя требованиям МРТ активно ищет то, что позволяет ему достигнуть цель, активно оперирует, преобразует текст, подчиняясь культуре организованного мышления.

Психологически проблема заключена в такой организации мышления, которая была бы адекватна «практическому» (учебному) требованию порождения заместителя авторского текста, выражающего «самое главное» и характерное для области знания. Эта организация мышления должна преодолеть случайность прототипа – мышления автора и как бы эталонизировать его мышление, деперсонифицировать его. Предметом исследования может выступать изучение того, как читатель (студент, аспирант и др.) приходят к такой организации мышления. Для того, чтобы осуществить исследование испытуе-

мый ставится в специальные условия, включается в систему требований к мышлению, проистекающую из МРТ. В связи с этим, в зависимости от индивидуальных особенностей, читатель будет проходить свой путь к достижению тестовых целей, меняя свой мыслительный процесс и свою самоорганизацию в мышлении. Случайные формы решения мыслительных (мыслекоммуникативных) задач будут заменяться неслучайными, что приведет к трансляции продуктов имитационного, реконструктивного и конструктивного, внесению большей общности и фундаментальности и научной значимости.

Методическая идея состоит в создании наблюдаемого процесса трансформации мышления в работе с текстом в рамках экспериментальных задач. МРТ позволяет вводить фазы, остановки как «срезы» происходящего в мышлении. Анализ срезов позволит реконструировать не только трансформации мышления и факторы, определяющие трансформации, но и индивидуальные особенности испытуемых. Особую роль играют требования к конструкторской стороне мышления, созданию и перестройке схематических изображений, выражающих смыслы и значения, приближению содержания к категориально значимому уровню выражения. Сравнение реального хода трансформаций мышления в решении мыслекоммуникативных задач с «эталонным» обеспечит фиксации феноменов, материала для анализа. Требования к продукту работы с текстом будут фиксированными и обращены не на содержание, а на правильность схематизации. Схематизация должна не только оформлять содержание автора, но и совершенствовать его. Наряду с регистрацией хода трансформаций мышления проект работ предполагает и создание формирующего эффекта, организованного достижения иного уровня культуры мышления.

По пути к решению мыслекоммуникативных задач понимающий не только строит вторичный текст, но и выявляет его парадигму, повышает уровень универсальности и целостного содержания, и элементов парадигмы для текста. Здесь закладывается сближение позиций ученика (студента) и ученого, а также сама возможность перехода от репродуктивного в продуктивный вариант мышления.

О процедурах. Дается два текста для прочтения и понимания. Затем вводится вопрос о том, что в них тождественного и различного. Сравниваются различные варианты решения задачи: за счет чтения, конспектирования, схематизации конспекта. В последнем случае сравнению подвергаются схемы. Материалом служат тексты из Антологии мировой философии, посвященные теории познания.

Важное место в методе занимает схематизация. Что такое схема? Это совокупность знаковых и символических элементов, между которыми введены связи, зависимые от содержания выражаемых фрагментов мысли. В схеме реализуется требование минимизации набора элементов и связей. Если взять конспект, то это тоже схема. Как правило конспект сводится к минимизации текста оригинала. Выделение неповторяющегося «укорачивает» текст в конспекте. При конспектировании используются критерии значимости тех или иных элементов и связей, значимость сохранения фрагментов текста оригинала и устранения иных фрагментов. Критерии сохранения связаны с необходимостью достижения мыслекоммуникативных целей. Схематизация включает в себя членение текста, отбор наиболее значимых частей, упрощение или вторичное чтение и отбор, соотнесение и связывание наиболее важных фрагментов. Пространственное размещение и структурирование ведет к результату. Они дают возможность зрительного образа всей структуры и выражаемого им содержания.

Мышление схематизирующего включает соответственно и анализ, и синтез, а также обобщение, интерпретацию схемы. В качестве средств этой работы мысли могут использоваться «эталонные» словесные понятия и логические схемы. Само по себе понимание и решение лингвистических задач для меня не так важно. Важнее всего – организация мышления в решении мыслекоммуникативных и семиотических задач, а также задач логического типа. Подчинение конспектирования и конструирования схем требованиям логики, в частности – диалектической, позволяет проследивать и результат мысли в его становлении, и процесс, становление результата, связанность мышления и схематизации. Схемы могут указываться и усложняться в зависимости от этапа решения задач. Выделяются ядерные группировки и переходы к периферическим

компонентам иерархии. Если понимающий сочетает реконструкцию и конструирование как установки мышления, то сохраняя компактность и обозримость в строительстве схемы он открывает возможность минимумом знаково-символических ресурсов обозреть целостность знания, видеть пути изменения знаний, развития науки в целом. Объектность знания заставляет вводить соответствующие средства – стрелки, круги и т.п.

Построение таких схем является многофазным процессом. Смена промежуточных результатов дает внешний материал для анализа и интерпретации. Кроме того, испытуемый в точках затруднения вводится в рефлексию и дает субъективную, внутренне значимую сторону содержания для анализа и интерпретаций. Это и материал для построения индивидуальных «траекторий» в трансформации мышления по ходу работы в понимании и критике. Тем самым, появляется психологический материал исследования.

На основе двух результатов схематизации содержания или формы текста, по двум текстам, может быть введена задача создания обобщающей схемы и ее использования для оценки исходных схем. Это соответствует обобщению в позиции внешнего оценщика или арбитра в дискуссиях. Подобная процедура обобщения ведет к интегральному и неслучайному результату, к которому стремится студент, аспирант и ученый – видеть в общем виде всю область знания. Кроме того, за счет построения вторичного текста (текстов), на основе схемы (схем) вовлекалась в процесс создания реконструктивных, а потом конструктивных версий по тем же темам. Использование же обобщающего заместителя позволяет прийти к реконструкции хода построения текста автора как реконструкции хода мысли автора относительно «эталона».

Матюшкин А.М. Мне хотелось бы чтобы ты привел пример, как кто-то (ты) проводил такой эксперимент. Пример средств, которые ты даешь. Ты ведь не указывал фамилии круга исследователей, где бы была понятна твоя методика. Философски все ясно. А какая конкретно проблема? Вроде бы про мышление, теоретическую деятельность, учебную деятельность, про рефлексию. Какое звено имеешь в виду, какую проблему желаешь задать, которую можно решить в течении 2-6 месяцев?

А так ты наметил программу для целого института. Почему философские тексты (Гоббс) почему не учебный текст? Что ты заставляешь делать студента и почему, какие средства даешь и для кого, в чем контроль? В чем суть контрольной серии, с помощью которой я могу оценить то, что ты желаешь получить? Просто одного ученика учили, а другого не учили? Если речь идет о средствах, которые ты сам разработал, то в этом случае это эмпирический эксперимент. Я могу оценить средства чисто логически, без эксперимента, средства схематизации. Ты не ссылаешься ни на одну работу, ни психологическую, ни логико-психологическую.

Аврамков Д. Какую информацию ты хочешь получить, проводя эксперимент?

Л. Что ты понимаешь под продуктом – знание или созданную схему? В идеальном или материализованном виде? Как осуществляется контроль адекватности знаний?

Аврамков Д. Если есть эталон, с помощью которого я могу схематизировать, то это продуктивная или репродуктивная деятельность? В чем продуктивность мышления здесь?

Трунева Н. Как ты представляешь индивидуальные особенности переработки материала? Эксперимент формирующий в самом начале или нет? Или сначала констатирование на что способен студент? По каким продуктам будите судить об этом процессе?

Матюшкин А.М. А материал, цель эксперимента?

Анисимов О. Материалом служат философские тексты, отрывки. На оригинальных текстах сложнее, активность поиска выше. Труднее научить на учебных текстах. Понятие, уже усвоенное, может выступать как эталон, достаточный или недостаточный для понимания. Понимание может быть «своим». Чувствительность к эталонам может проявиться в обращении к словарям. На словарных текстах легче схематизировать. Интересно посмотреть, какие средства студенты сами привлекают. Источники материала могут быть различными. Традиций в таком исследовании я не нашел. Проблемно значимо раскрытие такой работы, причины отклонения от «нормы». Особенности могут выявляться в любом слое работы. Линия анализа: материал, средства, продукт и т.п. Проблема активности, зависимости от индивидуальных качеств. Об его особенностях

можно судить по динамике решения задач. Куда обращена активность – на материал, средство, цель и т.п. Роль промежуточных продуктов, записей, рисунков и т.п. Я пока не проверяю, а констатирую. Установлю типологию и буду проверять. У меня есть гипотеза о том, как должен протекать этот процесс. Формирования пока не ввожу. Репродуктивность состоит в извлечении эталонов, а продуктивность – в создании эталонов всего, обеспечивающего деятельность, новых продуктов. Последствие экспериментов – эталонизации работы с текстом, а также знания. Контроль может быть через участи опытных философов. Ход эксперимента будет протоколироваться.

Магюшкин А.М. В выступлениях учитывайте позицию Олега. Что вы сделали бы на его месте?

Аврамков Д. Тебе надо выяснить как осуществляется такого типа деятельность. Что общего и различного. В каких терминах фиксировать эту деятельность. У тебя есть только блок средств. Непонятно, какой тип средств будешь искать в процессе. Средство – схема, в функциональном виде? Разверни представление об этом процессе. Без этого ты ничего, на мой взгляд, не получишь. Не увидишь характеристики деятельности. Проверить твое представление можно, а получить оттуда нельзя.

Л. Я бы сначала более четко определила бы теоретические позиции. Моделирование работы студента не дает возможности судить о работе ученого. Надо доказать, что эта работа у них сходна. Лучше говорить об обучении. Есть несоответствие цели исследования – исследование мышления. Если ты задаешь образец деятельности, то это уже не мышление.

Ярмакова И.М. Интересно научиться продуктивно работать с текстом. Это важно и для ученого, и для студента. Сходство есть, а в чем различие? Они усваивают разные тексты. Ученый имеет дело с разными точками зрения, что устранено в учебниках. Методику применять можно. Надо четко осознавать, что речь идет о научении работы с текстами. Этот эксперимент и формирующий. Если мы ставим студенту определенную задачу, то он читает по другому. Мне кажется, что не давая сходства, ты выявляешь те средства, которыми пользуется испытуемый. Но в чем твоя задача экспериментатора? Предлагать эталоны после анализа многолетних работ? Сконструиро-

вать более целесообразно? В принципе, по ряду неточностей, по замыслу методика интересна.

Петровский В. Алексей Михайлович призвал быть снисходительным к Олегу. Я бы понял таким образом. Заменить путь от абстрактного к конкретному путем от конкретного к абстрактному. Мы находимся в начале исследований Олега. В чем их нужно оценить. Нужна биографическая справка. Олег для себя разработал очень интересную систему операций, позволяющую трансформировать, содержательно реконструировать различного рода тексты. Компактную, очень емкую знаковую форму. Наверное, многие не представляют себе как можно на одном, двух листочках изложить феноменологию духа Гегеля. Причем адекватно. Олег хочет передать эту систему средств. Такова, на мой взгляд, глобальная цель. А затем выделять конкретный психологический аспект. Когда Олег более четко определит предмет и задачи исследования, нам следует всем записаться в его ученики.

Матюшкин А.М. Олег не смог в докладе воплотить заданные ему вопросы и поэтому оставил нам возможность говорить, что угодно. Но проблема поставлена, и мы к ней вернемся.

Наумова Н. Ясно, что у Олега много наработанного. Но работу он представил таким образом, что нам с ней некуда деваться. Он показывал на семиотическую модель и говорил, что с ней будет работать. Ясно, что ты должен построить анализ проекта. Что ты будешь анализировать – безразлично. В структуру анализа текста должны войти все пункты, которые ты хочешь зафиксировать. Надо построить представление нужного текста, свое представление этого текста в знаковой форме и перенести свое представление в еще одно представление. Какие знаки, графика? Должны быть отмечены все позиции – твоя позиция исследователя внутри модели. Надо четко развести позиции и работу студента, свою. Надо знать, что снимать и тогда твоя позиция будет определяться тем, чему ты хочешь научить. Кто ты – психолог, педагог, физиолог – надо выбрать. Если психолог, то очень интересно посмотреть мышление. Вот такая путаница

Трунева Н. Оценить выступление Олега надо не по тексту, который не оптимален, не тот, что мы ожидали, зная его богатый материал. Нужно говорить о целях работы, планах,

направлениях, что не говорилось, но мыслилось. На мой взгляд, Олег, счел для диссертационной работы и это, данный им какой-то вариант. План и направленность отвечает задачам, которые ставятся перед диссертациями. Но этот вопрос еще не разработан им. И, наверное, никем. По плану, задаче, выходу, который намечается, что до нас вполне дошло, это уже соответствует требованиям. Возможности для разработки есть, для теоретического, философско-логического и для психологического, когда будет собран материал. Есть большая практическая целенаправленность. Надо одобрить направление, указать пути. Олег хорошо понимает материал. Он не сумел его донести. Надо продумать характер эксперимента. А так он созрел и прозрел.

Л. Замысел Олега очень интересный. Я сама работала с текстами и знаю трудности, тем более в таком неизвестном плане. Надо учесть работы Ленинградских психологов, исследование интеллектуальных функций студентов, вербальный и невербальный интеллект. Работа Олега отвечает запросу времени.

М. Экспериментальных трудностей будет масса. Нужно учитывать не только оптимум развития мышления, но и специфику материала. Стоит ли давать философский материал? Будет тяжело. Надо знать, как анализировать материалы, результаты, представить то, что получить, а также понятийный аппарат.

Петровский В. Мы обсуждаем конкретную ступень развития соображений Олега. Самую абстрактную, начальную ступень – передачи интеллектуальных операций, регистрацию способностей студентов и пользоваться этими результатами и возможностями, которые открываются с помощью этих операций. Нужно четко различать, чем обладает Олег и чем он еще не обладает. Он обладает, на мой взгляд, определенными, выработанными в его опыте орудиями. Нет еще умения, не было еще задачи передачи способностей. На пути дезаутизации возникнут психологические аспекты. Не только дидактические. Несвоевременно его упрекать, что он не смог указать на психологический аспект. Важнее то, что у него есть что передать и желание передать. Мы должны одобрить сам замысел исследования.

Аврамков Д. Надо указать связь этого исследования с задачами сектора. Мне кажется, что они должны идти по линии ис-

следования мышления. Материал с точки зрения теоретической и практической довольно удачен. Интересно знать особенности мыслительной деятельности студента в работе с текстами, возможные трудности, пути их учета. Задач может быть много и серий работы, вопросов теоретических и практических. Выделить картинки мышления и находить путь в практику. А потом и формировать.

Матюшкин А.Н. Актуальность такой семантики, такого анализа работы с текстом абсолютно ясна. В широком смысле важен для анализа теоретической деятельности. Олег попытается дать систему теоретической деятельности в работе с текстами. В этом – пафос, важность, теоретическая значимость. В обсуждении не было отражено, что такое теоретическая деятельность, ее возможные средства, помимо известных. Средства схематизации, перевода текста. Твой вклад можно оценить объективно только в общем контексте. А он сказал этот контекст как общеизвестное. Решение теоретических задач. А какие задачи будут даваться испытуемым, для каких целей, с какими средствами, с какого этапа они нужны, в какой научной деятельности. Пока это не дано и выражено лишь как желание. Относительно конкретной литературы надо занять позицию. Свою, давидовскую, каховскую, никитинскую и т.д. После этого и ограничить замысел, а не указывать лишь на область. Если не говоришь, против чего возражаешь, то делать нечего. Рассчитать по времени, что получишь через месяц, полгода. Сколько человек нужно для работы? Или сам по себе во всех позициях самонаблюдения? Тексты надо классифицировать. Научные, учебные. Текст – проблемный, полемический. В тексте есть система операциональных средств, которые надо усвоить, которые надо передать. Каждый раз это разные средства. Есть автор текста, есть потребитель, способы изложения, отношения между людьми. Ты берешь текст без автора, у которого есть замысел, цели, задачи. Надо расшифровывать деятельность автора. Это два мышления, а не одно. В эксперименте можно поставить задачу – как писать текст такого типа. Надо опираться не на текст, а на деятельность испытуемого, которую ты хочешь задать. Текст может быть дан для редактирования, рецензирования и конспектирования. Нет оценочной деятельности испытуемого по отношению к тексту. Без этого

нельзя. Нужны вопросы к автору, в его проблемах, и оценка. Тогда я могу представить это как звено учебной деятельности, перехода к научной деятельности. Гоббса давать нельзя механикам, не знающим понятийного аппарата, истории. Да еще текст переведенный, может быть не правильно. Это не корректный текст. Задачи испытуемым должны быть ясными, четкими. От них и критерии оценки. Задача должна быть развернутой, адекватной к деятельности. Нет гипотезы. Эффекты разные в зависимости от решения задачи. С помощью твоих средств, понятий можешь увидеть только себя и ничего больше. Потеряно лицо автора. Следовательно, еще нет научной деятельности и лишь самоутверждение. Надо посмотреть систему твоих средств, позволяющих решать все задачи. Что еще нужно, посмотреть. Итак. Проблема важна. Но нужны серии экспериментов, гипотеза. А потом уже можно говорить о проспекте работы, объеме, разделы. Может быть упростить задачу. Например, рецензирование. То, чему не учат студентов, аспирантов, сотрульников».

Мы видим, что в этот период особого сочетания накоплений в чтении литературы, участия в дискуссиях и своего экспериментирования явно отсутствовала рамка науковедческого характера, схема типовых работ, нужных для научного исследования. Различие между «многознанием» (в частности, и о структуре научного процесса) и оперативным использованием этих ориентиров в создании вполне локализованного научного исследования показано характером обсуждения. Мы имели огромный материал и массу критериев, ориентиров. Однако все это совершалось в работе без придания жесткой формы. Мы не могли еще отвечать на типовые вопросы от формы структуры научного исследования. Это появилось позднее. Мы как бы задали направление поисков, в которых «уместилась» бы огромная масса диссертаций. Выступавшие ввели много акцентов, могущих стать началом отдельных диссертационных разработок. Эти и иные акценты в последствии реально превращались в факты, сдвигавшие направление поисков в ту или иную сторону.

Для более полного впечатления о той ситуации организации и самоорганизации в направленности на складывание научного

исследования, приведем «заготовку» методики исследования интеллектуальной активности, написанную 06.08.1975 г.

«Деятельность испытуемого: перевод содержания текста из обычного (сукцессивного) существования в симультанную форму в виде схемы. Продуктом выступает схема категориального уровня общности.

***Примечание.** В постановке целей для испытуемого проявлялась ценность, сложившееся в практики конспектирования и вообще в погружении в области знания – выявить «ядро», сущность, от которого все нити идут и дотягиваются до деталей, в том числе зафиксированных определенным автором. Нам была нужна сущность и «наука», а авторы, в том числе и мы, оставались на периферии. Только так можно владеть областью знания реально и не сводить лишь к перечислению и накоплению сведений. Выделение ядра оформлялось как поиск исходно-абстрактной базы, надежной опорой в постановке всех мыслительных задач. Поэтому и в проектах обучения, и в исследованиях, мы устремлялись «туда же» и вовлекали обучаемых в эти исходные основания и знания, и техники мышления.*

Исходный материал – обычный научный текст. Средствами выступают эталонные схемы, выражающие содержание парадигмы понятий. Исследовательский продукт: реконструкция смещений акцентов в процессе выполнения заданий, характеристика «кривых» для различных акцентов (логические, активности и т.п.). Исследовательское средство: эталонная «кривая» процесса формирования требуемого от испытуемого продукта; эталонная схема; эталоны «кривых» в зависимости от индивидуальных и иных различий.

Обоснование. В педагогике заметен переход от стратегии оценки продукта обучения к стратегии формирования оптимальных структур учебной деятельности. Особую роль, с нашей точки зрения, играет работа с текстами. Она усиливается вместе с ростом акцента на самостоятельную работу студентов. Обычное стихийное понимание нового учебного материала дополняется созданием конспектов, могущих выступить

как средство применения знаний в решение учебных и практических задач. Однако не ясна эффективность применения конспектов, их осознаваемая значимость. Есть ли эталоны конспектирования и методы их совершенствования? Возможности для совершенствования здесь очень велики. Поэтому необходимо нормирование работы по созданию конспектов, этой сложной мыслительной деятельности, введения форм и эталонов процедур. Но их получение должно предваряться исследованием результатов исследования.

Теоретическое обоснование. Работа с текстом является наиболее сложным типом интеллектуальной деятельности человека. В ней он использует знаковые средства, язык для взаимодействия с видимым (явным) и невидимым (неявным) собеседником. В ней человек отождествляется с продуктами мыслительных работ предшественников и зависимостью как от субъективных качеств автора, так и логико-семиотического проявления этих качеств, замыслов автора. Познание неотделимо от работы с текстами. Изучение интеллектуальной работы с текстами позволяет проникать в мир мышления в субъективном (потребности, мотивы, индивидуальные особенности) и нормативном (язык, логика, нормы культуры и др.) слоях. Феномены, предполагаемого исследования, будут логико-психологического характера, что является основой для расслоения сторон в анализе феноменов.

Логико-семиотический аспект. Построение пространственно-структурированной схемы текста для выделения и удержания основного содержания; понимание текста, выявление исходного фрагмента как средства опознавания целостности содержания; выявление значимых фрагментов и их связывание в пространственной структуре; увеличение уровня общности форм выражения мысли автора в перефразировании и соблюдение критерия постепенности нарастания уровня конкретности звеньев мысли автора. Тем самым, обычная запись заменяется другой, но с установкой на сохранность содержания, на структурную одновременность восприятия содержания и его форм выражения. Поэтому если в обычном случае результат понимания появляется в конце чтения и следование за конструкцией текста, то в нашем случае этот результат возникает как бы сразу. Процесс и последовательность

сдвигается в «точку». Кроме того, в обычном процессе чтения текст диктует движение мысли, а в нашем случае мысль читателя быстро освобождается от давления текста и активно «вмешивается» в него, отбирая то, что нужно и переходя к схемам-заместителям. Вместе с активизацией поведения читателя усиливается роль субъективного слоя, его проявлений, зависимости от индивидуальных качеств.

Семиотический аспект состоит в размещении знаков, в построении схем. При создании схем усиливается роль парадигмы с уменьшением роли синтагматики обычного языка. Кроме того, сама активность читателя строит свой вариант языковых проявлений. Он выделяет «свою» парадигму знаковых и символических средств и «свою» синтагму. Правила синтагматического конструирования схем как структур определяются техническими удобствами создания схем, их использования и объектными, содержательными критериями. В частности схема должна быстрее приводить к эффекту содержательного понимания, прямому видению объекта.

При построении схем активность читателя проявляется в особом выделении логики движения мысли автора, что напоминает организацию исходного текста, и в подчеркивании устройства «объектного содержания» легко разрушающей организацию исходного текста. Схема позволяет резко уменьшить или даже ликвидировать поиск звеньев единой мысли автора, «разбросанной» по его тексту. Она замещает целое движение мысли автора, выступает вместо движения как свернутое в компактную структуру. В тоже время такая схема позволяет переходить к вторичному развертыванию мысли и проверки на непротиворечивость, полноту содержательных звеньев, переходимость к иным основаниям и возможным ходом мысли. Уникальная версия превращения в источник типовых вариантов иных версий мысли по теме. Каждая из версий может развертываться до любых детализаций при сохранении возможности контролирования за ходами развертывания.

Схемы текстов и, в особенности, изобразительные схемы позволяют переходить от конструктивного оперирования фрагментами текста (вплоть до отдельных слов) к оперирова-

нию «фрагментами мира» или фрагментами объективного содержания, создавая язык онтологического типа. Чем выше уровень абстрактности получаемых схем, тем ближе онтологическая парадигма приближается к категориальному языку. Поэтому читатель меняет формальный принцип конструирования текста на содержательный, резко повышающий ответственность за все мыслимыми операциями, так как каждое действие непосредственно меняет содержание и тип «объекта», о котором ведется речь. Чем выше степень абстрактности схемы, тем в большей степени «объект» в мысли лишается персонифицированности в его полагании. Индивидуализация возвращается лишь при оригинальной конкретизации содержания.

***Примечание.** В это время для нас наиболее важным выступала способность выхода за случайность содержательных конструкций. Поэтому, переходя от текстов к схемам, мы искали исходные формы содержаний, не зависящие от автора. Расслоение содержания по уровням абстрактности подготавливало переход к собственно логическому принципу конкретизации и абстрагирования, к логике ВАК и логически-техническому (операциональному) пониманию метода Гегеля.*

Введение схемной технологии позволяет приходить к высшим абстракциям, к основаниям возможности и оправданности этой точки зрения, которая была взята как материал. Кроме того, эти абстрактные заместители предстают как основа выхода к «полю» точек зрения и творческому как совершенствованию анализируемой версии, а затем и многих версий, взятых в определенной области знаний, но и к свободному самовыражению, допускаемому исходной абстракцией».

2.5. МРТ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ

(версия 1976 г.)

До 1975г. мы использовали МРТ как форму процессов понимания и критики содержания текстов в целях индивидуального освоения новых знаний и вхождения в новые области знания. В 1975 г. мы начали использовать МРТ уже в иной функции. В работе с Э. Тисленко (З. Фрейд "Я и Оно") мы отдали базовую функцию понимания и критики тому, кто соглашался на прохождение содержательного пути по предложенной нами форме, а на себя взяли функции диагностики, коррекции, организации достижимости конечного содержательного результата в целом, а затем и исследования хода мышления, возникающих сложностей в движении, выявлении специфических причин затруднений. Так как "исполнитель" начинал с содержательно-целевой установки, а мы предлагали для него необычный способ движения, то он вовлекался и в рефлекссию способа и хода достижения результата, опознавая специфичность формы (МРТ), проходил путь выработки своего отношения к форме и своего культурно-мыслительного, а затем рефлексивного и рефлексивно-культурного самоопределения. Иначе говоря, МРТ стал представлять как основа более охватывающего цикла ***взаимодействия развивающего типа***. Мы совмещали управленческую, педагогическую, исследовательскую и диагностическую функции. Вовлеченный же привлекался в практическую (для учения, исследования) позицию, а затем в рефлексивное, самокоррекционное отношение, превращался в "ученика", подвергающегося развивающему воздействию и соучаствующего в этом воздействии с постепенным переходом к заимствованию педагогической позиции в служебной роли к своему интеллектуальному саморазвитию. Это был прототип той работы, того типа кооперации, которая оформилась в последующем в "игротехнику" и игротехническое управление игромодельным процессом в ОДИ. Неслучай-

но, что мы быстро перешли от типичного "слепого" способа пребывания в ОДИ к поискам осознанного и техничного игрового и игротехнического бытия.

Рассмотрим тот вариант интерпретации использования МРТ как инструмента саморазвития, формирования культуры мышления, изучения мышления и интеллектуального развития и саморазвития, который был введен в 1976г.

"Если согласиться с отнесением МРТ к звену системы самостоятельной работы обучаемого, то особое внимание нужно обратить на то, как его самостоятельная работа включается в целостность учебно-педагогического комплекса. Этот комплекс составляет единство предписаний, правил поведения индивида во всех "местах", в которых он участвует в учебной деятельности. Обучающий появляется тогда, когда обучаемый не может самостоятельно решить задачу по присвоению общественно значимого опыта. С другой стороны, если обучающий включается во взаимодействие, то только так, чтобы его помощь была предопределена трудностями обучаемого, которые сам обучаемый снять не может. Обучающий включается на "заказной" основе. И в этом состоит содержательность кооперативного соединения, отсутствие формалистичности. Деятельность обучающего реализует функцию средства в преодолении указанных затруднений в учебной деятельности обучаемого. Все особенности "средства" здесь сохраняются, что и выступает как основание сервисного бытия обучающего.

"Историческое" (псевдогенетическое) первенство деятельности обучаемого и его бытия как источника кооперирования с обучающим должно быть так построено, чтобы выходить на любые кооперативные усложнения. При этом сохраняется деятельностная природа каждого звена кооперации и выстраиваются соответствующие функциональные требования. Каждое место в кооперации впитывает свои "местные" функции и кооперативные функции, определяемые другими местами. Поэтому, следя за позицией обучаемого, мы должны опознавать все условия бытия других позиций и учитывать их. Обучающий реализует свои функции, в том числе и управленческие. Они должны проявляться в отношениях и способе бытия обучаемого.

Мы выделяем звено всей системы деятельности и подсистемы деятельности обучаемого, касающиеся самостоятельной работы обучаемого. Обучаемый должен уметь самостоятельно проектировать и реализовывать проекты своей учебной деятельности. Тут и поиск литературы, понимание текстов, выделение системообразующих фрагментов в текстах, рассмотрение соотношений содержания фрагментов с остальным объемом текстов, уточнение понимания места и функции содержательных единиц, конструирование заместителя всей суммы содержаний по теме, использование заместителя для оценки иных содержаний и т.п. Все это не выполнит надстройка обучающего, все это должен делать сам обучаемый. Обучаемый должен быть самостоятельным в достижении учебных целей. И только тогда определяется место и функции педагогической помощи. Педагог сам вынужден встраиваться в систему учебной деятельности и корректно обеспечивать преодоление затруднений.

Следует отметить, что учебные задачи в обучении носят в значительной степени учебно-исследовательский характер. Обучаемый "изучает" и этот процесс должен быть кооперативно-деятельностно обеспечен. Нужно научиться строить деятельностные кооперации. Но этому надо учить в Вузе. В то же время этому и не уделяется внимание. Самостоятельная работа, в силу ее мыслительного характера и направленности на приобретение и использование знаний, "повторяет" многие звенья исследовательской работы. Педагог управляет здесь именно "исследовательскими" мыслительными процедурами, если он входит в кооперативное отношение с обучаемым и что-либо предопределяет, а не только советует. Но тогда и сам педагог должен иметь способность вхождения в кооперативные системы деятельности и строительства коопераций, совмещения своих усилий и усилий обучаемого. Педагог предстает сначала лишь как "более подготовленный". Прежде всего, он помогает проходить путь от накопления наблюдений к построению теоретических замещений, к "глубокому" и существенному пониманию по теме. А затем он помогает применять готовую абстракцию в понимании следующего материала, в критике его, в решении задач и проблем по теме. На этом пути появляется необходимость вхождения в культуру мышления,

понятийную культуру. Сюда же входит техника показа содержания понятий, использование "диалектической" логики, логики ВАК, выражение понятий в схематических изображениях.

Иначе говоря, для получения эффекта овладения, и даже усвоения понятий обучаемый должен построить достаточно сложную систему интеллектуальной деятельности. Поэтому проблемы самостоятельной работы студентов нельзя решить без овладения техникой проектирования систем деятельности и реализации проектов, корректировки проектов и особых форм кооперативной коммуникации, согласования с действиями обучающего.

Здесь мы получаем терминологическое подобие соображений А.Н. Леонтьева о функции учения – освоение деятельностей. Но его понимание узко психологическое. Поэтому в более явной и собственно деятельностной форме тот же тезис мы встречаем у Г.П. Щедровицкого. Но как именно делать процедуру трансляции способностей к деятельности и овладение миром деятельности? Они ответ не дают. Чтобы обучать деятельности, нужно построить особую учебную деятельность, содержанием которой выступает строительство систем деятельности. Поводом в учебной деятельности студентов для перехода к деятельностному освоению выступают трудности в самоорганизации в работе с текстами, устными и письменными. Коммуникативность обучения должна быть обеспечена деятельностным сервисом и, решая задачи на понимание, критику точек зрения, можно и нужно овладевать деятельностными способностями, культурой деятельности. Связывает эти два слоя – рефлексия, дающая начало проектированию деятельностного усложнения мыслекоммуникативной работы студента.

Разработанный нами метод конспектирования, и потом оформленный как МРТ, имеет сложное процедурно-структурное строение. Поэтому для его реализации требуется совмещение самых различных типов деятельности и мышления. Технологическая условность, введенная на базе живого опыта конспектирования, предопределена установкой на гарантированность в решении самых сложных интеллектуаль-

ных задач, что требует особых, глубинных изменений в самом устройстве интеллекта.

Поэтому внесение МРТ как предмета освоения означает внесение объективных условий трансформации интеллектуального механизма. Так как большинство мыслительных требований к реализации МРТ носит культурный характер, закладывает основы культуры мышления, то вся процедура овладения МРТ предстает как условие формирования и исследования трансформаций мышления, интеллектуальных механизмов в рамках культуры мышления. Именно в работе с литературой студент начинает путь к культуре мышления, но сама возможность прихода к культуре мышления предопределяется переходом от стихии достижения целей понимания, критики, авторского изложения к культурным формам всех этих процедур.

Тем самым *стратегия* и формирования, и изучения, и приобретения культурно-мыслительных качеств лежит в переходе от случайностей смыслопостроения к выявлению, в ходе схематизации, исходных, базисных значений, а затем их использования в достижении всех указанных целей. Слой содержательно-мыслительных манипуляций совмещается с рефлексивной самоорганизацией и самокоррекцией, организуемой педагогом. Системы значений предстают как средства решения всех учебных задач. На этом фоне проводится переход от значений промежуточного уровня абстрактности *к предельным абстракциям*, благодаря использованию логики ВАК. Именно она предопределяет диалектическое мышление как высшую форму понятийного мышления, рассматриваемую Гегелем.

В учебном процессе выделение предельных абстракций и их применение не только демонстрирует культурное мышление, но и приводит к решаемости учебных задач, вхождение в пространство знаний в целом. Это соответствует приходимости к философскому слою в организации интеллектуальной деятельности. Чем он более развит, тем студент более активен и осознанно самоорганизован, способен планировать свою учебную деятельность.

Технологическим ядром всего замысла выступает конспектирование и схематизация, построение схематических изображений. Конспектирование закладывает культуру работы с языковыми средствами, знаками, а схематизация – культуру работы с содержанием текстов, с семантической стороной

языка. Как только создание единой схемы как заместителя текста автора (в том числе и своего) по теме удастся, то конспект модифицируется и подстраивается под заместитель. Вместе с рефлексией хода конспектирования и схематизации обучаемый приходит к необходимости формирования семиотического и логического сознания.

Обучающий, как прошедший подобный путь и выступающий в функции организатора решения учебных задач, осуществляет организацию и самих действий и мотивации к ним. Он способствует коррекции отношения к манипуляции с текстами, к построению конспектов и схем, связыванию этих процедур с учебными целями. Особая роль принадлежит организации самостоятельных попыток, рефлексии действий, процессом задавания вопросов "к себе" и "к иному" (преподавателю, другому студенту). Тем более, что сам характер задавания вопросов и последующий процесс поиска ответа, зависит от получаемых результатов – конспектов и схем, абстракций. В более охватывающих рамках обучающий организует единый синтез знаний в сознании обучаемого, что косвенно меняет саму стратегию и тактику учебного поведения в основном объеме учебного процесса. Поэтому налаживание механизмов работы с текстами является условием успешного бытия в учебном процессе и должно быть обеспечено наиболее интенсивными темпами и способами, опережая работу с текстами по учебному плану. Тем более, что за рубежом уже есть опыт распределения акцентов – сначала формирование умений работать с учебными материалами, а потом "основная" работа. Наш МРТ и исходящий из него проект механизма саморазвития и организации саморазвития, обеспечивает подобные проекты реальным и культурно ориентированным основанием.

Вместе с тем работа преподавателя и студента в единой кооперации, из-за огромного объема возникающих затруднений и поводов к саморазвитию, соответствующего объема рефлексии, дает возможность получать не только неограниченный материал исследований, но и поводы для выработки новейших технологий педагогической деятельности, учебно-педагогического кооперативного взаимодействия. Обработка материалов "исследований" и самой рефлексии учебной и педагогической деятельности должна производиться с применением того же МРТ".

2.6. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА

(версия 1974 г.)

Начиная с 1970 г. мы в возрастающем объеме стали анализировать тексты по теории мышления, языка, коммуникации, по логике и семиотике и т.п. Эти тексты были как из философии и логики, так и из лингвистики, психолингвистики, науковедения, а также из психологии. В 1973 г. мы встали перед проблемой выявления исходных различий по теме дипломной работы – «смысл и значение». Различие между смыслом и значением ускользало при накоплении самых разных версий о языке, мышлении, знаках, значениях, смыслах, знаниях. Структурирующую роль сыграло чтение работ Ф. Де Соссюра, поводом к чтению которых послужили семинары Г.П. Щедровицкого по общей теме «Семантика языка». Это был первый цикл семинаров ММК, которые мы стали посещать и работать на них. Чтение «Курса общей лингвистики» Ф. Де Соссюра позволило увидеть генетическую концепцию языка с той отчетливостью, которая побудила к дополнительному желанию не только совместить мысли языковеда с накопленным материалом конспектов, но и выделить свой вариант движения мысли. Нам стало казаться, что накопленные в чтении классиков философии и психологии, лингвистики и т.п. смыслы следует заместить четкой конструкцией версии становления и развития языка. В 1974 и 1975 гг. мы заметили, что главные идеи Канта, Гегеля и др. стали «прозрачными» именно благодаря проведенной работе по замещению. Поскольку эта работа, предварительно создаваемая как дипломная, сыграла большую роль в нашем методологическом становлении, мы приведем ее основные содержания.

«При переходе от ощущения к восприятию и более сложным формам интеллектуальных процессов особую роль играет активность субъекта, выражающаяся в структурной организации материала имитирования, полученного в первичных процес-

сах. В организацию материала затем вовлекаются и мыслительные механизмы. Относительно автономная работа органов чувств, вместе с двигательной составляющей, преодолевается и подчиняется структурирующей активности. Но возникает вопрос о генезисе самих мыслительных содержаний и процессов, отличающихся от чувственного типа процессов и механизмов. В философской и психологической литературе накоплены различные версии генезиса мыслительных содержаний. И тут роль играет семантическая структура языка. Сами средства языка (знаки) проявляются в синтагматике синтаксически и логико-грамматически. Этот слой должен быть совмещен с формным слоем языка, в том числе и в синтагматике, в плоскости высказываний.

Глубинные основы всего явления можно раскрыть, если совместить эволюцию субъекта, средств языка, структуры языка и нормативной базы языка. В последнее время наиболее заметно развивается структурное направление в изучении языка и языкового мышления. Рациональное в мышлении раскрывается все более интенсивно. Но генетическое основание рациональности остается менее изученным, хотя и были глубочайшие разработки в этом плане, особенно у Гегеля. Мы присоединимся к генетической идее в изучении нас интересующего вопроса.

Структурная организация представлена и на чувственном и на рациональном (речезыковом) уровне. При этом принято считать, что структурные результаты на чувственном уровне предстают как "содержание", а на рациональном уровне – как "форма". Часто содержание в рациональном плане трактуется через систему синтагматических операций, синтезирование знаковых единиц. Однако, сама синтагматика, синтаксис и грамматика отражают, прежде всего, особенности знаковых средств в их структурировании и содержательность, семанτικότητα синтезирования нужно еще выявлять и отслеживать.

Поскольку, оперируя знаковыми средствами, субъект обращает внимание на нечто содержательное в высказывании, то функционально высказывание имеет и формное, и содержательное. Формное замечается непосредственно, а содержательное непосредственно не фиксируется. Чтобы «фиксировать» содержание высказывания необходимо обращаться к

«сознанию», субъективности. И все же высказывание и его единица функционально двойственны (см. сх. 1).

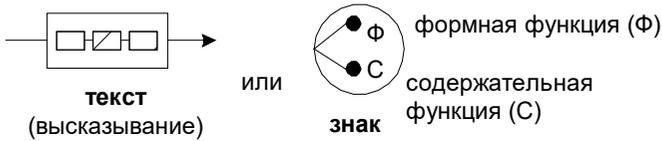

Схема 1

Таким образом, введя функциональное строение текста (или знака), мы можем ставить вопрос о том, каковы генетические этапы становления языка, каковы особенности формы и содержания языка на каждом этапе. Вторично можно говорить о различии структурных отношений на каждом этапе и когда появляется синтагматическое, синтаксическое, грамматическое, семантическое и логическое.

Однако, нужно рассмотреть сначала различие речи и языка. Язык не принадлежит отдельному человеку, который может лишь привести себя в соответствие с суммой требований, исходящих из устройства языка. Речь же является результатом усилий конкретного человека. Но речь строится не «свободно», а в рамках требований языка. Язык суть система универсальных средств для порождения любого количества высказываний и выражения любых содержаний. Речь всегда уникальна, хотя и опирается на языковые требования и сами усвоенные средства.

Но язык состоит не только из самих средств (знаковых) и правил их синтезирования в знаковые структуры. Эти средства закрепляются за содержаниями, к которым их «относят». Иначе говоря, эти средства и нужны только потому, что относясь к содержаниям они приобретают замещающее содержание или содержание, рассматриваемое вместо того, что представало ранее как содержание. Если считать, что начальным содержанием выступает чувственный образ, то знаковая структура относима к этому образу, а затем она начинает относиться к заместительному образу, замещающему чувственный образ (см. сх. 2).

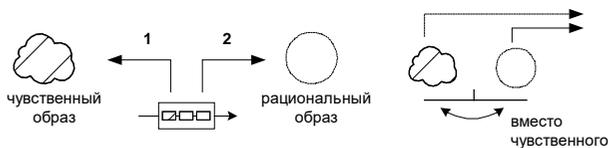

Схема 2

Переход от чувственного типа содержаний к рациональному, замещающему, обобщенному, деиндивидуализированному, социокультурному и т.п. содержанию имеет генетическую основу. Необходима псевдогенетическая реконструкция как в филогенезе, так и в онтогенезе. Между крайностями в этой типологии мы обнаруживаем промежуточный вариант, когда деперсонификация не осуществилась еще в той мере, какая характерна для развитого языка. Это называют часто «смыслом» или «естественно-искусственным» типом содержания, с которым скрепляется знаковая структура. «Искусственному» типу соответствует то, что называют «значением». Если чувственный тип содержания единичен, а смысл – и единичен, и всеобщ в синкретическом единстве моментов, то значение – имеет высокий уровень обобщения. Но главное его качество – конструктивность, определенность и структурность. Чем ближе к понятиям, тем эти структуры более общие.

Чтобы проходить путь обобщения, нужно использовать знак «одинаково», инвариантно относительно множества случаев конкретного отнесения. Сама практика инвариантного отнесения и установка на то, что в этих отнесениях имеется «лишь» одно содержание и приводит к необходимости завершения реализации установки – конструированию значения. Такая процедура легко конструируется в построении схем для множества фрагментов по теме. Одна схема вместо множества фрагментов. Остается эту схему еще наполнить «содержанием». Здесь содержится тайна внесения обобщенного содержания с помощью сознания. Условием отхода от конкретного случая выступает парадигматизация. Немного количество знаковых единиц лежит в основе построения неограниченного числа сингагматических структур. Но для этого парадигматические элементы должны уйти от отнесенности к конкретной

ситуации и чувственному материалу, но стать содержательными при этой отстраненности. Только тогда и появляется рациональный тип содержаний. На этом пути рациональное содержание замещает не только фиксированное, но и возможное множество отнесений к конкретным чувственным содержаниям. Появляются универсалии. Парадигма состоит из содержательных, семантических универсалий. Их отдельное бытие опирается на совмещенность в единой универсальной картине мира, в онтологии.

Поскольку в синтагматике может быть любое, позволенное в рамках правил, многообразие структур, то в семантическом аспекте это означает конкретизации универсальной картины мира с соответствующей локализацией, в зависимости от набора элементов парадигмы. Иначе говоря, универсалия выступает как потенциальная возможность множества содержаний, зависящих от знакового окружения. В тексте представлена «одна из возможностей», актуализаций потенциального.

Возникает вопрос о том, как создавалась эта потенциальная система, система универсалий, появляющаяся на базе живой речевой практики. Для удобства мы будем рассматривать путь морфологизации функциональной схемы-знака. В лингвистике используют термины, выражающие средственную природу знака («означающее») и относимость знака («означаемое»). Второе, как уже сказано, связано с отнесением к внезнаковому, реальному, например, чувственному образу или непосредственно к объекту или к внутривознаковому, предполагаемому, конструируемому в процессе создания семантической стороны бытия знаковых систем. Поскольку текст используется как раз для сообщения, то отсюда и выявляются «меточное» отнесение (к объекту непосредственно), смысловое (к возникшему смыслу, выступающему как то, о чем ведется речь) и значениевое (к абстрактной конструкции, выступающему как то, о чем ведется речь). Значение в речепологании вовлекается как то, что говорится от имени языка и используется как средство трактовки фиксированного смысла или объекта.

Итак, знак, во всех употреблениях, имеет две составляющие(функционально) – означающее и означаемое (см. сх.3).

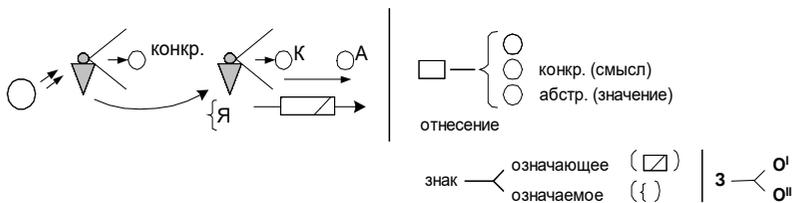

Схема 3

В коммуникации, в речепологании решаются задачи с помощью текста (знака и его составляющих). В простейшем случае понимающий порождает образ, опирающийся на означаемое (см. сх. 4).

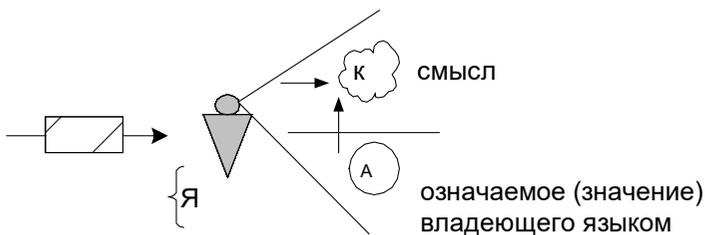

Схема 4

Означаемое, как результат усвоения языка, сохраняется в памяти и активизируется через побуждающее влияние означающего. Поэтому носитель языка порождает смысл под двойным влиянием – непосредственным реагированием на текст (означающее – вне его) и опосредствованным (через означающее). Но, чтобы реагировать на означающее, нужно его воспринять как «вещь» и выявить свойства именно означающего. Это и анализируется в психолингвистике, а также в лингвистике как процесс понимания.

В генетическом анализе нужно редуцировать развитость языка и носителя языка, вплоть до «естественной» формы коммуникативного взаимодействия (см. сх. 5).

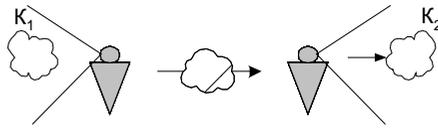

Схема 5

И тогда означающее будет представать в виде «вещи», необработанной для реализации коммуникативной функции (в позиции автора и понимающего). Означающее сведется к «обычному» образу, не имеющему языковых особенностей. В то же время вместе со становлением языка на базе «обычных» (чувственных) образов возникали те, которые являлись следствием преобразований в посреднике. Первичная активность коммуникантов обращена на посредник, превращаемый в означающее. Для организации воздействия на партнера этот посредник должен быть «временизирован», распределен во времени, что обеспечивает последовательное восприятие посредника и организацию порождения образа. Расчленение посредника и процесса его восприятия может быть «воздушным» при явной членимости воздействия на воздушную среду и «земным», когда членился единый след воздействия, членился «наскальное изображение» как средство членения восприятия. В обоих случаях посредник структурируется (последовательно и «одновременно») и предопределяет структурирование процесса восприятия.

В таком стихийном структурировании должен быть момент умысла, заданности связи между организацией посредника и организацией порождения образа у понимающего. Это и ведет к появлению смысла или образа, в котором внедрены характеристики организации посредника (см. сх. 6).

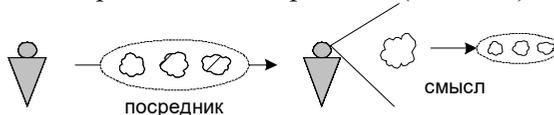

Схема 6

"Естественное" воздействие на партнера заменяется «естественно-искусственным». В генетической схеме легко

представить, что сначала организации подвергается означающее ($O'_E \rightarrow O'_{Eи}$), а лишь затем появляется эффект и переход к организации означаемого ($O''_E \rightarrow O''_{Eи}$). Организовать посредник легче, чем материал чувственных образов. Кроме того, организуемое восприятие касается сначала означающего и его представленности внутри субъекта, а лишь затем организации самих содержательных образов (см. сх. 7).

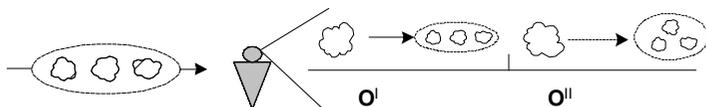

Схема 7

Означающие носят «объектный» и потому содержательный характер, тогда как означающие носят «средственный» характер, собственно языковой. Преобразования в слое посредника носят прямой характер, когда субъект содержанием своего умысла, первоначально – «до-целевого», имеет как раз то, чем оперирует. Преобразования же в слое предметных представлений носят косвенный характер, в котором вначале нет прямого обращения к этим представлениям. Поэтому между преобразованиями есть «неравенство» инициатив (см. сх. 8).

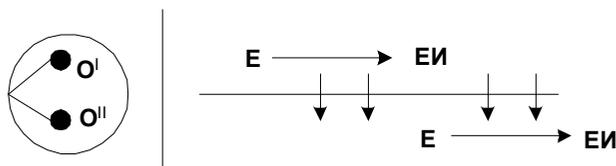
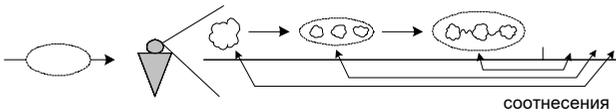

Схема 8

Сама «направленность» на преобразование означающего связана с тем умыслом, который предполагает сохранение зависимости между означающим и означаемым. Сам умysel сначала также «естественен» и лишь развитие внутреннего мира, сознания и т.п. обеспечивают переход к «естественно-искусственному», а затем к «искусственно-естественному» (культурному) варианту, к целенаправленности и рефлексивной организованности в мыслекоммуникации.

Следует сказать, что этапы просто членения и возникновения «рядов» посредника, предиката, с одной стороны, и воссоздания единности посредника как естественной, но структуры, с другой стороны, - различимы и имеют свое специфическое значение в генетическом переходе от менее развитого к более развитому. Структурная организация посредника дает дополнительные выгоды в реализации коммуникативной установки – «сообщить» и «понять». Она придает надежность конечному эффекту. Тем самым, структурная определенность посредника более эффективна, так как каждая часть не просто вносит свой вклад, но и зависит от других в увеличении вклада. А это опирается на то, что за каждой частью, потенциально, должна быть закреплена ее фокусная функция в целостности, что вначале происходит естественно

(см. сх. 9).

Схема 9

Последовательность преобразовательного отношения к посреднику предопределяется последовательностью затруднений в реализации коммуникативной установки. Учет затруднений зависит как от шагов в развитии внутреннего плана («предсознания»), так и шагов в развитии рефлексивной способности, сначала – «предсамосознания». Изменения во внутреннем плане отражаются в росте возможностей преобразования в слое посредника (см. сх. 10).

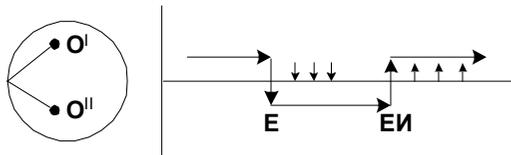

Схема 10

«Закрепление» функций частей и выделение типизированных образцов структур посредника создают ситуативную эффективность. При смене ситуации, уходе от ее фиксирован-

ности, эффективность, напротив, резко снижается. Поэтому остается лишь накопление стереотипов, эффективных для единичных ситуаций. Разрешение проблемы осуществляется за счет иного типа членения – «парадигматического», а не «синтагматического». Из массива стереотипов посредника выделяются «универсалии» означающего или те кирпичики, которые, не меняясь, могли бы быть использованы во множестве, бесконечном множестве, построения ситуационно значимых посредников. Именно на этом пути предтекст превращается в текст, а текст – в структурное целое единиц или знаков (см. сх. 11).

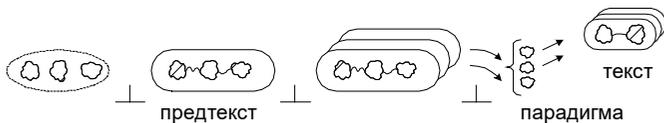

Схема 11

Структурно-парадигматические трансформации посредника ведут к появлению «предиката» или его «естественного» этапа в становлении. Возникают умыслы парадигматического типа, хотя и естественные, а затем парадигматико-синтагматические умыслы. Соответственно увеличивается устойчивость, надежность, эффективность системы средств «пред-языка». В рамках взаимозависимости планов означающего и означаемого инициируется и парадигматизация в плане означаемого, а затем и естественная форма парадигматико-синтагматической трансформации. Общая «стратегия» последовательности инициатив в трансформациях, указанная в сх. 10, осуществляется здесь. Парадигматизация в слое означаемого ведет к появлению содержательных универсалий, хотя и в естественном виде.

Однако парадигматизация, сохраняя умысел консервации единиц означающего, лишает коммуникацию значимости, если не возникает «механизма» временной, на момент коммуникации, «расконсервации», когда единицы соединяются во временный комплекс, синтагму. Этот механизм, как синтезирование синтагм, по «правилам», создает эффект сохранности единиц во всем цикле бытия, где в рамках фазы эти единицы меняют свой статус (от парадигматического к синтагматиче-

скому и наоборот). Они сохраняются и при смене одного синтагматического комплекса на другой (при переходе от текста к тексту). Во всем этом трансформационном переходе повышается уровень искусственности вместе с ростом механизмов рефлексии. Чем более развита парадигматическая сторона механизма пред-языка, тем глубже субъективные преобразования, а появление содержательных универсалий и парадигм ведет к появлению семантического слоя языка. Можно говорить об эпохе до-парадигматической и парадигматико-синтагматической эпохе (см. сх. 12).

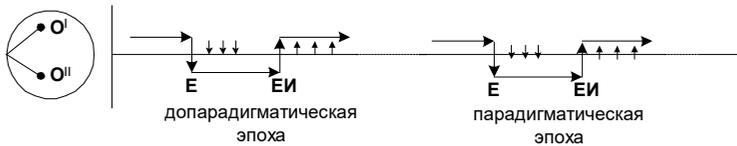

Схема 12

Переход от смыслов к значениям связан как раз с иницированием парадигматизированного слоя означающего процесса парадигматизации в слое означаемого. И только в этом взаимобусловленном процессе появляется «рацио», рассудок, могущий превратиться, при дополнительных условиях, в результат. Знак, суть результата преобразований посредника и самого человека (совокупного), позволяющих человеку не только распознавать и пользоваться обискусствленной натурой посредника, но и фиксировать и пользоваться обискусствленной натурой образов реальности как означаемых соответствующих означающих. Сам процесс обискусствления является следствием новых возможностей, возникающих у субъекта, переходимости в рефлексии к целеполаганию, целеудержанию, преобразованию цели, манипуляциям в сознании и самосознании и т.п., включая переход от знания к предписанию и наоборот.

Возникает вопрос о том, где содержится возможность перехода от имитационности к организации результатов имитирующего запечатления внешнего воздействия, без чего невозможны переходы постепенного обискусствления? Она заложена в самом чувственном познании, в первоначальном наборе прединтеллектуальных механизмов (ощущение, запо-

минание, восприятие, внимание, воображение и т.п.). Нами рассмотрена модельная схема использования всех этих возможностей в особом типе целостности – коммуникативном взаимодействии. Вне необходимости «передачи и понимания сообщения» нет «внешних» для каждой стороны (автора, понимающего) причины, заставляющей их создавать уловки и стимулировать изменения как посредника, так и их самих.

Теперь обсудим что такое «содержание» текста. Текст, будучи структурой, составленной из знаковых единиц и объединенных по форме синтагматического типа (синтаксической, грамматической и т.п.), объединяет значения, превращая их многообразие в непротиворечивую «объектную структуру». Однако вне участия сознания субъекта, вне налаживания в его сознании переходимости от конструирующей активности к «статической» конструкции не возникает эффекта содержательности текста. Конструирующая активность сознания зависит и от текста, имеющегося или порождаемого, и от желания и стремления актуализировать готовый фрагмент памяти или строить «впервые» некоторый образ, предназначенный для его выражения в тексте. Поэтому содержанием текста становится тот вариант готового или создаваемого образа, устройство которого полностью совмещено с устройством текста. Последнее предопределяет сам ход порождения образа. Так как сама конструкция текста зависит от сложившегося парадигматико-синтагматического механизма, то возможность преодоления случайности индивидуального «наполнения» текста содержанием определяется системой организационных и технических мер, создаваемых для этой нейтрализации (обучение, культурный контроль и т.п.). Внешняя организация порождаемых процессов, в том числе через средство контроля за правильностью оперирования текстом, надстраивается над внутренней самоорганизацией, как сознательной, в рамках понимания языковых требований. Так и бессознательной, за счет структурирующего потенциала чувственных и иных механизмов. Внешняя организация ведет к трансформации всех участвующих механизмов, их адаптации к контрольным воздействиям и коррекциям. В результате появляется система артикуляторных фонематических дифференцировок, иных инструментальных эффектов. Содержание требований, являющихся основанием

коррекций и контроля, создается в особой конвенциональной и арбитражной процедуре создателей и преобразователей языка. Иначе говоря, имея ввиду параллельность генезиса более высоких форм психических механизмов, окружающих социальных условий, форм самого коммуникативного посредника и др. можно вести речь о роли каждого типа «реальностей» в прогрессе иных типов и иных типов в этого типа реальности. Как и показывал Гегель рост субъективности зависит от субъективно значимой объективности, его роста (средств действия, взаимодействия, коммуникации, общения, сплочения в общности и т.п.), а также «роста» качества нормативных требований к бытию человека и групп, общностей. Нас пока интересуют бытие знака и знаковых систем при участии субъективного и социодинамического бытия (см. сх. 13).

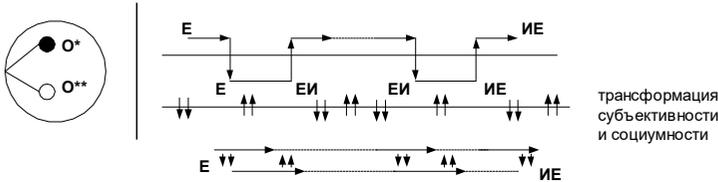

Схема 13

За счет многослойного и параллельно осуществляемого генетического процесса, в котором каждый слой имеет фазы своей инициации, воздействия на иные слои, слой знаковых средств «доходит» до той степени развитости, о которой говорили Соссюр, Бодуэн-де-Куртене, Гумбольдт и иные, когда парадигма становится относительно неизменной и достаточной для обслуживания синтагматических нужд, для порождения текстов, позволяющих осуществить успешное сообщение и понимание, иные коммуникативные процедуры. Механизм языка преодолевает прямую зависимость от динамики коммуникации, так как уже не возникают коммуникативные разрывы. Этот механизм становится устойчивым «инструментально-технологическим» сервисом коммуникации. Его выделенность из живых зависимостей усиливается социальной и организационной поддержкой, в том числе со стороны научного познания, образования, сферы культуры, управленческого обеспечения и т.п.

В общей линии генетического процесса непосредственный ход становления языка оперируется на предшествующую эволюцию живых существ, в которой уже появляются основные типы «интеллектуальных» процессов – запечатление (имитационное), фокусировка внимания, членение следов запечатления, отбор наиболее значимых частей, синтезирование значимых частей, подчинение синтеза объектной логике (в познании), подчинение субъектной логике (в воображении), обобщение (чувственное), идентификация структуры выделенных (и обобщенных) частей объектности. Рост специфически знаково-языковых качеств посредника, его знаковости как средства в коммуникации и содержательности в интенциональном плане (идентификации средства с объектом) меняет качества всех указанных процедур, которые в новом качестве и составляют «ткань» языкового мышления. Мышление имеет свою форму, стимулируемую знаковыми средствами, и свое содержание, идущее от чувственно фиксируемых «схем» или структур, но преобразованное в указанном генезисе.

Структурная лингвистика лишь более тщательно накапливает знания о целостности механизма языка, где все типы участников (звук, письмо, артикуляция, смыслопорождение и т.п.) проходят путь структурирования. Но эти структурирования совмещаются с функциональной рамкой знака (и языка в целом), дополняемой рамкой разделения парадигмы и синтагматики, системы процессуально-структурных форм (синтаксиса, грамматики и т.п.). Естественный язык не завершает путь к полной консервативности, так как конструктор языка не выделен или не полностью выделен для приведения модификаций языка сущности языка. Язык модифицируется не профессионально, а социально, совместными усилиями носителей языка. Конструкторы языка учитывают ход «естественного самодвижения» языка и адаптируются к нему, привлекая внимание к наиболее выдающимся носителям языка (писатели, поэты и др.). В искусственных языках конструирование отчуждается от динамики языковых коррекций «снизу» и опираются, прежде всего, на сущность, понятийность, категориальность и т.д. В результате грамматика оформляется в логику как систему сущностно обоснованных форм процессов порождения высказы-

зываний, а затем – понимания, критики, арбитраживания и общей координации.

Примечание. Реальный текст начала 1974 г. несколько модифицирован для удобства чтения. Но все основные идеи в теперешнем варианте сохранены. Остались многочисленные детали, не влияющие на восприятие своего замысла.

В феврале мы вновь вернулись к обсуждению проблемы моделирования (теоретического) пути становления языка и его единиц. Для того, чтобы не повторять ход мысли мы приведем лишь избранные фрагменты этого текста. (10-16 февраля 1974 г.).

Модель становления языка и его развития представляет собою цепь трансформаций исходного «устройства», переходов от одного состояния в другое. Изменяется целое этого устройства в зависимости от изменений в его частях, в отношениях между ними. Конечным результатом всех переходов является полностью раскрытый «знак» (язык в целом). Это знак «в – себе», а если дополнительно учитывается применение знака, его внешняя функция, то появляется свойства знака «для – иного». Знак существует для коммуникации. Его появление определено появлением коммуникации. Само развитие коммуникации и знака (языка) совмещаются в реальной и модельной истории. Они взаимно стимулируют «совершенствование» друг друга. Так как продвижение «вперед» того и другого вовлекает изменения в субъективности, то на определенном этапе появляется сознание, иные коммуникативно значимые качества и механизмы субъективности. В свою очередь развитие сознания меняет ситуацию в развитии коммуникации и знака (языка).

С другой стороны, моделирование генезиса языка и знака подчиняется ряду логических требований. В том числе учитывается знание об актуальном состоянии и развитости языка. Поэтому, зная об этом состоянии и даже имея гипотезу о максимально развитом состоянии, моделирующий может провести редукцию вплоть до «начального» состояния. Подобные требования были выражены в развернутой форме Гегелем.

Если знак объединяет в себе фиксированность знания (содержательный аспект) и фиксированность средства его «выражения» (формно-формальный аспект), а также отсылку средства к знанию (интенциональную), то в начале пути вместо культурного, сконструированного «знания» как значения знака предстает образ чувственного (дорационального) типа стихийно появляющийся под влиянием внутренних состояний. При этом вместо средства, специально сконструированного создателем или хранителем языка, предстает случайно используемый застигаемый в среде фрагмент посредника в его естественной динамике. Так как этот посредник как «вещь», «объект» воздействует на воспринимающую сторону, то рождается чувственный образ этого посредника. Именно он и «должен» соединиться, ассоциироваться с образом другого, «исходного» объекта. Образ посредника по функции инструментален, формален, а образ объекта, в том числе и образ «себя», является по функции содержательным.

Первое соединение, в пределах субъективности, между будущим означаемым и означающим происходит у воспринимающей стороны. Эта ассоциация случайна и индивидуальна. Если воздействующий использует голос, создание графемы без соотнесения с ходом реагирования воспринимающего, чтобы вовлечение образа объекта вело бы к «желаемому», для воздействующего, поведению или вело бы к коррекции в «нужную» сторону, то вероятность этого остается крайне мала. Должны быть факторы, содействующие соотнесению поведения обеих сторон, появлению «желания» зависимого поведения, зависимого от создаваемого в воздействии посредника (см. сх. 14).

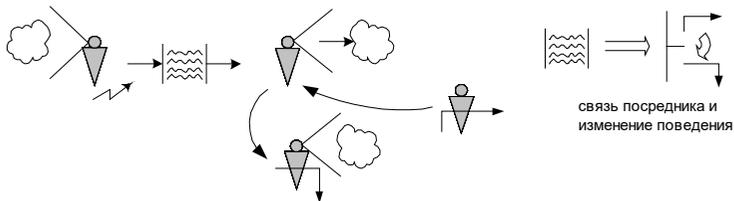

Схема 14

Для того, чтобы появилось желание активизировать посредник, сделать его фактором изменения поведения другого человека у воздействующего должно происходить ассоциирование образа посредника, образа желаемого своего состояния, образа желаемого состояния другого человека, образа изменения поведения другого человека и т.п. При этом все «нужные» (объективно) образы соединяются в такое целое, которое связывается с состоянием исходного желания воздействующего. Итак, посредник – суть (функционально) средство коррекции поведения другого человека. По указанной ассоциационной цепи образ посредника должен соединиться с образом иного поведения. Это соединение должно произойти в «сознании» реагирующего еще до реального изменения поведения, чтобы посредник реализовал коммуникативную функцию. Следовательно, в отличие от цикла коррекции поведения, реагирующий должен обладать возможностью установления перехода от образа посредника к образу будущего поведения, чтобы посредник реализовал функцию знака. Коррекция поведения, с помощью посредника, должна предстать как коррекция того, что является актуальным в его, реагирующего, «сознании» и целое коррекции поведения суживается до коррекции представлений о чем то под влиянием введения посредника (см. сх. 15).

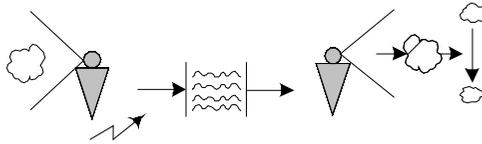

Схема 15

Мы видим, что соблудности эти требования в естественной динамике отношений крайне сложно и они маловероятны. Но случайное осуществление указанного (см. сх. 14, 15) цикла только и приводит к прототипному бытию «знака».

Неопределенность, случайность посредника, образа посредника, его корректирующего влияния выступают надежными условиями разрушения коммуникативного «целого», точнее – невозникновения устойчивого коммуникативного целого. При этом в зависимости от типа посредника (воздуш-

ная среда, «площадь» камня или дерева и т.п.) динамика того же цикла и характер затруднений различны. Есть преимущества у производства звука и у нанесения следов на «площадь», но они разные, также как и недостатки. Фиксированность нанесения следов связана с ограниченностью вариантов и, особенно, динамики коммуникативного воздействия. А подвижность производства звука связана с нефиксируемостью и неопределенностью, которую трудно компенсировать.

В генетической модели мы выделяем следующие фазы:

- ◆ целостность означающего естественного типа случайно соединяется с целостностью означаемого естественного типа;
- ◆ структурная целостность означающего естественного типа случайно соединяется с целостностью означаемого естественного типа;
- ◆ структурная целостность означающего естественно-искусственного типа соединяется, в некоторой степени случайно, с целостностью означаемого естественного типа;
- ◆ структурная целостность означающего естественно-искусственного типа соединяется, в некоторой степени неслучайно, со структурной целостностью означаемого естественного типа;
- ◆ структурная целостность означающего искусственно-естественного типа соединяется, в значительной степени неслучайно, со структурной целостностью означаемого естественно-искусственного типа;
- ◆ структурная целостность означающего искусственно-естественного типа соединяется, в значительной степени неслучайно, со структурной целостностью означаемого искусственно-естественного типа.

Переход от «естественно-искусственной» структурной целостности к «искусственно-естественной» структурной целостности связан с переходом к парадигматизации и выделению универсалий.

Поскольку предельный вариант парадигматизации возникает лишь вместе с переходом от «житейских» критериев членения к «научным», то знак (и язык) полностью развивается лишь в науке, при создании языка определенной науки, систе-

мы соответствующих понятий. Это обусловлено переходом к знаниям «сущностного типа» (теории, понятия) как общим условиям завершения парадигматизации (отхода от ценности текстов и прихода к ценности средств построения текстов, отхода от грамматики и прихода к логике).

В генетической модели типы зависимостей между означающими и означаемыми проходят свой путь: от случайной ассоциированности к росту неслучайности. Тот же путь проходит связь единиц в означающем и означаемом. Синтаксические и грамматические связи совмещают в себе связанность самих знаковых средств друг с другом и их связь с означаемым (объектными образами). Связанность по критерию формы (средства языка) появляется раньше и быстрее совершенствуется, чем связанность по критерию содержания (семантика). Основанием неравенства темпов и начала совершенствования служит удобство оперирования морфологией фиксированных знаковых средств и неудобство «оперирования» образами, их объектной содержательностью, подчиняющегося социокультурным требованиям извне.

В стратегическом слое модели повторяется «основание» преобразований в слое означаемого. Но в ряде тактических фаз инициатива перехватывается слоем означаемого и она стимулирует дальнейший ход развития знака со стороны означающего. Тактические «повороты» активности зависят от особенностей участия субъективных механизмов в целостности коммуникации. Тем более, что само выделение знака (и языка) как системы, существующей самостоятельно, как системы культурных средств, возможно лишь при развитости сознания и других механизмов, а также и социальных сред, общностей, социо-культурной организации и т.п.

Особо следует подчеркнуть путь преодоления исходного узла затруднений – «рыхлость» воздействия посредника на коррекцию образов или переходимость к иным образам.

Также как в развитом варианте коммуникации первичное внимание уделяется совершенствованию знаковых средств или их применению, а также присвоению, что ведет к «вытеснению» значимости содержательной стороны этих средств из-за трудностей в организации субъективных процессов, так и в генетической модели более ранние формы усовершенст

ния связаны с совершенствованием морфологии формы, определенности, достижение эффекта «однозначности» восприятия посредника за счет его структурной организации, именно это ведет к преодолению «рыхлости» посредника и «рыхлости» коммуникативного эффекта (см. сх. 16).

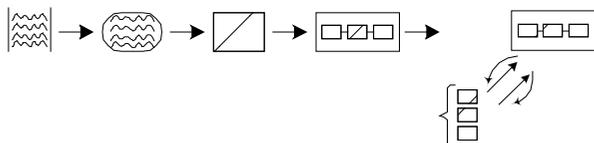

Схема 16

Устранение неопределенности посредника, как воздействующего и предопределяющего нужные изменения в «сознании» другого человека, имеет ряд этапов. Наиболее значимы из них этапы синтагматической структурной определенности и парадигматико-синтагматической структурной определенности. Содержательная функция эволюции средственности знака состоит в том, чтобы можно было «ответить на вопрос» - что именно желает сообщить воздействующая сторона? Развитость знака соотносена с прогрессом возможности ответа на этот вопрос. Максимальное развитие знака соответствует однозначности ответа и его предельной определенности. Однако знаковое опосредствование само помещено в многослойность коммуникативной среды и эффект однозначности зависит не только от знака (языка в целом), но и от соразмерной подготовленности всей среды.

Определенность конечного эффекта с содержательной стороны опирается на определенность всех составляющих. Поэтому критерий определенности «проникает» во все звенья механизма коммуникации и его языкового обеспечения, всей сложности языкового механизма, включая семантический слой. На этом пути и идет последовательное прохождение первого и второго членения языка (по Мартине), членение, универсализация всех типов наборов и правил их комплектования, в слоях означающего и означаемого, их функционально-морфологической связи. На этом пути и возникает необходимость не только парадигматизации, но и абстрагирования в

слое означаемого. Появляются семантические дифференциации «однозначного» типа, неповторяющиеся, имеющие категориальный статус. Такой путь ведет, в свою очередь, к самой кардинальной перестройке внутреннего мира, появлению сознания, самосознания, самоорганизации и т.п., мышлению, решению задач и постановке проблем, ко всем типам норм. Самый удобный, для осознания стратегической линии становления и развития языка, материал – концепция Гегеля о развитии «духа».

Прогресс в становлении и развитии языка сопровождается не только развитием субъективности и социодинамики, механизмов общностей, но и нарастанием "технологического слоя" в бытии человека (в артикуляции, фонетическом восприятии, в графическом поведении и т.п.). Это отражается в росте потенциала формализма рассудка и сложности его преодоления через развитие разума. На этом пути и появляются предпосылки логических проблем, подробно обсужденных и в немецкой классической философии (Кант, Фихте, Гегель), и до нее, и после нее, вплоть до московского методологического кружка.

Значимость для нас этой группы работ состояла именно в том, что она не просто подводила *итог* разнообразного и напряженного чтения литературы по лингвистике, логике, философии, психологии и т.п., но и особым образом теоретически оформляла саму работу с текстами. Мы приобретали теоретическое выражение нашим стихийным опытам и практике схематизации как конспектирования. Благодаря схематизации, которая включила с 1972-1973 г. изобразительные схемы, мы могли переходить от изучения языка, знаковых средств, грамматики, логики и т.п. в отчужденной форме теорий к изучению модельной практики, а от изучения – к формированию. Неслучайно было и оформление МРТ в 1975-1976 г. как метода интеллектуального развития и саморазвития, изучения такого развития. Особую роль сыграло еще и обращение к анализу схематических изображений и логических идей.

2.7. КАТЕГОРИИ

(версия 1976 г.)

Обсуждение особенностей метафизического мышления, в условиях анализа версии Гегеля, а также других звеньев цикла семинаров по истории логики, выделило общую постановку логической проблемы – типов синтеза категорий. Нас интересовал тогда, прежде всего, тот тип синтеза, который был характерен для метода Гегеля, так как практика работы с текстами и первые эксперименты по формированию мышления в условиях этого типа, по формированию общих культурно-мыслительных способностей опиралась на применение логики ВАК. Сами категории осмысливались в контексте перехода от смыслов к значениям, к абстракциям и высшим абстракциям. В 1974 г. Г.П. Щедровицкий подвел ряд итогов по линии своей педагогической работы и, в частности, опубликовал статью «Смысл и значение». Однако в ней раскрытие природы понятий и категорий было промежуточным, также как в иных статьях по «универсалиям», языковым парадигмам. Общие схемы содержательно-генетической логики создавали лишь возможность обсуждать такие сложные вопросы, как функции понятий, их роль в достижении «истины», в преодолении эмпиризма в познании и мышлении. Историко-философские обращения также мало добавляли прозрачности в понимании проблемы, в ее решении. Различные результаты логических разработок в XX в. несли также принципиальный, идейно-технологический характер и добавляли больше новых идей и намеков, а не сущностных разъяснений. То, что удалось прояснить в немецкой классической философии и, прежде всего – Гегелем, осталось не реконструированным. Высший уровень того анализа, который был в начале XIX века, был заменен более систематическим и оперативным, средство-технологическим, но менее сущностным. Эмпиризм торжествовал на новой почве. Мало помогла и структурная семантика, хотя она позволяла проходить путь тех же различий, что

и в XIX в., но более конкретно и модельно. В то же время мы уже многие вопросы философского, семиотического и логического типа воссоздавали в работе с текстами, в схематехнике и накапливали ответы на них. Обобщение и соотнесение с философской и иной культурной историей только еще намечались. Но сама техника работы, сам метод МРТ заставлял проходить путь от смыслов к значениям и к высшим абстракциям. Поэтому для нас осознание полученного опыта становилось все более необходимым. Имея «под рукой» все типовые операции логико-семиотического типа и завися от возможности и необходимости реконструкции содержания текстов, версий авторов, а затем и хода их мышления, мы стремились делать обобщения. И они появлялись, стимулируемые как участием в ММК, так и чтением источников, содержание которых «оживало в наших руках» в практике и экспериментах по работе с текстами. Приведем образец таких оформляющих размышлений по поводу категорий и предикативной тематике вообще. Кроме того, получив результаты и возможность их обсуждения в секторе психологии НИИВШ, мы написали свой первый вариант текста диссертации, посвященной формированию теоретического мышления. Нам казалось, что в теоретическом мышлении наши поиски приобретают свое законное место и, в частности, приход к категориям, к логической культуре является внутренним требованием того типа мышления.

«В познавательной деятельности, особенно в ее научной форме осуществления, быстро приходят к понятиям, преодолевающим недостаточность первичных созерцательных образов, эмпирических результатов познания. Тем самым понятия создаются и функционируют, совершенствуются как средства преодоления затруднений в познании. Так как они суть результаты проектно-конструкторской работы мышления (см. работы Г.П. Щедровицкого и др. участников ММК), то возникает вопрос об особенностях реализации познавательной функции «отражения» реальности. Отражение требует считать этот конструкт выражающим объектное содержание и особое вытеснение воспоминаний о конструкторском процессе как процессе порождения понятий. Иначе говоря, конструкторское порожд-

дение и объектная функция в трактовке конструкта особым образом должны быть согласованы. В созерцании и образе созерцательного типа эти совпадения предопределены имитационной формой бытия органов восприятия. В мышлении, в использовании знаковых средств, прямое выражение образа созерцательного типа ведет к эмпиризму, так как связано с применением значения языка и подчинением применения содержанию образа. Появляется стихия конструирования синтетических значений, синкретизм, а затем и формализм. Чтобы преодолеть синкретизм замещения смыслов и образов восприятия, воображения синтетическими значениями и раньше, и теперь («содержательно-генетическая логика» в ММК) вырабатывали способы синтеза. Особой и высшей формой осознания этого способа является «метод Гегеля» использованный, в определенной степени, Марксом в «Капитале». Генетическая конструкция предстает как онтологическая картина, замещающую массу созерцаний и эмпирических описаний. Эта картина является блоком в структуре научного предмета (включающего факты, проблемы, задачи). Все блоки зависят от онтологии, и онтология организует постановку познавательных целей, задач, проблем, гипотез и т.п.

Понятия и категории появляются при замещающей схематизации материала описаний. Появляется конструкция (схема) как замещение в функции «описания». Ей соответствует идеальный объект, а текст описания идеального объекта соответствует теории. Но такое описание требует и коррекции языка. Будучи средствами мышления и познавательной деятельности они несут двойственность своего существования, двойственность своих функций – функции средства и отражения, а, следовательно, и истинности. В последних функциях заключена содержательность понятий.

В то же время понятия, возникшее в ходе онтологической схематизации и парадигматизации, используются в решении «текущих задач» в познавательной деятельности, стимулированных постановкой проблем и выдвижением гипотез. Понятия как средства познания начинают менять свой статус и перемещаться из онтологического блока в оперативный как средства, хотя и с закрепленными содержаниями. Категории выделяются в качестве предельных средств описания идеаль-

ных объектов и замещения эмпирических материалов. Если понятия зависят от вычленения научных предметов на базе единой онтологии и обслуживают предметные комплексы, то категории стоят под предметами. Категории являются «метасредствами» в структуре научного предмета, метасредствами теоретического мышления.

Понятие является организованностью языкового типа. Поэтому в построении теории используются многие понятия как средства построения высказываний и как замещающих отдельные блоки эмпирического материала, соответствующие «сторонам» идеального объекта. Чем более развита парадигма, тем она совершеннее реагирует на «заказ» по обработке материала эмпирических описаний без внутренних деформаций. Эта стратегия выработке наиболее «постоянной» парадигмы, наиболее гибкой и чувствительной к заказам по конструированию онтологом, созданию «частных» теорий приводит к парадигме категорий. Тем самым, понятия являются предметными средствами, включены в предметную парадигму, а категории – надпредметными средствами, включены в надпредметную, философскую парадигму.

С другой стороны, понятия и категории как элементы парадигмы, проявляют свои свойства как средства именно в парадигме, тогда как в синтогматике преодолевают средственность и становятся «содержательными». В синтагматике они должны отражать, «описывать» и быть объектно значимыми, содержательными, быть готовыми к проверке на «истинность». Но содержательность понятий и категорий не идентичны.

Аристотель считал категории атомами языка описания объективного и такими, чтобы в применении категорий можно было бы получить утверждение или отрицание наличия объективного качества, истину или ложь. Качества относились к множеству вещей. Утверждения же сущностные, касающиеся определенной вещи строились на базе применения многих категорий. В целом категории здесь рассматривались как инструменты, языковые средства. Сущность же выражалась синтагматической категориальной структурой. В целом категории здесь рассматривались как инструменты философского описания «вещей» и, следовательно, не предназначались для рас-

крытия реальных явлений и вещей. Это были не аналоги «идей» Платона по своему категориальному содержанию. Категории носили больше именно инструментальный статус, но с предназначением выражать свойства и качества всеобщего характера. Вместе с тем категории становятся основой для появления умозаключений, так как в умозаключениях происходит соединение, соотнесение всеобщего и единого. Если всеобщее (категория) обнаруживается в единичном (созерцаемом), то она превращается в особенное (понятие). Иначе говоря, категория предстает, в рамках нашего понимания соответствующего мыслительного процесса, как «проект» знания о стороне объекта, первоначально представленного в образе созерцательного типа. Категориальный синтез «проектно» воссоздает целое объекта в рамках мысли.

С другой стороны, как элемент парадигмы средств мышления категория сохраняет свой средственный статус, а в переходе к синтагматическому синтезу она преодолевает средственность и зависима не от иных категорий как частей синтагмы, а от содержательной предназначенности. Синтагма строится для введения содержательности, относимости к объектности. Синтагма по функции онтологична. Вместе с этим приобретает онтологичность и частью синтагмы, категорией. Понятие изначально синтагматично, так как подчинено выражению объектного содержания и потому понятие скрывает свой средственный статус.

***Примечание.** Для нас в то время оперирование текстами и схематическими изображениями давало возможность все время иметь в виду соотнесение готовой парадигмы и ее перестройки. Поэтому сам поиск предельных абстракций, их заимствование в словарях и самостоятельное «дистраивание», «перестраивание», «конструирование» переносился на анализ понятий и категорий. Он и помог затем разобраться с техникой движения мысли у Гегеля.*

Так как понятийность вырастает из оформления материала эмпирических описаний и материала созерцаний, то переход к предельным парадигмам, предназначенным для философского мышления, меняет содержательность и понятий. Они также «подтягиваются» к предельным синтагматическим, син-

тетическим абстракциям. Если Аристотель разъединял категорию (всеобщее) и понятие (особенное) в умозаключении, то при конструировании категориального синтеза понятие становилось синтетически всеобщим. Содержательность этих понятий в рамках установки на отражение могла быть оправдана лишь расслоением содержания объектности на «поверхностное», не требующее всеобщности, и «глубинное», выражаемое категориальным синтезом. Поэтому всеобщее объектное содержание стало осознаваться как знание о сущности. Сущность «проявляется» и поверхностное содержание описывает проявление сущности. Этим оправдывается и учение о сущности как учение об истине, «подлинно объектом» в отличие от истинно подобного в знании о проявлении. Так мы вплотную подходим к проблемам немецкой классической философии. Категориальный уровень описания, тем самым, предстает как уровень истинного выражения сущности. Если категории, как инструменты мысли, предназначались для всеобщего описания объективного, а всеобщее соответствовало сущностному и истинному, то категориальное синтезирование оправдывало совмещения ценностей логического и научного. Поэтому, Гегель получил право назвать логику «Наукой логики». Описание в категориальных средствах было истинным и касающимся идеального объекта, а сама синтетическая конструкция превращалась в «онтологию» или «онтологему».

***Примечание.** Все эти рассуждения привели их к оформлению в виде логических базовых схем способов бытия предиката (категории или категориального синтеза) и динамики смены способов бытия – схеме акта мысли, а затем схемам синтеза – дополнительного и уточняющего. Мы осознавали огромную роль «прозрения», приобретенного в этих рассуждениях и их схемном оформлении. Последующее их применение позволило интегрированно увидеть огромный теоретический материал по проблеме мышления и языкового мышления.*

Аристотель ввел оппозицию и снятия между «формой» и «материей». Он говорил, что существующее не может быть рассмотрено только как форма или как материя. Следовательно, он продемонстрировал парадигматическое и синтегматиче-

ское бытие категорий «форма» или «материя». Онтологичен лишь синтез категорий. Позднее Кант строил ряды пар категорий, всего объема содержаний. Фихте стремился дедуктивно выводить категории, а Шеллинг – применение дедукции в генетических конструкциях онтологий. Но только Гегель сделал соединение противоположных категорий неслучайным и «самодвижущимся». Этим он во всеобщей форме совместил парадигматическое и синтагматическое в категориальной системе, инструментальное и онтологическое, а также «истинное». Гегель заменил «форму» Аристотеля своей «определенностью», а синтез двух начал – «ничто». «Материя» превратилась в «бытийность». За счет своего метода полагающего мышления, конструирования категориальных систем он добился единственности, неизбежности в порядке введения новых категорий с учетом парности категорий, их противоположности в парах по своему содержанию. Конструирование цепи принимало содержательную трактовку как самодвижение, самовыдвижение новых категориальных содержаний. Гегель рефлексивно комментировал переходы от инструментальной формы бытия категорий в онтологическую форму бытия в общем для всех форм бытия в пространстве мышления.

В деятельностных терминах мы видим превращения средств в продукты мысли. Гегель не только показывал все превращения предикатов, но и доказывал их оправданность раскрытием природы духа, мыслящего духа. Его генетическая реконструкция пути развития духа позволяла увидеть неслучайность тех требований к научному мышлению, которое он и вводил.

В контексте перехода от смысла к значению, от описания деятельности к конструированию, к организации конструирования заместителя (абстракции), к выделению средств описания и теоретического конструирования Г.П. Щедровицкий рассматривает «универсалии» как пучок употребления знакового средства, высказывания как знаковой структуры. При фиксированности материала эмпирических описаний пучок употреблений проходит путь от ситуативного употребления, повторяющегося каждый раз в его уникальности, к оформленности употребления, введению методической и логической формы употребления. То, что употребляется «принадлежит»

всем объектам или единицам эмпирического материала. Универсалия соотносится со смыслом, данным в плане сознания пользователя и с другими универсалиями. Во втором случае, в контексте приобретается унификация и необходимость освоения способа употребления теми, кто вовлекается в употребление универсалий. В этом процессе овладения появляются знания об универсалиях.

***Примечание.** В этом пункте, овладения «универсалиями», и появляется проблематика трансляции языков, перехода языков от носителя к носителю. Эта проблематика стала актуальной после введения нашей версии языка теории деятельности («Азбуки»), как в первый период работы ММПК, так и теперь – в программе выработки механизма надежной трансляции 2000-2001 г. Наряду с овладением компонентов парадигмы, всей суммой исходных абстракций, возникает необходимость овладения, формирования онтологической картины как содержания синтетического предиката – онтологии, что соответствует мировоззрению в пределах парадигмы как единой системы.*

Вместе с онтологическим характером представленности синтетического предиката в рамках объектной отнесенности, реальной или потенциальной, Г.П. Щедровицкий говорит о «копировании» структуры объекта.

***Примечание.** Еще при установке на овладение «Азбукой в 1980 г. мы предполагали использование каузальной техники мышления, продвижение объектно-причино-следственной цепи в зависимости от «устройства» идеального объекта. Но выработка способности к объектно-каузальному движению мысли и подчинению этому движению состава применяемых средств, звеньев парадигмы оказалась затруднительной. Мы вернулись к каузальному акценту более осознанно и планомерно после онтологического модуля 1996 г. и опробываем его где только возникает возможность. В «Азбуке» 2000 г. есть специальная схема мета-онтологических средств, активно примененных в работе «Развитие. Моделирование. Технологии» 1996 г.*

Категории появляются в результате многоэтажной парадигматизации теоретических текстов и вторичной проверки получаемой парадигмы на способность к построению «эффективных» синтагм, отвечающих критериям онтологичности (константности) парадигмы в бесконечном ряде ее применений.

Примечание. В начале 1974 года мы подвели итоги анализа проблемы механизма языка и, в частности, оппозиции «смысл - значение». В результате выявлений базовых различий мы написали работу «Генезис знака», в которой ввели представления о предельности парадигматизации, ее завершаемости только в искусственных языках. Именно эти соображения и позволили осознать промежуточный характер категорий «реального» языка, необходимость конструирования «завершенных» языков, где бы категориальное становление было бы полным. Этим и занималась философия в различные этапы ее существования.

Теоретик при наличии категориального языка, парадигмы категорий может переходить к категориальному реконструктивному отношению к массе эмпирических «знаний», текстов описаний. Результат реконструкции или замещающего предельно абстрактного описания выступает как особый проект будущего теоретического знания. Это как бы философское выражение содержания эмпирического характера. При соотношении с эмпирическим материалом этот «проект» конкретизируется и этим «реализуется», становясь значимым для практики. При отнесении проекта к массиву актуальных и возможных знаний он предстает как особая универсалия. В силу абстрактности проекта его употребление предполагает наличие категориальной, языковой, мыслительной культуры в целом. Без нее нельзя осуществить переходы от эмпирических текстов к теоретическим и философским, к идеальным объектам. Собственно универсалии, как было сказано, являются парадигматическими, а их синтагматический анализ подчеркивает инструментальность лишь при оперировании синтагмой как средствами решения познавательных и иных задач. Охватывающая единая синтагма находится в особом положении как ми-

роконструкция или мировоззрение в пределах фиксированной парадигмы.

Присмотримся к ряду воззрений древних греков («досократиков»). У них появилось стремление дать охватывающую мироконструкцию. Фалес считал, что все происходит из воды. Этим он косвенно привлекал парадигматизацию, но в терминах созерцательного типа. Как только он делал переход от наблюдения, где может быть что-то составленным из воды, к мышлению, выражающему состав «всего» и источники этого всего вне оглядки на созерцание, он превращался в категориального мыслителя. Однако Фалес не акцентировал сам механизм мышления и его категориальное проявление.

Иная версия у Анаксимандра, началом всего предстает «беспредельное». Поэтому уровень погруженности Анаксимандра в мыслительное, степень отхода от созерцательности несравненно более высоки. Он обращается не к «кирпичикам», из которых строится здание существующего мира, а к тому из чего могут появиться и сами кирпичики, те нечто, из которых можно строить все остальное. Анаксимандр говорит, что беспредельное – причина возникновения и уничтожения, это источник рождения всего, который не иссякает. При этом происходит рождение с признаком необходимости, включая противоположности, возникающие с необходимостью. Кроме того, «начало» активно порождает из себя и возвращает в себя все порожденное. Естественно, что путем простого оформления созерцаний нельзя зафиксировать и проследить появления и исчезновения миров. Мыслительное конструирование должно опираться на вводимые внутри мышления единицы рассуждения, на средства мысли и Анаксимандр порождает для мысли это средство – «беспредельное», онтологически отнесенное к субъективному носителю качества беспредельности – к быту, источнику необходимости и причинности.

Очевидно, явным образом приходит к категориям Пифагор, перешедший от принципа созерцательности к мышлению и конструированию в мысли, создавая философию чисел. Его учение о бессмертии души, подхваченное в Египте, реализовывало обращенность к чистой мысли. Подобно душе мысль в ее свободном от ощущений бытии также переставала быть временной и приобретала бессмертность, вневременность. В

этом контексте категории чистого мышления – бессмертны и порождающи, активны и сущностны.

Порождающее начало, Бог, как подлинное бытие выражено Ксенофаном. Порожденное суть временное и потому существующее по видимости. Действительно существует Бог. Его подлинность выражена в господстве над всем, а также в его однородности, в отсутствии подчиненности одной части другой. Независимость Бога лежит в отсутствии нужды в чем-либо, в предпосылке отсутствия нужды – в бестелесности. Мы видим, что атрибутивные характеристики Бога воплощают те же характеристики категорий, но в мире мышления. Категории столь же отличны от эмпирических фиксаций, как Бог в отличие от человека. Поэтому истинное в человеке божественно, но человек содержит по мимо этого еще и «неистинное», превращая истину во мнение о ней. Не случайно Ксенофан во всем сомневался, не доверяя своему мнению. В этом был прототип критицизма более поздних философов. Характерно, что он стремился преодолеть ограниченность отдельных характеристик, отдельных категорий и потому собственно подлинное, истинное (божественное) связывал с целостностью, а не с ее сторонами. Бог у него и не ограничен, и не беспределен, ни покоится, ни движется. Здесь видны моменты гегелевского учения о самодвижении духа и его временных самоотчуждениях.

Более рефлексивно к мышлению относился Парменид, разделив философии мнения и истины. Временность мнений он связал с видимостью изменений, возникновения вселенной. Вселенная по истине вечна и неизменна. Мышление и разум преодолевают различенность и множественность, так как для разума существует лишь единое. Парменид выделяет зависимость между использованием в познании чувственности и мышления. Беспорядочность не присуща мышлению, а умопостигаемый мир предполагает начала, вплоть до единого сущего, которое вечно и из которого образуется все. При этом дифференцировка начал «земля» и «огонь» или «материи» и «творчества», сама вечносущностна, не ведет к противопоставлению и смыкается в одном. Исходное, несозерцаемое подлинно существует и его нельзя познать обычными средствами. Тем самым, Парменид приближается к формно-

средственному и позиционному пониманию и мышления, и познания, соотнося онтологические утверждения с особенностями мыслительного механизма и места категорий в нем. Переходимость от механизма мышления к его содержаниям, утверждениям о мире еще должна была оформиться в истории мысли. Но сами трактовки Параменида делали возможным обращение внимания на механизм мышления и его порождающее проявление, включая вовлечение «начал», имеющих и содержательное и формное лица. Переходы между парадигмой и синтагматикой как бы мерцали в рассуждениях.

Еще более заметно соотношение синтагматики и парадигматики, хотя и в онтологической акцентировке, у Эмпедокла. Он уже различает статику начал (вода, воздух, огонь, земля) и динамику (любовь, вражду). Сущность лежит в необходимой причине, приводящей все в движение и она имеет обе стороны – вражду и любовь. Тем самым, если рассуждение о бытии имеет неслучайный характер, то мышление должно иметь возможность соединять, разъединять категории и все это в пределах единства мышления как самосуществующей целостности. Если отдельные категории имеют, как элементы в парадигме, разделяющий потенциал, то в синтезировании категорий их кажущаяся разделенность преодолевается. Но они и в «изолированном» существовании не отдельны, так как сохраняют предназначение к синтезу и движению в сопоставлениях с другими с возвращаемостью в свое статическое бытие. Хотя у Эмпедокла еще не рефлексировался сам механизм мышления, но в оперировании онтического типа видны формы самого мышления. Синтагматика и парадигматика в таком мышлении составляют целостность механизма мышления.

Мелисс сделал шаг в отходе от объектно-эмпирических ассоциаций в трактовке начал. В основе начал усматривается единая сущность, которая стала называться, как отмечал Гиппократ, материей. Это ход качественно обобщающий прототипы выделения начал. Обобщение выглядит еще онтологически, а не инструментально. Это единое Аэций назвал Богом, существующим вечно и беспредельно, и бестелесно, напоминает Симплиций. Похожее можно видеть и у Зенона. Только введя единое можно получить его спецификацию на разные начала и

еще более возвыситься к категориально значимому синтагматическому синтезированию, псевдогенетический образец которого дал Гегель.

Филолай детализировал механизм синтезирования категорий. Он рассуждает о гармонии начал, взаимоприемлимому совмещению начал, противоположностей. У него появляется единица совмещенных начал – монада, могущая давать бытие иным единицам и всей целостности мира. Филолай даже связывает познаваемость с наличием таких единиц и гармонии начал, наличию «числа». Только приложение чисел делает ощущения познаваемыми, а также вносит ориентиры в то, что сомнительно в познании. Тем самым категориальный синтез опирается здесь на парность категорий и противоположность категориальных содержаний. Позднее Кант развил подобные идеи. Точно также в идеях Филолая видна сохранность и ценностей, связанных с гармонией, совмещаемостью начал. В то же время Филолай подчеркивает, что сущность вещей, усмотрение подлинной гармонии доступно лишь богам. Человек только прикасается умом к сущности, будучи богоподобным.

Экфант продолжает поддерживать принцип парности противопоставленных категорий, считается, что началами всего являются первичные тела и пустота. Он, по свидетельству Аэция, объявил мир, состоящий из атомов, различающихся по форме, силе и величине. Однако между началами должны были быть усмотрены отношения, обеспечивающие все многообразие явлений. Анаксагор, по мнению Диогена, первый поставил над материей ум, приводящий все в порядок. Он является причиной рождения и движения. В противопоставленных началах ум реализует функцию производящую, активную, а материя – страдательную, а ум как активизирующее начало, ни с чем не смешен, всепроникающий, по свидетельству Аристотеля, ум приписывался Анаксагором всем живым существам. Вселенная возникла благодаря божественному уму, Богу и потому ум человека свидетельство бытия Бога в нем. Самодержавность ума, его господство над всем, чистота и совершенность знания о всем не исключает наличие многого, образующегося само собой, о чем напоминал Симплиций. Тем самым, Анаксагор демонстрирует такой подход к онтологическому конструированию, в котором категории обеспечивали бы вхождение в

позицию конструктора мира, делали бы ясным причинно-следственный ряд и ответ относительно того, что является иницирующим во всем. В ином случае в поиске причин была бы та множественность, которая характерна только для более эмпирического мышления.

Близкие воззрения были у Архелая, который считал ум соединяющим и разделяющим, приводящим в движение, но включенным в сами вещи. Этим вещам придается способность к самодвижению. Двойственность направленности активности дает перспективу складывания такого бытия мира, при котором он проходит циклы, охватывающие целое и части, с этапами становления организованностей и их исчезновения. В этой цикличности лежит источник бесконечного воспроизводства бытия.

Обращенность к категориям как средствам неслучайного объяснения происходящего, ответов на вопросы о причинах и неизбежных следствиях, опираясь на саму внутреннюю способность к более высокому уровню познания, чем чувственное познание. Гераклит делил познание на осуществляемое посредством восприятия и логоса. При этом логос остается недоступным пониманию людей, хотя им свойственно познавать себя. Этим человек как бы подсоединен к тому, что не зависит от него. Логос является созидающей силой, созидающей из противоположных стремлений, сближающей разное и порождающей гармонию. Изменение всего происходит через борьбу и по необходимости, через борьбу и единства противоположностей. Тем самым, к выходу в предельные средства познания причастно не только то, чем обладает человек и чем владеет, но и то, к чему он причастен как к порождающей силе всего существующего. Опираясь на лишь собственные силы человек не готов к созданию предельных различий. С этой точки зрения социальные и культурные условия дают лишь начальные шаги к истинному прозрению. Гераклит отмечает, что мышление лишь приближает к логосу и к истинному знанию.

Демокрит выделяет роль ума, вооруженного правильным принципом исследования, сведением сложного к простому, неделимому, из которого объясняется все посредством логического рассуждения. В этом намечается реконструктивная тех-

ника мышления, требующая наличия надежных категориальных средств. Вместе с наличием этих средств мышление изменяется и приобретает логические формы. Они являются условием преодоления множественности мнений и перехода к истинному знанию. А Протагор подчеркивал, что о всякой вещи всегда находятся два мнения. Этим фиксировался уровень мышления на пути к истинному, к «подлинному» мышлению. Человек не может быть лирой вещей, как это пытался утверждать Протагор, ибо иначе истина была бы не доступна в принципе. Категории – инструменты мышления, предполагающие преодоление зависимости от индивидуальных качеств.

Отрыв от привязанности к ограниченности индивидуальных качеств осуществлял Сократ. Он считал, что истина раскрывается в общих понятиях, а не в ощущениях и мнениях. Для прихода к истине требуется умножение мнений и их сопоставление в дискуссии при отыскании принадлежности мнений к сущности, при сведении их к общему понятию. В таком подходе уже заметен тип позиции в споре – арбитраж, вне которого и не порождаются понятия и категории. Этот социокультурный механизм был основан на практике споров, обычных в Греции тех времен. Теоретическая форма мышления фактически подхватывает «метод Сократа» и демонстрирует конструкторское проявление арбитражной мысли, учитывая соотнесение и сопоставление мнений автора и критиков автора.

Евклид, как последователь Сократа, считал, что сущее удерживается в понятиях, отъединенных от мира, его чувственных образов и от иных понятий. Этим уже подчеркивался особый статус замещающих абстракций, обладающих целостностью как элемент парадигмы, так и самой системы парадигмы. Стилпон отмечает, что понятие не принадлежит отдельной вещи и отражает вечно духовные сущности, обладающие подлинным существованием. Отделение явления от сущности, чувственных образов от понятийных, замещающее отношение абстракций в мышлении относительно эмпирического материала являлось доступным рефлексии, познания и средств познания, которую имели последователи Сократа. Хотя результаты рефлексии несли в себе склонность к онтологизации, к содержательному акценту в мышлении.

Переходимость от чувственного знания к понятийному фиксировал Платон. Он считал, что относительно не ощущаемого не может быть ни обмана, ни ложного мышления. Для прихода к понятию нужно соотносить предметы, выявлять общее, схожее. Знание равное самому себе возникает при помощи чувственного восприятия. Но подлинное раскрывается лишь в размышлении, в объяснении, так как неизменные сущности незримы. Являющееся свидетельствует не об идеях, а об уподоблениях. Хотя идеи присутствуют и целиком в вещах, их отражение невозможно без организованного мышления. Платон демонстрировал тип организации мышления, приходящего, а точнее «вспоминающего» понятия, отражающее идею вещей. Мышление должно схватить единство вещей одного ряда для усмотрения их охватывающей идеи. Но сами идеи остаются непознанными, знание о нем остается незавершенным. Само рассуждение опирается на предположение наличия идей и потому оно может быть направленным. Тем самым, Платон, как и Сократ, уделял внимание не столько онтологическим конструкциям, сколько мыслительным условиям построения онтологий с соблюдением требований истинности. Понятия, доступные человеку, предстают как гипотезы об идеях, без введения которых человек не может организовать свое рассуждение. Необходимость построения понятий и категорий и их относительность, функциональная значимость понятий как средств прихода к истинному знанию – ярко показаны всей системой трудов Платона.

Зависимость содержания знания от устройства познавательных органов дана в учении Аристотеля. Чувственные органы воспринимают и уподобляются не самому предмету, а рисунку его воздействия. Но поэтому же общее не воспринимается, а постигается в мышлении, в обсуждении. Орган мышления не предопределяется телестностью, особым механизмом, неделимым и тождественным, дающим истину или ложь. Аристотель закладывает в мыслящего человека неизменность в обдумывании и переход от возможности к реализации. Тем самым, в мышлении человек отрывается от имитационности и переходит к конструктивному замещению, не зависящему от реальных условий бытия, к применению этих заместителей. Аристотель этим предвосхитил качественное преобразование

интеллектуальных способностей при помощи языка, создающего эффект той неизменности основы, парадигмы, которая дополняется гибким реагированием в синтагматике без изменения парадигмы. Аристотель подчеркивает, что мышление находится в распоряжении человека и осуществляется когда он только захочет. Именно так и существует носитель языка. Но для подлинной «неизменности» ума, он должен еще стать таким. Язык еще должен пройти путь к своему развитому состоянию с указанными свойствами. Именно категориальная парадигма воплощает подобный призыв. Только тогда, как говорит Аристотель, мышление перестает быть причастным к страданию. Ум является формой форм, мысля обо всем не смешиваясь ни с чем. Но так и действует развитый язык и носитель языка. Мышление, дополняет Аристотель, не связано с телом. Его сущность, как бы сказали в наше время, лежит не в человеке, а в механизме языка, которому человек следует. Ум действует через себя и он пребывает в действии постоянно. Только в этом случае возможно научное знание, исследующее общее и основывающееся на необходимых положениях. Тот, кто знает общее лучше знает нечто, чем тот, кто знает частное, так как общее есть всегда везде и во всем и оно раскрывает причину, первичное, первопричину. Аристотель выделяет два типа знания – знание «что» и знание «почему», использующее понятия и доказательство, в структуре которого основание должно обладать истинностью, достоверностью и изначальноностью. Аристотель убежден, что если бы не существовало первичных сущностей, не могло бы существовать и ничто другое. А сущность неделима, едина и у нее нет ничего, что бы ей было противоположным. Тогда как вещам, обладающим изменчивостью свойств, присуща и противоположность. Итак, высшее познание неотделимо от перехода к обобщенным заместителям, к умению пользоваться им без изменения исходных оснований. Но для этого сами исходные основания должны быть подчиненными первопричинности и выводимости из исходных причин. Это все составляет главные требования к категориальным системам средств мышления».

Примечание. Данный текст появился в контексте схематической практики, где основное внимание

уделялось языковому конструированию и рефлексии этого процесса. Поэтому размышление о категориях выступило как размышление о предельной парадигме средств мышления и метаязыка. После перехода к построению деятельностной «Азбуки» или языка теории деятельности потребовалось внести уточнение и детализацию в понимание категорий, не противопоставленное семиотической трактовке. Оно оказалось еще более перспективным. Приведем также нашу точку зрения 1976 г. о специфике теории и теоретического мышления.

«Деятельность познания разделяется на два соотнесенных друг с другом типа, имеющих свои функции. Первый тип можно назвать сбором опыта или материала знаний. Второй тип – называется построением теории и ее логическим изложением. Между двумя типами деятельности разворачивается научная коммуникация, являющаяся механизмом кооперации типов деятельности. Единый продукт консервируется в культуре. Само построение опыта происходит либо непосредственно, за счет чувственных механизмов или опосредствованно, с введением средств накопления опыта. При создании теории выбирается наиболее простое и очевидное, а затем проводится переход к иным элементам теоретического знания. При этом выбранный материал излагается при подчинении рассуждения правилам логики и логическим критериям, что дополняется системой доказательств.

Генетически исходной является деятельность по сбору опыта. Вторично строится теоретическая деятельность и ее следствие – доказательства правдоподобия теоретических гипотез. Над теоретической деятельностью надстраивается деятельность по созданию вторичного опыта, опирающиеся на соответствующие организации. Эта экспериментальная деятельность подчинена проверки гипотез теории, а теория выступает главным инструментом организации экспериментирования, прежде всего – гипотетические части теории.

Продукт сбора опыта выступает материалом для создания теории. Мир вовлекается в деятельность сбора опыта и предопределяет характер получаемых результатов. В теоретиче-

ской деятельности предопределяет не материал, а формы организации теоретических рассуждений. Теории дискретны и структурны, дискретны по их текстуальной организации, структурны – по их содержательной организации. Поэтому тексты теории структурно-дискретны, трансформируя «непрерывность» материалов эмпирического опыта. Теории зависимы от своего основания (содержательного и процессуально-механизмического). Поэтому они могут остаться нечувствительными к содержанию эмпирического материала, его значимым для эмпирики частям. Возможность несоотнесенности и разрыва в коммуникации является почвой для перестройки теории. Функционирование научного познания состоит в переходе от одной теории к другой, более принимаемой участниками кооперации, с учетом роста опыта и качества инструментов организации опыта.

Функция отражения ведет к появлению идеи «истинности» результата познания. Смена теорий, в которых организовано выражается, в языковых средствах, опыт предстает как «приближение» к истине. Оперативным критерием истинности выступает совмещение содержание опыта и «актуальной» теории, а содержание истины состоит в содержании теории.

При разнообразии условий теоретического конструирования, включая различия объема и качества материала опыта, различие способов и способностей теоретиков, их включенности в историю познания, появляется множество теорий при фиксированных результатах соотнесения опыта и теорий. Ценность «единственности» истины, ее консервативности, сохранности побуждает к вторичной теоретической деятельности. В ней материалом выступают теории, а результатом – «метатеория», более абстрактный заместитель многообразия «первичных» абстракций. Критериями вторичного построения являются учет всех материалов (теорий, а также опыта) и неслучайность формы изложения, соблюдение правил логики – «правильности» изложения. Этим преодолевается конкуренция теорий, «законно» возникающая относительно критерия единственности истинного знания. Метатеория используется как средство критики определенных теорий, их оправданности и

структурно-содержательной достаточности. Результатом критики выступают теоретические проблемы. Такие проблемы возникают и при соблюдении критерия полноты выраженности опыта.

Критика реализуется в форме дискуссий в научной коммуникации. Ее успешное завершение, через посредство проблематизации и депроблематизации, выступает как полагание совокупного результата научного познания, кооперативной структуры познавательной деятельности в науке. Выделение типовых требований к результатам и процессам в такой кооперации ведет к структуре «научного предмета».

Примечание. В тесной взаимосвязи с общефилософскими оформлениями представлений о научном познании происходил анализ психологических и иных теорий мышления. Следствием этих усилий явилась версия теоретического мышления и первый вариант диссертации, посвященной формированию теоретического мышления. Эмпирической базой служил опыт организуемой схематизации содержания теоретических текстов, особенно в 1973-1975 гг. Поэтому мы воспроизведем понимание теоретического мышления времен 1976 г.

При переходе к теоретическому мышлению важно подчеркнуть различие акцентов. В одном случае внимание ставится на переходимости от материала опыта к понятиям, а во втором случае внимание сосредоточено на способе выражения опыта. В теоретическом мышлении используются результаты особого преобразования стихийного опыта перехода к понятийному выражению материалов опыта, придания специфической формы этому процессу выражения. Важно разобраться с организовано-мыслительными принципами, полагаемыми в основание перехода (от Е к ЕИ и от ЕИ к ИЕ формам выражения и построения мыслительного процесса). Во всех случаях результат выражения является заместителем того материала содержания, с которого начинается переход. В результате для использования понятий вводятся новые требования как относительно процесса выражения.

Прежде всего, в случае теоретического мышления уделяется внимание структурности, целостности содержания, непротиворечивости, что, в свою очередь опирается на осознанное объектное отношение к структурированию и соблюдению объектно значимой причинно-следственной (каузальной) непрерывности при слежении за структурой, при прочтении и понимании теоретического текста.

Примечание. К тому времени мы уже сделали ряд обзоров науковедческого и философского характера, посвященных типам знания и познания, особенностям теорий, где разнообразно характеризовались структурные критерии и конструктивизм. Это было связано и с философией языка, операционализмом и инструментализмом в XX в. Однако уже ряд намеков был введен и в античности.

При использовании теории в силу указанных ее качеств обеспечивается организация перехода к новым фрагментам теории, к ее дополнению и уточнению, к устранению «лишних» звеньев в ходе теоретической проблематизации. Эти же особенности позволяют иначе порождать гипотезы о поведении объектов в предполагаемых в мышлении ситуациях, что играет решающую роль в выдвижении экспериментальных гипотез. Тем самым, структурная организация содержания приносит ряд качественных преимуществ в организации исследований. Но одновременно она, как принцип, вносит иные требования и в построении самих теоретических текстов. На этом основана «объектная» логика, «содержательная и содержательно-генетическая» логика, «диалектическая» логика. Все зависит от пути содержательно значимой организации процесса построения теоретических текстов, организации полагающего мышления теоретика. Предварительную роль играет и «формальная» логика, вносящая жесткую упорядоченность развертывания мысли в зависимости от типа теоретической и логико-мыслительной задачи. Но «просто» структурно-процессуальное рече-языковая организация противостоит принципу содержательности и истинности. Поэтому и возник

кает необходимость иных, чем формальная, логик, сохраняющих, на новой основе, преимущества строгой определенности форм мышления.

Другой стороной и источником организационно-мыслительных требований в теоретическом мышлении является принцип «глубины» и «сущности» содержания. Это предполагает отход от регистрационности и прямого выражения результатов созерцания и переход к обобщению как мыслительному механизму проникновения в сущность. Обобщение и построение заместителя многих эмпирических текстов вводит теоретика в иные типы содержаний и к рассмотрению текста-заместителя, обобщенного выразителя как имеющего иной объект описания – «идеальный» объект. Он совмещает в себе структурно-объектную организацию и обобщенность, «абстрактность». Вместе с изменением содержания теоретических текстов меняется и сама исходная база построения текстов как синтагматических конструкций – парадигмы и правил их использования в синтагматических построениях. На этом пути и появляются системы понятий и категорий, обслуживающих теорию, а также совершенствование теорий. На этом пути «язык теории» в его парадигматическом слое относительно автономизируется и предстает как более консервативный и постоянный.

Вместе с трансформациями текстов и становлением языка теорий меняются требования к мышлению теоретика. На этом пути и происходит становление всех основных особенностей теоретического мышления. Естественно, что в конкретной области знания теории и теоретическое мышление не проходят весь указанный путь, так как они «останавливаются» при достаточности решения объяснительных задач. Переход к объяснениям и доказательствам в принципе осуществляется в философии, логике и методологии. Более строгое отношение к организации мышления теоретика по обычным критериям научного знания ускоряет обнаружение дефектов исторически сложившихся теорий по их содержанию и форме и приобретения ценности «подлинной» непротиворечивости, объектно-

каузальной непрерывности и т.п., а особенно – полноты полагания идеального объекта, прозрачности его причинных оснований и др. Метафизический стиль организации мышления в его различных подходах (Аристотелевский или Гегелевский, и др.) создает дополнительную и решающую базу для организации теоретического мышления, для коррекций и построения теорий. Это означает появление не только «абстрактных» языков теории, но и «абстрактно-абстрактных» языков как средств оформления теоретического мышления в построении «частных» теорий.

Так как теоретический текст предполагает организованное введение последовательности предикатов, а текст в целом выражает содержание идеального (одного) объекта, то уровень развитости теоретического мышления предопределяется степенью реализации критерия «единственности», порядка предикатов. Этот критерий и ведет к той организации построения теоретического текста, который обсуждался и демонстрировался Гегелем, а также Марксом и немногими нашими современниками. Поэтому возникло совмещение в использовании терминов «теоретическое» и «диалектическое» применительно к такому мышлению (В.В. Давыдов). Точнее было бы назвать это мышление не диалектическим, а иным («спекулятивным» по Гегелю или «псевдогенетическим» по Г.П. Щедровицкому)».

Примечание. В связи с «давлением» исторического наследия, особенно – человеческого, и потребности операционализации идея строгого теоретического мышления, единственности порядка предикатов в 1976 г. продолжалось оформление идей метода Гегеля и вычленение схем циклов операций мышления в акте мысли, в реализации идей дополнительности и уточняемости.

2.8. ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

(версия 1975-76 гг.)

После работы с текстами Гегеля в 1970-1973 гг., направленной на реконструкцию его взглядов по ряду важнейших для нас тем (развитие духа, мышление, сознание и т.п.) и получения первых ощущений, что удастся его понять, по крайней мере – понять общую направленность, мы сосредоточили внимание на его учении о роли языка в трансформации сознания и самосознания. Тем более, что в 1971-74 гг. мы были заняты концепциями мышления, языка и развития, их роли в переходе к целеполаганию и деятельности. Крупная удача была в начале 1974 г., когда мы увидели в содержании схематического изображения знака основу псевдогенетической реконструкции становления языка и раскрыли для себя сущность фаз становления языка, его развития в семантическом слое, резко облегчила осознание того, что было к тому времени фиксировано и проанализировано в учениях Платона, Аристотеля, Канта и других, а также, собственно, у Гегеля. Качественное совершенствование понимания учений о познании и мышлении, включая критические образы теорий мышления и языка в психологии и лингвистике XX в., стимулировало перераспределение акцентов внимания. Опыт пребывания в ММК перемещал с акцента на сущность и содержательность взглядов, на форму и способы рассуждения. На этом пути мы превращались, хотя и не быстро, из философствующего мыслителя в технолога мышления. Этому способствовала также вся история конспектирования и быстро растущая практика применения и конструирования схематических изображений. Мышление, в нашем самосознании и в самоорганизации, превращалось в «ручное» и «публичное». Сторона, связан-

ная с методом мышления, стала нас занимать все больше и мы начали рассмотрение возможности переноса идей Гегеля, как наиболее важного для мыслительного мировоззрения автора, в практику нашего мышления. Этим подготавливалась основная рефлексия метода работы с текстом и его перевод в метод исследования и формирования развития мышления.

Для характеристики особенностей нашего поиска и содержания понимания проблем метода мышления мы приводим некоторые материалы 1975 г. и начала 1976 г.

«Успехи деятельностного подхода и наличие множества трактовок в отношении сущности, генезиса и функционирования деятельности ставит вопрос о рефлексивном анализе причин разномнений и их связи с сущностью этих явлений, а также о специфике действительности деятельности. Но при этом нужно выбрать логику как средство рефлексивного анализа. В настоящее время существует множество логик по своим основаниям и целям. Логика необходима и для специфической обработки материала идей и подходов. В то же время методология ввела много новых технологических условий такой работы. Тем более, что методология претендует на роль универсального поставщика средств решения любых практических и теоретических задач. Мы должны либо найти в истории логики указание на соответствующую нашей задаче логику, либо привлечь для этих целей методологию.

История показывает, что единственной логикой, которая была так или иначе связана с деятельностью, являлась диалектическая логика. В наибольшей степени это касается учения Гегеля, примененного в наиболее заметных масштабах Марксом.

Следует сказать, что название «диалектическая логика» лишь частично совпадает с характеристикой метода и мышления, данной самим Гегелем. Он тройко характеризовал мышление и только средняя из трех относится к диалектике (абстрактность, диалектичность и спекулятивность). Все три момента всегда присутствовали в практике организованного мышления, но в различных сочетаниях. Логика зависела от внесения в мышление средствной основы (абстракции – как следствие введения языковых средств). Само применение

средств мысли должно было еще пройти путь «очищения» от природы мышления и путь к самой форме мыслительного процесса. Логика порождается конструктивно самим созданием, а не демонстрацией форм процесса мысли. Материал живого мышления при этом лишь учитывается, но замещается в созидательной форме.

Однако вопрос состоит в том, как происходит это конструктивное замещение, как «извлекается» и «сохраняется» живая ткань мышления в форме мышления. Если она сохраняется, то *формы приобретают содержательность*. Гегель предложил логику, максимально сохраняющую эту ткань, но возвышающую ее в предельно абстрактном замещении. Поэтому она (логика) у него – «содержательная логика». Прежде всего, она сохраняет работу познающей мысли, в которой преодолевается произвол субъективных задач и целеполаганий. Поэтому в логике Гегеля дана форма раскрытия объективного содержания и «самодвижения» этого содержания. *Мышление*, познающее (теоретическое) и не познающее (практическое), трактуется Гегелем *как особый тип деятельности духа*. Отсюда много параллелей между деятельностью и мышлением, но и не сводимость их между собой. Мышление – «теоретично», а деятельность «практична».

В отличие от иных мыслителей, даже близких к нему и предшествовавших в подобных усилиях, все категории помещены в единую линию их развертывания. Каждая категория появляется лишь в тот момент, когда движение мысли делает следующий шаг. При этом категории не являются «равнодушными» друг другу до их соотношения. Последующая категория выводится из предшествующей. Поэтому есть категория, из которой происходят все последующие. Этот подход получил название «восхождение от абстрактного к конкретному».

В тоже время остается крайне сложным понимание «абстрактного» как начала и «конкретного» как иного бытия той же абстрактности, прошедшей путь конкретизации. Все положено мышлением. Возникают вопросы при использовании категорий системного анализа. Если результат деятельности – организованность, а, следовательно, его форма – цель, то что в таком мышлении есть форма, а что морфология. Если предшествующие абстракции сохраняются как основание бытия по-

следующих, то их содержание сохраняется многократно, и тогда результатом является не организованность морфологии в рамках формы, как в деятельности. В таком мышлении «морфологией» становятся все абстракции и, точнее, все «лица» исходной абстракции. Их форма – суть форма движения от абстрактного к абстрактному (более конкретному). Как пишет Гегель, абстрактное из себя создает конкретное и тогда оно и порождает конечный «результат», а подлинным результатом является весь ход мысли или система, а не метод в оторванности от системы. Как понять порождение результата как показ «себя как самопорождение»?

Гегель пошел по пути прослеживания пути становления (и развития) мышления, в результате которого достигается тождество бытия и мышления. Он усматривает волевою основу мышления как духа. Без этой предыстории логика выглядит искусственной и формальной. Логика у него сохраняет телеологическую основу. Поэтому мы также будем использовать идею телеологичности как предшественницу деятельностного подхода. Сам метод Гегеля можно понимать как форму развёртывания (развития) и мира деятельности.

Поскольку телеологическая схема лежит в основании анализа метода Гегеля, мы рассмотрим ее специально. В центре внимания ставится цель и ее достижение. Цель человека или цель бога, универсума и т.п. Реализация цели предполагает активность субъекта. Но она может быть непосредственной или через помещение «между» целью и активностью определенного средства. Анализ средств включается так или иначе Аристотелем, Плотиним и др. Но роль средств не является ведущей в телеологии. Она стала ведущей у Гегеля при анализе пути развития духа и у Маркса в анализе развития «производств», а затем это было подхвачено в ряде направлений в науке, а высшую форму приобрели в ММК.

Вместе с соотношением активности и средств достижения цели важным становится анализ и «материала», из которого создается «продукт» как тип достижения цели. Но это уже становится процессом деятельности, а не просто достижением цели. Цель рассматривается в субъективном слое реальности, а материал, затем – продукт – в объективном слое реальности. В

продукте они, эти слои, совмещаются. Исходя из этого, можно рассматривать два варианта телеологических схем (см. сх. 1).

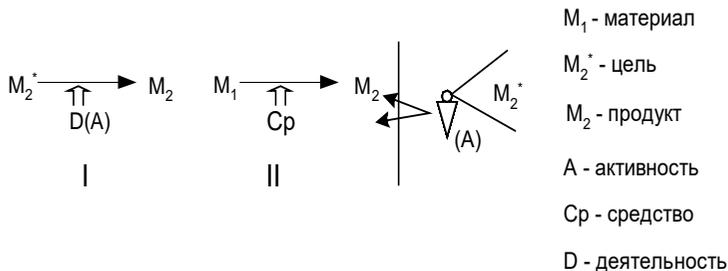

Схема 1

Деятельность в современных дискуссиях трактуется двояко – нормореализация (в ММК) и как особо организованная или даже неорганизованная активность в достижении цели или даже удовлетворения потребности (в психологии). В ММК деятельность предстает как надсубъективная реальность, «поглощающая» и субъекта, его активность.

Для дальнейшего важно присмотреться к анализу «внутреннего процесса», происходящего в вещи, объекте или изменении состояния. Этот процесс можно рассматривать как смену, «локализации» активности относительно нескольких возможных состояний объекта (см. сх. 2).

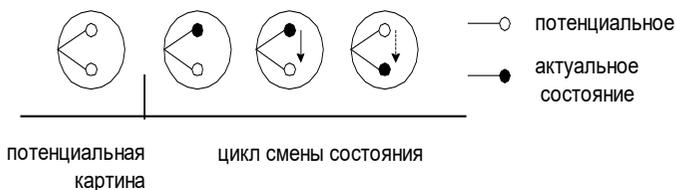

Схема 2

Тогда с точки зрения причинного анализа смена состояния должна происходить либо из-за внешней причины, либо из-за внутренней причины (см. сх. 3).

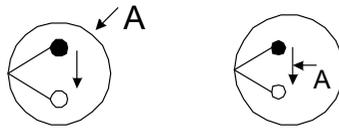

Схема 3

Рост сложности объекта, переход к живой, а затем осознанной форме бытия сопровождается ростом «внутренней активности». Целеполагание – характеристика внутренней активности, хотя поводом может служить и внешне воздействие (см. сх. 4).

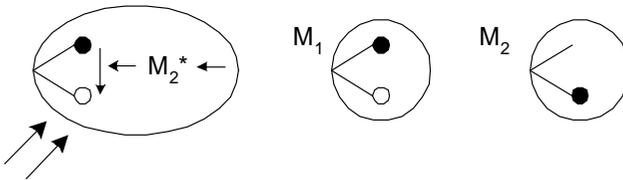

Схема 4

Субъект, тем самым, может менять свои состояния внутри себя за счет внутренней активности в порождении цели и ее использования для смены состояний. Субъект расщепляется на «объект» и «субъект», на исходный материал и целеполагающего, а также и средство изменения себя. Такие переходы анализировались, как правило, в обращенности к волевым механизмам субъекта. Однако воля анализировалась в контексте самоорганизации в преобразовании внешних обстоятельств и внешне фиксированных объектов. Поэтому волевая тематика соединяла субъективное и объективное направления телеологии и приближала к осознанию мира деятельности.

Воля в своем становлении зависит от вовлечения знаковых систем в процесс реагирования на внешние воздействия и саморегуляцию. Сами знаковые системы опираются на чувственный материал, на результаты внешнего созерцания и внутреннего самочувствия. Содержание полученных отражений «перерабатывается» и подстраивается под специфику устроенности своих знаковых средств и их совместности (в

парадигме и синтагматике). Формы употребления знаков, влияющие на процесс синтезирования и схематизации содержания образов, возникают в коммуникативном взаимодействии, в том числе и в научном типе коммуникации. Означающее, как и означающее, «отрывается» от индивида и является продуктом социокультурной динамики. Эти качественные переходы показал Гегель, в наиболее систематической форме. Индивид, присваивая системы знаков, присваивает, создает в своем внутреннем мире и замещенные миры, как в функции отражения, так и воображения, прагматики жизни. Знак, если его понимать как синтез означающего и означаемого (в другой терминологии – «знака» и «значения»), трансформирует внутреннее содержание в зависимости от социокультурных требований к коммуникации и общению (см. сх. 5).

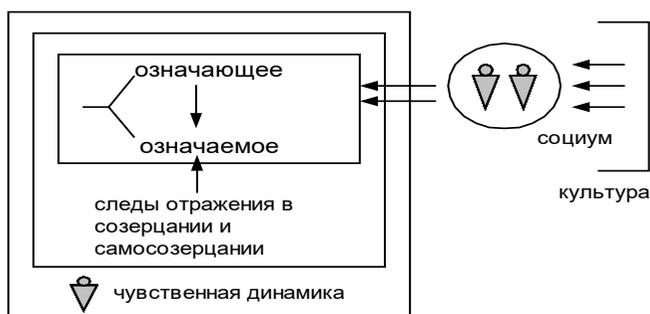

Схема 5

Означающее (система значений и онтология языковой системы) испытывает воздействие как чувственной базы совокупного сообщества и результатов созерцания, самосозерцания, так и социума, создающего языковые средства и их единицы (означающее), а также и культуры. Социальные и социокультурные, а тем более – культурные нормы, усваиваются через посредство языковых средств, а в содержательном плане, через означаемые. Соответствующие трансформации поведения и мышления, чувств и т.п. раскрывались в различных направлениях философии, психологии, культурологии XX в. При этом подчеркивалось, что усвоение происходит с сохра-

нением социокультурной основы лишь через внешнюю организацию, через позицию «учителя». Следствием присвоения знаковых средств является свобода от прямой зависимости от обстоятельств, социокультурное бытие в целом, наличие личности, "Я", за которое человек может брать ответственность и которое лежит в основе возможной ответственности. Свобода интеллектуальная, облегчаемая «манипулятивностью» в оперировании со схемами, смещает в поведении человека акцент ситуативности к целеустремленности, без которой нет и явления деятельности. Само содержание цели может обобщаться и деиндивидуализироваться, что в наибольшей степени проявляется в науке.

При этом именно обобщение, построение абстракций «отрывает» содержание мысли от индивидуализированности сознания и трансформирует, как писал Гегель, само сознание, придает ему наиндивидуальность бытия. Тем более, что абстрагирование лишь начинается с отбора «общего» в экземплярах содержаний созерцательного типа, а затем и в основном, происходит за счет конструктивного замещения. Так появляются понятия и категории. Замещаемая конструкция означаемого имеет средственную формальность, что выражалось в «номиналистической» традиции и в принципе конвенционализма, условности знака в лингвистике. Но замещение и помогало приходиться к более глубоким, сущностным знаниям, что происходит в теоретическом мышлении. Это отражалось в «реалистической» традиции, в установке на бытие идей Платона, общего Аристотеля, абсолютной идеи в ее динамике развития у Гегеля и т.п.

Вместе с тем понятия противопоставляются ощущениям и восприятиям, порождают осторожность как придания им истинности, так и увлечение их видимостью истины, незначимостью для познания. Кант подчеркивал их (восприятия, понятия и т.п.) взаимнеобходимость, а Гегель раскрывал все качественные переходы от одного к другому. Кант находил в самой душе, психике источники перехода от внешней зависимости (апостериорности) к внутренней предопределяемости, к «самовыражению» форм, несущих абстрактное начало (априорность). Принципы детерминизма совмещались с принципами индетерминизма. Детерминизм в познании использовал ими-

тационный потенциал механизмов психики, а индетерминизм – использовал формно-конструктивный потенциал активности в познании. Но нужно было избавиться от простого самовыражения форм, увидеть механизмы психики в развитии и выявить роль внешних факторов, стимулирующих качественные трансформации. Если Кант констатировал нетождественность образа и объекта, восприятия и понятия, имитационности и конструктивности, то Гегель показывал условия, когда понятие становится содержательным и отражающим (см. сх. 6).

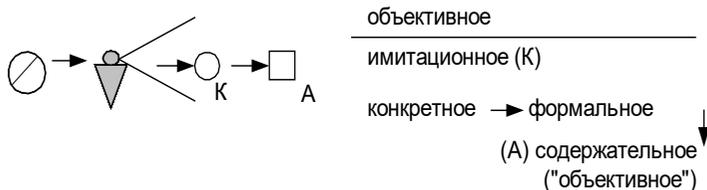

Схема 6

В переходе от собственно объективного, но внешнего, к субъективно-имитационному, но внутреннему, порождается проблема нетождественности значения и реальности, а затем проблему зависимости внутреннего от случайности внешнего в фазе имитационности и потребность в освобождении от этой случайности за счет активности конструктивного типа, но порождения проблемы нетождественности конкретного и абстрактного, *формализма абстрактного, снятие которого требует особых приемов*. При этом решение проблем возможно лишь с учетом особенностей языка. Язык в целом предназначен, как средство, для порождения любых высказываний и он обращен не к «реальным», а возможным содержаниям. Поэтому язык имеет такие семантические единицы, которые применимы в любых внешних ситуациях коммуникации и мышления. Правила употребления, опирающиеся на парадигму семантических единиц, позволяют строить любые «миры», но опираясь на тот абстрактный мир, онтологию, которую несет в себе сама парадигма.

Следовательно, построение высказывания предполагает переходы от применения одного языкового средства к приме-

нению другого средства, от одного «акта мысли» к другому, а в самом акте мысли устанавливается отношение содержательного средства к первичному материалу мысли. В отличие от деятельностных средств, средства мысли не преобразуют, а замещают материал первичных содержаний (чувственных). В связи с этим «мыслитель» должен желать сопоставлять две стороны акта мысли – «материал» (субъект мысли) и «средство» (предикат), производить сопоставление и замещение, что означает введение условности отождествления содержания предиката с содержанием субъекта мысли. Осознание конструктивности и формальности оперирования знаковыми средствами, с одной стороны, и придания условной содержательности этим средствам, с другой стороны, должно совместиться, но не устраниться. Всеобщность содержания средства мысли (значение, понятие) «придается» тому, о чем ведется речь. Доказательство содержательности средства и вообще языкового высказывания, создание логико-грамматических форм, оправдывающих возможность содержательности, и выступает как главная проблема в логической организации мышления, логики в целом.

Чтобы средство мысли выполняло предназначение в наиболее ответственном типе применения, в познании, необходима рефлексия всех форм бытия и становления этих средств и, в особенности, понятий, категорий, построения теории понятия, понятия о понятии и т.п. Эта рефлексия продолжается с охватом синтезирования понятий в последовательные цепи понятий в рамках рассуждений. И тогда возникают типовые вопросы о способах введения единиц языка, их синтезирования, содержательности этих построений. Это и составляет корпус логических вопросов, если они носят всеобщий характер и не привязаны к практике обычного, «ситуационного» коммуницирования.

Познавательная функция предполагает использование языковых средств в «описании» объекта. В зависимости от техники, тактики, стратегии описания появляются и различные логики. Изначальная процедура описания включает в себя акцентировку внимания на части объекта и переакцентировку внимания. В результате появляются акты мысли с использованием различных средств (предикатов). *Синтезирование* про-

исходит *по принципу дополнительности*. Если в синтетическом видении, что опирается на свойства сознания, не возникает противоречий, противопоставлений, сохраняется ощущение (рефлексивно-объектное) единости «объекта», то принцип дополнительности и не подвергается сомнениям. Переходы от акта к акту мысли определяется внешним (объектом), а не техникой, не организацией мыслительного процесса.

В тоже время, подобное описание предполагает сохранение состояния объекта, его статичность, а мышление появляется в имитационном жанре. Если возникают вопросы об организации мышления, то они сводятся к порядку введения предикатов и этот порядок, с учетом особенностей восприятия, сводится к принципу «от простого к сложному». В этом принципе уже появляется целенаправленность, целесообразность, телеологичность. Простое и сложное предстают как внутренние цели мышления, а затем и сам «переход».

Если состояние объекта меняется, то простое следование принципу дополнительности, перефокусировки внимания и даже переходу от простого к сложному теряет свою значимость, так как применительно к новому состоянию все должно начаться снова. Новое состояние не составляет приход к новому объекту, но прошлое описание, будучи по содержанию иным чем описание нового состояния, должно как-то совместиться в одном целом описания. Как части описания содержания противостоят друг другу, но должны быть непротивостоящими, ибо они относимы к одному объекту.

В этой ситуации принцип «от простого к сложному» выступает в ином виде. Это уже не порядок рассмотрения одного и того же, где можно «видеть» переход от одной «части» целого к другой и простота лишь облегчает осуществление перехода для того, кто еще плохо знаком с объектом. Этот принцип прилагается уже к порядку смен состояний, а сам *порядок предопределен не удобством* восприятия, понимания, осмысления (субъективными потребностями), *а особенностями объекта, меняющего свои состояния*. Теоретику, в то же время, удобно согласовывать порядок смен состояний с *самой функциональной потребностью* – преодоления случайности в конструировании замещения, заместителя, обладающего содер­жательностью. Но *неслучайность обнаруживается*, в в

рамках познания, *в самом объекте, его сущности*, которая и создает порядок смен состояний объекта. Это и выступает как «внутренняя цель понятия – порядок и идеал, высшее состояние развития объекта» (Гегель). Эта цель воссоздается теоретиком, а способ достижения цели – «метод познающего мышления» - включает в себя отражение в мысли *механизма развития* объекта. Такой тип синтезирования предикатов, когда последующий предикат опирается на требования развития содержания предшествующего, и приобрел название «диалектической логики» или «восхождения от абстрактного к конкретному». Объекту вменяется необходимость иметь проект будущего, более развитого состояния себя и механизм реализации проекта. Движение мысли опирается на формы ее организации не только в статике и кинематике, при смене предикатов, но и в динамике, «вынужденности» и неслучайности хода мысли, перехода к последующим предикатам. Простое становится «менее» развитым, а сложное – «более» развитым состоянием одного и того же. Произвол конструирования «более сложного» преодолевается и этим логика «восхождения» становится содержательной (объектно ориентированной) логикой. Но переходы эти суть переходы от одной абстракции (более простой) к другой абстракции (более сложной), а проблема начала движения становится проблемой «предельной абстракции». Неслучайно Гегель рассматривал «деятельность понятия», так как начало мысли выступает как предельное напряжение потребности исходной абстракции реализовать проект своей высшей, развитой формы бытия и ухода от бедности содержания, ее «простоты».

Гегелевский тип реализации этой идеи связан с переходом от детерминистического варианта раскрытия исходного предиката, когда предшествующий предикат усложняется не «извне»вводимым, не внешним побудителем развития содержания (детерминизм), а «изнутри», определяясь внутренними противоречиями (индетерминизм). Поэтому мыслитель должен находить (или конструировать) предшествующий предикат так, чтобы в нем можно было обнаруживать противоречие, снимаемое в более развитом состоянии (см. сх. 7).

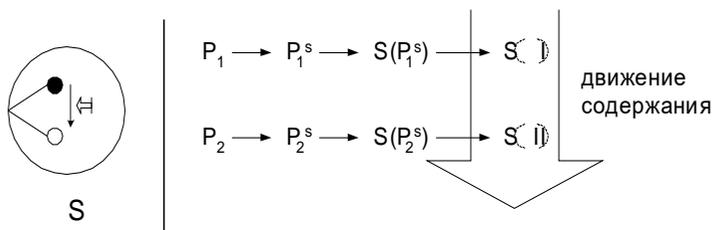

Схема 7

В предшествующем состоянии объекта в потенциальной форме содержится проект более развитого состояния и он, при определенных внутренних условиях, начинает переходить в стадию актуализации и ресурс на реализацию проекта он находит в самом себе. В этом Гегель видит сущность духа "как объекта", все основания которого лежат в нем самом. Продукт деятельности (объекта как «духа») имеет своим инобытием проект (идею себя), а проект – своим инобытием – продукт.

Мышление, в ходе реализации этой формы движения мысли, не перестает быть мышлением, особым полагающим механизмом. Но оно подчиняет свое «в-себе бытие» необходимости идти путем объекта и существует «для-иного», хотя и с коррекцией сохранения своих особенностей, т.е. как «бытие для-себя». Эгоцентризм конструктора содержания преодолевается при сохранности механизма мышления. Это бытие можно было бы назвать «конструктивно-имитационным» или, как говорил Гегель, «полагающее» себя как иное.

Кроме того, так как исходный предикат не может иметь ничего неположенного, то он должен быть наименее содержательным или, как говорил Гегель, быть «чистым» бытием с определенностью - «ничто». Но это и есть собственно проектное в мышлении, «чистота идеи». Должны появляться определенности. Они появляются в рамках того же принципа. Это означает, что новое состояние в себе содержит проект еще более развитого состояния. И тогда первичный проект в себе содержит будущее проектирование, а последующее проектирование суть реализация первичного проекта. Тем самым, проект

проходит путь от предельной абстрактности и потенциальности ко все менее абстрактному и более конкретному движущему содержанию. Онтологическая основа механизма «восхождения» выступает как переход: самореализация проекта (идеи) объекта, его становление через отрицание проектом самого себя в продукте. На каждом шаге развития проект уходит в свое проектное инобытие, чтобы запустить следующий шаг развития. В то же время не все «продуктное» превращается в «продуктное». «Продукт» в себе осуществляет разотождествление и вычленение своего будущего как проектного, преобразующего иную сторону – продуктное (см. сх. 8).

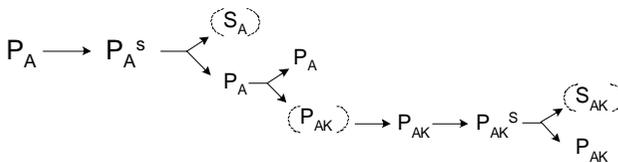

Схема 8

То есть, абстрактный предикат («проект» бытия) сначала субъективируется («проект» реализуется). Затем в новом состоянии возникает разотождествление двух моментов – предикатности и субъектности, что ведет к возврату активности предиката, а сам предикат распадается, расслаивается на его прежнее содержание и «новое» в его сначала «проектной» форме (более конкретное бытие как проект). Этот проект затем «реализуется» и порождает новое субъектное и новую возможность противоречия между субъектным (стабильным) и предикатным (нестабильным), с его, предиката, расслоением. Эти расслоения предстают как «порождение» проектного начала для будущего состояния. Завершается процесс при исчерпании проектной активности, которая максимально сосредоточивалась в исходном предикате.

Мы имеем тогда две линии развертывания – субъектную (или «морфологическую») и предикатную (или функционально-формную). Одна, по словам Аристотеля, представляет ин-

тересы материи, а другая – формы. Но это все развертывающийся мир в мышлении, «теоретическом», полагающем мышлении, воспроизводящем «свойства» объекта. Так как субъект мысли – результат объектной интерпретации понятия, то «реально» или видимым образом мы имеем линию усложнения предикатов.

Но тогда появляется вопрос о том, *как* на уровне знаковой структуры и структурирования *происходит переход от более абстрактного предиката к более конкретному*. Онтологические соображения дают ориентиры, но не устраняют разрешения организационно технологических проблем.

Для приближения к ответу на эти вопросы мы постараемся понять механизм движения мысли Гегеля, реализовывавшего идею систематической конкретизации мысли.

Членение у Гегеля триадично. Например, исходное различие в триаде: «действительность» → «сущность» → «понятие». Каждое из звеньев делится также на три звена. Например, «качество» → «количество» → «мера». А начинается все так: «чистое бытие» → «ничто» → «наличное бытие». Можно представить себе такую форму следующим образом (см. сх. 9).

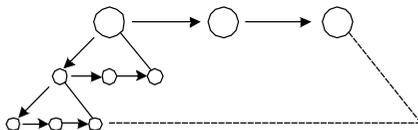

Схема 9

Каждый шаг в «горизонтальном» движении сохраняет предшествующее и содержания накапливаются и «уплотняются». Мы обнаруживаем переход третьего члена триады в первый член новой триады (см. сх. 10).

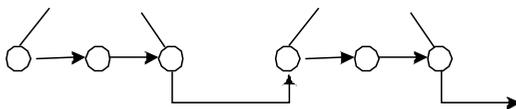

Схема 10

Первый элемент триады *«ищет»* свою *противоположность*, находя ее во втором элементе. Но эта противоположность *становится и основанием для «возврата»* к исходному как противоположности себе. *Соединение противоположности и сохранности в переходе* от второго к третьему элементу *дает содержательность третьему элементу*. Следовательно, применение категорий здесь - парное. Например, «необходимость – случайность», «бытие – ничто» и др. Тем самым, первые два элемента триады составляют категориальную пару («оппозицию»). Но третий элемент является «повторением» первого, происходящим в ходе возврата (второго отрицания). Поэтому средний элемент играет *роль средства усложнения* первого элемента. Но это средство суть противоположная категория, появляющаяся в ходе отрицания исходной категории. Следовательно, для прохождения триадического шага нужно провести формальный подбор противоположной категории, но, затем, найти в подобранной категории основание усложнения исходной категории. Поэтому соединяется: формальное прохождение двух отрицаний и содержательное усложнение исходного элемента по «подсказке» среднего элемента.

Средний предикат выступает в роли «уточняющего», но, в тоже время, по своему содержанию этот уточняющий предикат уточняет подлинное основание того, что появляется нового в третьем предикате. Рассмотрим два отрицания иначе. Первый предикат отражает «поверхностное» бытие объекта без «глубины» (сущности). Это бытие как бы не свое, «для - иного». Второй предикат отражает собственно «глубину», бытие «в – себе». А тогда переход первый предстает как приход к бытию «в – себе», обнаружение «самого себя» как основания для проявлений. Гегель это называет тождественным в нечто. Третий предикат отражает уже проявление «глубины» или то «поверхностное», которое несет в себе свое глубинное основание. Оно похоже на исходное, но качественно отличается от него именно наличием «инобытия сущности». Такое бытие Гегель называет бытием «для – себя».

Иначе говоря, внешне первый предикат уточняется вторым, а второй, по сущности и будучи основанием, придает основательность первому и этим превращает его в выведенное из второго, превращается в третий предикат. Чтобы сделать следующий триадический шаг нужно искать основание уже второму предикату. Это становится новым углублением, внешне выглядящим как уточнение уточняющего предиката.

Выделим тогда две форма представленности триады и переходов в них (см. сх. 11).

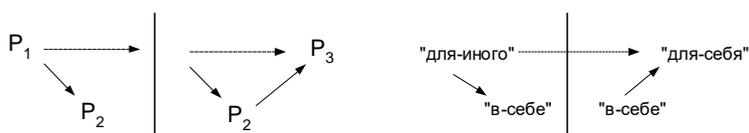

Схема 11

Такая форма предопределена механизмом развития или того, что в марксизме называют «диалектикой». Поэтому гегелевский метод суть «способ» или даже механизм развития, а система Гегеля – суть показ поступательного движения развития как раскрытия изучаемого нечто. В ММК метод был заменен «псевдогенетическим методом», подчеркивающее формное начало движения мысли, ее конструктивность, зависящую от правил мыслителя.

Гегель связывает триадический цикл с рефлексией. Вторую часть трехтомной логики он называет учением о рефлексии. Причина этого лежит в том, о чем говорилось выше. Если первый предикат отражает безосновное бытие, то основание появляется в результате рефлексии такого бытия или «отражения вглубь». Переход от второго предиката к третьему предстает как рефлексия «вовне». Если вспомнить, что «сущность» или второй предикат суть идея, проект будущего, более развитого состояния, то второй переход (от второго к третьему предикату) становится проектно-реализационной рефлексией. В целом имеется две фазы рефлексии – выявление глубины (сущностная или «теоретическая» рефлексия) и проявление

глубины (проектно реализационная рефлексия на базе перифункционирования «теоретического» в «практическое» или проектное).

Мысль тогда и еще длительное время «колебалась» между формно-технологическим слежением за логическими переходами и содержательно-онтологическими. Важным для практики мышления становилось то одно, то другое по преимуществу. Можно только удивляться гению Гегеля, соединившего все планы. Более прозрачно мы согласовали все моменты тогда, когда соединили в работе 2000 г. («Гегель: мышление и развитие») то, что касалось метода, системы, учения о духе, о развитии и развитие духа.

Особую значимость учения, техники движения мысли у Гегеля мы подчеркивали с первых дней вхождение в ММК (январь 1971 г.). Однако мы на сразу заметили и оценили технику рефлексии, мыслекоммуникации и т.п., бывшую наиболее рафинированной в тогдашнем интеллектуальном сообществе. И только с начала 1974 г. мы стали постигать глубокий смысл ММК. В 1975 г. началось изучение истории логики, и мы сделали попытку донести тогдашнее наше понимание метода Гегеля в связи с линией диалектической логики. Наш энтузиазм базировался на практике работы с текстами, схематехнике и применении нашего понимания идей Гегеля в ходе постижения точек зрения, с одной стороны, и на тех картинах движения содержания, которое мы черпаем в работах Гегеля. В начале 1976 г. мы еще не перешли в способ и ценности ММК полностью. Приведем полезные и характерные содержания в наших докладах того времени.

2.9. ГЕГЕЛЬ И МЕТАФИЗИКА

(версия 1976 г.)

В 1975-1976 гг. в рамках ММК проводилась серия семинаров по темам логики и, более локально, истории диалектической логики в СССР. Различие и противоречие «диалектической» и «формальной» логик было значимым для кружка и ее лидера – Г.П. Щедровицкого. В этом контексте специфическим выступало отношение лидера к нашему пристрастию к Гегелю и его методу мышления. Г.П. Щедровицкий предпочитал Канта и Фихте, а относительно Гегеля у него был устойчивый взгляд, достаточно резко критического характера. В частности, он не мог согласиться на совмещение «логики» и «науки» в название гегелевского труда – «Наука логики». Когда мы предложили доклад на соотнесение диалектического и метафизического в учении Гегеля о мышлении, то Г.П. Щедровицкий согласился с темой и решил попробовать на прочность нашу версию и на возможность извлечь пользу из дискуссии для общего контекста анализа природы «логического». Мы же искали возможность найти убедительные доводы к совмещению методологического мышления с «гегелевским» методом и к снятию неоправданной односторонности мнений о специфике гегелевской системы и «технике» его мышления. Тем более, что мы уже применяем эту технику в работе с текстами все более успешно.

«**О. Анисимов.** Моя задача состоит в том, чтобы дать версию представления Гегеля о «метафизике», существовавшей до него. Цитат найдено немало, и я дам реконструкцию в виде нескольких связанных между собой тезисов. К ним я и отнесу свои высказывания. Я буду говорить как бы от имени метафизики, понятой по-гегелевски. Метафизика суть представление о мире. «... Прежняя метафизика... предполагала некоторое представление о мире и старалась показать, что то или иное поня-

тие ему соответствует, а противоположное понятие неудовлетворительно» («Наука логика», т.3, с.185). Мир действует на субъекта, его сознание, мыслительную способность. Субъект находится в познавательном отношении к объекту и в ходе отношения строит представление. Оно строится с помощью чувственных механизмов. Языковое выражение такого представления «спекулирует» на чувственности. Вот первый тезис Гегеля.

Г.П. Щедровицкий. Он говорит, что мыслитель или исследователь имеет или получает представление?

О. Анисимов. Он говорит, что мыслитель начинает с наличных представлений о мире.

Г.П. Щедровицкий. А если он начинает с представлений о мире, то это прямо противоречит Вашему тезису о том, что он получает представление о мире и о взаимодействии с миром.

О. Анисимов. Могу сразу же дополнить, что если спрашивать Гегеля о том, что значит иметь некоторое представление о мире, то он говорит и о получении представления, которое не отличается от обычных взглядов в психологии.

Г.П. Щедровицкий. Это не понятно. Вы же вольны ограничиться этой фиксацией и иметь представление о мире, вольны задавать вопрос о том откуда он берется. А Гегель волен ограничивать Вас и не отвечать на Ваши вопросы. Тогда спрашивается, что же есть признак наличия определенного представления или возможность его получения. Я только зафиксировал. У меня и второй вопрос, тесно связанный с первым. В рамках какого целого разворачивается или происходит все, о чем мы сейчас говорим?

О. Анисимов. В рамках познавательной ситуации.

Г.П. Щедровицкий. Это происходит в рамках деятельности или в рамках взаимодействия субъекта с объектом? Или в рамках духа?

О. Анисимов. В рамках познавательного отношения субъекта к внешнему миру, выражаемого в работе духа. Результат работы духа квалифицируется и в квалификации выявляется специфика метафизического отношения мышления к бытию, возврата в мышлении к ситуации как целостности.

Г.П. Щедровицкий. Скажите, Гегель работает в заимствованной позиции или в своей собственной? Позицию метафизика

описывает, исходя из своей позиции, и это его схема познавательного отношения или это он говорит заимствованно, глазами метафизика?

О. Анисимов. В заимствованной позиции. Для выражения первого отношения мышления к бытию. Он утверждает, что это не его позиция, а предшествующая.

Г.П. Щедровицкий. Какими текстами Вы можете это подтвердить?

О. Анисимов. В первом томе «Энциклопедия», где он вводит типы отношения мышления к бытию. Первое отношение – метафизическое.

Г.П. Щедровицкий. Но ведь это отношение мысли к объективности. Анализ отношения мысли к объективности и мысль, это не то же самое, что и анализ познавательного отношения.

О. Анисимов. Но отношение мысли к объективности – квалификативно, возможно лишь в области мышления. Другое дело – описание ситуации, выходящее за пределы мышления.

Г.П. Щедровицкий. Не понял. Выкладывайте текст.

О. Анисимов. «Первым отношением мысли к объективности является наивный образ мышления, который, не осознавая еще противоположности мышления самому себе, содержит веру, что посредством размышления познается истина и что она обнаруживает перед сознанием то, чем объект, есть по истине. В этой вере мышление приступает прямо к предметам, репродуцирует из себя содержание ощущений и созерцаний как содержание мысли и удовлетворяется этим содержанием, видя в нем истину. Все начальные ступени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение сознания живут в этой вере» (ЭФН, т.1, с.133). «Прежняя метафизика рассматривала определения мышления как основные определения вещей. Это предпосылка, согласно которой существующее мыслимо и познаваемо в себе, ставит ее выше критической философии. Но эти определения брались в их абстрактности как для себя значимые и способные быть предикатами истинного. Эта метафизика полагала вообще, что можно постигнуть познание абсолютного путем приписывания ему предикатов, и не исследовала определения рассудка ни со стороны характерного для них содержания и ценности, ни эту их форму, заключающуюся

в том, что абсолютное определяется посредством приписывания предикатов» (с.134). «Эта метафизика не исследовала ни вопроса о том, представляют ли также предикаты в себе и для себя нечто истинное, ни вопроса о том, может ли форма суждения быть формой истины» (с.134). «Она не выходит за пределы лишь рассудочного мышления. Она брала непосредственно абстрактные определения мышления и считала, что они могут быть предикатами истинного... Мышление прежней метафизики было конечным мышлением, ибо она двигалась в таких определениях мышления, предел которых признавался ею чем-то незыблемым» (с.135). «Способ действия прежней метафизики состоял в том, что она приписывала предикаты предмету, которые она должна была познать... Но это внешняя рефлексия о предмете, ибо предикаты определения находятся готовыми в моем представлении и приписывается предмету лишь внешним образом» (с.136). «Эти предметы как предикаты одного субъекта связаны друг с другом, но так как по своему содержанию они различны, то воспринимаются как внешние противостоящие друг другу» (с.137). «Предметами этой метафизики были, правда, тотальности... но метафизика взяла их (душа, мир, бог) из представления и положила их в основание при применении к ним определений рассудка как данные, готовые субъекты и только в представлении видела масштаб годности и удовлетворительности предикатов» (с.137-138). «Эта метафизика не была свободным и объективным мышлением, так как она не давала объекту определяться свободно из самого себя» (с.138). «Эта метафизика сделалась догматизмом, так как она согласно природе конечных определений, должна была принимать, что из двух противоположных утверждений... одно должно быть истинным, другое – ложным... Одно-сторонние определения мысли удерживаются в их изолированности» (с.139). «Эмпиризм имеет... общий источник с метафизикой, для которой подтверждением... служат содержания, имеющие своим источником опыт» (с.148). «С точки зрения прежней метафизики считалось, что если познание впадает в противоречие, то это лишь случайное заблуждение» (с.167).

Г.П. Щедровицкий. Олег, Вы мистифицируете и фальсифицируете Гегеля, приписывая ему метафизические и онтологи-

ческие схемы, которых у него напрочь не было. Что в этих текстах зафиксировано? Различие между метафизикой и диалектикой, между метафизикой прежней и метафизикой новой лежит не в непосредственности самого мышления и вообще вне непосредственного отношения человека к миру, как вы здесь нам представили. Принадлежит области рефлексии над мышлением. А Ваша схема не имеет ровно никакого отношения к Гегелю и ко всей пост-критической философии.

О. Анисимов. В своей критике я вижу Вашу точку зрения как усечение, снимающее содержательность типов отношения мышления к бытию.

П. Малиновский. У Гегеля стоял такой вопрос, отношение мышления к бытию?

О. Анисимов. Отношение мышления к объективности.

П. Малиновский. Это совершенно разные вещи. У Гегеля, хотя бы.

Г.П. Щедровицкий. Нужно понять, что Вы делаете. Вы делаете простую вещь. Пытаетесь понять Гегеля с точки зрения локковских схем. В вас их всадили, я не знаю кто. Это вульгарный сенсуализм. Кант дает рафинированную схему и фактически отрицает это. Что здесь происходит? Имеется массив мышления и рефлексия этого мышления.

О. Анисимов. А что здесь суть объективность?

Г.П. Щедровицкий. Здесь ничего не объективно. Все начинается с противопоставления «рефлексия – мышление». Уберите человека. В рефлексивной позиции по поводу мышления начинает обсуждаться вопрос об отношении мысли к объективности. Утверждается следующее: предикаты, фиксированные в мышлении и осознанные как предикаты через рефлекссию, объявлялись принадлежащими самому объекту.

Примечание. В этот период мы еще не перешли в своей технике мышления к рефлексивному сопровождению хода мысли и акцентировали внимание на «содержании», вытесняя внешнее, формное видение, свое оперирование с «содержание». Это и оспаривал Г.П. Щедровицкий как методолог. Техническая, формная сторона мышления нами демонстрировалась в схематехнике и конспектировании, в использовании схем. Но

в ситуации доклада мы повторяли стереотипы традиционного непосредственного видения содержания. Для дискутирования этого было мало. Оппоненты легко могли навязать свою технику движения, свою версию, бороться с которой «содержательно» невозможно.

О. Анисимов. Почему Вы думаете, что схема, введенная здесь, не является результатом рефлексии?

Г.П. Щедровицкий. Да нет никакой объективности! Поймите, есть мышление как таковое. Оно достигается в ряде случаев объективности.

О. Анисимов. Где здесь критерий объективности?

Г.П. Щедровицкий. Они не нужны делу. Как рассуждает Гегель?

О. Анисимов. Гегель рассуждает не так. Он не показывает здесь позицию. Он представляет метафизику.

Г.П. Щедровицкий. Как он представляет метафизику? Он понимает прекрасно ряд процедур. Он представляет метафизику как некоторое объективное явление. Не как ложное представление. Он метафизику должен объяснить на чем-то сущем. А что является сущим, единственно сущим с его точки зрения и на мой взгляд тоже? Есть массив мышления, в котором люди живут. Есть рефлексия мышления и мы можем оценить, так или иначе, что в нем происходит.

О. Анисимов. Замечу, что все, что Вы скажете, к анализу метафизики не имеет никакого отношения. То, о чем Вы говорите, есть одна из форм представления человеческой позиции. А здесь Гегель не обсуждает себя.

Г.П. Щедровицкий. Я лишаю Вас слова, так как спорить я вижу бесполезно. Вы свою точку зрения зафиксировали.

О. Анисимов. Я еще не показал ее.

Г.П. Щедровицкий. Вы еще продолжите. Я хочу зафиксировать то, что в этих текстах, на мой взгляд, есть. Там есть фиксация того отношения, о котором я сказал, и ряд признаков так называемой метафизики. Так как Вы читали – очень красиво и стройно. А именно. Предикаты, принадлежащие мышлению и в нем зафиксированные, приписываются объекту. Это – раз. Считается, что форма суждения может быть формой фиксации истины. Гегель это отрицает.

Примечание. Г.П. Щедровицкий демонстрирует свое понимание текстов Гегеля. Это редкая ситуация обнаружения особенностей его дифференцировок по поводу материала, а не в ходе самовыражения.

О. Анисимов. Не говорите, что Гегель это отрицает.

Г.П. Щедровицкий. Почему? Он действительно отрицает, как я думаю.

О. Анисимов. Это Вы так думаете.

Г.П. Щедровицкий. Считается, что рассудочные определения могут фиксировать истину. Что абстрактные определения, в противопоставлении к конкретному, могут фиксировать истину.

О. Анисимов. Это и есть рассудочное...

Г.П. Щедровицкий. Нет, это еще не то. Абстракции могут быть не диалектическими. Фиксируется изолированность как средство абстрактного подхода. Не абстрактность и не изолированность, в смысле Гегеля, будут признаками конкретного, которое достигается в восхождении.

О. Анисимов. Конкретное рассмотрено пока абстрактно.

Г.П. Щедровицкий. Наконец! Не признаются противоречия в различных определениях знания. Вот, что Вы зачитали. Здесь нет проблемы соотношения мысли и объекта, она и не обсуждается. В том смысле, как Вы нарисовали. Более того, такого отношения вообще не может быть. В принципе. У Гегеля.

О. Анисимов. На с. 134 Гегель утверждает, что метафизика рассматривала определения мышления как определения вещей. Это предпосылка метафизики.

Г.П. Щедровицкий. Как Вы понимаете эту фразу? Это определения мышления как объекта или определения мыслительные? Русская форма – «определения мышления» – двусмысленна. Мое определение и определение меня – в каком смысле Вы говорите?

О. Анисимов. Чтобы понять текст Гегеля здесь, следует забыть, что определения вещей здесь являются определениями мышления. Гегель говорит, что прежние метафизики не замечали, что определение вещей это определения мышления.

Г.П. Щедровицкий. Что значит определения мышления?

О. Анисимов. Мышление как абсолютный субъект. Хотя годится и для неабсолютного субъекта. Прежние метафизики рассматривают определения вещей, как сами вещи.

Г.П. Щедровицкий. Против чего Вы возражаете?

О. Анисимов. Против Вашей рефлексии этого фрагмента. Вы говорите, что не надо забывать, что определения вещей суть те же определения мышления...

Г.П. Щедровицкий. Я такого, вроде бы, не говорил.

О. Анисимов. Но тогда схема моя работает.

Г.П. Щедровицкий. Нет. Но как Вы хотите это использовать?

О. Анисимов. Если мышление может себя специфицировать и разделить на собственно мышление и заимствованное бытие как «не мышление», то тогда все остается в мышлении.

Г.П. Щедровицкий. Не понимаю, о чем Вы говорите. Теперь я понял, что Вы говорите. Но поймите, что я говорю! Схема Ваша, где мышление и мир поделены и противопоставлены – неверна с самого начала.

О. Анисимов. Отчего же? Для данного случая.

Г.П. Щедровицкий. Неверна. И не годится для понимания истории философии. Так вульгарно преподаватели на философском факультете не трактовали 20 лет назад. Например, Черкесов.

О. Анисимов. Это происходит в моем мышлении. Я придаю лишь индексы объективности и субъективности.

П. Малиновский. Почему ты не хочешь признать, что Гегель тем же занимался, чем ты сейчас?

О. Анисимов. Он обвиняет прежних метафизиков. Я об этом говорю.

Г.П. Щедровицкий. Не за это он их ругал. И нет тут никакого различия. Различие лезет из никуда не годной Вашей схемы. Вы сами полагаете мир мышления как две сферы, противостоящие друг другу. Они, метафизики, этого в своем мышлении не полагали. Мы говорим про Гегеля.

О. Анисимов. Гегель же говорит так, как это я сказал.

Г.П. Щедровицкий. Он говорил только одно: мыслительные определения рассматривались как определения самих вещей. Из этого ничего не вытекает для Вашей схемы. У метафизика есть мышление и он его трактует в рефлексии как представление мира.

О. Анисимов. Вы забегаете вперед. Я еще перейду от моей схемы к другому, в то, что любит рисовать Г.П.

Г.П. Щедровицкий. Вы меня не перерисуете.

О. Анисимов. Я смогу. Итак. Субъект обладает способностью мышления, имеет соответствующие категории, правила работы с ними. И тогда в одной руке он держит представления, а в другой категории.

Г.П. Щедровицкий. Давайте текст к этому пункту.

О. Анисимов. Я уже читал (с.164). Метафизики ставили на место эмпирических определений определения мышления, категории. Не говори пока, откуда берутся категории.

Г.П. Щедровицкий. Опять неверно трактуете тезис. Одно читаете, другое говорите.

О. Анисимов. Есть ссылка на то, что эмпирические определения это представления, созерцание. Определения же мышления – категории.

Г.П. Щедровицкий. Вы комментируете, а не читаете? В чем смысл тезиса?

О. Анисимов. Смешиваются определения эмпирические и категории.

Г.П. Щедровицкий. Прекрасный тезис. Как Вы это понимаете?

О. Анисимов. Есть здесь результаты созерцания.

Г.П. Щедровицкий. Есть они.

О. Анисимов. С другой стороны, есть категории.

Г.П. Щедровицкий. Есть, с другой стороны. И метафизик, дурачок, с Вашей точки зрения, путает одно с другим?

О. Анисимов. Нет, не путает. Есть то и другое. Мне важно другое – есть категории или нет.

Г.П. Щедровицкий. Причем тут это? Гегель говорит очень четко. Это интересная и глубочайшая мысль.

О. Анисимов. Не спешите, все по полочкам разберем.

Г.П. Щедровицкий. Ничего себе по полочкам?! Отрезают руки, ноги выламывают... В чем тезис состоит? Подменяют эмпирические представления...

Р. Спектор. Не подменяют, смешивают...

Г.П. Щедровицкий. В кучу...

О. Анисимов. Отождествляли, уравнивали.

Г.П. Щедровицкий. Это и есть вульгарная трактовка Гегеля.

О. Анисимов. С одной стороны, пока. С другой же, приравнивали категории внешности. Представления приравнивали объектам, а категории – представлениям, а через них – к вещам.

Г.П. Щедровицкий. В чем была беда? В том, что вместо видения объектности видели содержательный смысл категорий? Или в чем-то другом?

О. Анисимов. Смешивали статусы...

Г.П. Щедровицкий. Что значит смешивали? Какие они были дураки! Лейбниц и другие не отличали эмпирию от категорий... Ай, ай, ай!

О. Анисимов. Не натуру смешивали, а статус.

Г.П. Щедровицкий. Что там было? Как они представляли мыслительный процесс и как они это реализовывали?

О. Анисимов. Они формальное содержание, категории рассматривали как объектное.

Г.П. Щедровицкий. Правильно, как эмпирические характеристики объекта.

О. Анисимов. И как сами объекты.

Г.П. Щедровицкий. И в чем трагедия метафизики? Провели категориальный анализ, типологию построили и вот он – объект.

О. Анисимов. С этим Гегель и воюет.

Г.П. Щедровицкий. И считает основным признаком метафизики.

О. Анисимов. Да.

Г.П. Щедровицкий. И сам Гегель великий метафизик.

О. Анисимов. Он показывает, как преодолевает недостаток прежних метафизиков. И работает также как и Вы. Так как этапы моего мышления скомканы. Итак, отождествляются статусы.

Г.П. Щедровицкий. Не различение происходит на уровне рефлексии статусов. В практике мышления это ведет к тому, что категориальные определения непосредственно онтологизируются.

О. Анисимов. Правильно.

Г.П. Щедровицкий. И выносятся как образ, блик вещи.

О. Анисимов. Если мы в лоне философии, то должны забыть происходящее вовне, оставаться только в мышлении. Гегель

говорил о греках, как о философах, т.к. они все рассматривали мышление. Зачем мне здесь находящимся философам говорить о статусах, тогда как только о них и может идти речь.

Г.П. Щедровицкий. Полезно, полезно. Философ тоже человек и слаб.

О. Анисимов. Я могу перейти к более детальному рассказу.

Г.П. Щедровицкий. А зачитанное? Форма суждения не может быть формой истинности, абстрактности, противоречия и т.п. Это все не попадает в характеристику метафизики? Метафизического мышления.

О. Анисимов. Почему же! Все остается. Гегель указывает то, как метафизики оперируют категориями, отождествляют статусы представлений и категорий, рассматривают категории изолированно по подобию изолированности представлений. Если говорится об одном представлении, то отбираются те категории, которые соответствуют «этому» представлению. Другие рассматриваются как противоречащие. Как употребляют категории эмпирики, в эмпирическом мышлении... Гегель утверждает, что в этом метафизики не отличаются от эмпириков.

Г.П. Щедровицкий. Давайте разберемся. Что значит оперирование категориями, характерное для метафизиков. У Гегеля фоном стоит утверждение, что мир един и целостен и вещей там нет. Поскольку разные представления есть, то они начали употребляться как представления разных вещей в силу освящения категориальной оппозиции.

О. Анисимов. Неправильно. Как применяется категория? Она подыскивается...

Г.П. Щедровицкий. Это хорошо или плохо?

О. Анисимов. Гегель говорит, что это еще не плохо, не хорошо.

Г.П. Щедровицкий. Так, закономерно.

О. Анисимов. А категорий много и отличающихся. Как элементы парадигмы.

Г.П. Щедровицкий. Значит суть дела в том, что метафизика опирается на особую организацию категориального поля, где они противопоставлены друг другу.

О. Анисимов. Правильно.

Г.П. Щедровицкий. И потому содержит запрет на комбинирование категорий, совмещение на одном материале, на систематизацию, генетическую или функциональную, на употребление и т.п. И мир дискретен, несовместим...

О. Анисимов. Мира категориального.

П. Малиновский. Что с ними делать с категориями? Надо же работать!

Г.П. Щедровицкий. В оппозициях, между прочим заключен весь смысл категорий. Потому что категории организуют мир на отдельные и противопоставленные друг другу пространства.

О. Анисимов. Метафизического пространства.

Г.П. Щедровицкий. Ведь что такое *категория*? Она задает однородность мира, взятого в определенной плоскости. И определяет логику мышления.

О. Анисимов. Только мир мышления.

Г.П. Щедровицкий. Ведь если бы я в процессе мышления работал сразу с несколькими категориями, то у меня невозможной была бы логика. Потому что категории определяют тип логики. А логика должна быть однозначной. То есть категория отвечает на вопрос – как мне мыслить данную совокупность представлений, как строить суждение по поводу ее, как там будут организованы предикаты, какие связи я могу установить, какие – нет, и т.д. Это очень важно. Такой метафизик как раз очень четко работает с категориями.

О. Анисимов. Правильно.

Примечание. Г.П. Щедровицкий вплотную подошел к инструментально-технологической характеристике категорий. Но в его версии соотношении функций предикатов не прослеживается, не выделяются сами функции и они не связываются с идеей «восхождения», конкретизации мысли и т.п., всего того, в чем и были особенности гегелевского метода мышления, его «метафизического» реализующего идею истинности мышления. Мы же в эти годы, 1973-1976 гг. уже выделили функции – «понятия», «категории», «категориального понятия». Однако они были включены в ситуации работы с текстами, а в докладе до них дело еще

не доходило. Требовались иные масштабы, объем анализа.

Г.П. Щедровицкий. Классикой этого был Фома Аквинский, расписавший все это, структурировавший. Метафизик очень тверд, знает что, где, почем и почему, поскольку у него есть категории. В мире каждой отдельной категории он чувствует себя совершенно свободно. Ему только надо идентифицировать, т.е. сказать, что это «вещь», «процесс»...

О. Анисимов. Найги категорию и удовлетвориться, если соответствует представлению.

Г.П. Щедровицкий. Нет, не удовлетвориться. Если он определил, то он знает, как ему работать, что может получить, а чего не может получить. Отсюда переход к эмпирику. Этот способ работы – эмпирический. Практика нуждается не в конкретности, а в абстрактности. Ей диалектика не нужна.

О. Анисимов. Лишь в кооперации восстанавливается целостность.

Г.П. Щедровицкий. Не понятно, есть ли в мышлении кооперация. У Вас остаются сомнения?

П. Малиновский. Мне кажется, что Гегель не довольствуется таким положением вещей.

О. Анисимов. На этом этапе еще нет недовольства. В том, что есть ряд категорий, что с ними надо работать.

Г.П. Щедровицкий. Не с категориями, а с соответственно категориями. Применять категории – осуществлять мышление.

О. Анисимов. Это тоже работа в мышлении.

П. Малиновский. Задача Гегеля и состоит в том, чтобы увидеть за образом метафизика то, как они представляют свое мышление, увидеть за ними что-то другое.

Г.П. Щедровицкий. Что же хотел увидеть там Гегель и увидел...

О. Анисимов. Мы еще не дошли до диалектического.

П. Малиновский. Для Гегеля стоит вопрос о том, что здесь истина, а здесь – ее нет. У него задача увидеть противоречие, чтобы прийти к критическому способу мышления. А, с другой стороны, понять полезность, осознать метафизика. Нужны еще тексты для понимания того, как движется Гегель к новой метафизике.

Г.П. Щедровицкий. Я согласен. Я хотел прыгнуть вперед и спросить, что можно этому противопоставить, что дает Гегель?

О. Анисимов. Этому он ничего не противопоставляет.

Г.П. Щедровицкий. Малиновский говорит иначе. В таком употреблении категорий как классификаторов должно содержаться противоречие. Оно и приводит к иной точки зрения. Он спрашивает, в чем же противоречие?

О. Анисимов. Я и хотел это обсудить. Дело в том, что грех начинается с ограничения в использовании категорий, так как они противопоставлены, не соотносятся с тем же представлением.

Г.П. Щедровицкий. В чем грех-то?

О. Анисимов. Представление осмысливается в спекулятивном мышлении за счет применения всех категорий, включая противопоставленные по содержанию.

Г.П. Щедровицкий. Почему «проглатывает» многое, не вводите «спекулятивное»? Что плохого в моно-категориальном мышлении?

О. Анисимов. Снимается только один слой того, что дано представлением.

Г.П. Щедровицкий. Ну и прекрасно.

О. Анисимов. А диалектик должен снимать все, идти к конкретному в мышлении.

Г.П. Щедровицкий. А может диалектика и не нужна! Надо еще оправдать существование диалектики. Противоречие должно быть найдено не в диалектике, а здесь.

О. Анисимов. Не успел сказать еще одного. Метафизики-то применение рассматривали как истинное. Но полностью снятие объективности не происходило, нельзя.

Г.П. Щедровицкий. Почему? Аргументы давайте.

О. Анисимов. Гегель говорит, что истинное мыслить можно только конкретно.

Г.П. Щедровицкий. Но как это развертывается? Вас спрашивали: почему здесь появились эмпирики? Надо было с этой точки зрения все и рассматривать. Что делает Гегель? Он фиксирует сложившиеся формы мышления, противоположность между эмпирическим и теоретическим. Эмпирическое зазем-

лено на практику и все верно, но истину не дает, действительно. Почему не дает истину?

О. Анисимов. Такое употребление категорий. Эмпирик говорит, что представление богаче, чем то, что объясняется «этой» категорией, в метафизическом понимании.

Г.П. Щедровицкий. Откуда эмпирик это знает?

П. Малиновский. Обратимся к тому, как эмпириков критикует Гегель. Для него первое отношение мышления к бытию выступает формой обоснования чего угодно. А если эмпирик не может чего-то решить, то прибегает к представлениям Дж. Локка. Исходя из представлений об изолированной связи предметов и представлений, можно представить классифицирующую работу эмпирического мышления.

О. Анисимов. Одно – получение представлений, другое – употребление категорий в рамках задачи и появляющиеся затруднения на стыке двух работ.

П. Малиновский. Гегель анализирует мышление, проявляемое предметно.

Г.П. Щедровицкий. Надо резче. Нет такой работы ни у Гегеля, ни у метафизиков. Не может быть. Почему Вы считается, что эти две работы выступают в противоречие?

О. Анисимов. Так описывается.

Г.П. Щедровицкий. Нет, Вы выдумываете. Есть работа, есть результат. XVII в. ушел в прошлое и XVIII тоже. Двести лет интенсивной научной работы, которая отложилась в виде жестких противопоставлениях эмпирического и теоретического. Эту проблему обсуждают сенсуалисты, например Кандильяк, с этого начинается Кант. Главная проблема Кандельяка – синтез знаний. С чего начинается Гегель? С этого противоречия.

Примечание. Многие недоразумения можно было бы снять и более жестко обсуждать, более определенно, если бы мы использовали свою схему акта мысли. Она была уже в 1975 г. Но ее использование нужно было сделать правомерным, что не просто для докладчика под руководством Г.П. Щедровицкого, умеющего вводить свои исходные рамки. Мы во многом были под впечатлением очевидности нами понимаемого и не обладали достаточным опытом жестких дискуссий.

О. Анисимов. Как вы трактуете теоретическое и эмпирическое?

Г.П. Щедровицкий. Подождите. Оказывается эмпиризм всегда слаб в сравнении с теоретическим. Когда эмпирик представил объект с одной стороны, в контексте выработанной формы практики, то все ничего. Но как только ему надо изменить практику, создать что-то новое, он оказывается беспомощным. Из-за моно-категориальности, невозможности видеть ничего иного, кроме отработанного. А теоретик занимается спекуляцией, свободно развивает такое построение. Отсюда проблема творческого воображения. Это дает Гегелю возможность сказать, что истина существует не в эмпирическом, а в теоретическом.

О. Анисимов. Правильно. Первый узел противоречий намечен.

Примечание. Г.П. Щедровицкий придает большое значение синтезу категорий. Но тот тип синтеза, который значим для понимания Гегеля, его метода, он и не намечает.

Г.П. Щедровицкий. Второй узел связан с тем, что теория тоже не несет истины. Он запутывается и это обуславливается уже с Канта. Она главная для Шеллинга. Гегель внимательно наблюдает за его работами.

О. Анисимов. Да, Гегель об этом упоминает. Вы говорили о синтезе. Какой синтез?

Г.П. Щедровицкий. Метафизический.

О. Анисимов. Разделяющий.

Г.П. Щедровицкий. Непонятно это...

О. Анисимов. Когда выдерживается принцип «наряду с...».

Г.П. Щедровицкий. За исключением синтеза, исключаящего противоречия.

О. Анисимов. Из этого "вырастает" Кант.

Г.П. Щедровицкий. На базе этого он и начинает обсуждение. Вам не достаточно, Павел? Почему это Вы не можете положить за основание? Гегелевского рассуждения!

Примечание. Дискуссия дошла до главного исходного пункта в поле логических проблем. Если использование и создание абстракций, предикатов являлось предпосылкой вопросов логического типа, то синтез пред-

катов, абстракций выступает источником вопросов логического характера. Поиск специфики синтеза в форме «восхождения» оставался загадочным и даже причиной, источником недоразумений. Тем более при наличии уже готового понимания специфики синтеза по логике ВАК, которое сложилось у Г.П. Щедровицкого и которое мы не принимали. Овладение техникой синтеза стало группой приоритетных задач для моделирования синтеза в 90-е годы в ММПК, хотя попытки наладить обучение этому предпринимались с конца 1970 г.

П. Малиновский. Мне кажется сомнительным противопоставление теоретика и эмпирика. Олег уже задавал вопрос о том, как Вы различаете их.

Г.П. Щедровицкий. Была гигантская работа. Различие проходило по линии Галилей – Леонардо да Винчи. Четко и осознано. Факты были объявлены вторичным делом. Галилей говорил, что если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов. Математики имели многовековой опыт конструктивной работы, разыгрывание действительности в моделях. Это прекрасно показал Быковский в книге Леонардо да Винчи. Есть работы А. Койкера о платонизме Галилея, о дискуссии эмпириков Тихо Браге и Кеплера и др. Например, Бруно говорит о том, к какой системе принадлежит камень, подбрасываемый на мосту (система моста, корабля). А эмпирики говорят, что надо мерить. Споры были ожесточенные, осознавались в рефлексии, с большими противоречиями, противопоставлениями, чем у нас.

П. Малиновский. Молодой Гегель не решал проблему о теоретике и эмпирике. Он решал другую проблему. Он шел из философии религии.

Г.П. Щедровицкий. Вы хотите получить противоречие в локальном месте?

П. Малиновский. У Гегеля невозможно получить локальное противоречие. Противоречие занесено из другой проблематики, как раз на уровне той схемы, которую дал Олег.

Г.П. Щедровицкий. Не согласен. Я понял, что сказал Павел. Надо начинать не с метафизики, а с диалектики.

О. Анисимов. Нет, пожалуй. Гегель говорит, что метафизики заменяют конкретную идею односторонними абстракциями рассудка. Идеологемность на конкретности идеи видна. Другое – они брали определения, абстракции как сами по себе значимые, способные быть предикатами истинного. Они не исследовали возможно ли такое, может ли быть истинной форма суждения по своему содержанию.

П. Малиновский. Этот упрек Гегеля можно использовать для того, чтобы лучше разобраться с недостатками метафизиков. Причем на схеме Олега. Центр тяжести, по Гегелю, не на этих соотношениях представлений, которым приписан категориальный статус, а в том, как они понимают истинность. Они неправильно понимали истинность.

О. Анисимов. Не совсем. Акцент его в ином. Идеологема на истинность как полное описание объекта ими принималась. Но сами определения мышления не исследовали на истинность.

П. Малиновский. Совершенно верно. Гегель рассматривает в этом томе три типа отношений мышления к бытию. В феноменологии центральная проблематика – три типа отношений к истине. Предмет соотносится с мышлением о нем. Гегель синтезирует то, что разводил Кант.

О. Анисимов. Да, согласен.

П. Малиновский. Я указываю, по тому как ты аргументируешь, что центр тяжести лежит в проблеме истинности. Неслучайно, что логика у него на первом месте. Гегель увидел недостаточность оппозиции теоретики и эмпирика, занимаясь философией религии. Он стал логиком, а оппозиция эта стала лишь средством разрешения логических проблем.

Примечание. В своей подробной работе, реконструирующие взгляды Гегеля (2000 г.), мы реализовали желание все то, что рассматривалось в середине 70-х, раскрыть «псевдогенетически». Поэтому реконструкция «философии духа» стала основанием для доказательств в реконструкции проблемы познаваемости, истинного мышления, понятия, рефлексии и т.п.

О. Анисимов. Гегель останавливается не на отрицании, сделанного метафизиками и предшественниками вообще, а на ограниченности их. В том числе и Канта, Фихте, Шеллинга. Чтобы идти дальше.

П. Малиновский. Гегель провозгласил принцип снятия.

Г.П. Щедровицкий. Я не понимаю, что произошло. Мы реконструируем духовную эволюцию Гегеля? Нет. Мы обсуждаем рассудочными, обратите внимание, средствами противопоставления метафизического и диалектического образов мышления. Как их различал Гегель. Для лучшего понимания диалектики Канта по Асмусу.

О. Анисимов. А мы будем рассматривать гегелевскую точку зрения о критической философии.

Г.П. Щедровицкий. Будем. Вы фиксируете ряд признаков метафизического мышления. В частности – неправильного оперирования категориями, неправильной организации их синтеза.

О. Анисимов. Не неправильность организации категорий...

Г.П. Щедровицкий. Я поправлюсь. Мы рассматриваем трактовку оперирования с категориями у метафизиков.

П. Малиновский. Но это будет не реконструкцией Гегеля...

Г.П. Щедровицкий. Правильно. Это будет средством нашего понимания противопоставления метафизического и диалектического. Мы берем проблему не целиком, а в одном повороте. Мы мыслим рассудочно, создаем набор абстрактных определений. Выделили признак – неправильное оперирование категориями. Выясняем, в чем состоит эта оппозиция. Я для себя выделил из того, что Вы говорили, очень продуктивную идею для организации работы. Сопоставление метафизического и диалектического. Можно проскакать критическую философию. Понадобится потом. И в чем же отрицательный момент работы с категориями у метафизиков.

П. Малиновский. Гегель выставляет принцип самодвижения, когда мышление само себя выталкивает из противоречащих операций.

Г.П. Щедровицкий. Это здесь совпадает. Я уже понял это, как фиксацию отрицаний. Мы начали реконструировать момент отрицания не в трактовке Гегеля, а откуда оно возникло в тогдашнем мышлении. Я пытался это реконструировать из общего хода развития мышления, не обязательно теологии. Когда Гегель начал что-то соображать была зафиксирована оппозиция теоретического и эмпирического. Она несла отрицатель-

ность эмпирической работы. Я целиком согласен с Вами и вся суть в определении истинности. Многосторонность, конкретность, целостность знания...

П. Малиновский. В истории науки важным является сопоставление парадигм. Они приводят к требованиям многосторонности. Это не готовый образец, например «Капитал» Маркса, где конкретное мышление существует.

Г.П. Щедровицкий. И сейчас нет таких образцов. А необходимо ли требование наличия такого образца? Думаю, что нужно значительно меньше. А именно, движение от достаточно относительных определений. Есть одно и переходим к другому, которое явно выигрывает. Другое оценивается относительно предыдущего как теоретическое, более конкретное. Все это движение происходит в теории. И это, по-моему, основывается. К его, Гегеля, времени центр тяжести находится в теоретической области. От XV к XII он качнулся в одну сторону, к теоретической. А обратное движение маятника расцветает в XX веке. Конец XIX в. – расцвет академической науки в университетах. Понимая это, понятно и то, почему Гегель отрицал и в чем отрицание состояло. Здесь важна его заинтересованность в теологии. И тут наш спор. С одной стороны, категории не могут выноситься на объект. Нужно промежуточное звено эмпирического анализа, предметная реконструкция объекта. А второе, ограниченность, неадекватность эмпирического.

***Примечание.** Рассуждения Г.П. Щедровицкого помогают понять то расстояние, отдаленность его ясного видения от того, что было в поле проблем Гегеля. Проблемы духа, его самодвижимости, генетические шаги в его становлении, возможность видеть прототипы будущих вопросов об истинности и различности теоретического и эмпирического и т.п. Все это как бы не знал или не замечал сам Г.П. Щедровицкий, не придавал значимости. Поэтому он яростно отходил от различных «упрощенных», «психологических» систем. Его глобалистический взгляд проходил мимо того локального, модельного, что легко можно было заметить и выявить в нем всеобщее в обыденных ситуациях. Однако умело вводить эти сопоставления*

обыденности и философских рамок проблем мы научились позднее, после 1978 г.

О. Анисимов. Нет. Акцент не на работе с категориями. Отрицательность направлена в другую сторону, когда мышление, работающее с категориями, рассматривается с точки зрения целостности. Односторонность работы с абстракциями предстает как «плохое». Гегель показывает иную работу с категориями, совмещенную и эти совмещения касаются противоположных категорий. Не в эмпирии. Про эмпирию здесь не говорится.

Г.П. Щедровицкий. Понятно. Суть дела не в эмпиричности, а в особом типе работы с категориями. Но и эмпирия есть тип работы с категориями.

О. Анисимов. Все те же проблемы мы имеем в работе семинара.

Г.П. Щедровицкий. Как?

О. Анисимов. Да хотя бы доклады А. Тюкова. Это эмпиризм по Гегелю.

Г.П. Щедровицкий. Будем считать, что это ясно. Закончим эту мысль. Самый слабый пункт человеческой системы, из-за чего она провалилась – что это за другой тип человеческой работы с категориями.

О. Анисимов. В спекулятивных критериях он все разъясняет. Там все уже есть, что требуется.

Г.П. Щедровицкий. Что это значит – брать категории как не противопоставленные?

О. Анисимов. Каждая категория будет находить в объекте свою сторону, а затем в реконструкции сторон, в процессе «восхождения», будет воссоздаваться целостность.

Г.П. Щедровицкий. Значит, метафизическому образу мышления противопоставляется восхождение?

О. Анисимов. Да во всей его чистоте и красоте.

Г.П. Щедровицкий. У Вас есть что-то еще.

Примечание. Дискуссия дошла до самого сложного и Г.П. Щедровицкий легко ее прекращает. Он чувствует, что это уже огромный и плохо понимаемый пласт содержания.

О. Анисимов. Добавлю, что метафизики считали противоречие субъективной ошибкой в мышлении. Надо тогда что-то убирать. Гегель с этим и борется. Он интегрирует противоречие «вовнутрь». Но еще более главным является «проверка» синтеза категорий на истинность.

Г.П. Щедровицкий. Есть такая процедура, проверка на истинность. Анализ измерительных процедур. Если мы используем формально-логический принцип непротиворечивости, то имеем путь устранения антимоний. Мы должны убрать одно из противоречащих определений. Ситуация разрешается без выхода в систему средств. Категории есть и они нами не затрагиваются. Они нам вменены и определяют способ действия. Они членят мир. Внутри категориального пространства не возникает квази-эмпирической ситуации, требующей связанности категорий.

Примечание. Соотнесение инструментальности и содержательности категорий здесь не обсуждается. Но уже видно, что это соотношение влияет на уверенность во мнении. Когда мы стали систематически использовать схематехническое изображение, проблема соотнесения вышла для нас в модельный план. И вовлечение в схематизацию логических принципов, логики ВАК все направило к возможности ответа на все фундаментальные вопросы, часть из которых обсуждалась в 1976 г. Мы «практически» ответили себе на эти вопросы. Но соотнести и систематически с общим объемом историко-философского материала мы тогда еще не могли. Хотя и был ряд реконструкций взглядов философов и психологов. Позднее мы вернулись в моделировании (в модельных циклах) к возможности ответов на вопросы в связи с формированием онтического и онтологического мышления, отраженной в работах 1997-1999 гг.

П. Малиновский. Надо еще выявить как появилась установка на устранение противоречий.

Г.П. Щедровицкий. Она есть и детерминирует мышление. Как только мы отказываемся от этого принципа и принимаем, что два определения могут быть истинными и характеризовать ситуацию, объект, то следует подниматься выше и обращаться

к категории. Иначе определения не будут синтезированы. К сознательной работе с категориями, в соотношении и связывании их, вело Гегеля. Этот момент фиксировался и ранее.

О. Анисимов. Гегель подчеркивал всегда, что он стоит на плечах предшественников. Он и сохранял, и развивал их.

Г.П. Щедровицкий. Образцы и парадигмы такого мышления существовали. Смотрите работу с категориями Галилея, Бруно.

О. Анисимов. В связи с устранением противоречивости категориальных определений относительно одного и того же и синтезированием категорий, Гегель применяет онтическое мышление. Он говорит от имени объекта и его содержание мысли им трактуется как движение объекта, самоопределение «исходя из самого же себя» и т.п.

Г.П. Щедровицкий. Непонятен смысл Вашей оппозиции. Надо предмету дать возможность самосовершенствоваться. Это и есть работа нашей мысли. Все же наоборот.

О. Анисимов. Гегелевское определение имеет онтологический статус и они развертываются так, чтобы не было произвола полагающего конструирования мышления. Но это уже более сложная сторона.

П. Малиновский. Это упрек метафизике?

О. Анисимов. Г.П. считает, что не понятно то, о чем я здесь говорю. Следую риторике Гегеля.

Г.П. Щедровицкий. Вы действительно затрагиваете важный вопрос. Отсюда выросли высказывания Деборина и др. Предмет надо брать в движении, саморазвитии. Но с той разницей, что смысл гегелевской системы выброшен.

О. Анисимов. Они представили иную парадигму.

Г.П. Щедровицкий. Да. Гегель-то говорил, что предмет должен развернуться в мысли, противопоставляя планы естественного и искусственного, как бы сказали мы. Олег, это все мы обсуждали про метафизику. А про диалектику?

О. Анисимов. Я бы с удовольствием. Начиная с критической философии.

Г.П. Щедровицкий. А пока поставим точку».

Мы видели, что общий философский контекст различия метафизики и диалектики, соответствующих типов мышления

легко переводился на почву форм, техники мышления. Это предполагало введение рефлексивного механизма и акцента в обсуждении, обращенности к сознанию и самосознанию, трансформациям образцов в зависимости от особенностей знаковых средств. На этом фоне основу технической формы самой работы ММК, базовым процессом которой служили «семинары» и дискуссии на них, такую основу составляло знаковое манипулирование и обращение к высоким типам содержаний – «категориями». Несмотря на огромное многообразие тем и акцентов дискуссионных единиц и циклов сама сборка, введение и поддержание системы различий оставались за пределами обсуждений. Как бы предполагалось, что она выстроена или выстроится сама собой за счет объема участия и глубины самостоятельной работы каждого. Поэтому в каждой дискуссии, докладе легко возникали переходы к различным акцентам, но также легко они «вытеснялись» лидером, организатором. Иначе он не смог бы выстроить осмысленную линию обсуждения. В результате для новичка или того, кто устремлен к системе и целостности содержания, к онтологической завершенности и мировоззрению, хотя бы «деятельностному», «нормативно-деятельностному», «системно-деятельностному», «системномысле-деятельностному», тот испытывал нарастающий дискомфорт. Он пытался соединить звенья, обращать на различное свое внимание и внимания других и не находил формы законного удовлетворения потребности. Все дискуссии были фундаментальны для обычного мыслителя, масштабны по соотносению с историей и т.п. Но для онтологически, системно-ориентированного, они же выглядели как «локально-тактическими», а не стратегическими. Чем богаче был входящий в поле дискуссий, тем сложнее ему было позитивно связать, согласовать все единицы дискуссий вводимых содержаний с целостностью своего мировоззрения. Именно в этом типе бытия мы и были. Любые детализации мы рассматривали как имеющие фундаментальное значение и стремились их удержать, соединить, использовать. Но ограниченность содержательной рамки и объема анализа заставляла останавливать «строительство» в ходе взаимодействия. Продолжение строительства шло вне дискуссий и контроля со стороны лидера

Г.П. Щедровицкого, который держал свой синтез и показывал его в зависимости от хода дискуссий.

Само обращение внимания на применение категорий, их синтезирования уже позволяло ввести участников семинара как в проблемное логическое поле, так и его сознания предшественниками, вводить в свое сознание этих проблем. Мы держали свое видение в той форме, которая «привычна» для философов – смысловой форме, как результате многих чтений. Так как вводились еще много иных факторов, то смыслы были организованы. Но способ организации оставался до-методологическим. Это соответствует не Е, а ЕИ, и, в то же время, не ИЕ – форме содержания. Естественно, что такой методолог, как Г.П. Щедровицкий, воздействием в дискуссии «выпрямительно» модифицировал форму содержания. Вместе с тем он вносил давление своего видения.

К тому времени мы уже очень сложно «видели» свое содержание. Оно часто мешало понять «выпрямляющее воздействие» организатора дискуссии. Поэтому мы как бы моделировали встречу субъекта и предиката мысли. Г.П. Щедровицкий выступал в «роли» предиката, а мы – в роли субъекта. Как любой «богатый» субъект мысли то соглашались, то не соглашались с «волюнтаризмом» предиката. Видя сложное целое, мы сопротивлялись упрощению, но иногда и законному оформлению мысли. А Г.П. Щедровицкий действительно сначала сводил к простому, которое могло быть и упрощением. Во всяком случае, метафизичность мышления по Гегелю была не до конца оформлена и выявлена даже при наличии материала цитат. Для формирования требовались основания и это само по себе охватывало всю семиотику еще до логических проблем. Мы не стали обсуждать семиотику. Тем более, что в 1974 г. много времени уделено было статье «Смысл и значение», одной из самых важных систем различий в этой линии. А для оформления требовалось еще досогласование в семиотическом плане, что выявилось в конце 1981 г. В ходе дискуссии мы дошли до синтезирования категорий. Но вопросы синтезирования зависели от согласования понимания особенностей категорий как типа «значений», в отличие от иных типов. Это осталось не дообсужденным и в цикле докладов по истории

логики. Тем более, нужно было особенности метафизического и формально-логического синтеза обсуждать не менее тщательно. Такое обсуждение мы не помним. В то же время, если обращаться к взглядам Гегеля, то нужно было бы обсуждать особенности версий синтеза у Канта, Фихте, Шеллинга еще до обсуждения взглядов Гегеля. Такого обсуждения не было. Все главные проблемы гегелевского метода, его вклад не проникали в ткань обсуждения. Дойти до них не имелась возможность из-за самой атмосферы организации дискуссии и видения метода. Он добросовестно зафиксировал трудности осмысления всех проблем сознания, самосознания, духа, развития и саморазвития в трактовке Гегеля.

Мы не были готовы «на равных» обсуждать все эти проблемы, так как опыт дискуссий методологического типа в контексте высокой рациональности, рефлексивной оформленности, у нас был небольшой. Оперативная площадка, которая у нас была средством осознания всех вычислительных проблем, оставалась очень локальной и даже индивидуальной. Мы практиковали схематизацию в процессе понимания текстов, применение логических схем и т.п. во взаимодействии с конкретным «читателем», а не развернутых семинаров. А пребывание в ММК оставалось очень скромным и подчиненным вхождению в методологию, а не ее развитие. Доклад о путях развития ММК, который мы сделали в 1975 г., оставался эпизодом самостоятельности, хотя все принципиальные линии содержания мы уже держали в своем сознании. Применение МРТ приоткрыло уже нас ко всему, но потенциально.

Итак, мы в марте 1976 г. только приблизились к групповому, в ММК, пониманию логического наследия Гегеля и в контексте истории философии и логики. Еще только предстояло обсуждение логики ВАК или «диалектической логики», метода Гегеля, без которого нельзя было понять и сам МРТ, сделать его публично осознанным и «принятым». Вклад Гегеля в понимание природы понятия оставался за пределами осознания. Тем более, что практика самого мышления, формообразования в мышлении Г.П. Щедровицкого была не способствующей вхождению в гегелевскую форму мысли. И тем не менее, основательность анализа любых версий, в том числе

опыта А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Б. Грушина, а также предшественников типа Галилея, Бруно и других способствовала возможности начала погружения в подобные проблемы. Понадобилось много лет усилий, особенно – игромодельных усилий 90-х годов, чтобы можно было сделать тексты Гегеля «прозрачными» для подготовленного этими усилиями участника методологического движения, возможность и написать нашу версию реконструкции взглядов Гегеля в 2000 г., хотя видение этого появилось уже к середине 70-х гг.

2.10. ЯЗЫК СХЕМАТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ОНТОЛОГИИ (версия 1975)

Следствием воодушевления, возникшего в ходе демонстраций возможностей схематизации и схематического выражения сложных содержаний, а также раскрытия содержания сложных научных текстов, было желание глубже понять природу и возможности для интеллектуальных работ, таящихся в схематических изображениях. Это коснулось многих коллег, с которыми мы касались в период 1974-1982 гг. в НИИВШ. Переход от практического оперирования и владения к теоретическому осмысливанию стимулировался как чтением науковедческой, философской, семиотической и т.п. литературы, так и временно возникшей возможностью написать диссертационную работу. Примером размышлений об онтологической

функции схем может служить и то обсуждение, которое было проведено в марте 1975г.

«**Анисимов О.** Коснусь вопроса об онтологических схемах и онтологическом языке. *Онтологическая схема это такое изображение в системе научного исследования или в научной коммуникации, которое прочитывается как «объект».* Вы знаете хорошо, что я изображения превращаю в средства мышления. В работе с текстами я стремлюсь содержание увидеть объектно. Определённый объект, конечно, включён в объектные отношения среды и т.п. В зависимости от того, о чём ведётся речь, я опознаю миры, в которых «существует» то, о чём ведётся речь. Тем самым, надо иметь *в одном краю текст* и оперирование им как языковыми структурами, а *в другом краю - иметь схематические изображения и оперирование ими.* Но везде работает ещё и моё *сознание.* Я в нём, то строю *мир, взятый у автора,* то пребываю *в своей ситуации деятельности,* непосредственно усматриваемой в сознании. И перемещаю то одно, то другое, то в одном иду мыслью, то в другом. Поэтому надо иметь в виду, два варианта средств мышления (языковые и символические) и соотнесение с моим сознанием. Кроме того, эти средства мне нужны для решения задач и эти задачи, проблемы, цели должен контролировать и оценивать все в этих рамках. Итак, *изображение* сначала *суть средства,* а затем выражение средства *несущее собой некий мир и объект в нём.* Если она для меня этот мир несёт, и я уже *не замечаю изображения,* то она *онтологична* для меня. Поэтому оперирование с образительной схемой становится *объектным.* Я соединяю, разъединяю части схемы как части объекта. Если мне хочется сохранить объект, то я *не вношу произвола в оперирование с ним.* Если это объект - сама схема, то надо им пользоваться как схемой. Но она ещё и выражающая схема. Поэтому она становится человеком, деятельностью технической системой, воображаемым миром и т.п. И мы должны не забывать про её символический корень и, всё же, обращаться с ней как с мыслительным объектом. В этом начало трудностей. Однако схематическое изображение обеспечивает прохождение к объекту более прямо, чем текст в обычном

языке. Тем самым, изображаемая схема это кружки и стрелки, с одной стороны. С другой стороны, мы ни придаём содержательность и запрещаем видеть в них иное, чем то, что ввели. Тем самым в онтологической схеме мы имеем то, что ввёл «в неё» автор схемы. Вплоть до переопределения содержания схемы. *Читающий схему проходит путь от символической формы (языковой) к содержанию, скреплённому и вменённому к этой форме.* При одной форме могут быть различные содержания. Но изобразительность схем ограничивает свободу выбора, произвола и этим помогает правильно читать схему. Вот почему я так проникся изобразительными схемами. Вы знаете, в методологии мысля, рисуют чаще, чем в иных сферах интеллектуальной работы. Я подхватил эту практику и очень хочу тут навести порядок. Тем более, что практика конспектирования научила огромному числу типовых требований к использованию возможностей в оперировании схемами как средствами мышления.

Схематизация - это отличное поле для раскрытия тайн становления языка, его совершенствования, а также трансформаций в содержаниях сознания. Я сначала разобрался в лингвистике, но и здесь помогли изобразительные схемы. Я написал в начале 1974г. текст «Генезис знака», где отобразил общую картину появления языка. Сейчас это помогает в попытках учить строить схемы и использовать их, *формировать языковое сознание.* Так вот, в работе со схемами прозрачным становится синтез парадигматического и синтагматического начал языка. Это видно намного демонстративнее и в целом. В анализе схемы быстро выявляются и «*знаки*», и «*значения*», *взаимосвязи средств семантических единиц.* Соединяя единицы, мы строим. Обратите внимания, когда ставятся вопросы без схем, они ставятся более случайно, чем при использовании схем. Чем более строгая схема и более схематично придерживаются объектности схем, тем менее случайно чтение схемы и её влияние на весь мыслительный процесс. Если возникают споры по «устройству» объекта, то легко вернуться в начало, в построение схемы, в подбор и включение всех новых «компонентов».

Как строятся схемы? Прежде всего, соединяют элементы парадигмы и не деформируют их по пути. Но в обычном

языке есть *эталоны и грамматические, синтаксические формы, правила, которые нельзя нарушать*. А в случае схематических изображений синтезирование единиц более свободно, не нормировано заранее. Это может привести к хаосу. Но если рисуемый схему руководствуется либо видением объекта, либо "логикой" объектных и каузальных переходов, то он быстро отходит от случайности. Объект как бы ведёт его «руку», как образ руку художника. И в чтении объект ведёт, и в мышлении он продолжает вести и не даёт просто так говорить. Это приводит к культуре речи и мышления. В науке это особенно важно, так как все процедуры в исследовании не должны деформировать фиксированный объект и от объекта идёт переход в предмет, также сохраняемый вплоть до окончания экспериментирования.

Но мы в объекте что-то определённое «считываем», в зависимости от задачи. Но задачу ставит и тот, кто строит объект, схематическое изображение. Какая бы задача ни была, одна из них является изначальной – дать некий объект, предлагающий некий мир, принципы его бытия. *Только введя мир можно переходить к иным задачам*. Другие задачи вытекают из типа бытия в коммуникации, а более широко - в деятельности. В этом мире деятельности и пребывает коммуникация, завися от него и «объект» пребывает в коммуникации и зависит от неё по тому, что в объекте "высвечивается". В то же время сам «объект» зависит *от способности либо отражения, либо воображения*, от нашего полагающего сознания.

Аврамков Д. Ты убедительно показал, сколь сложная у тебя проблематика. Огромное число факторов влияет на строительство схемы и её осмысленное применение.

Анисимов О. При всём этом пока мы схему не увидим в лице языковых средств, всё быстро расплывается в сознании. Схема является синтагмой и потому в ней необходимо иметь и искать элементы парадигмы.

Петровский В. А если я рисую от души! Без всяких парадигм.

Анисимов О. Пожалуйста, рисуй. Но это будет ещё не схематическое изображение и не схема, а результат схемовыражения.

Петровский В. Следовательно, художник схемы не строит? Он ведь организует своё изобразительное действие.

Анисимов О. Конечно. Он ведь не просто от души рисует. Так же как любитель попеть не является певцом, хотя поёт от души. Художник проходит путь парадигматизации, певец, танцор, гимнаст и т.п. - тоже. Они осваивают единицы парадигмы и затем стереотипы синтагматического конструирования. И лишь потом добавляется «от души». Ясно?

Петровский В. Да, спасибо.

Анисимов О. Только опора на парадигматику вносит организованность в работе со схемой. Надо уметь членить, видеть части, соединять дозволенное и т.п. Все те же операции, что и в обычном языке. В психолингвистике всё это подробно обсуждается (Выготский, Лурия, Жинкин, Леонтьев и др.) Если нет эталонов двигательных, зрительных, слуховых и др., нет «схем» синтезирования, то вся работа превращается в хаотическую. Тогда обеспечить понимание невозможно. Парадигматизация, как опора для создания эффекта понимания в коммуникации, охватывает и сами изобразительные средства, и «стоящие» за ним, вмняемые значения. Если вводится окружность и за ней закрепляется универсум, то этот знак - символ можно законсервировать в парадигме. Но если эта окружность сама по себе и выражает содержание «целого», то она применяется и для выражения целостности отдельных звеньев универсума. Символ один, а значения разные. Всё зависит от *связанности парадигмы и синтагмы*. В построении синтагмы мы опираемся на парадигматическое значение (категорию) и её конкретизируем в ходе конструктивного синтеза с другими элементами парадигмы. *В синтагме значение уже иное, чем в парадигме*. Но оно может помещаться и в парадигму как элемент, и синтагма превращается в парадигматический элемент, а значение синтагмы становится значением элемента парадигмы. В нём скрыто другое значение, которое использовалось в сознании прежней синтагмы. Но можно опять разложить этот синтетический элемент парадигмы и сделать видимой прежнюю категорию. Все эти операции моделируются в схематехнике. Вот здесь и лежит свобода и сложность мышления. В работе со схемами реконструкция содержания сопровождается ещё и интерпретационной активностью, когда как бы забыва-

ют, не знают значений и порождают ситуативные смыслы. Так что всё время надо держать *рефлексивный контроль*, чтобы не запутаться и не стереть преимущества схематизации.

Петровский В. Внешнее слежение и интерпретации похожи теперь на внешнюю рефлексию у Гегеля. Так?

Анисимов О. Похоже что так. Но чем ближе к онтологической функции схемы, тем больше ответственности за её прочтение. Онтология требует от всех участников дискуссии вхождения в её мир, чтобы были рамки возможных интерпретаций, ходов мысли, извлекающей из неё какие-то содержания. Это особенно важно в диалектическом движении мысли, в котором извлекаются противостоящие начала, действующие друг на друга и неправильный выбор "*начал*" запутывает всю нить. В онтологической схеме видны источники взаимодействия «сразу», тогда как в обычных высказываниях надо их ещё искать и намечать переходы, доводить до совмещения. В памяти всё надо удерживать и «складывать» постепенно. А в случае *онтологической схемы всё, что есть «дано», осознается сразу*. Она как бы *натурализирует* сознание по содержанию, находящемуся в сознании. Если в сознании внутренняя динамика, чувства и т.п. все время «толкает», теснят картину-образ, то в схеме все удерживается, динамики нет и сознанию легче «успокоиться» и удержать тот образ который соотнесен со схемой. Сознание становится как бы *внутренне-внешним* или *внешне-внутренним*, в зависимости от меры отчужденности от схемы. При чтении схемы отчуждение более выражено и читатель себя контролирует строже. А при построении схемы контроль слабее, так как *схема лишь экстерииоризирует внутреннее* и подчинена внутреннему.

Аврамков Д. Ты научился все усложнять. Хотя это интересно. Когда ты рисуешь и объясняешь, этих сложностей не замечаешь.

Анисимов О. Конечно. Там действие, а тут - рефлексивное осознание и интерпретация в языках психологии, философии, методологии.

Петровский В. Онтологическая схема, наверное, суть модель реальности. Надо с ней работать как с моделью.

Анисимов О. Это можно считать моделью, по аналогии с тем, что говорят о «мыслительных моделях». Есть реальный объект

и есть мыслительная конструкция, содержание которой воспринимается как объект, но ее устройство не носит имитационного характера и при ее построении *упускаются все те моменты первичного отражения, которые «говорят», отражают несущественное, неглавное. И если у нас есть возможность изучать такой «объект», переносить результаты на реальный объект, то мыслительная конструкция - модель.* Схема онтологического типа тоже может рассматриваться как модель, если мы знаем, как ее изучать и как переносить результаты на «реальные» объекты. Если же мы не предполагаем этот перенос и просто строим миро-картину, то она уже не модель. Интересно, что Лосев проводит аналогии между идеями Платона и моделями. Меня переносимость повлекла в более ясное представление об активности познающего при построении абстракций, теорий. Много стало ясно, так как модели всегда является результатом конструирования, а не отражения. Но они, затем, должны соотноситься с моделируемым и быть отражающими. С этим надо разобраться.

Аврамков Д. А можно ли сравнивать различные теории на одной онтологической схеме?

Анисимов О. Конечно, если все теории признают онтологу. *Теории идут в акцентировки и детализации.* В связи с этим они и различаются. *Онтологическая схема для них - базовая абстракция.* Поэтому, прослеживая акцентированную детализацию, можно видеть, где автор делает неоправданные ходы мысли и намечает коррекции или сопоставления с иными авторами.

Аврамков Д. Это если онтологема есть. А если нет!

Анисимов О. Тогда строить персонифицированную онтологу для «автора». Осмысливать его мнение, как полностью охватывающее объект. А затем строить подобную онтологу для иного автора. Если окажется, что они различаются, то «доверяя» каждому строить замещающее оба мнения. И затем выявлять «отклонения» каждого.

Аврамков Д. И так бесконечно!

Анисимов О. Вначале все кажется бесконечно. А затем выявляется устойчивое и тут уже увереннее, неслучайнее оценка каждой версии, каждого акцента и линии конкретизации.

Аврамков Д. Это очень хлопотливо. Прагматизм и позитивизм в деле.

Петровский В. А в работе с одной версией то же самое встречается? Например, в одном месте автор одно выделяет, а в другом месте - другое. Две онтологемы и приходится строить. Так?

Анисимов О. Да, Вадик. Это так. И студент так же идет, сначала доверяя и на ощупь. Я считаю, что надо учить строить онтологемы и тогда студент быстро будет создавать все менее случайную онтологему и уже активно взаимодействовать с преподавателем при усвоении новых тем по курсу.

Аврамков Д. Вот и исследуй этот феномен. Будет что защищать в диссертации.

Петровский В. Тут целое море акцентов, предметов исследования. Но, все же, где преодолевается временность онтологии? Ведь онтология по функции не должна меняться.

Анисимов О. Я говорил о технической, организационно-мыслительной стороне. Если же говорить о результате мышления, то устойчивость версии онтологии достигается за счет выхода на категориальный уровень, предельность языка описания. Этим и занимаются философы.

Аврамков Д. А ты своими схемами вводишь категориальный язык?

Анисимов О. По направленности - да. А реально - все в поиске еще, версии. И в науке, в силу ее однородности, тоже нет устойчивого, надежного языка.

Аврамков Д. А где он есть? У методологов твоих?

Анисимов О. Дима, они ближе к категориальному уровню.

Петровский В. Философы ближе, думаю.

Анисимов О. Философы "смысловики" и редко работают настоящими категориями языка. Я уже сталкивался.

Петровский В. А Кант, Гегель и т.п.?

Анисимов О. Они ближе и почти «там». Но так как они не уделяли особого внимания жесткости и операциональности, то всегда оставляли неопределенность. Даже Гегель оставлял, думаю. А Щедровицкий Г.П. принципиально сражался с неопределенностью и даже схемы для этого использует. У него сочетается философское и свое - методологическое, формное.

Петровский В. Сложная проблема, на деле. Предельность должна быть, но реально не достижима. Удел мудрости?

Анисимов О. Я думаю, *преимущество методологов* и состоит в том, что они *главное внимание отдают функциям, функциональности*. Поэтому, выяснив жестко функции, например, онтологии, они спокойно идут в морфологизацию. Там много вариантов. И ничего драматичного.

Аврамков Д. Здесь где-то огромный смысл твоей работы, твоей технологии. Я чувствую это.

Анисимов О. Конечно, Дима. Я строю. Схемы в функции онтологом и постепенно получаю онтологии устойчивые.

Аврамков Д. Вот бы и ввести онтологию деятельности.

Анисимов О. Когда-нибудь введу. Я пока одолеваю рубежи. Вхожу во множество схем ММК. Пока там еще не вижу охватывающей онтологии. Но там, вроде бы, все есть и главное - подход.

Петровский В. И это крайне важно для организации исследований. Если есть философский «колпак», то ясно куда идти. Так как в науке много мест, где нет материала для детализации колпака.

Аврамков Д. А если нет колпака твоего, то пробы и ошибки. Тоже хорошо. Кстати, даже без философии ясно, что могут быть одни исходные понятия, а теории - различные. Вот в психологии термины применяются как правило одни (чаще – "леонтьевские"), а имеют в виду разное и дискутируют бесконечно.

Анисимов О. Если, конечно, не только термины одни, но и значения их тоже одни, тогда есть одна парадигма и различные её использования. Но думаю, что надо ещё проверять, одни ли значения или разные.

Аврамков Д. Нет техники проверки. На студенческой скамье вроде бы долбят одно и тоже. А выходят – и различия понимания так и множатся.

Анисимов О. А если бы проверка была на схемах, то это был бы качественно иной уровень.

Петровский В. Олег, ты молодец. Я уже восхищался твоими замыслами и буду с удовольствием продолжать восхищаться.

Аврамков Д. Ещё бы локально и жестко его приземлить. Цены бы не было.

Анисимов О. Всеми своё время. Вот возьмите дискуссии в теории, в науке в целом. Если бы строили онтологемы, то они в огромном числе лишились бы смысла.

Аврамков Д. Хотя бы выявить различия и проблему.

Анисимов О. Проблему можно выявить, если опять же иметь абстрактную онтологему. На дискуссиях и противопоставлениях можно лишь высекать искры.

Аврамков Д. Ты тут намечаешь большую ревизию теоретической работы?

Анисимов О. Да, хотелось бы. Я ещё в конце 60-х г. видел эту перспективу, но в иных терминах. Схемотехника – великое дело.

Петровский В. Но тебе не легко будет принудить всех рисовать онтологемы.хлопотно, тяжёлая и тонкая работа. Ты уже привык. Мы тебя уже немного понимаем. В ММК любят это. А везде это сложно воспринимается.

Анисимов О. Надо студентов учить. И преподавателей. Это же начало всей мыслительной культуры. Хотя уже Галилей на картинах сопоставлял устройство мира. Борьба в научной дискуссии нельзя без введения онтологических схем. Конечно, и операциональных, всяких схем, но начиная с онтологических. А методологи ещё призывают к кооперативно-деятельностным схемам.

Петровский В. Следовательно, спор ведётся между двумя версиями онтологических схем? Но должны быть условия сопоставимости!

Анисимов О. Да, *арбитр вводит охватывающую, взаимоприемлемую, сохраняющую особенности схем авторов в целостности.*

Аврамков Д. Кто учтёт больше, тот и победил!

Анисимов О. Арбитр и должен учитывать всё, иначе с ним не найдут общего языка. Но он это делает на более абстрактном уровне. Он ближе к *“миру категорий” по своей функции.*

Петровский В. А Гегель работал с одной схемой?

Анисимов О. Он работал *“с одной” схемой. Но она развёртывалась и всё время менялась на каждом цикле уточнения, хотя и оставалась как “та же”. В этом и проявлялся его метод.*

Аврамков Д. Следовательно, надо учить и этому разворачиванию. В учебных предметах так вести содержание. Что-то похожее у Давыдова. Там тебе бы поработать!

Анисимов О. Да, было бы интересно. Там любят Гегеля и его метод. Кстати, я реконструирую Гегеля только с применением схем. Готовил с ними реконструкцию “капитала” Маркса. Раскрывается. Щедровицкий Г.П. кое-что тоже использует в этой технике.

Аврамков Д. То есть, соотнесённое мышление, где схема онтологическая и текст увязаны друг с другом? Это тонкая работа. Надо этому учить.

Анисимов О. Конечно. В этом и пафос.

Петровский В. Может быть, неудача в попытке реконструкции движений Гегеля, так как его схема принципиально не может быть представлена как замкнутая. Ведь вся изюминка в том, что всю схему нужно видеть непрерывно, симультанно, как единственное. А в онтологической системе, схемы мы не можем выразить одновременности, а если и сможем, то надо дополнить представления о функции этих схем. Мы должны иметь в виду, что сама схема не самодостаточна, работает лишь в диалоге субъекта с этой схемой. Элемент несимультанности, процессуальности задачи в моей работе с этой схемой. Поэтому в принципе мы не можем выразить общение с этой схемой как симультанное.

Анисимов О. Ты зафиксировал назначение онтологических схем. В особой форме. Такие схемы – безусловно средства в решении мыслекоммуникативных задач. Это средство, как средство, по его категориальному содержанию, есть “неподвижное”, статическое. Содержание, миро-бытие – застывает в ней. Но это же средство. Оно не может быть самодостаточным – смотри схему “Акта деятельности”. Деятельность – самодостаточна. *Что-либо может стать средством не только от случая, морфологически, а от функции, если оно принимает признаки неподвижности, зафиксированности.* В языке это очевидно. Но и деятельность в кооперации, выступая в существенно-сервисной функции, тоже должна преодолеть ситуационную подвижность. Если же средство предназначено для чего-то, для иного, то оно должно зависеть от иного и потому быть подвижным. Подвижным, но вторично, неподвижным.

Это и означает способ использования средства, который *подвижен в статике (процессуальность по норме) и в динамике (учёт ситуации)*. Применяя онтологическую схему можно из неё извлекать фрагменты, необходимые для решения ситуационно значимой или типовой задачи. Это извлечение – вторичная подвижность при сохранении её “неподвижности”. Чтение схемы в ходе решения задач – вторичная подвижность. В ходе решения задач мы оживляем то, что уже есть в схеме. Тем самым, это память, воспоминание, акцентированное под задачу, но не “произвольно-свободное”. Сами же задачи помещены в деятельность и от неё зависят. Это динамика деятельности, статика которой предопределена нормой или, хотя бы, функцией в мире деятельности. Псевдогенетическая реконструкция, типа Гегелевской, это тоже – *динамика в статике. Логика Гегеля – это форма реконструкции.*

Петровский В. Ты хочешь сказать, что система Гегеля и ей подобные, производные от деятельности. Реконструируя схему (эту систему) мы по существу схватываем момент движения, внутреннюю динамику. Но, как мне кажется, мы принципиально в онтологической схеме не можем выразить деятельность как деятельность. Я до сих пор противопоставлял в деятельности два момента: деятельность как структура и как чистое движение, то есть как само-нетождественность. Я могу описать процесс своего функционирования в типологических характеристиках. Но это будет не движение. В деятельности, как и в моем движении, можно вытащить момент движения, динамику как таковую, активность, негативность. Она не отображается в этих схемах. Она воспроизводится тогда, когда мы работаем с ними, придаём им роль средств деятельности и деятельности в нас, в наших отношениях с ней.

Анисимов О. *Всякое выражение в языковых средствах суть сведения к статичному, анти-движению. Но при этом мы выражаем что-то, например, движение. Тут видно “противоречие”. Обычное в использовании средств языка...*

Петровский В. Всякое бытие определяет себя через небытие. Движение не может определять себя иначе, чем через иное. По своему процессу дефинирования мы не можем выразить иначе, как через застывание. Другое дело, что мы можем снять это застывшее.

Аврамков Д. Нужно различать *фиксирование и представление*. **Фиксирование** – некоторая форма определения через иное, фиксируется в ином. И движение фиксируется как застывшее. Фиксирование может быть и отсроченным. Фиксирование может выступать как форма представления, средство представления в момент оперирования с фиксированным. Именно в этом заключается, вероятно, функция онтологических схем, а также других схем изображения деятельности, движения. Схемы эти гносеологические используются в мыслительной деятельности для воспроизведения, представленных другой мыслительной деятельности. Они позволяют осуществить движение не в объектах я во внутреннем плане. Благодаря этому идёт мыслительное опосредствование деятельности с вещами. Так в технике движение по шаблону, выполняющее служебную функцию, обеспечивает выполнение основного движения (выточки ключа). Шаблон – средство, как и движение по нему. Это движение можно вынести во внутренний план, построив как бы онтологическую схему с принципами движения по шаблону. Тем самым, онтологические схемы как знаковые средства, фиксируют собственную деятельность в застывшем виде. Парадигматика, о которой ты говоришь, это шаблоны, конструктивно заданные, фиксированные, двигаясь по которым мы решаем задачи.

Анисимов О. Молодец, Дима. Схемы онтологические – это “шаблоны” для повторения тех движений, которые были сделаны в ходе порождения шаблонов. Я говорю не об изготовлении шаблонов как процессе, а о фиксированном движении, определённом шаблоном. А оно задаётся конструктивно. Эти *схемы онтологические* потому, что они суть *шаблоны “мира”, объектности*. Поэтому движение в этом мире – это движение мысли по шаблонам, воспринимаемое как движение самого мира. В этом и состоит тайна мышления, содержательно-онтологического. Важна не сама одна лишь схема, а наше мышление и его осознание. *Схема помогает нам, мысля, сознать не себя мыслителей, а “мир”*. Хотя без сознания себя сделать это неслучайно нельзя. Гегель про это и говорит, опираясь на Фихте, Канта и всех предшественников. Об этом говорит вся методология. Но *парадигма* – это “эталоны” *другого типа*. Они суть средства для создания онтологических

эталонов и шаблонов. Язык это ведь “техническое” устройство мысли. Так как задач много, а устройство – одно, оно и сделано таким, чтобы быть консервативным в парадигме, а каждый раз расконсервирующимся и ситуативно консервирующимся – в синтагматике. *Ставший язык*, как говорили Соссюр, Бодуэ де Куртене, Гумбольдт и др., *уже совместил парадигму и систематику, уже сделал устойчивой парадигму.* Я считаю, что мы находимся во времена складывания деятельностной парадигмы. Она у Щедровицкого Г.П. есть – смотри его “коричневый кирпич”. Но надо ещё проверить язык на надёжность парадигмы. Я считаю, что критерием является то, что связано с неслучайной формой синтагмирования. А это уже привлечение метода Гегеля. Онтология деятельности – это то, что реализует метод Гегеля при *исходных предикатах* теории деятельности и при наличии всех нужных *уточняющих предикатов.*

Аврамков Д. Ты уже проверил на соответствие методу Гегеля?
Анисимов О. Нет ещё. Я ещё “проникаю”. Всё ещё впереди. Тут вот что ещё важно. *Парадигма языка в науке – это система оснований. А без оснований в науке делать нечего.* Когда учёный создаёт теорию как неслучайную “запись” массы явлений, то он теорию и создаёт как синтагму и, следовательно, уже имея парадигму. *Теория*, как показала философия языка, *это высказывание в языке науки.* Владея парадигмой, мы владеем, потенциально, всем объёмом фиксированных явлений или вообще эмпирических фиксаций. Владеем в том смысле, что можем объяснить или свести к одному, непротиворечивому миру – онтологии. А он дан нам в языке в развёрнутом высказывании, построенном с помощью парадигмы. Мир в мышлении, конечно, а не в реальности. В ММК это называют действительностью мысли. Отдельные симптомы не дают мира в целом, поэтому они лишь частично онтологичны. Если это не понимать, то появляются иллюзии.

Аврамков Д. Отсюда идёт линия обоснования необходимости иметь мировоззрение как средства решения всех задач?

Анисимов О. Да. При изучении языков это как-то пробегается и не отрабатывается. Я в работе с текстами всё время основную часть усилий кладу на реконструкцию версий, критики и т.п. А у членов ММК часто не вижу тяги к мировоззрению, мировоз-

зрению в деятельностном подходе. Куски видны, а целого не имеют и не ищут.

Петровский В. Замечание Олега позволяет мне сказать, что в парадигме все элементы могут быть определены корректно, то есть в соответствии некоторым предметным содержаниям мира. Например, такие слова как “часть”, “целое”, “связи”, “принадлежит”. Существует соответствие между элементами парадигмы и предметностью мира. Но в парадигме есть один некорректный элемент – “движение”. Когда мы пытаемся его выразить, то мы неспособны это сделать. Дима различил фиксирование и представление. Это как бы даёт решение. Но и представление! В нём движение как таковое не дано. В интроспекции не схватывается движение. Субъект противопоставлен тому, что дано. Субъект не может увидеть себя по-иному, чем в “застылости”. Чтобы увидеть, нам нужно ввести категорию нерелефлексированного представления, т.е. непосредственного чувствования. Тогда движение мы имеем, схватываем. Нужно движение выразит через движение, а не иное. Выражение “застывшести” через движение даёт возможность понять это движение. То есть, можно говорить, что средства языковые, поскольку они выражаются в движении, деятельности субъекта, они выступают в качестве определяющего начала для самого понятия движения. Движение выступает как отрицание средства.

Анисимов О. Это сложная тема. Спасибо, Вадик. Я хотел бы подчеркнуть, что *сознавание* содержательного, объективного и “понимание” чего-либо, выраженного в языковых средствах, *возможно лишь за счёт “оживления” средств, превращение их в объекты.* Это превращение – субъективная способность. Гегель говорил о *полагающей основе духа.* Это полагание в сознании жизни объекта. Оно происходит либо непосредственно, до введения языковых средств, либо опосредованно, с рефлексией того, что человек делает. С самосознанием. Знаковые средства лишь организуют процесс оживления. А когда эта организация нами не рефлексивируется, в силу неналаженности языковой способности, то нам кажется, что мы и не организованы в оживлении.

Петровский В. Это касается всех содержаний, всех значений языка?

Анисимов О. Да. В том числе и значения “движения”. Ведь наша психика так устроена, что она порождает всё то, что надо для обеспечения поведения. Мысля, мы выделяем то, что нам нужно и порождаем миры вне прямого отнесения к реальности. В этом свобода мысли с помощью языка и воображения. Онтологические схемы – это, как Дима сказал, шаблоны, которые используются сознанием для живополагания, творения в рамках схем.

Петровский В. И всё же категория “движение” сюда вписывается?

Анисимов О. Да. Так есть в схеме стрелочки, линии как шаблоны. И они позволяют оживление сделать “стрелочным”, “линейным”. Дух, по Гегелю, готов “положить” всё, что угодно. В том числе самого себя как движение. Чистая движимость, видимо, схватывается не на уровне синтагматики, а парадигматики.

Петровский В. Поясни. Почему на уровне парадигматики?

Анисимов О. В синтагматическом плане соединяются разрозненные атрибуты объекта как целостности. *“Движение” – дифференциальная характеристика.* Чтобы её выделить из целостности объекта и его бытия нужна парадигматизация. Поэтому я вижу отличие *“движения чего-то”* и *“движения”*. В одном случае требуется *парадигма – система дифференциалов в языковом пространстве, а в другом – синтагма, как поле интегралов.* Другое дело как представить дифференциальное. У Гегеля метод предполагает движение от целостности к целостности, от интеграла к интегралу. Поэтому оно не носит формализма. Чтобы дать дифференциальный атрибут на уровне категорий нужно просто “разложить” целое. Ввести в нём фокус и на нём основать проекционный взгляд. Как в черчении. И тогда возникает возможность синтезировать “возврат” к целостности, но под задачу. Абсолютное число задач не является мировоззренческими, иначе они потребовали бы “полноты возврата” и показа всего, как это сделано у Гегеля. В ином виде все метафизики вводили целостности. А в “обычных” задачах возвращаются к “частичным” картинкам, нужным для ответа на вопрос и решение задачи. Так вот, движение даётся проекционно. А это уже приход к элементу парадигмы. Как и все категории. Вообще-то, Вадик, категория “движение”

ведёт нас к иным категориям, используемым для ответов на вопросы о причинах движения. Это основополагающие категории: “форма”, “организованность”, “становление организованности” или “отождествление” и “разотождествление”. Последнее и является причиной движения, вплоть до остановки движения как “отождествления” формы и морфологии. Но это уже к космологии ближе. Хотя и для понимания “потребности” это нужно осмыслить.

Петровский В. Вроде бы и ты говоришь похожее. Не моя ли нетождественность процесса самому себе составляет базу для движения? Это универсальное отрицание. Я просто говорю, что движение через неподвижный знак мы передать не можем. В этом мой вопрос. Есть ли парадигматика, которая может выразить чистое движение?

Анисимов О. Это вопрос к конструктору языка. Если он не справится, значит – плохо работает.

Петровский В. Понятно, что если онтологическая картина соответствует реальности, то это означает, что она позволяет решать конкретную задачу. Практика – критерий соответствия картин реальности. Но задача выражения чистого движения не решена. Картины ещё нет. Моя точка зрения – движение не может быть выражена на знаковом уровне. Структура – да, движение – нет.

Анисимов О. При конструировании объекта я пользуюсь стрелками и т.п. изобразительными элементами языка. Если я стрелку назвал движением, то это моё право. Главное при этом с её помощью объяснить то, что касается эмпирических фиксаций о движении. Стрелка – это статика. Но я же её “прочитываю”, оживляю с помощью своего сознания. И только тогда появляется движение в мысли и, кстати, в психофизиологическом механизме. Я сознанием своим живу в движении, хотя им и порожаю его. Могу я сказать, что передвигаюсь от одной точки к другой на стрелке?

Петровский В. Да, можешь. Но это не выражение движения, а выражение структуры стрелки и, может быть, самого движения. Структура движения – выражается в стрелке.

Анисимов О. Есть над чем подумать. Но основное, это работа сознания, психики, “духа” по Гегелю, души и т.п. Там создаётся состояние, позволяющее нам “видеть” движение. Вспомни

П.Я. Гальперина. Он сначала строит движение во внешнем плане и использует ориентиры, внешне заданные и представленные внутри. А затем перенос движения вовнутрь в поэтапной технологии. Умственный образ движения ведь приобретается в результате?!

Петровский В. Тут ещё надо додумать. Скажи, построен ли объект за счёт переноса элемента из парадигмы в синтагматику?

Анисимов О. Любая синтагма, если она не формуется как процесс решения задачи, вводит “объектное”, что-то из картины мира. Поэтому предикат из парадигмы меняет функцию, входя в синтагматическое поле.

Петровский В. Не теряется ли содержание при переходе?

Анисимов О. Если мы переходим в синтагматический план, то проекционность категории должна преодолеваться. Но для этого уже потребуются иные категории, иные проекции для воссоздания целого, объекта, мира.

Аврамков Д. Но как тогда мы решаем задачи? Там же и вопросы задаются, соотносятся субъекты и предикаты?

Анисимов О. Пока я выделил функцию использования языка для построения знания, а не для использования знания в решении задач. Простой перенос категории перестает быть простым, становится сложным. Но это уже разговор о другом – о формах мышления.

Вербицкий А. Иначе говоря, ты введёшь элемент парадигмы и заставишь читателя объектно интерпретировать?

Анисимов О. Для мыслекоммуникации в позиции понимающего это так.

Вербицкий А. То есть ты не можешь забыть о всей предыстории, переводя элемент в синтагматику?

Анисимов О. Да. Это же структура языка. Там все друг с другом “сообщается” или, как говорит часто Лефевр, всё рефлексивно друг на друге отображается.

Анисимов О. Подведём итоги. *Онтологические схемы строятся для фиксации воззрений на мир в целом и поэтому они обладают признаком универсумальности. Эти схемы строятся в теоретическом звене, которое в полном виде мы находим у философов (метафизиков), но, подобным образом, и у*

любых теоретиков, неограниченных рамками конкретной решаемой задачи. Эти схемы строятся в механизме языка и потому подчиняются его требованиям (парадигма – синтогматика). При понимании текстов что-либо понять нельзя, не строя миров и не извлекая из них того, что нужно. Но эффект наличия миров в мысли невозможен без сознания, без его оживляющего полагающего проявления. Схемы лишь организаторы этих оживлений. Парадигма строится за счёт дифференциации и унификации единиц (дифференциалов) или проекций онтологии. Всё то же и в деятельностных онтологических схемах.

2.11. ЯСИ КАК СРЕДСТВА МЫШЛЕНИЯ

(версия 1977г. и 1980г.)

Анализ языковых средств, языка в целом, осуществляемый в контексте не только сложившегося стереотипа модельного оперирования текстами в процессе понимания и критики воззрений, но и нарастающего опыта изучения мышления и роста мыслительных способностей у тех, кто соглашался овладеть МРТ, постепенно привел к необходимости не менее подробно разобраться с особенностями символических средств, схематических изображений. Позднее, в начале 80-х г., мы накопили множество прямых и косвенных характеристик сущности и особенностей оперирования схематическими изображениями (СИ). В середине 70-х г. нам важна была первичная ориентировка в сущности и возможностях, таящихся в СИ. Тем более, что уже при рассмотрении «генезиса знака» (1974 г.) стало ясно, насколько важна та сторона знака, которая называлась «означаемым» и как трудно практически и организовано влиять на формообразовательный процесс в «сознании». В то же время без ясных перспектив этого влияния нельзя было планировать достижение важнейшей цели – приход к универсалиям семантического типа, к значениям, понятиям и категориям. Тем более, если мы устремлялись формировать системы понятий, категорий и всю основу мыслительной культуры. Чтобы разобраться с языковым структурированием в субъективности, в семантическом слое языковой способности, чтобы формировать или организовывать приход к семантической парадигме, мы должны были осмыслить возможности СИ, так как практика схематизации уже показала неограниченные перспективы в этом направлении. Мы приводим текст, показывающий наше понимание свойств СИ в тот период (1977 г.)

Термины «схематическое изображение», «изобразительная схема», «схематизированное изображение» все чаще

встречаются в педагогической, психологической, логической, философской и т.п. литературе. Однако сущностных характеристик этих «явлений», соответствующих значений этих терминов до сих пор нет и множество характеристик рассыпано в различных рассуждениях. Это касается и методологических рефлексий практики применения схематических изображений. Мы остановимся на сущности именно схематических изображений, не обсуждая пока близкие термины и их значения.

«Схематическое изображение» имеет две знаковые единицы – «изображение» и «схема». Базовый термин здесь – «изображение», а надстроечный термин «схема», введенный в отношении с базовым и становящимся «схематическим». Что такое «изображение»? Это процесс оставления следов на «твердой» площади, плоском жестком материале и, следовательно, размещение на нем «жидкого», «затвердевающего», «рассыпающегося» и т.п. материала, могущего после наложения фиксировать свое бытие и создавать контраст с базовым материалом. Этот контраст предназначен для создания эффекта восприятия, состоящего в том, что «базовая» составляющая остается неразличимой, а надстроечная, следовая непосредственно воспринимается объектным образом. Точнее. Восприятие следов создает субъективный перенос от следов к тому объекту, свойства которого имитировались в следообразовательном процессе. Поэтому прямым содержанием, имитируемым в следообразовании, выступают формы объекта, соотношения света и тени. Эти объединенные возможности должны быть достаточными, чтобы воспринимающий следы, их организованность мог перенести образ следов к образу объекта, а затем сам образ следов берет на себя функцию объектного образа. Иначе говоря, следовый образ субъективно превращается в образ объекта, создавая пропорцию между сохраняемым следовым образным содержанием и незамечаемым привлечением образного содержания от объектного образа.

Следует сказать, что любой знак предполагает его восприятие как «объекта», а лишь затем устанавливается заместительное отношение к «реальному» объекту и его образу. Но в случае с обычным знаком языка, средство легко опознаваема в замещении и потому разделяет содержательность и средство (формность) в едином комплексе. Уникаль-

ность изображения состоит в том, что структура следа, его формные характеристики имитируют, уподобляются форме объекта, это и облегчает субъективное восприятие изображения как объекта. Объективное нетождество форм следа и объекта субъективно вытесняется в зрительной иллюзии. В этом основание тех характеристик символов, в отличие от знаков, которые подчеркивали Кондильяк, Лейбниц, Соссюр, Гегель и др.

Так же как знак проходит путь от обычного посредника и его образа до подчиненного требованиям коммуникации специально структурированного, вплоть до парадигматико-синтагматического комплекса, посредника и его образа, так и символ проходит путь от первичного "опознавания" следового комплекса как объекта до его структурной организованности, обладающей парадигматико-синтагматическими свойствами. Однако, если знак и натурально, и зрительно-образно разделяется с замещаемым им объектом и его образом, то это разделение в символе (СИ) преодолевается в достаточной мере, чтобы оперировать образом символа как образом объекта и символом как объектом. Символ воплощает в себе и собою функцию замещения, ее «искусственное» начало (см. сх. 1).

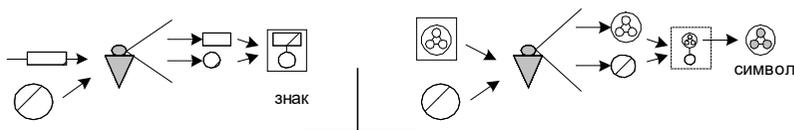

Схема 1

Иначе говоря, схематизация изображения или подчинение изображения требованиям коммуникации (различимость, организация пошагового восприятия и т.п.) ведет к трансформации изображения, но с сохранением базовых свойств – субъективного восприятия схематического следового комплекса как объекта. Участвуя в коммуникации и осознавая средственный характер схематического изображения человек, использует выгоды от легкости перехода от средственного восприятия символа к объектному восприятию. При этом средственность символа касается не перехода от восприятия посредника к

восприятию объекта, а перехода от «объекта» к следствиям его воздействия на поведение воспринимающего.

Схематическое изображение – это результат схематизации изображения, в которой выделяются операции членения изображения, отбора наиболее значимых частей, оформления (подведения «под формы») частей, синтезирования значимых частей и отождествления конструкции с изображением (и с объектом). Эти операции имеют свои прототипы в процессуальной целостности перехода от ощущения к восприятию, а само схематическое изображение «похоже» на образ восприятия, обладающего известными свойствами – структурностью, константностью и предметностью (см. сх. 2).

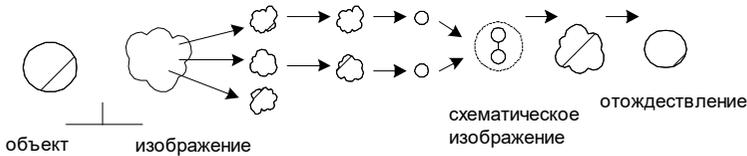

Схема 2

В схематизации этого типа представлены все типовые процессы интеллектуального характера, которые еще дополняются «абстрагированием» (обобщением – заменой множества аналогов одним, сохраняющим основные «свойства»). В зависимости от того, как протекает этот процессуальный цикл, складывается динамика интеллектуальных процессов в целом и интеллектуальных механизмов, включая изменения механизмов интеллекта. Поскольку оперирование схемами, изображениями выступает как экстерииоризированный аналог интеллекта, его работы, то организация построения и перестроения схематических изображений может вести к соответствующей организации внутрисубъективных процессов и механизмов. Причем, эти символические средства позволяют влиять на слой означаемого непосредственно. Сторона означаемого становится не только рядоположенной, но и ведущей в функционировании и развитии интеллектуальных механизмов (восприятия, внимания, воображения и др.).

В случае оперирования схематическими изображениями становится очевидным понимание замещающего характера бытия того, что называют «знанием». СИ – символическая основа знания, акцентирующая внимание и на означающем (средственность), и на означаемом (изобразительность). Но идентификация схемы с объектом, ведущая к знанию, является результатом субъективных усилий, проявлением способности к отождествлению. В этом случае (СИ) способность заметна непосредственно, так как она процессуально организуема и осуществляется (см. сх. 3).

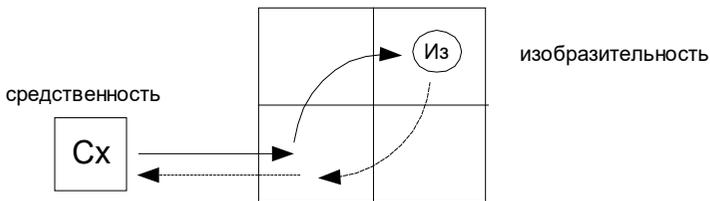

Схема 3

Неформальность изобразительности заключена в отнесении СИ, как изображения или как несущего объектную содержательность, к объекту. Но в этом и состоит семиотическая основа бытия единицы языка, языкового высказывания в функции предиката. СИ меняет свой функциональный статус не только семиотически (средство→изображение), но и логически (средство→субъективированный предикат).

Цикл субъективации предиката (отождествления с субъектом мысли) и возврата в десубъективированное положение (разотождествление) является единицей языкового мышления – суждением. Гегель называл ее «абстрактной характеристикой мышления», так как предикат строится именно в ходе схематизации первичного материала («субъекта мысли»). Не овладевая способностью к схематизации, нельзя выйти на задачи построения организованных представлений, особенно «теоретических», понятийных, категориальных. Специфика этих процедур состоит как раз в более объемном процессе обобщения (абстрагирования). Но вместе с тем, введение абстракций стимулирует возникновение проблем соотношения предиката и

субъекта мысли. Чтобы разрешить эту проблему требуется обратный процесс – конкретизации абстракции, наиболее тщательно описанный Гегелем (см. сх. 4).

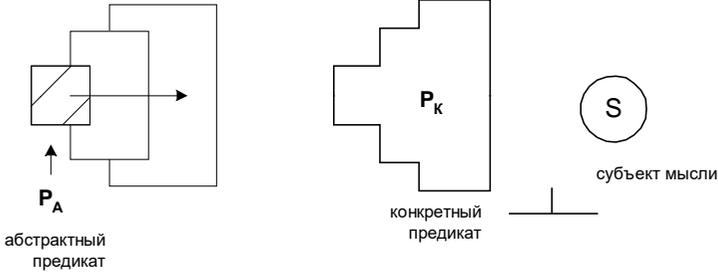

Схема 4

СИ имеют своим прототипом схематизированные рисунки на камнях, вещах обихода и т.п. Если СИ носит характер «единичного» изображения, то оно относимо к конкретной единичной вещи. Характеризуя начало языкового бытия, Диодор говорил, что люди жили неустроенной жизнью, голос был бессмысленным и нечленораздельным. Постепенно стали переходить к членораздельным словам, установили слова для каждой вещи. Но этот тип семиотического отношения неудобен, так как требуется столько слов, сколько вещей. Поэтому даже СИ в начальный период, как и слова, имели тенденцию к абстрагированию. И само структурное замещение, подбор и структурирование частей изображения обращались не к единичной вещи, а к их набору, многообразию похожего. Трансформация субъективных механизмов в ходе схематизации и оперирования со схемами, ограниченность возможностей буквального имитирования формы объекта и т.п. создавали общую базу для внесения абстрактности в процесс замещения, в процесс конструирования схем, а затем и в процесс абстрагирования содержаний «сознания» (см. работу «Генезис знака»).

Чем более абстрактными или несущими черты конструкта (не изображении) становились СИ, тем больше возникала потребность к «согласованию» закрепляемого за СИ содержания. Это согласование выступает ведущим условием трансформации субъективных содержаний и использования СИ для струк-

турного оформления всех процессов, участвующих в коммуникации (производства звука, восприятие звука и изображения, построения изображения и т.п.). Вместе с этим растет объем значимости инструментального субъективного посредника (артикуляция и т.п.) и его влияния на все остальные психофизические механизмы.

Иначе говоря, письмо выступало следствием совмещения звуковой и графической инструментализации в качестве основной базы коммуникации. И это опосредствовалось изобразительной схематизацией. Только в одних цивилизациях системообразующим выступал блок артикулирования и использования воздушного посредника, а в других системообразующим являлся блок построения изобразительных схем. И там, и тут приходили к двум членениям языка – синтагматическому и парадигматическому. Сам коммуникативный процесс все более далеко отходил от использования только первоначальных чувственных образов обычных и инструментальных объектов, включая все новые и новые вспомогательные средства для совершенствования коммуникации. В науке представлено максимальное количество посредствующих звеньев, так как уровень требований к однозначности, определенности, сущности и т.п., а также к транслируемости – максимальный. В определенной мере такая же ситуация в методологии.

СИ не являются «обычным» средством коммуникации» и используются в случае необходимости преодоления особенно сложных затруднений в мыслительной деятельности (см. сх.5.).

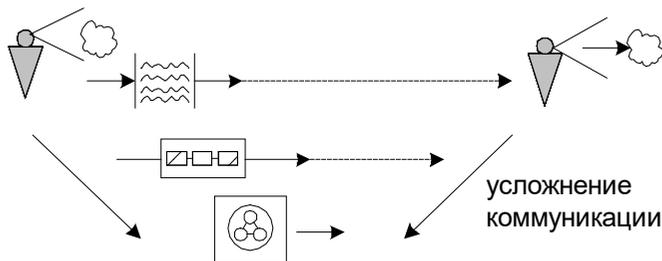

Схема 5

Следовательно, СИ выступают не только «еще одними» средствами организации порождения смыслов у воспринимающего, но и дополнительными средствами, предназначенными для решения тех проблем, которые не решаются иными, более обычными средствами. Дополнительные преимущества связаны именно со спецификой СИ. Поэтому они применяются для организации воздействия на слой означаемого, для преодоления «случайности» и стихийности порождения образа объекта «непосредственно», вытесняя на периферию значимостей акцентировку на слой означающего. В наибольшей степени такая необходимость появляется при сообщении абстрактных содержаний, при оперировании абстракциями (пример, в теоретическом мышлении, в решении задач и т.п.). СИ позволяет обращаться к объектному сознанию. В свое время Аристотель отмечал, что у природы нет имен и они создаются искусственно. В случае СИ искусственность как бы вытесняется при сохранении контекста языкового взаимодействия. Сохраняется потребность в согласовании того, как устроено СИ и им выражаемый объект. В связи с этим вся надстройка механизма конструирования СИ, нормирования этого процесса и иных процессов, обеспечения трансляции способностей к оперированию и порождению СИ – вся надстройка сохраняет свою значимость и она обеспечивает эффективность применения СИ. Но она должна выходить за пределы внимания, быть в «тени» интеллектуального процесса.

Обращение внимания на слой означающего, на конструктивность СИ носит «вынужденный» характер, по мере необходимости рефлексии применения СИ, в рамках возникших затруднений. В СИ опознается искусственная, средственная составляющая для коррекции объектного чтения СИ, объектной организации восприятия. Но ведущим процессом остается создание иллюзии неразличимости СИ и объекта, и сближения воздействия СИ и объекта на воспринимающего в коммуникации. Об этом сходстве воздействия говорил Августин. Именно отход от изображений и увеличение роли звучания, порождения звуков вело к выделению артикуляции в искусственную систему средств объекта для воздействия на посредник и через него – на коммуниканта.

Кроме того, чем более обобщенными становятся СИ, тем качественнее становятся изменения в реализации изобразительной функции. Как и в истории "обычного" языка, в которой тексты сначала относятся к целостности объекта, конкретного объекта, а затем, через посредство членения текста, выделения парадигматических единиц осуществляется отнесение к многообразию объектов, так и СИ, в ходе их помещения в парадигматический слой бытия, становятся выражающими обобщенное, абстрактное содержание. Более того, СИ гораздо в большей степени сохраняют и усиливают эффект реализации функции выражения абстрактных содержаний, чем обычный язык. Но такая возможность актуализируется лишь при осознанной организации коммуникации, особенно в позиции арбитра, а не критика. Единицы СИ и СИ в целом как бы устремлены к высшим абстракциям. Неслучайны взлеты мысли геометрически ориентированных мыслителей, а также использовавших идею чисел – Пифагор и др. Огромное число категориальных различий Прокла и Плотина моделируется на базе объектной интерпретации простых изобразительных структур. Эти структуры удобны для осознания принципа усложнения, конкретизации содержания мысли (см. сх. 6).

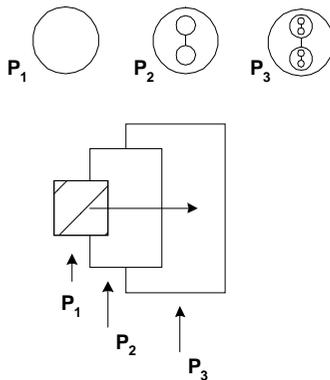

Схема 6

Однако для содержательного уточнения требуется введение объектных интерпретаций и их удерживания на всех ста-

дях перехода, уточнения. И тогда возникает необходимость слежения за объектными трансформациями, тщательно показанными Гегелем по принципу «имманентных» переходов в развитии, в ходе разотождествлений и вторичных отождествлений разотождествленного с удержанием разотождественности.

Иначе говоря, СИ помогают проходить путь «вместе» с объектом. Еще Платон говорил, что слова суть орудия поучения друг друга относительно вещей. Это уже не регистрации, а «поучения», прохождение пути к глубокому, скрытому от наблюдения. И СИ не только выступают «трамплином» для прихода к сущности, о чем говорил Кондильяк, но и берут на себя выражение сущности. Для этого СИ должно лишиться «изображения» как первичного материала и перейти к таким схемным структурам, которые строятся не по чувственно-имитационному принципу, а рационально-конструктивному, насыщенному «априорностью» в большей степени, о чем и говорил Кант. Однако конструирование должно быть объектно - мыслительно организованным, а не в рамках интуиции Шиллинга. На этом пути рассудочное возвышается до разумного. Гегель вводил специальные основания для преодоления формализма, основанные на учете природы духа.

СИ играют особую роль в «расслоении» чувственных образов, в выявлении в них «абстрактного слоя» по аналогии структурно-организованной изобразительной схеме. СИ выступает как ориентир и опора для трансформаций чувственных образов, которые акцентируют внимание на объектность. Этим и преодолевается формализм влияния СИ при сохранности их как средств ухода от принципа изобразительной имитационности. Совмещенный эффект и есть следствие согласованного действия этих начал. Но этот же процесс, как бы указывал Кант, нужно оценивать не только по результату, по готовому образу, но и по соответствующему вовлечению и трансформации «способностей», интеллектуальных механизмов. Тем более, как утверждал Фихте, в действии способности и актуализируются, и трансформируются. Именно этим и объясняется та качественная изменяемость внутреннего мира при использовании языка, но особенно заметным образом и в семантическом слое при использовании СИ. Особенность преобразовательного

го эффекта знаковых и символических средств, их использования основывается на двойственности этих средств – морфологичности и ее инструментальности, с одной стороны, и функциональности, с другой стороны. При использовании семиотических «объектов» адаптация идет не только к морфологичности (означающее), но и к функциональности (означаемое). Если первое опирается на логику объектности, непосредственности этих средств, то второе опирается на логику интенциональности (Фома Аквинский), искусственности относимости и выражаемости. Эта двойственность и выражена в двойственности единицы «бытия» семиотических единиц и единиц мышления (см. сх. 7).

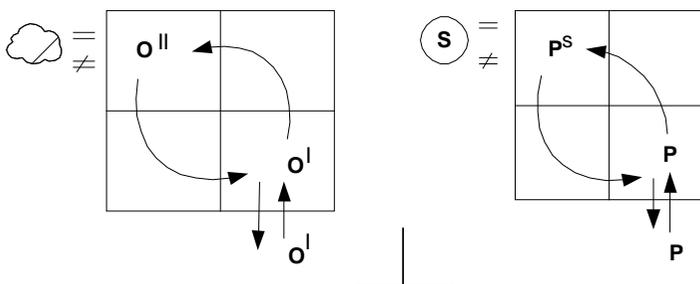

Схема 7

В обоих случаях имеет место придание морфологии (знака, предиката) функционального статуса (означаемого, субъекта мысли). Для осознанного использования знаково-символических средств требуется морфолого-функциональное членение в самом «сознании». Преодоление морфологического (чувственного) восприятия и является основой появления сознания и функционализированного восприятия морфологии. Гегель и говорил о том, что в подобном саморазотождествлении и уходе от морфологичности состоит само бытие духа, его прогресс. В самоотказе от произвола морфологичности бытия появляется способность к познанию не «практическому», ограниченному временной необходимостью, а к «теоретическому», сущностному. Опираясь СИ, человек быстрее осознает все эти переходы, опознает искусственное как дви-

жущее вперед, к сущности. В этом и загадка СИ, которые в своей сконструированной морфологии закладывают опору «приподнятия» субъективности над собой, так как суть их, да и знака, состоит не в морфологии, а в функциональности. Подобное осознавалось Фихте, Гегелем и др., но затем и психологией начала и середины века, в том числе Э. Майсеном, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и др.

СИ является структурой, в которой функционально содержательно каждая часть связана со всеми остальными. Это отражается и на инструментальной зависимости частей. Как говорил Гумбольдт, язык в целом состоит из элементов, связанных в той или иной степени друг с другом. Привлекая элементы парадигмы, человек явно и потенциально вводит в синтагматическом плане все элементы в отношения друг с другом. Натуральное восприятие не замечает вовлеченности всего языка, так как для достижения «видения» требуется вхождение в позицию конструктора языка. Применение СИ характерно тем, что парадигматика представлена в «скрытом» виде и весь состав дан как бы налицо. Он уже соотнесен с объектом и в СИ мы сознаем прежде всего означаемое. В отличие от обычного языка, язык СИ (ЯСИ) развит, как механизм, в меньшей степени. И только там, где без создания СИ нельзя обойтись (теоретическое мышление, проектно-конструкторская деятельность и т.п.), там явно возникают парадигмы ЯСИ. Мы идем именно по этому пути в практике организации и развития мышления во всех его приложениях.

Следует подчеркнуть, что членение и структурность языка обеспечивают потребности коммуникации и вызваны соответствующими затруднениями (Г.П. Щедровицкий). Но порядок, последовательность усложнения воссоздать сложно, если пользоваться не псевдогенетическим, а историческим подходом, хотя попытки исторического анализа были всегда (Пауль и др.). Одни затруднения снимались усовершенствованием синтагматики, а другие совершенствованием парадигматики, синтаксиса, грамматики, с переходом в синтагматические реализации. Поэтому процессуальный анализ должен быть также размещенным в пространстве и парадигматики, и в пространстве синтагматики.

удобно для адекватного выражения содержания, для поиска возможной критики и выработки арбитражного отношения к многообразию сталкивающихся версий. Именно это характерно для методологических дискуссий, если иметь их осознанный и развитый варианты. Эти удобства касаются как выражаемости содержания, так и процесса выражения, реагирования на сложности понимания и критики. СИ, в силу их «содержательной» функциональности (предъявленности означаемого), должны быть «очевидно» значимыми, самодоказывающимися, а если они втягиваются во взаимодействие коммуникантов, разно-понимание и т.п., то должны быть удобными для быстрого возврата из их формной стороны в содержательную.

Вторично, когда акцент оперирования СИ-ми ставится на процессе оперирования, на способностях к ним, на совершенствовании интеллектуальных механизмов, тогда содержание «удобства» переходит в «техническую» (формно-средственно-динамическую) плоскость. И в этом СИ обладают особыми преимуществами. Они обладают той неподвижностью следов и конструктивной их изменяемостью, организованностью в «прочтении» и т.п., которая выделяет регулируемый процесс, легко «принимает» все остановки и перестановки, членения процессов и их вторичные соединения операций.

Если, как говорил Гумбольдт, слово (знак как означающее и означаемое) предполагает прикрепление означаемого к иному означающему, делает подвижным, временным скрепление двух сторон знака, то СИ такое соединение делает принципиально консервативным. СИ выступает как универсальная форма языка, не зависящая от звуковых модификаций («эсперанто»). Важно это использовать тогда, когда критерий истины, отражения является ведущим, в отличие от «житейской» коммуникации.

Эти свойства СИ важны еще с той точки зрения, что эффект консервативности, сохранности означающего и означаемого в СИ, зависит от соотношенности, взаимо-учитываемости. Если "означаемое" неточно выражаемо в СИ, степень консервативности уменьшается, СИ быстро заменяется другим. Если же точность выражения повышается, то степень консервативности тоже повышается. При фиксированном СИ должно изменяться содержание сознания, а при фиксированном содер-

жании сознания изменяется само СИ. Чем продуманнее путь создания СИ и в целом ЯСИ, чем точнее реализуются общесемиотические принципы и «закономерности», тем быстрее возникает корректирующее и развивающее воздействие СИ, так как подстройка содержания и даже механизма сознания, языкового мышления и т.п. опираются на неслучайность, сущностное в ЯСИ, в СИ.

Поэтому применение СИ в учебно-развивающем процессе обладает огромным потенциалом управления ходом трансформации и развития интеллектуальных механизмов, особенно если педагог уделяет внимание сочетанию действия и рефлексии в этих процедурах. Этим были характерны серии опытов формирования мыслительной и семиотической культуры в 1973 – 1976 гг.

СИ обладает еще одним языковым свойством, выгодно отличающим его от обычных знаков. Как и любое средство знак должен быть устойчиво неизменяемым. Уровень сохраняемости обычного языка обеспечивается, прежде всего, социокультурной средой, поддерживающей требования к порождению высказываний и процессам понимания, а также за счет самого предваряющего процесса обучения. Графическая основа СИ, его самосохраняемость, «переносимость» без изменений в любом объеме пространства и времени позволяет снять проблему иных, «живых» форм сохранения. СИ становится надситуативным средством, не требующим специальных усилий в преодолении ситуативности. Но это касается лишь морфологии «изображения», самого фиксированного структурированного следа. Сторона означаемого в структуре символа, СИ предполагает усилия по соответствующему чтению и пониманию объектного содержания, скрепляемого с СИ. После соотнесения и приведения в должное соответствие устройства означаемого и фиксируемого в субъективной плоскости, плоскости сознания того, что превращается в означаемое для СИ, можно вновь замечать преимущества СИ в инструментальной открепленности означаемого СИ от динамики субъективной жизни пользователя. Благодаря такой возможности и возможно сопоставление результатов понимания одного и того же СИ у различных субъектов, поиск путей одинакового понимания, поскольку само СИ выступает в качестве арбитраж-

ной инстанции в установлении правильности и одинаковости пониманий.

Первичная индивидуализация в понимании одного и того же СИ преодолевается не только за счет внешней корректирующей активности носителя эталонного понимания, но и за счет той «помощи», которую оказывает само СИ, обладая вышеуказанными свойствами. Чем более абстрактно СИ, тем легче его использовать в этой арбитражной функции. Те графические единицы, которые остаются в абстрактном СИ, в наибольшей степени выражают абстрактные содержания, а оперирование ими легче всего воспроизводит чистоту семантического эффекта в абстрактном мышлении, в «чистом мышлении». Существенно облегчается рефлексивное слежение не только за ходом роста содержаний в прочтении СИ, слежение за всеми качественными изменениями в направлениях движения содержания, но и слежение за выявлением предельных, универсальных дифференцировок. Это крайне необходимо при введении требований логики ВАК, в теоретическом мышлении, в проблематизации и т.п.

Примечание. Все эти размышления явились особой рефлексией практики конспектирования, применения СИ в понимании текстов и т.п. С другой стороны, они предопределялись результатами массивного конспектирования и осмысливания литературы по теории языка, коммуникации и т.п. Некоторые положения были подтверждены в ходе обучения МРТ и соответствующим интеллектуальным технологиям, эталонным операциям в течение 70-х – 80-х гг. Однако более глубокие и системные формы проверки и дополнительного выявления подобных качеств мы стали иметь при переходе к использованию игромодельных форм работы с погружающимися в мыслительную культуру. Это особенно очевидно стало осознаваться после 1988 г., когда мы стали практиковать 3-х недельные циклы («модули») по одной из ключевых проблем. Первое прямое мероприятие в данном направлении было проведение первого из 5-модульного цикла модуля по теме «Схемотехнические основания культуры мышления» в 1990 г. Это образовательно-исследовательская единица была повторена в

1993 г. в цикле 7-модульного марафона. Были многие модули, где схемотехника выступала как выделенная тематика части целостной структуры. В конце 90-х г. в ряде «сибирских» модулей (в г. Омске, г. Новокузнецке), мы использовали схемотехнику для формирования именно базовых абстракций (см. также: «Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники», м., 1998 г.)

Безусловно, что степень точности, правильности, организованности в прочтении СИ зависит от этапа развития субъективного мира носителя языка. Если носитель языка прошел путь от абсолютного преодоления смыслов к заменному представительству значений, то тогда появляется ситуация, описанная Гумбольдтом, предполагающая лишь прикреплению слов к готовым «понятиям», обладающим высокой степенью ясности. И только сформированность таких «понятий» (значений) приводит к понимаемости одного и того же высказывания у многих субъектов. Слова, как говорил тот же Гумбольдт, вызывают одни и те же представления. Тем самым, еще до использования СИ создаются общезыковые условия для реализации потенциала СИ как облегчающих одинаковое понимание средств коммуникации. В наибольшей степени подобное реализуется при использовании парадигматически значимых СИ. Именно при переходе к усвоению парадигм предельно значимым становится преодоление многозначности понимания СИ. Если значимость и возможность преодоления многозначности присвоения парадигмы ЯСИ, очевидна, то они не менее очевидны и в синтезировании схем, в сингагматике. Нейтрализация многозначности связывается Гумбольдтом с общечеловеческим в природе каждого человека, придающим ему известную направленность в деятельности.

СИ выступает как провоцирующее к обнаружению и рождению на индивидуального в человеке в его интеллектуальной сфере, а также как помогающее ускоренно осознавать этот сущностный пласт содержательности. С другой стороны, человек находится в естественном и «искусственном», социокультурном мирах. Поэтому он не только использует язык в соответствии с требованиями языка, но и вносит деформации, изменения в планах и означающего, и означаемого. Гумбольдт говорил о творении языка и отдельными людьми, и народами.

Постепенное изменение значений отслеживал Пауль и др. При этом изменения возникают, прежде всего, в синтагматике и доходят до парадигматики лишь в рамках усилий «конструкторов» языка, его интегральных выразителей. Само преобразование, реорганизация языка в целом, как говорил Гумбольдт, должна происходить по законам существования языка, а не под влиянием вне языковых сред. Но для реализации такой перспективы в осознанной форме требуется языковая рефлексия, учитывающая контекст не только внутреннего развития языка, но и социокультурной динамики, особенно ее деятельностной составляющей (Г.П. Щедровицкий). Само использование СИ в языковой и социотехнической рефлексии позволяет резко изменить способ работы языкового реформатора и придать ходу развития языка повышенную определенность, осознанность, целенаправленность. В этом плане уникален опыт языковой рефлексии, накопленный в работе ММК. Сочетание случайных отхождений от языковых норм, неслучайной направленности на нарушение норм за счет активного вовлечения ситуационных факторов и устремленности к проблематизации, с одной стороны, с разносторонней, объемной, многофокусной рефлексией, с применением ряда средств организации рефлексии, с другой стороны и при соответствующей культуре дискутирования, при использовании СИ как средств решения коммуникативных задач – все это необыкновенно ускоряет естественный процесс совершенствования языка. В данном случае (ММК) – это касается языка теории деятельности.

Для того, чтобы участвовать в совершенствовании языка и учитывать его специфические интегральные свойства, необходимо выявлять сущность языка. Она лежит, как говорил Соссюр, в форме, а не субстанции. Язык имеет нормативную основу. Субстанция (звук, графика и т.п.) является лишь обслуживающей стороной. Возникая в стихии речи, как отмечает Соссюр, язык выделяется в произвольной активности, но явившись и оформляясь нормативно, подчиняет затем свободу и активность носителей языка. Форма языка, как натурализованного комплекса средств коммуникации, носит структурный характер, требующая соотносительности всего – внутри парадигмы и в синтагматике. А соотносительность невозможна вне

составного характера всех единиц, позволяющих входить в структурные отношения. Применение СИ позволяет ускорить рефлексию природы языка и его функцию в коммуникативном процессе».

Данный текст не был предназначен для реконструкции теоретических взглядов предшественников о природе языка или систематического изложения наших взглядов в этом направлении. Это был один из характерных текстов, в которых мы осмысливаем для себя семиотические особенности изображений и их роль в процессе мыслительного развития. Так как рефлексия практики использования СИ в методологической работе была очень актуальна и о необходимости рефлексии много раз высказывался Г.П. Щедровицкий, мы приведем еще наш доклад на ММК по теме «Изобразительные средства в коллективной мыследеятельности». Он был сделан 15 октября 1980 г., после игры (ОДИ) в Новоуткинске, в которой мы принимали участие в качестве игротехника. В это время все еще только искали способ бытия в ОДИ, способ применения ЯТД в живом модельном взаимодействии с участием и методологов, и не методологов. В этих условиях крайне усложнялась проблема понимаемости в мыслекоммуникации. Она касалась отношений в парах «методолог – неметодолог» и «методолог – методолог», так как рефлексия игропроцесса заставляла методологов не только организованно сражаться, но и организацию связывать с идеей «командности» и «машинности» в мыследеятельности, что могло реализовываться лишь через преодоление эгоцентризма и помещаемости всех в единое пространство деятельности. Опора на СИ выступала как одно из решающих условий придания мыследействиям коллективного и «машинного» характера, достижения понимаемости и организованности в проблематизации.

Анисимов О. Цель доклада состоит в том, чтобы наметить несколько основных функций схематизации в коллективной мыследеятельности. В качестве материала я использую игру в Новоуткинске (игра – 3) и опыт обучения методологическому мышлению, проводимому мною 2 года. Оргпроект игры уже был обсужден. Я буду касаться процессов схемати-

зации, которые имели место там. А пока введу оргсхему обучающего семинара.

Она проста. Одну роль играет ученик, выполняющий задачу обучаемого. Другая роль – учителя, организующего учебную деятельность. Кроме того, было место для других участников семинара, вовлекаемых в позицию ученика, а также место для организатора семинара. Ученик решал учебные задачи, а другие заимствовали роли, понимая происходящее. Они должны были перейти от понимания к решению задачи, затем – к организации решения задачи и, наконец, к организации коллективной мыследеятельности.

В качестве задачи выступало понимание предложенных научных или методологических текстов. При этом следовало не только понять, но и выразить понятое в схематическом изображении. Перейти из плана осознаваемого понимания в план мышления, введения действительности мысли. Я всем предлагал метод работы с текстом (МРТ), в котором все типовые шаги были учтены. Вторая часть задачи состояла в восстановлении деятельности и мышления, в которых мог появиться этот текст. Видимо, тут надо касаться пересечения мышления, деятельности и мыследеятельности. Через решение второй части задачи нужно продемонстрировать образ работы, опираясь на результат внешне выраженного понимания. Если необходимо, то могли привлекаться на эту же роль несколько обучаемых. Появлялась бы научная коммуникация.

Щедровицкий Г.П. Не знаю как другие, а я уже запутался в обилии текстов, которые должны быть поняты и полагаются.

Анисимов О. Поясню. Пусть обучаемый имеет текст, который он понимает. На табло сознания что-то возникает. И ему нужно строить замещающий вариант по результатам понимания, замещающий текст. Но он при этом должен понять и использовать понимание не только текста, но и ситуации порождения текста. Ситуация входит в табло сознания.

Щедровицкий Г.П. Давайте рассмотрим на простеньком примере. На дереве сидит пшичка, потом прилетело еще пять и стало одиннадцать. Что будет у Вас на табло сознания? Поставьте себя на место ученика. Если Вы хотите, чтобы у ученика на табло сознания появилось представление о моей мыс-

деятельности, которую я произвел, когда создал текст. Как это делают Ваши ученики?

Анисимов О. Я намечу решение задачи. Вы ввели текст. Описали, что такое пшечки.

Щедровицкий Г.П. Я ничего не описывал. Я сказал, что на дереве сидели...

Анисимов О. Вот этот текст есть исходный материал для решения задачи на понимание. Текст что-то выражает. Я ввожу онтологическое отношение к тексту.

Щедровицкий Г.П. Это мне понятно, что надо представить этих пшечек. Вы не знаете сколько их. Можем ввести условно кубики. Если что – поправить. Отсчитываем пять кубиков.

Анисимов О. Это зависит от ориентаций педагога, если они есть. Иначе ученик идет непосредственно.

Щедровицкий Г.П. Да, я понимаю. Предметную, объектную ситуацию, но не ситуацию деятельности.

Анисимов О. Да, конечно. Об этом речи еще не ведется.

Щедровицкий Г.П. Как Вы устанавливаете ситуацию мыслительной деятельности?

Анисимов О. Педагог говорит о том, что сюжет этот включен в ситуацию научной деятельности, что это идеальный объект или феноменальное описание с пшечками. Наблюдение выражено в тексте и нужно переходить к теоретическому освоению. Тем самым, ученик уходит от естественных отношений и приводится к деятельности.

Щедровицкий Г.П. Как Вы ответили? Обучающий рассказывает байку, что это не просто про пшечек, а что он еще автор текста... осуществил процесс познания: сидел, глядел, выдумал задачу. Вводится версия, касающаяся деятельности. То есть второй дополнительный текст, который должен быть понят. Правильно?

Анисимов О. Правильно. Обучающий с самого начала вводит в ситуацию имитации деятельности, снятой в том или ином тексте. Поэтому отношение к тексту есть еще и отношение к деятельности.

Щедровицкий Г.П. Слова ваши я понял, а что за этим стоит в плане деятельности ничего не понял.

Анисимов О. Я говорю ученикам, что надо научиться мыслить методологически. Следовательно, надо, прежде всего,

знать, что мы пребываем в той или иной деятельности. В деятельности нужно увидеть соответствующим образом ситуацию, особенно если в ней разрыв. При этом учитывать культуру анализа процесса организации деятельности и т.д.

Щедровицкий Г.П. Это риторика. Все наши эксперименты показывают, что это никогда ничего не изменяет.

Анисимов О. Еще говорится о том, как они должны существовать в семинаре. А уж затем предписание. Требования таковы: текст выражает результаты мышления и мыследеятельности, осуществленный автором; через следы войти в деятельность. Но для этого надо еще уметь работать с текстом без этих уточнений. Как работать – особый рассказ. Они должны результат понимания выводить в план «доски».

Щедровицкий Г.П. Покажите, как это делается. Чтобы понять Вас в принципе.

Ильясов И. Сначала текст нужно "овнешнить", что ты и делаешь. А потом про ту деятельность, которая породила текст. Расскажи про первое.

Анисимов О. В первой части задачи работа делится надвое. Обычная работа, понимание, создание картинки в сознании и использование этой картинке вместо текста. А затем само зарисование на доске подчинено требованиям педагога МРТ. Соблюдаются семиотические и логические требования. Логика требует постепенно вытягивать в план зарисования то, что получено до логики. Я построил операциональный комплекс по идее ВАК и в его рамках идет систематическая конкретизация. Она позволяет окультурено заместить материал изображенного. Доска делится на две части: первоначальная зарисовка и «выпрямленная». Логическая сторона работы позволяет постепенно проблематизировать и форму зарисования, и результат, и саму работу. Иначе говоря, создавая совершенно искусственные требования логического типа, создается преодоление субъективности первоначального понимания. А затем от логической обработки проводится переход к методологической. И тут нужна методологическая парадигма. Для того, чтобы при различном материале продуктов, деятельности одинаковым образом перейти к воссозданию ситуации мыследеятельности, в которой можно найти оправданное место стартовому тексту.

Ильясов И. Методологическая – это значит деятельностная проработка!

Анисимов О. Деятельностная, мыследеятельностная и мыслительная. Мыследеятельностная включена в деятельностную.

Хаценок. Кто оценивал результат?

Анисимов О. Чаще вопрос стоял о том, насколько результат относим к автору. Я переводил в вопрос о критериях отнесения. Либо критерий «жизненный», либо в «методе» работы, который предлагается. Он же для обучения введен. Метод позволяет культурно оформлять исторический материал содержания. Если автор будет согласен, то метод будет хорошим. Но критерием является не автор сам по себе. Мы его можем проблематизировать, а метод равнодушен к конкретному лицу, имеет большую объективность. Самая большая трудность состояла в создании метода (МРТ). Если вначале основными были логические и семиотические акценты и проблемы, то затем уровень объектности можно было повысить лишь за счет рефлексии и методологической парадигмы. При этом та парадигма, которая была непосредственно, в ММК, не удовлетворяла требованиям логики, истоки которой лежали в «методе Гегеля». Поэтому мы ввели, в педагогической и методологической функции, свой вариант, использующий в качестве основы именно логику ВАК. От этой парадигмы с помощью той же логики ВАК я мог вторично проходить ко всем тем парадигматическим материалам, которые накопились в ММК. Я вынужден был выйти за пределы имеющихся схем. Итак, критерием выступает метод решения указанной задачи.

***Примечание.** На этом семинаре мы обсуждали одну из моделей методологической подготовки. Знакомство с моделями у членов ММК было минимальное, исключая «харьковскую группу» (А. Буряк, А. Яровой, Ю. Воробьев и др.), с которой установилась деловая связь по линии исследований, координируемой НИИВШ. Однако все знали, что мы делаем «что-то» вне рамок основной линии ММК. Общие идеи входили в обсуждение факультативно и мы иногда делали доклады по темам теории, в которых демонстрировались элементы наших идей и поисков. В 1980 г. мы привезли на игру в г. Новоуткинск экземпляры первого отдельного*

труда, в котором была выражена исходная часть подхода, метода и средств методолога – методологической работы в вузе, переопределения акцентов в структуре составляющих вузовского процесса. Но для ММК самым важным было издание первого варианта «Азбуки» как методологической парадигмы, в ее типизированном варианте. В сравнении с парадигмой Г.П. Щедровицкого и других лидеров ММК это была не ЕИ, а ИЕ – форма парадигматизации. Реакция на выход брошюр («двухтомника») и «Азбуки» в течение игры была «вязкая». И вот мы упоминаем о ней в контексте обучения методологов.

Щедровицкий Г.П. Критерием чего?

Анисимов О. Критерием решаемости задачи.

Щедровицкий Г.П. Мы не знаем, что такое решаемость.

Анисимов О. Педагог определяет соответствие результата ученика результату вполне оспособленного неученика.

Ильясов И. Критерием адекватности является метод, опираясь на который достигнуто понимание. Если метод реализовывался последовательно.

Щедровицкий Г.П. Вроде бы я понял, о чем идет речь. Но Ваш ответ меня не удовлетворяет еще в большей мере, чем ответ Олега.

Ильясов И. Это его ответ.

Щедровицкий Г.П. Это разные ответы. Я понял, что это для Вас невероятно интересно и мое понимание вроде бы совпадает с Вашим. Мы рассматриваем попытку перевода понимания в мышление. Ставится искусственное условие вместо понимания текста рисование того, что он понял. Это красиво и интересно. На доске зарисовывается смысл или содержание понятого. На этой фазе мне важно, что этот рисунок не языковой, хотя там и используется ряд категорий.

Анисимов О. Неспецифически, в собственной форме.

Щедровицкий Г.П. А это я уже перестал понимать. Что значит «собственная» и «несобственная»? Потом изобретаете, говорите Вы, алгебру, вместе с учеником.

Анисимов О. Я был вынужден создавать язык схематических изображений.

Щедровицкий Г.П. Понимаю. Вы изобретаете язык. Это – не метод, а язык.

Анисимов О. Конечно язык. При чем тут метод?

Щедровицкий Г.П. И я говорю, причем тут метод! Но как же быть с языком. В новой математике языки схематических изображений образуют конструктивные, оперативные системы и там это отработано.

Анисимов О. Те графемы, которые могли быть положены на доску, по способу употребления разделяются на два типа: сродни знакам обычного языка, не носящего изобразительной функции...

Щедровицкий Г.П. Вы не поясняете, а наоборот. Что значит «сродни»? Я хочу понять, что Вы делаете? Язык алгебры не пройдет. Вы создаете специальные языки для изображения содержания. Для "Капитала" и даже деятельностного содержания. Хотя это ортогональная плоскость. Странная вещь. Текст надо понять и как выглядит то, что там есть по содержанию. Вы же заставляете делать иную работу, чем-то, про что сказано в тексте. Про то, что делал тот, кто писал текст. Тем самым, есть одно и второе, ортогональное. Вопрос же звучит так: что же является критерием истинности алгебры?

Ильясов И. Я думаю, что иначе: что является критерием правильности понимания текста, правильности изображения содержания?

Щедровицкий Г.П. Я показываю бессмысленность такой трактовки вопроса. Нам демонстрируют невероятно важную вещь и интересную: как мышление в формах теории и рассуждения переводится в задачи и их структуры. Цель очень интересная в силу абсолютной бессмысленности. Экспериментальная провокация. И на уровне языка типа алгебры представить смысл рассуждения. Что является критерием истинности такой записи?

Хаценок. А почему Вы поставили плюс, а не минус и т.п.?

Щедровицкий Г.П. Вот! Это очень интересно. В алгебре нужно ставить плюс. В алгебре, а не здесь.

Щедровицкий Г.П. Не в арифметике. Маркс в «Капитале» эту же работу проделывает до 5-ой главы «Товар-деньги-товар». Затем он перестает рисовать такое. Мамардашвили М.К. в свое время это обсуждал и красиво показал, почему с какого-то мо-

мента усложнение представлений надо остановить. Вы вводите некоторую алгебру, ЯСИ для выражения содержаний текста. Вопрос спровоцирован Вами, так как говорите об истинности записи, как выявлять. Как выяснить правильность и истинность понятого ими. Рисунок сделан либо в языке, либо вне языка. Если язык задан, то тогда это не проблема метода, не проблема понимания, а проблема языка. Зарисовать и дальше начать конструктивно по методу восхождения или еще какому разворачивать эти изображения, следуя за ходом рассуждения. Для этого Вам нужен язык оперативного, конструктивного разворачивания Ваших единичных схематизмов.

Анисимов О. Правильно.

Примечание. На этой фазе Г.П. Щедровицкий показал постепенную входимость в технологическую проблематику, характерную для МРТ. Но это пока лишь процессуальная цепь, не раскрытая по ее сущности и глубинам замысла. Как правило, Г.П. Щедровицкий идет по процессуальной цепи и долго выясняет общую структуру замысла.

Щедровицкий Г.П. О каких критериях правильности Вы говорили? Правильность выражения понятого?

Анисимов О. Говорил иное. На доске нужно увидеть объект, а не товар или еще что-либо другое.

Щедровицкий Г.П. Это, простите, ерунда с точки зрения Вашего же рассуждения. У них есть текст. Чтобы текст понять и представить в схематизированном виде продукт понимания... Причем здесь объект.

Анисимов О. Результат понимания должен быть выражен в СИ. Обычный язык не реализует изобразительной функции. В СИ появляется объект.

Щедровицкий Г.П. Поняли, прекрасно. Структура в изобразительном языке. Как Вы сюда критерий правильности вводите?

Анисимов О. Он сюда не вводится. Я веду ученика к работе по построению текста, вторичного. Текст должен быть таков, чтобы получить ту же картину, СИ.

Щедровицкий Г.П. Ту, что он нарисовал или которую Марк нарисовал? Или написал.

Анисимов О. Пока что вводится гипотеза, что ученик понял правильно, и выразил.

Щедровицкий Г.П. Да нельзя же говорить о правильности.

Анисимов О. Правильность состоит в том, что опираясь на это изображение, надо строить замещающий текст, который можно было бы отождествлять с текстами автора.

Щедровицкий Г.П. С текстом «Капитала»?

Анисимов О. Да.

Хаценок. Для чего это делается? Ваша ситуация обучения это интерпретация, другой принципиально текст, трансформацию во что-то другое? Вы разбираете какую-то форму памяти и нужно узнать: как устроена память ученика, чтобы они запомнили?

Щедровицкий Г.П. Я так не считаю. Это ведь невероятно интересно. Воспроизвести текст «Капитала» невозможно. Это же схема, хотя и напоминает мнемонические схемы. Прodelьвается другое. Отрабатывается механизм схематизации смысла и представления в виде особого онтологического содержания, т.е. процедура перехода от понимания к мышлению. Если мышление есть оперативная работа со знаками, то для ухода от текста «Капитала» нужно в задачной форме представить это в алгебраической форме выражения, где возможны оперативные преобразования или онтологическая картинка, на которой все конструктивно развертывается. Поэтому сама по себе эта работа может представлять особый тип учебных задач на обучение мышлению вырастающему из понимания.

***Примечание.** Здесь впервые в позитивном отношении реконструирована одна из частей той процедуры, которую мы вводили в рамках обучающей стратегии на основе МРТ. Тщательность реконструктивной работы позволила ему не только идти, но и дойти до важного рубежа понимания. Однако таких узлов понимаемости накопилась к началу 80-х г. немного. По крайней мере, тех, которые публично были зафиксированы.*

Хаценок. Можно ли это интерпретировать как перевод из одной знаковой формы в другую?

Щедровицкий Г.П. Пожалуйста. Но как из одной знаковой формы понятийно в другой знаковый текст, построенный оперативно. В символический язык. Перевод содержания из одно-

го языка в другой. Это может стать искусственной задачей на отработку определенной интеллектуальной функции. Такая задача может быть. Остальное – несуразно.

***Примечание.** В этом отрывке видна заинтересованность в проблеме. Положительно воспринята процедура, одна из главных в системе МРТ.*

Анисимов О. В этом контексте перехода из понимания в план мышления поясню, какие задачи может и какие должен решать ученик, используя СИ. Предположим, он построил СИ по «Капиталу» и идет затем на семинар или экзамен, где возникают локальные вопросы по программе. Ему нужно отвечать на вопросы, опираясь на СИ. Тогда он должен выделить одну из проекций объектного содержания и «взять» ее содержание как ответ на вопрос.

Щедровицкий Г.П. Это плохой пример. Вот в работах С.Л. Рубинштейна, и психологических, и философских, сохраняется одна категориальная структура понимания психики и деятельности? Или он менял ее в ходе жизни? Совместимы ли представления о деятельности, сознании, психики у С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева? Можно ли деятельностьную концепцию А.Н. Леонтьева совместить с учением Р. Штайнера?

Ильясов И. Можно сравнить.

Щедровицкий Г.П. Это меня не интересует, поскольку это не ответ ученого. Это мнение. Положите мне методику Вашей работы. Вот я читаю тексты и создаю в представлении объектные картинки, не рисуя еще ничего.

Ильясов И. Я все проделал у себя в уме, а Вы ничего не видели. Говорю – да, на основании работы в уме.

Щедровицкий Г.П. Ваш ум – не основание. Чтобы я мог иметь в мышлении это, надо сделать... Я понял теперь, откуда взялось овнешнение. Надо провести схематизацию и нарисовать категориальные отношения.

Ильясов И. На словах это не поймете?

Щедровицкий Г.П. Ни я, ни другие не поймут.

Анисимов О. Не "овнешнив", нельзя преодолеть недостатки индивидуального понимания.

Ильясов И. В этих рисунках может быть больше недостатков индивидуального мышления.

Анисимов О. Пусть. Но потом мы их преодолеем.

Ильясов И. Как ты можешь снять эти недостатки, когда рисунок есть та же самая бесконечность и неопределенность, что и у меня в голове!

Щедровицкий Г.П. Ислам Имранович, Ваша точка зрения нам понятна. Что еще, Олег?

Анисимов О. Представим себе, что мы имеем метод зарисования.

Щедровицкий Г.П. Простите, нет никакого метода. Так двигаться нельзя.

Анисимов О. А если есть ЯСИ, правила зарисовки, требования к использованию ЯСИ в соответствии с задачей.

Щедровицкий Г.П. Нет еще этого. Вы не сказали, как это называется. Мы выяснили, что здесь должен быть язык построен с определенными правилами развертывания. А вот насчет интенциональных отношений зарисования, этого еще никогда не придумывали. Либо устанавливается отношение синонимичности или соответствия. Правил и метода на этот счет еще нет, и вроде бы быть не может.

Анисимов О. В данном случае речь идет об языке оперативном, конструктивном. Я ведь вводил две доски: для зарисования стихийного, в рамках уровня оспособления, а другая – языковая, одинаковая для всех обучаемых. Вторая нужна для освоения первоначального, для проблематизации и т.п.

***Примечание.** В этот момент мы явно ввели исходную оппозицию ситуационной и концептуально-языковой функциональных «досок», которые совмещаются через третью – проблематизирующую «доску». Неявно введена и проектно-нормативная «доска». Иначе говоря, сам МРТ опирался на это противопоставление, но представление «многодосочной» рефлексии появилось позднее, хотя и в контексте трех функций рефлексии. С другой стороны, этим закладывалось совмещение с логической «техникой», процедурами субъект – предикативных отношений в обеих вариантах – задачной и проблемной. Между ортогональной «техникой» имеются переходы, но наша форма показала свои преимущества в дальнейшем, игропрактике.*

Щедровицкий Г.П. Вы здесь говорите уже о другом. Но я вынужден взять слова обратно.

Ильясов И. Олег сказал, что есть нормы пользования ЯСИ, который он разработал. Это он применяет для снятия содержания.

Щедровицкий Г.П. Этого ничего не может быть! Но я все равно ошибся. Если мы вводим ортогональные плоскости при интерпретации или выражении понимания, в одном идет пачка языков, о которых Вы говорили, а в другом строятся соответствия, правила перехода от элементов одного языка к элементам другого языка, то мы работаем за счет соотношения языков, лежащих горизонтально один над другим. Мы вообще можем задавать... Но чего? Если мы это опишем, то может это и будет метапереходом. Вы это имеете в виду?

Примечание. Видно, как трудно достается Г.П. Щедровицкому этот пункт. Он ищет то, за что можно было бы уверенно взяться и нейтрализует стремление найти в нашей мысли изъян.

Анисимов О. Я имею в виду не столько метод, сколько требования, рекомендации к работе. Я описываю и нормирую практику такой работы в рамках МРТ и более локальных задач. Я непрерывно совершенствую эту технику.

Ильясов И. Есть текст, написанный в естественном языке, и нужно его перевести в другой язык. Для этого, говорит Георгий Петрович, нужно иметь метод сопоставления языков и их взаимозаменяемости. Если у тебя есть, то входи. Иначе, не понимаем, как это сделать. У тебя есть язык, схематизмы. Ты просишь переходить к изображению содержания. Но как это делать? Как перейти от чистого содержания, взятого из понимания текста в естественном языке, перейти к изображению в другом языке. Тут я уже не знаю.

Щедровицкий Г.П. Вот возьмем, Ислам Имранович, хотя бы эту схему связи двух частей в целом. Предположим, что это условный язык, примитив, язык интерпретации. Эта схема будет выступать как функционально-структурирующая по отношению к тексту и его смыслу.

Ильясов И. А смысл она выражать будет?

Анисимов О. Она детерминирует смысл.

Щедровицкий Г.П. О! Она детерминирует смыслообразование, поскольку вам надо перейти от текста к этой схеме и ведущей становится эта схема, как цель деятельности. Вы должны выразить содержание текста в этом схематизме.

Примечание. Фактически Щедровицкий Г.П. продемонстрировал понимание всей основы трансформации сознания с помощью применения и построения СИ. Однако, это он еще не связал со всей нашей системой в рамках МРТ. Он точно воспроизвел исходное основание, помогающее воспроизводить в схематехнике путь языка, показанный в нашей работе «Генезис знака», путь трансформаций в 1973 – 1975 гг.

Ильясов И. Тогда мне навязали этот смысл и это содержание.
Щедровицкий Г.П. О! Правильно. О чем и идет речь. Значит, Олег Сергеевич создает некоторое схематическое изображение категориальное...

Ильясов И. Которое навязывает какое-то понимание текста.
Щедровицкий Г.П. Которое он навязывает ученикам и просит понимать текст, соответственно его функционально структурировать в категориальных или деятельностных схемах.

Примечание. Заметна настороженность, желание найти то, за что можно было бы критиковать. Но еще это не найдено.

Анисимов О. И для любого языка эта ситуация элементарная.

Щедровицкий Г.П. Не для языка, а для процедуры перевода в другой язык. Эта процедура нам часто нужна.

Моргун В. Этот оперативный язык позволяет ученику понять даже больше, чем понимает автор текста.

Ильясов И. Более того, он может про другое писать, использовать другую систему категорий. Прочитаете, а автор имел совсем другое. Кто может измерить: углубленное или нет?

Щедровицкий Г.П. Есть ли авторство – вопрос открытый.

Анисимов О. Имейте в виду, что это вызывает саму необходимость процедур подтверждения и опровержения.

Щедровицкий Г.П. Но это не основание для практической работы, категориальной критики, методологической критики и т.п.

Примечание. Здесь уже достигнута определенность в непонимании основы нашей техники. Именно в схематизации и лежит ключ к развитию мышления, в этой пластичности и проверке гипотез.

Анисимов О. Разъединение двух типов представленности содержания, фактически – двух вариантов содержания, ведет к необходимости проверок на соответствие. Но для этого нужно еще войти в язык и работу с категориями.

Щедровицкий Г.П. Это очень хорошо. Уход от предметного содержания в логическую категориальную проработку.

Анисимов О. А теперь представьте, что это не Марксовое содержание, а описание собственной деятельности.

Ильясов И. Логическую, категориальную квалификационную дашь, а предметно-содержательное? Для каждого предмета кружки свои нужны.

Щедровицкий Г.П. Тут все сложно. А что такое предметное содержание?

Ильясов И. Один автор видит одну предметную содержательность, другой – другую.

Щедровицкий Г.П. Так и выглядит предметное содержание, всегда неопределенное. Каждый читает текст и видит свое, привлекает для себя. А чистое понимание?

Анисимов О. Когда ученики входили в затруднение, разрыв, что было неизбежно по установке моей, я заставлял их продуцировать себе способ снятия затруднения. И тогда возникала возможность введения специального методологического языка как средств и снятия затруднений, и средств увидеть себя.

Ильясов И. А почему только методологических?

Анисимов О. Здесь начинается анализ деятельности, поэтому.

Ильясов И. Но у него могут быть и не твои схемы, а свои представления о деятельности.

Анисимов О. Как обсуждающий я должен ввести свои, от культуры идущие средства анализа, преодолевающие индивидуальные взгляды на деятельность и мышление.

Щедровицкий Г.П. Ислам Имранович, по моему Олег Сергеевич очень правильно и точно говорит не банальную мысль.

Со своей стороны я ее очень бы поддержал. Для того, чтобы выйти в позицию развития деятельности или мышления обязательно нужны разрывы, затруднения и здесь – введение тех или иных схем деятельности и мышления, лежащих ортогонально к предметному содержанию. Если их нет, то никакого развития мыследеятельности быть не может. Это могут быть разные схемы. Схемы лежат не в плане вашего знания, а они, например, «субъект – объект», как бы надеваются на себя. Вы их надеваете. Это функциональная структура, определяющая ваше отношение к объекту, вас самих. Вот, например, доклад Веры Даниловой. Она говорила, что характер мыследеятельности всякого человека, прежде всего, определяется той функциональной схемой, которую он «надевает» на себя. Это есть условие организации мыследеятельности. Это не в плоскости объекта, не в плоскости знания, а ортогонально. Это не имеет отношения к характеристике объекта. Иначе мы беспомощны. В какой школе этому учат? В каком Вузе?

Ильясов И. Я этому учу.

Битехтина Л. И Анисимов Олег учит.

Ильясов И. Но я задаю иные представления.

Щедровицкий Г.П. Ради бога! И Олег Сергеевич это делает, как может. На сегодня все.

Анисимов О. Я еще не раскрыл всего механизма обучения.

Щедровицкий Г.П. Достаточно. Все будет позднее».

К сожалению подобных докладов на ММК у нас было мало. Особенно тогда, когда определенность форм работы резко увеличилась. Может быть и этим докладом определились явно выделенные положительные оценки нас лично в драматических ситуациях в Харькове, в 1981г. и в Москве в 1982 г.

2.12. ЯСИ И РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ

(версия 1975 г.)

Наше систематическое участие в ММК началось в 1973 г. после периода внешнего отношения к его бытию. Мы оценивали происходящее по содержанию, обсуждаемому на семинарах и других событиях. Форма была лишь факультативной ценностью. Однако, вне вхождения в форму бытия, дискутирование понять происходящее было невозможно. Поэтому мы ходили на семинары нерегулярно и сравнивали уровень содержания с тем, что чувствовали и осмыслили к тому времени у Гегеля как эталона глубины. В тоже время нам импонировала яркость и красота, вызывающе-демонстративный характер техники дискутирования в образце Г.П. Щедровицкого. Начало систематического посещения ММК связалось с подготовкой дипломной работы и самой проблемы различия «смысла» и «значения». Мы конспектировали огромное количество статей, книг по лингвистике, логике, психолингвистике и т.п. но от нас ускользало различие. В конце 1973 г. и начале 1974 г. семинар по проблемам семантики, руководимый Г.П. Щедровицким привлек наше внимание, а затем мы стали посещать все значимые события ММК. На семантическом семинаре мы обратили внимание на Ф. де Соссюра, его труды по общей лингвистике. Они и открыли нам ясность всей перспективы и ретроспективы механизма языка. Привычка рисовать по ходу проезда на метро привела нас к изобразительной схеме знака и языка, в которой мы увидели, и очень отчетливо, «генезис» знака, значения, переход от смысла к значению. Проблема была снята. А во второй половине 1974 г. появилась статья Г.П. Щедровицкого «Смысл и значение», которую обсуждали основные силы ММК. Мы укрепились в понимании сущности языкового механизма и приготовили вариант диплома с условным названием «Генезис знака». Написав иной диплом на базе экспериментов в нейросемантике, мы поняли, что отложив

свой прежний вариант диплома мы поступили правильно. Иначе бы вызвали массу недоумений в силу крайней абстрактности содержания.

Все это вовлекло нас в проблемы ММК и к 1975 г. мы уже приобрели в значительной мере «патриотизм» методологического типа. Тем более, что работа «Генезис знака» раскрыла нам конструкцию идей и системы различий Канта, Гегеля. Мы написали особую работу по материалам книги «Критика чистого разума» Канта («Кант о познании»), а также ряд реконструктивных работ по концепции сознания, мышления у Гегеля. Важную роль играла наша работа о соотношении между языком и деятельностью и т.п. Все это помогло понимать то, о чем и как говорилось на семинарах ММК.

Тем самым, к июню 1975 г. мы имели достаточно ясную картину совмещения наших познавательных интересов с интересами ММК в цели. На таком фоне и произошло событие, характерное для того нашего состояния. Г.П. Щедровицкий попросил заключительный семинар «учебного года» провести по теме «Перспективы методологии» и руководство им отдал А.А. Тюкову, поскольку сам не мог принять участие. В этих условиях мы предложили свою версию перспектив.

«А. Тюков. Как мы и предполагали, сделаем сегодняшнее заседание более свободным. Обсудим возможные перспективы, задачи и, может быть, сделаем выводы в отношении форм работы. С коротким докладом будет выступать Олег Анисимов. Потом я предложу кое-что. Просьба ко всем членам семинара, прежде всего к молодым, проявить активность в обсуждении. Эти вопросы большие для всех нас.

О. Анисимов. Общая направленность сегодня состоит в том, чтобы увидеть будущее нашего кружка, как организовать его работу. Если рассмотреть начало работы любого кружка, то можно заметить, что кружок объединяется совокупностью идей. Участие в кружке, особой общности может быть в двух крайних вариантах. Либо роль и место каждого определены жестко, либо они «определены» свободно. Коррекции осуществляются в сопоставлении взглядов различных членов

кружка. Обращу внимание на следующее. Пусть совокупный продукт кружка выражен в сетке категорий и их связей. Это как бы «учение», используемое для достижения соответствующих целей, для решения задач, нас объединяющих. И вот возникает ситуация прихода нового участника работы в кружке. Будем фиксировать ситуативные результаты каждого члена кружка. Новичок читает, слушает, размышляет, социализируется в пространстве кружка, предоставляет свой материал, средства, процедуры, результаты, свои цели, вводит свои ценности, сопоставляется с фиксированными ценностями кружка. Как появляется его позиция в кружке, его особое лицо? В чем состоит его лепта и как она появляется? Может быть две ситуации – когда уже зафиксированная необходимость, место для результата «заполняется» членом кружка и когда он вводит «новое» к тому, что было зафиксировано как необходимость. Объем необходимости тогда растет. Все это рассматривается в контексте вкладов в решение общих задач, проблем, в реализацию общих ценностей. Если учесть эти два типа «вкладов» членов кружка, то я могу говорить о сопоставлении ситуативного предложения с имеющимся общим результатом деятельности кружка. Этим я как бы моделирую деятельность кружка в целом.

Но что такое «результат» работы кружка? Это выработанные схемы как составляющие парадигмы. Они в себе предполагают суждения, имеющие замкнутый характер, имеющие основание расчленений. В них заключено и само методологическое учение. В этом многообразии схем, в учении могут быть пустоты.

А. Тюков. Ты действительно предполагаешь, что эти результаты существуют, законченные, фиксированные и могут быть воспроизведены.

О. Анисимов. Я говорил предположением!..., в этой модальности. А содержательно я начну это характеризовать.

П. Писарский. Ты действительно видишь продукт кружка, что кружок должен обладать каким-то продуктом?

О. Анисимов. Я на этом остановлюсь, по возможности мягче.

А. Тюков. То, что ты говоришь о продукте, относится к какому семинару, понедельнику или вторнику? Или они, результаты, включены в одно?

О. Анисимов. Я пока вел разговор на уровне функциональных схем, а не в конкретной морфологии событий. Я не различаю семинары на «вторники» и «понедельники».

В. Максименко. Это к нашему кружку дело не имеет.

А. Тюков. Я и задаю вопрос, так как тема касается нашего существования. Можно говорить и идеально. А ты решаешь задачу о реализации идеального.

О. Анисимов. Пока я говорю функционально. При анализе социализации нового члена кружка я буду иметь ввиду вторники.

А. Тюков. Ты не собираешься отвечать на вопрос о конкретных формах продукта?

О. Анисимов. Я к этому подхожу. Пока я фиксирую схемное бытие продукта. Они не обязательно принадлежат одному лицу. На вторниках, как будто, еще нет больших фиксированных схем. Суть проблемы состоит в том, поддаются ли схемы конфигурированию их содержания. Если бы конфигурировались, то появился бы общий результат. Ставя вопрос, я выражаю свою позицию – все имеющиеся схемы обладают конфигурируемыми свойствами. Они могут быть включены в единую схему, схему с единым основанием.

Примечание. В цикле модулей (4 модуля за 3 года: 1999-2001), посвященном трансляции языка теории деятельности третья часть как раз посвящается механизму синтезирования схем парадигмы ЯТД. Это соответствует выходу через парадигму к его основанию – деятельностному мировоззрению. При создании в 1979 г. первого варианта «Азбуки» ЯТД мы исходили из этого же основания.

Включения схем в процедуру конфигурирования неизбежно влечет к сопоставлениям и анализу включаемости в целое. Поэтому возникнет необходимость уточнения схем. Проблема состоит в том, создаваем ли конфигуратор, способный расщепиться на множество выработанных схем, уточняя их содержание по пути. Или это невозможно.

Примечание. Размышление того типа были предопределены и ходом написания диплома (его первого, «свободного» варианта), большим чтением по языковедческим темам, опытом применения схематических

изображений и конспектирования как метода прихода к базовой парадигме в изучаемой области знания. Кроме того, большая «схематизация» проводилась в 1970-1974 гг. по ряду философских учений и по различным разделам теоретической психологии. Тем более, что мы всегда имели склонность поиска «исходных оснований».

Конфигурирование деперсонифицирует вклады, удерживая общезначимое в их содержании. Каждая из схем создавалась вне явного учета многообразия иных схем. Неявно возможность конфигурирования никем не оспаривалась. Но другое дело проводить ее осознанно. Я говорю, что совмещение всех схем возможно. Но предвижу появление ряда служебных задач по синхронизации, совмещению.

Но почему мне так важен результативный конфигура-тор? Потому, что если он возможен, то работу кружка можно усовершенствовать. Каждый входящий после адаптации находит свое место в единой работе, согласно его влечению. Но обязательно в контексте понимания целого. В своей работе он создает ситуативные схемы двух указанных типов.

А. Тюков. Правильно ли я понял, что возможность конфигурации заложена не в форме схем, а в форме интенции на их построение? Как говорил Георгий Петрович задача была такова, что уже в 1953 г. он имел ввиду создание социотехнических систем. И именно потому, что он хотел этого, в его схемах часто и получалось. Объединялось.

О. Анисимов. С одной стороны это обусловлено персональными возможностями выделения целого. Он подразумевал возможность синтеза и иначе не мог работать. С другой стороны, я имел ввиду функциональную позицию, в которой возникает необходимость конфигурирования.

Р. Спектор. Правильно ли я понял, что возможность кружка, его работы определяются конфигурационным единством методологических схем? Единство кружка заложено в единстве того содержания, которое выражается в конфигураторе?

О. Анисимов. Предполагаешь ли ты, что содержание, которое еще не выработано, задано целью кружка...

Р. Спектор. Меня интересует залог, который ты вкладываешь. Он положен в содержание или формы работы, которую нам надлежит построить, чтобы справиться в любом содержании?

О. Анисимов. С одной стороны, есть реальные методологически задачи, которые мы решаем.

Р. Спектор. Мы в разных фирмах, имеем дело с разным содержанием.

О. Анисимов. Я работаю с содержанием у себя в НИИВШ, но рассматривая его средством решения методологических задач. Но входя в рефлексивное отношение ко всем разработкам и имея уже результаты их как материал...

А. Тюков. Не понимаю, как ты отвечаешь. В содержаниях и задачах, объективно зафиксированных в этих общих схемах, или в работе по усвоению, интерпретации. Все зависит от форм работы. И более узкий вопрос. А то нас это выведет в такие идеологемы, что мы не вернемся. Предполагается тобою абстракция, что каждый из нас, работая в реальных задачах, будет вынужден обратиться к полю методологических схем и наше отношение будет конструктивным. Или мы будем вынуждены конфигурировать эти схемы?

О. Анисимов. Пока мы работаем разрозненно, встречаясь здесь на некоторых обсуждениях, таких задач, о которых я говорю, нет. Мы пользуемся схемами и пытаемся что-то еще наработать. Но когда мы имеем ввиду синхронизацию членов работы кружка, тогда средством синхронизации выступает общая платформа, конфигуратор.

В. Максименко. Роман и спрашивает, что это такое?

А. Тюков. Ты собираешься обсуждать возможности и формы понимания входящего, понимания содержания, задач?

О. Анисимов. Да, но частично.

А. Тюков. Тогда иначе. Предполагается ли это в качестве необходимого условия? Пришел – обязан понять, как условие существования и функционирования данного организма. Предполагается ли, что эта кооперация уже существует у него в собственном представлении?

Р. Спектор. Предполагается. Весь вопрос в том, что ты предполагаешь, что разные понимания могут "мутировать" всю нашу работу? Это может отражаться на самом конфигураторе? Или нет?

О. Анисимов. Одно дело реальный входящий, его пластика движения. У него нет подобных задач, нет презумпции понимания. Это моя презумпция.

В. Максименко. Презумпция понимания дает возможность потом это понимание вытягивать.

О. Анисимов. Можно предложить путь к такому пониманию.

Р. Спектор. Презумпция предполагает, что все будут понимать одинаково.

В. Максименко. Олег говорит затем, что когда они поймут, то он их будет учить.

А. Тюков. Иначе говоря, ты собираешься проблематизировать понимание или ставить как презумпцию?

О. Анисимов. С одной стороны, я говорю: коммуникация невозможна без понимания. Оно должно быть. С другой стороны, в реальности понимание всегда относительно, проблематично. Так как понимание необходимо ради решения тех задач, которые я ввожу, то реальный процесс нужно модернизировать. Тогда облегчается и процедура понимания.

А. Тюков. Предполагается ли обсуждать, что корпус общих результатов закладывает некоторые кооперативные места для каждого члена с вычленением задач, средств и т.д.? Имеется ли в общем корпусе результатов возможная структура функциональных связей в совместной деятельности семинара?

О. Анисимов. Если мы включаемся в деятельность не являющуюся личной, то и иерархия задается не субъективно. При вхождении в целое работы семинара, присвоении целей, ценностей работы участник должен расслоить содержания, которые он имеет, наработывая по иерархии тех мест, которые есть. Такова специфика деятельности. «Кривая распределения» есть у каждого. Интересы могут и изменяться...

А. Тюков. Ты мог бы назвать иерархические места? Ты их предлагаешь как идеал существования форм семинара или ты ставишь как проблему?

А. Лидерс. Какие места, функциональные, кооперативные?

А. Тюков. Олег ответил, в корпусе содержания. Я же буду говорить прямо противоположное. В содержаниях нет никаких схем, коопераций, их отношений. Нет функциональных мест. Все это благие пожелания.

Р. Спектор. Ты этим размываешь определенность его ответа.

О. Анисимов. С одной стороны, я должен обсудить, что это такое современное видение корпуса результатов. С другой стороны, как это соотносится с работой отдельных индивидов, как они включаются в работу. Один из результатов работы кружка это утверждение, что если индивидуал включается в деятельность, то подчиняется жизни деятельности. Если он включается в несколько деятельностей, то он должен соответствовать им всем. Но и еще синхронизировать, организовать разные работы. Здесь возникает потребность в кооперировании.

Р. Спектор. Экстраполируя такое поведение на реальных членов кружка, накладываешь схему так, что если не приводится, то привет...

О. Анисимов. Поскольку конфигуратора еще нет...

В. Максименко. А когда будет?

О. Анисимов. Поскольку еще нет, то требуется наша активность.

Р. Спектор. Ты не понимаешь второго эшелона моих вопросов. Видя логический смысл твоих ответов, понимая их контекст, я вижу, что кооперативная схема иерархична. В моих субъективных установках – неравноправность.

О. Анисимов. Равноправие внутри неравноправности.

Р. Спектор. Является имплицитным идеалом. Если же предлагается противоположный идеал равноправности, возможности обмена знаниями и т.п., то она не выдержит такой кооперативной схемы в принципе. Более того, кооперативная схема была наработана кружком для интерпретации и квалификации наработанного, "историрующих" и функционирующих деятелей. Она интерпретировалась в план знаний для воспроизводства универсума знаний. Она не в коем случае не относилась к коллективу. Всякая попытка привести ее к коллективу оканчивалась не лучшим образом.

О. Анисимов. И этим воспроизводят типичную ситуацию нашей работы. Когда индивид уже включен в работу кружка, то работая индивидуально он работает не по отношению к кооперативному месту. Работает практически по всей схеме, хотя

эмпирически усилия распределяются последовательно. Здесь равенство и осуществляется.

Р. Спектор. Как пожелание. По абстракции, которая заложена в схемах.

О. Анисимов. Да в этом суть. Я убежден, что методолог обязан быть в каждой из позиций, уместных в данной задаче.

Р. Спектор. А если он сомневается?

О. Анисимов. Если он сомневается, то он входит в позицию рефлексии всей схемы и развертывает схему до полноты относительно задачи и ситуации. Новая схема может быть лишь переконструированной старой. Если же он обнаружит или докажет еще несоответствие ценности, то тоже инновация, но уже конфигурационная. Это будет новый претендент реализации функциональной необходимости в конфигурации. Этим индивидуальная свобода сохраняется, не в организованной форме. Все будут видеть два или более конкурирующих наполнителя функционального места, выбирая основания для предпочтения. Если кто-то начнет инновацию, то должен встать в супер-рефлексию и вводить конфигурацию. Вхождение в суперпозицию – необходимо. В методологии мы и обладаем возможностью совмещения «несовместимого» – абсолютной свободы и абсолютной подчиненности в едином пространстве работы. Консервативный момент предопределен деятельностью, в которую мы включаемся. Проблематизация находится на пересечении этих моментов, опираясь на личность, способную к подчиняемости функции.

Р. Спектор. С проблематизацией я соглашусь, так как это в русле того, как ты работаешь, а ситуатизацией – нет. В логическом времени – да. Там возникает «может быть», не привязанное ко времени.

О. Анисимов. Я хочу показать, что конфигурирование возможно. Возможности заложены в природе методологии. Ее сущность состоит в том, что методолог работает рефлексивно и хотя я должен работать абсолютно, но реально эта работа всегда не совпадает с абсолютным. В тоже время результаты

идут в поле абсолютного. Недостижение абсолютного является стимулом следующего шага.

В. Максименко. Ответ, Рома, по-моему, блестящий.

Р. Спектор. Так не снилось работать методологу.

В. Максименко. На такие вопросы Олег будет всегда дополнительно нашлаивать и рефлекссию, и стремиться к абсолютному. Он все время говорит одно и то же.

Р. Спектор. Мы с Толей солидарны. Обсуждаем мы семинар, его судьбу, следовательно, судьбу коллектива. Тут же чистое логизирование.

А. Тюков. А Олег говорит, что о судьбе семинара говорить бессмысленно вне рациональных схем и логики. Логику постройте и получите судьбу.

Р. Спектор. Он все время отвечает, что меня коллектив не интересуется. Интересует сходимость в содержательном плане.

П. Писарский. Уточни, Олег, ты мыслишь члена кружка как методолога, "рефлексуна"?

А. Тюков. Он только начинает рассматривать как становится методолог.

О. Анисимов. Что такое методолог? Как им становятся?

А. Тюков. Презумпция понимания, переход в иерархию, к корпусу общих результатов.

О. Анисимов. Это характерно для любого социума.

В. Данилова. Ты будешь различие понедельника и вторника вводить?

О. Анисимов. Да.

В. Максименко. Я понял. У нас оказывается, есть какая-то история. Есть различие в днях. Как интересно!

О. Анисимов. То, что делается в нашем кружке – делается в любом. Кооперативная схема более всего удобна для анализа проблемы. Кооперацию надо еще получить. Восстановить логическую историю возникновения кооперативных позиций.

В. Максименко. Таких работ не было.

О. Анисимов. Почему не было? В отношении обучения, науки, семиотики. Кто-то работает. При возникновении трудностей в решении повторяющихся задач создается новая пози-

ция. И так вплоть до суперпозиции по созданию средств для любой позиции, способности к их созданию и воспроизводству деятельности. Развертывание имеет необходимый характер. И, следовательно, можно говорить о возможности построения эталонной суперрефлексивной развертки, применимой к любым конкретным материалам. Я утверждаю, что такое возможно. И второе, что если я строю инвариант, то в моих руках он не абсолютен и в нем есть что-то ситуативное. Но возможность совокупности категорий – есть.

Р. Спектор. Зачем ты говоришь, что строится этот "супер" в модальности необходимости? Ты должен обладать категориями, которые тебе это обеспечат.

О. Анисимов. Я говорю о возможности. В научной развертке обнаружатся категории. Чем дальше, тем категориальней. В той позиции, в которой создаются средства для любой позиции.

Р. Спектор. Твоя установка, что методологическое всегда априорно, меня раздражает всегда. Мне кажется, она возникает ретроспективно.

О. Анисимов. Конечно, не априорно. Ошибки предполагаются. Априорность апостериорная.

Р. Спектор. Я говорю не о том, что ты обсуждаешь, а как ты движешься, как маркируешь методологическую работу. Ты преследуешь одну цель, она априорна. А что сделала методология реально? Кооперативные места – это ретроспекция реальных людей.

О. Анисимов. Феномен нельзя выразить в знании, смотри Канта, Гуссерля и др. Знание преходяще. Вещь в себе мы не видим.

Р. Спектор. Эти ребята – да. Но мы – методологи, культура наша запрещает.

А. Тюков. Все это хорошо в идеале, в методологической перспективе. Вопрос стоит иначе. Мы существуем в конкретной форме. Мы можем реализовать методологическую рефлексию? Или мы настолько противоречивы, что не можем.

О. Анисимов. Давайте вернемся в пределы основной мысли. Предположим семинар работает с определенными схемами, в решении своих задач. Но одному из семинаристов одна или несколько схем не «нравятся». Сначала разговор обычный, дискуссия. А затем он ищет схемы, изменяет их, оформляет свою интуицию. Тем самым, моя мысль состоит в возможности создания дубликатов-претендентов на тоже функциональное место, в том же наборе схем. И так на любом уровне. Этот вклад должен быть заметным. А дискуссии продолжаются как обычно, но уже с показом и маркировкой вариантов.

В. Максименко. А откуда ты взял, что все семинаристы будут играть в эту схему?

О. Анисимов. Но ведь все они приходят на методологический семинар.

В Максименко. Какие конфликты будут, если у всех единое содержание схемы. Конфликты будут терминологические.

Примечание. Возникшее здесь недоразумение было вызвано не только устремлениями и склонностями к свободе или к осознанной необходимости, самовыражением в семинаре и включенностью в общее поле и функционал. Причина была в недопонимании типов работы мысли, когда субъект диктует предикату преобразование, или предикат субъекту. Все это стало очевидным после отработки технологий мышления в рефлексии во многих координатах, а у нас – на «5 досках» и более, где разъединяются и соединяются субъекты функционального разнородной «территории». Но это было уже достижение сначала в ВШУ, а затем уже на модулях 1990-1999 гг. В пределах ММК, в отличие от ММПК, все подобные недоразумения воспроизводятся.

А. Тюков. Существуют ли в семинаре нормы употребления и где они? Они вменены нам или фиксируется тобою! Но это лишь предстоящее. Ситуация реализации норм противоречива. Отсюда вопросы Валеры. Ты реализуешь, создавая образец. А я воспроизвожу, не понимая твоей деятельности.

Р. Спектор. Тут работа со схемами. Олег, видимо, исходит из возможности работы по значению. Я вообще не знаю, что такое значение.

А. Тюков. Дело в рефлексивной способности употребления схем. Меня интересует ограничение форм рефлексивного употребления.

О. Анисимов. Я не вижу проблемы непонимания схем по значению. Новый человек не поймет что и к чему. Пусть возьмет в семинаре фрагмент введения схемы, изучит. Я бы хотел создавать библиотеку «введений» всех схем, которые у нас в деле. Упорядоченного введения. Каждого варианта на функциональное место. Азбука. Нельзя же принимать в расчет пассивность семинариста. Пусть работает, но локально по звену непонимания.

Примечание. В этот момент, видимо впервые для нас, было введено слово «Азбука». Весь доклад был пронизан идеей создания парадигм, «Азбук», общей для всех, для «фракций» и отдельных лиц. Главное – технология взаимодействия и организованность дискуссий на общем функциональном поле.

А. Тюков. То есть, он говорит о нормах в живой деятельности семинара. Создавая библиотеку на пересечении значений и способов употребления. Перебирать какое-то количество употреблений. Ты утверждаешь, что в данных формах описания – тексты – ты структурируешь живую деятельность в полном ее содержании?

О. Анисимов. В принципе.

А. Тюков. Когда ты кладешь на полочку, ты структурируешь реальную деятельность?

О. Анисимов. Язык не отражает реальность, а структурирует ее. Существование не равно выражению. Я говорю о том, что если не согласен, то вставай в позицию нормировщика, вводи схему, значения. В этом типе работы член коллектива выступает в роли всего коллектива. Ответственность здесь – за все. Если ты методолог, хочешь им быть, то имей дело с универ-

сальной кооперацией, в определенном месте которой обязан выполнять эту норму.

А. Тюков. Если я правильно понял, специального продукта, текста предельно фиксирующего в рефлексии нормировки – не существует. Тексты либо вплетенные, что Г.П. Щедровицкий постоянно совершает в семинарах, и каждый из нас, в меру возможностей своих, как в семинарах это и происходит, берет и поддерживает. Специального текста нет. Ты предполагаешь иную деятельность, не включенную в обсуждение, а работу с текстами? Как это ты видишь?

О. Анисимов. Имея текст дискуссии, персонаж входит в позицию и нормирует, создает новый вариант.

А. Тюков. Это же кооперативная позиция, которая не может быть реализована в коллективной работе. Я хочу притянуть тебя к формам совместной деятельности. Что это будет? В форме архивариуса, сидящего, а затем на специальном обсуждении докладывает по поводу норм? А потом текст отправляет на полку?

О. Анисимов. Я не вижу противоречий с обычной формой работы. Найдем форму».

В данной дискуссии мы заложили основу для выделения проблем инвентаризации наследия ММК и трансляции методологической культуры через посредство создания вариантов «Азбук». К тому времени (1974 г.) Г.П. Щедровицкий свою «Азбуку» уже нашел. Она выступила для нас как материал для переработки, происходившей, с различной интенсивностью, в 1975 – 1979 гг. К началу 1980 г. мы оформили свой результат как первый вариант «Азбуки», воплощающий требования к созданию парадигм языка и логики ВАК. Одновременно оформилось стремление (с 1977 г.) к трансляции парадигм, методологической культуры и воспроизводства методологов.

2.13. «АКТИВНОСТЬ» ЧЕЛОВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(версия 1975 г.)

После того, как в начале 1974 г. мы написали работу «Генезис знака», уяснив себе общую стратегию трансформации субъективности и, более локально, содержания сознания, рождающегося на этом же пути, трансформацию благодаря вовлечению посредников в процесс организации коммуникативных отношений, перед нами «открылись» сложные места в теоретической лингвистике, психолингвистике, теории познания, мышления и т.п. Стало понятно, что языковые средства преобразуют поведение человека в целом, внося в них то, что можно было бы назвать "активность" или «произвольность» по Л.С. Выготскому, а также «преодоление субъективности в самодвижении духа» по Гегелю. Определенной формой «надситуативности» (В. Петровский) выступал и социотехнический подход, развиваемый в методологии (ММК). Мы сначала обрадовались большим прояснениям в теории мышления, сознания, самознания, в понимании текстов Гегеля и других «идеалистов», а затем написали свою версию реконструкции взглядов Канта о познании и, наконец, свое мнение о связи между становлением языка и становлением деятельности. Это осуществлялось на фоне оформления МРТ и осознанием роли тех языкоконструкторских процедур в схематизации, без которых нельзя было создать МРТ. На этом фоне все более выделялось направление размышлений, касающихся природы активности, надситуативности человеческого поведения как в познании (теоретическое конструирование), в совершенствовании языковых средств (парадигматизация и введение логических форм), так и самоопределенного и самоосознанного вхождения в системы деятельности и выхождения из них. Мы приведем характерные соображения, осуществленные в 1975 г.

Начнем с темы «Активность субъекта и деятельность» (21.4.1975 г.). «Это теоретическое осмысление литературы должно помочь в методологическом обеспечении будущих экспериментов. Хотя много уже сделано, накоплено и есть материал для осмысливания. Частично оно было проведено не только в 1967, но и в 1970, 1974 г. В этом докладе я буду готовить средства для критической работы и последующего проектирования модельных и теоретических действий.

В теме два акцента - субъект и деятельность, с точки зрения активности. «Субъект» действует активно. Следовательно, он не идет «строго» по ситуации, а сам создает условия для деятельности, ставит новые цели, нейтрализует преграды и их воздействия. Активность существует как способность субъекта.

Что такое «деятельность»? Если субъект впервые сталкивается с деятельностью как «объектом» изучения, он строит тексты описаний на основе прямого созерцания. Эти описания подхватывает иной субъект – теоретик, замечая эту массу монотекстом с единым, но уже идеальным объектом. Случайность описаний выражается в легко возникающих противоречиях по содержанию. Единое замещающее развернутое высказывание не содержит таких противоречий. В этом состоит конструкторский «произвол» теоретика. Теория подхватывается третьим субъектом – экспериментатором. Он ставит «свои» условия к бытию объекта, исходя из содержания теории, вводит модели и модельно значимые гипотезы. Если теория верна, то поведение модели будет соответствовать прогнозу, гипотезе. Организует деятельность всех этих субъектов познания методолог, устраняя возникающие разрывы между видами работ и превращающий совместную деятельность в целое, структурно-непротиворечивое. Ядерный характер этой кооперации легко дифференцируется дальше .

Мы будем себя помещать в позицию теоретика. Мы должны синтезировать в замещении все точки зрения о деятельности. Результат должен быть выходящим априорно. Но наш результат должен быть соотнесен со всеми остальными работами и потому мы еще включаем, где необходимо, методологическую или более узко-социотехническую позицию.

Феномены деятельности и субъектного бытия описываются многими научными предметами, языком многих научных предметов. Для нас важно увидеть *особенности деятельного бытия субъекта, в котором мы и обнаруживаем активность*. Наша предметизация начинается с введения субъекта, но завершается с введением деятельности, в которую входит субъект.

В литературе легко выделимы две традиции. В одной деятельность рассматривается как атрибут субъекта. Во второй традиции деятельность рассматривается как действительность более широкая, охватывающая и субъекта (Гегель, Маркс, методологии ММК). Тогда и можно задавать вопрос о том, как субъект существует в деятельности.

Деятельность, а мы придерживаемся второй традиции, так устроена, что хотя субъект и является составной частью ее, но он не виден "непосредственно". Деятельность – целостна, в которой есть и материал, и продукт, и норма. И деятель (субъект). Целое – это не перечень компонентов. Это структура и она может описываться в своем бытии именно как структура, могущая быть представленной как «одно», а не составленное. Так же как синтагма – целое, а не ряд элементов парадигмы. Рисуя схему деятельности, мы должны ее видеть сначала именно как целое, как одно, а затем как имеющее структуру. Только тогда, для теоретика, эта схема суть онтологическая схема. Она предстает в начале теоретического развертывания как «единица» (по Марксу). Другое дело становление деятельности. В ходе становления единицы еще нет, она появляется. И тогда уже особо виден субъект в его деятельностном бытии.

Можно сказать мне, что феноменальные описания противоречат данной простоте схемы. В ней найдется многое, что не выражено в схеме. Но в том и работа теоретика, чтобы в мысли строить «появление» нового объекта изучения. Его появление предстает, по терминологии Гегеля, как его становление из не деятельности за счет противоречий в бытии деятельного типа. Так как мысль теоретика реконструктивно-конструктивна, она полагает то, что надо познать и потому и познает, то теоретик вводит категории как средства языкового повторения исторического пути. *Неслучайность обеспечивается правилами полагания*, пошажным появлением свойств

нового объекта. В начале не может быть той сложности, которые есть в феноменах. Гегель и дал эти правила пошажного введения «полноты» объекта теоретического конструирования.

Перейдем к бытию человека в деятельности. Нельзя свести это рассмотрение к прямому введению человека в деятельность, так как это процесс включения в «новое» бытие, отличающееся от «прежнего» бытия. Как отражается на бытии субъекта его помещение в деятельность и как происходит его вхождение? Активность усиливается или ослабевает при этом? Здесь возникают психологические вопросы.

Функция субъекта в деятельности – «оживление» нормативных схем деятельности, их воплощение. При этом, он полностью подчинен схеме. При этом, в чем состоит парадокс деятельности бытия субъекта, он *приобретает свободу в своей активности*. Свободу от «давления» чувственных механизмов. Кроме того, он приобретает возможность «сверхактивности» в переопределении норм, инноватике и творчестве. Натурализация нормативных схем производится так, что субъект все осуществляет с «умыслом», содержание которого лежит вне и оно предопределено не субъектом. В самой же нормативной схеме все «объективные» (не субъективные) составляющие (средство, материал и др.) строго соотнесены. По этим соотнесениям и оформляется активность. Конечно, учитывается и ситуация, но либо через подчинение готовым нормам, либо через совершенствование норм, в зависимости от их потенциала изменяемости. Даже в изменении норм нет обычной «свободы». Тем самым, схема (нормативная) требует от субъекта и на стадии «консервативности», и в «расконсервациях». Общим *основанием диктата норм выступает культура*. Это ведет к появлению у субъекта («внутри») цели, задачи, проблемы, ответственности. Вне цели и задачи деятельностного бытия у субъекта не будет. В обычном созерцании легко обнаружить в додеятельностном бытии субъекта фрагменты как бы деятельного бытия. Но это – видимость анализа. Вне структурной формы деятельности как средства опознания наличия или отсутствия деятельности ничего нельзя сказать с ответственностью.

Цель изначально важна для бытия деятельности. В ней дан продукт, но в идеальной форме, нормативности. Оппози-

ция «цели» и «материала» для анализа деятельности исходна. Она предопределяет остальное: выбор средств, способов их применения, подбор способностей субъекта и т.п. С нее начинается путь к собственно деятельностному бытию человека. Средство вовлекается в готовое противопоставление и сопоставление как освобождение от состояния «материала» и актуализации состояния «продукта» в том, что преобразуется. Поэтому только то, что может подчиниться этой функции средства (освобождения и актуализации в условиях инерции материала или помех среды), становится не чем-то привлеченным, а средством. Так как натуральные претенденты на функцию средства не могут быть соответствующими актуально, при наличии потенциальной готовности, то они создаются и потому их не случайность имеет своей базой культуру. Средство имеет фиксированный набор употреблений, способов употребления. Субъект подбирает наиболее соответствующее из набора. Вне культуры такая возможность отсутствует и потому сам субъект насыщен следами культурных воздействий. Он готовится, обучается, воспитывается. Его предпосылки активности приобретают «форму».

В анализе явления и сущности воли философия и психология уже дала многообразие интерпретаций такого бытия человека. Однако разъединение додеятельностного и деятельностного бытия человека производилось стихийно и не строго, без внесения критериев, проистекающих из мира деятельности и культуры, без использования «целостности» бытия деятельности. Мы еще дадим обзор по линии теории воли и телеологии. Наиболее прощательным предшественником ММК был Гегель, а в ММК линия сущностных критериев деятельности проведена достаточно полно.

Хотя ошибки, отклонения от требуемого бытия всегда можно найти в феноменах деятельностного бытия субъекта, их квалификация зависит от того, как налажена неслучайность использования теоретико-деятельностных схем. В фиксации отклонений лежит источник материала для психологического анализа. Нас интересует активность в контексте деятельностной детерминации, а не просто от того, что были эти ошибки. Ошибки могут быть лишь в деятельности. В додеятельностном бытии они уже «превращаются» в «просто явления».

Как возможно подчинение субъекта нормативной схеме деятельности? Прежде всего, это зависит от того, понял ли субъект нормативный текст при его предъявлении (руководителем). Но в ходе понимания субъект реализует языковую способность и он уже приобрел опыт подчинения нормативным требованиям (синтаксиса, логики и т.п.), он уже преобразовал себя. Приобрел сознание, мышление, самосознание, волю, ответственность, вообще соответствующие культурные свойства. Тем самым, вхождение человека в деятельность является следствием вхождения в нормативный мир языка. Способности, появившиеся при вхождении в языковое бытие, применяются и обогащаются в деятельности. Сама цель не может быть удержана как требование без этого. Чтобы понимать норму нужно иметь языковые значения («средство», «материал», «норма» и т.п.). Удержание парадигмы языка поддерживает и способности к ответственному пониманию норм, а затем – и реализации нормативных требований. Консервативность парадигм и правил языка, как явление культурного характера, отражается в культурности человека и его готовности входить в деятельность. Конечно, он еще и вырабатывает отношение к норме. Но источником положительного ответа выступают иные явления, тоже опосредствованные культурой. Само понимание цели в языковых значениях является культурным явлением.

Кроме того, на примере усвоения языка, как комплексного механизма средств мышления, видно что подчинение нормам ведет к приобретению свободы в пределах необходимости («коридора» необходимости), свободы в выражении мыслей. Вне подчинения нормам это невозможно. Подчинившись нормативным схемам, человек усиливает и направляет свою исходную активность. Этим человек и отличается от «активности» животных.

При этом сама функция механизма языка возникает в особой организации взаимодействия тех, кто преодолевает рамки эгоцентризма, самоограничивается ради согласованного бытия. Этот особый «момент» связан с дефектом неоднозначности предлагаемых нормативных версий. **Язык предназначен для внесения однозначности** версий, для чего и создается текст (синтагма) со своей структурой, создается словарь (пара-

дигма) с неявной структурой, правила созидания текстов и их понимания. Только достижение однозначности понимания любых сложных текстов при устойчивой парадигме и правилах свидетельствует о зрелости языка и созданности почвы для культуры. Все эти эффекты неотделимы от подчиненности субъективности человека «объективности» механизма языка в его статике и динамике. Только будучи подчиненным механизму человек приобретает свободу. Об этом прекрасно и говорит Гегель в учении о развитии духа.

Тем самым, человек в языке находит опору для «прохождения в мир деятельности», созидания его. Подчиняясь механизмам деятельности, человек приобретает и свободу, расширение активности, ее организованность. Это и показано в теории Гегеля о воле. Множество версий о воле, мы еще дадим обзор учений, не имеет такого же стройного рассказа о параллельности становления и развития воли и деятельности, социокультурности, как это сделано у Гегеля.

Сама деятельность возникает из преобразовательных отношений человека к «природе». Додеятельностная форма преобразований зависит от субъективной динамики в реальных условиях. А в деятельности преобразование подчинено нормам и их совершенствованию, вообще функционированию и развитию деятельности. Поэтому, что преобразовывать, какое именно преобразование должно быть, какие субъективные предпосылки должны иметь место, чтобы преобразование шло в объективной логике через посредство субъективности – это все центральные вопросы.

Если активность разделить на стихийную (Е – форма) и организованную (ИЕ – форму), то оискусствление формы проявления активности предопределено созданием особых, языковых средств, механизма «парадигмо-синтагматического» типа. Активность, как ИЕ – форма, становится необходимой для существования деятельности. Она «оживляет» нормативные схемы и структурирует их. Выход за норму здесь тоже не хаотичен. Это присутствует в проблематизации как одной из форм мышления, обращенной к нормативности. Субъект существует в деятельности в модальности возможности и поднормативности. Нужно говорить о взаимно-необходимости и взаимозависимости между активностью субъекта (в ИЕ – фор-

ме) и деятельностью. При развитии деятельности усиливается «оестествление» активности («творчество» в деятельности), но при изменении уровня абстрактности нормативных рамок. Здесь уже требуется техника абстрагирования и конкретизации в мышлении, чтобы не возвратиться активность в Е – форму. Это особая, инновационная форма активности (ЕИЕ – форма), опирающаяся на переходы по уровням абстрактности:

Иа→Ик→ИкЕ и ИкЕ→Иа→Ик→ИкЕ.

Появившись в условиях социокультурной среды, деятельность принуждает индивида становиться субъектом социотехнического и социокультурного бытия, так как она превращается в существующую безотносительно к индивиду. Только вовлекаясь и подчиняясь деятельности, субъект получает допуск и к поднормативной активности, нормативным инновациям, к творчеству в социокультурных системах.

Мозговой В. Хотелось бы еще про соотношение деятельности и активности, их структуры!

Анисимов О. Еще раз суть дела!

Вербицкий А. А еще о переходе к творчеству!

Трунова Н. Еще об активности в контексте механизма языка, парадигматики и синтагматики!

Матюшкин А.М. Какой феноменологии служит это?

Наумова Н. Как существует деятельность вне субъекта? Что будет, если ввести субъекта?

Анисимов О. Активность это характеристика субъекта, вовлеченного в деятельность, порождающего деятельность. Творчество нужно обсуждать после анализа деятельности. Иначе оно теряет свою социокультурную функцию и сводится к самореализации. Деятельность не субъективна, но без субъекта не существует. Активность в деятельности соответствует тому, что говорится о саморегуляции и самоорганизации. Однако творчество не сводится к деятельности. Способность к творчеству зависит от присвоения, овладения языкового механизма. Кстати, самих феноменов активности и активности в деятельности психология накопила достаточно. Дело не в этом, а в объяснениях, способах объяснения.

Техника объяснения зависит от теории, которую использует анализирующий. А теория зависит от способа теоретиче-

ской схематизации. Методики организованного анализа и исследования зависят от теории, акцента в теории и культуры ее использования. Если не учитывать предшествующие накопления в теории, то ее совершенствование будет стихийным, выключенным из истории науки. Я интересуюсь психологическим строем, способом бытия человека в деятельности, вхождения и выхождения из нее. Но без самой деятельности, ее онтологии и анализа конечно и психологический слой зависит. Важна реконструкция мотивационной динамики.

Вербицкий А. Структура деятельности видна. А где субъект? Субъект видит все свойства компонентов, организует их в данном акте. Потенциал деятельности актуализируется лишь тогда, когда включается субъект. Но почему синтагмы появляются? Субъект просто так не выдумывает средства, как говорил Выготский. Он их берет, осваивает. Употребляя, он подчиняется законам средства. Но свободен субъект в выборе из набора средств. Вот основное. Остальное – попытка подвести основание. Что кажется мне ценным? Четкое разделение деятельности, обычно кажущееся интуитивным, ни у кого нет четкого определения деятельности, от субъективного, оживления схемы. Возможна дифференциация всех бывших точек зрения, возможность работы с литературой. Я читаю много книг, а в голове ничего не задерживается. Ты говоришь, что деятельность до субъекта есть иное, чем эта организованность – докажите мол это?! Отсюда и социализация, ты говоришь. Родитель закладывает характер тот, который способен заложить имеющимися средствами. И Выготский об этом же говорил.

***Примечание.** В этот период (1973-1976 гг.) основным акцентом была воспроизводящаяся деятельность, описываемая схемой акта деятельности. Факультативность рефлексии и надстройки развития была преодолена к 1978-1979 гг. В оппозиции «вне-внутри» деятельности обсуждалось и бытие человека, как бытие в деятельности или вне её, имеющей фиксированную норму. Этим подготавливалось раскрытие понимания и принятие, самоопределения относительно нормы деятельности.*

Мозговой В. Деятельность у Олега предстает как совокупность компонентов. Как четыре ножки стула, спинка. Это значит, ничего не сказать. Почему активность есть характеристика субъекта? А почему деятельность не может быть характеристикой субъекта? Активность есть характеристика деятельности. Она то активна, то пассивна. Это разные стороны деятельности. Деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом. Активность это тогда, когда воздействие на объект преобладает над воздействием объекта на субъект.

Вербицкий А. Олег говорит, что если свяжешь все компоненты, то получишь деятельность.

Мозговой В. Есть продукт, цель, материал, средство. Они могут быть в голове. Не так понятие определяют. Нужно определить хотя бы через функцию. Можно было бы четче возразить.

Наумова Н. Понятия даются перечислением, а определения нет. Выделяются главные признаки. А понятие может работать не обязательно по всем признакам. Определение создается из функционального задания. С деятельностью и активностью полная путаница сейчас. Не различая их, нельзя ничего получить. Я подразумевала под активностью биологическую активность. Но когда я говорю «деятельность», я вношу социальный аспект, опосредствованность социальной деятельностью. Я могу копать яму рукой. Будет плохо – возьму лопату. Средство может усложняться. Как личность я вношу свои изменения, развиваю средства, осмысливаю и т.п. Всегда есть четыре вещи. Это вне человека. А когда включаю человека, опосредствованного, то возникает личность. Я анализирую это в теоретическом плане. Подменяя теоретический план с практическим, его смешивая, получим мешанину. Говоря о личности, о том, что он больше изменил, во что внес больше всего, то оказывается в средства. Личность познается в соотношении себя и деятельности, и мышления. Надо четко развести личность, мышление, деятельность средства.

Примечание. При задании структуры деятельности («акта») много внимания уделялось каузальным переходам. Но это как-то легко уходило из осознания дискуссионтов, и часто дискуссии были не эффективны из-за невладения каузальными техниками.

А.В. В докладе Олега я увидел глубокую мысль. На нее не обратили внимание. Главное, вероятно, способность сознания, мозга выработать план и ввести в него настолько, чтобы его реализовать. Это главное в деятельности. На конвейере человек осуществляет не деятельность, а часть технологического цикла. Это всего лишь зарабатывание на хлеб. Но он ввязывается во внешнюю логику, ставит себя как часть этой логики. Как это делается в голове, надо подумать. Может ли машина выработать план.

Трунова Н. Подход Олега уже может работать. Содержательно он еще не раскрыт. Надо и одобрить, и разрабатывать. Но включение человека в деятельность, это Олега или общепсихологическое утверждение? Сначала деятельность и личность разделены, а затем объединены. После Маркса, Гегеля...

Мозговой В. Побольше бы психологических определений деятельности! Это пока философия!

Щербо Н. Все, что говорил Олег, мне чрезвычайно понравилось.

Матюшкин А.М. Да, это все методически оригинально. И он прав, что еще нет развернутости. Последовательность – это хорошо. Но в чем трудность анализа? Развернутая Олегом структура в целом есть субъективная развертка концепции, некоторых средств. Не введя контекста, трудно понимать, доказывать. Это как постулаты. Почему я должен верить? Доказать это нельзя. Нужно исторически доказывать, для современников. Признают его через 50 лет, а сейчас могут и не оценить. Надо показать, против кого ты возражаешь! От чего отправляешься. Где другие определения деятельности? Вводится определение деятельности и оно тоже частично, но схватывает существенное. Ты берешь абстрактный, не существующий случай. Как это представить только продукт, от него восстановим материал, затем средства, затем – детали. Такая абстракция – плод фантазии. Но это и есть теоретический случай. И с определением активности, что там существенное? Деятельность мертва, если она не приписана к субъекту. Человек элемент социальной деятельности, отключаемой от реального человека и описать ее в полном виде нельзя. В этом смысле она совсем не человеческая. Категория – не психологическая. И спорить с Леонтьевым, Рубинштейном нельзя. Они решали

другие проблемы. Как ты перейдешь к психологии? Включение в деятельность – один из вариантов, может быть не самый эффективный. Психология тебе не нужна. Причем здесь свобода, творчество? Ты с самого начала свободу исключил. Поэтому нельзя и к феноменологии прийти. А средства твои оригинальные, важные. Я согласен. Но содержания здесь еще нет. Это нужно для экспериментального исследования. Показать «включение» экспериментально».

Примечание. Здесь соотнесли два подхода – традиционно-психологический и привычно исследовательский, с одной стороны (А.М. Матюшкин) и методологический, конструктивно-модельный (наш). Поскольку тогда мы еще не владели всей исследовательской «машиной», то справедливость упреков по этому основанию была несомненна. Но в принципе различие «предметного» и «надпредметного» (социотехнического) подходов здесь хорошо замечается.

Немного позднее мы рассмотрели понятие «активность» более подробно (19 VI.1975 г.).

«Для введения понятия с учетом деятельностного подхода следует осуществить генетическое конструирование, которое выступает, по отношению к материалу как особый тип реконструкции. Нужно пройти путь от простых категорий к соответствующей категориальной организованности по форме включения в «наполняемое» требуемых элементов и связей между ними. В результате генезиса станет ясной специфичность функционирования полученного «мира». Это еще не деятельностная логика, а основа движения мысли по логической форме. Деятельностное появится на определенном этапе. Само генетическое развертывание включено в более широкое целое деятельности развертывающего – в системе научной деятельности. В нем и опознается звено категориального «реконструктора». Тем более, что новые позиции, в том числе и «логика», возникает при разрешении трудностей в решении исходных задач, когда предшествующая деятельность не может преодолеть трудности самостоятельно без новой деятель-

ности. Новые средства создаются в иной, новой деятельности и применяются в прежней. Все это закрепляется за счет воспроизводства деятельности, повторности трудностей. «Две» деятельности уже не могут существовать друг без друга. Мы выделили снабжение средствами (прежней деятельности). Не забываем, что при фиксированной цели человек подчиняет ей выбор материала и средств, совмещение материала и средства. Для этого в свойствах материала следует различить его будущее, продуктное состояние, одно из возможных. Средства усмотрения будущего и теперешнего состояний, возможных состояний дает ученый. Познание реализует инструментальную функцию. Оно разворачивается в кооперативное целое. Деятельности, по тем же «законам» разворачивания систем деятельности.

Процедура псевдогенетического разворачивания появляется на поздних этапах становления научной кооперации. Она включает в себя использование наборов категорий как средств описания бытия любой «вещи».

Содержание понятия «активность» появляется. Поэтому нужно зафиксировать предшествующие шаги. Как конструкторы мы имеем понимание того, что нужно получить в конце пути, с одной стороны, и набор категорий, с другой стороны. Результатом станет онтологическая схема как замещение представления или «идеи» активности.

Нам нужны категории «нечто», «отношение», «состояние», «изменение», а также «часть», «целое», «направленность». Нечто суть часть более сложного нечто, где есть иные части как нечто, входящие в отношения с исходным нечто. Отношения между нечто и иным нечто ведет к изменению состояния исходного нечто. Состояние предполагает постоянность частей и отношений между ними. Изменение состояния может быть направленным. Если часть обладает способностью возвращаться в исходное состояние после угасания воздействия или его нейтрализации, то направленность станет временной и меняет «знак». В бытии нечто изменение и неизменность сосуществуют. Неизменность рассматривается в рамках времени большем, чем время цикла, а изменения – меньше, чем цикл. Целое предполагает изменение состояний (сх. 1).

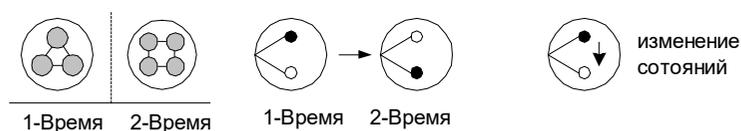

Схема 1

Сначала целое «выглядит» как структура, меняющаяся со временем. Затем совмещаются фиксации внешних образов («структур») и утверждается, что целое, нечто меняет состояния. В одном состоянии другое из них рассматривается как потенциальное. И тогда при изменениях потенциальное состояние актуализируется, а актуальное – потенциализируется. Следует рассмотреть различие между бытием элементов как частей нечто и их существованием вне нечто. Тогда изменения могут предполагать введение «частей» и их извлечение из нечто. И этим предполагается, что до включения этих частей для них в нечто уже есть «место» как «проект» части. Целое следует рассматривать как системо-структурный «проект» с его реализацией в ходе заполнения проектных мест. Иначе говоря, вещи, вовлекаемые в реализацию проекта нечто, подчиняются «требованиям» (законам бытия) проекта нечто. Можно сказать, что *реализация* проекта нечто происходит *либо «природно»* (естественно), *либо в деятельности*.

В деятельности актуализируется то в нечто, которое значимо для общества (сх. 2).

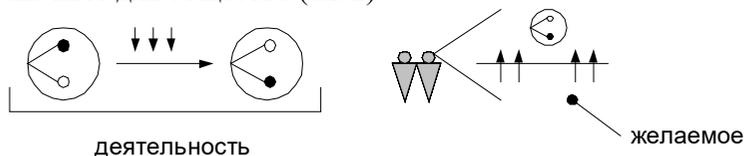

Схема 2

Проект – термин деятельностного мира, так как он является результатом мышления при подготовке к деятельности. В деятельности осуществляется направленное изменение нечто. Если говорится о том, что среда воздействует на нечто "естественно" или вне деятельности, то *изменение* состояния следует считать *ситуационным*. Все отношения можно рассмотреть как воздействия или как включение (выключение)

элементов среды в нечто. То и другое может быть нормативно соответствующим, что и характерно для деятельности, реализации проекта (сх. 3).

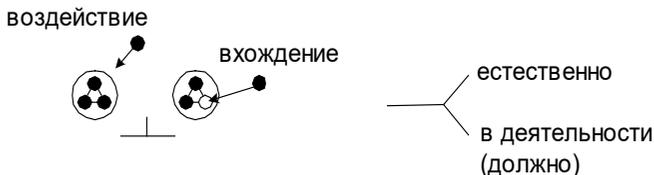

Схема 3

Устойчивость состояния зависит от «заполненности» всех звеньев структурного места для привлекаемого извне. Если же заполнены не все места, то *создается потребность*. Она выступает как динамическая составляющая состояния, представляющая как конфликт между «требовательностью» места и его наполнения, а также устойчивостью частей «заполненных» и не заполненных, стимулирующих динамику. Включение элемента среды в состав нечто на «свободное место» восстанавливает равновесие и преодолевает конфликт. *Нечто* всегда «стремится» к равновесию как к статике или динамике – *воспроизводству*. Поэтому включение предстает как удовлетворение стремления, потребности, возврат к «исходному» состоянию.

В целом изменения совмещаемые с принципом сохранения, воспроизводства бытия нечто и структуры нечто включают этапы «выведения» чего-то из нечто и «заполнения» им места в нечто. Сами экземпляры этого «чего-то» могут быть различающимися, но однотипными, могущими соответствовать «требованиям» места.

Можно представить избыточное заполнение морфологией («чем-то») требующих мест в нечто. Это не сводится к ситуации воздействия внешнего на внутреннее. Но *каковы механизмы включения* необходимой морфологии? А механизмы включения той морфологии, которая не является внутренне необходимой?

Следует ввести альтернативы: **изменения предопределены извне** (воздействием) **или внутренним** бытием (сх. 4).

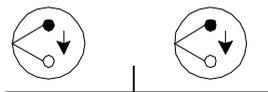

Схема 4

Во втором случае мы имеем дело с «органическим» или организмическим типом нечто. В реальности мы имеем дело с совмещенным участием того и другого варианта. Более того, сама структура места может предопределяться извне и изнутри. Во втором случае воспроизводство имеет более надежную почву. Она («почва») **опосредствована генетическими механизмами, схемами развертывания**. Кроме того, само состояние имеет воспроизводящий механизм за счет "перевода" напряженности в одной части на другую. В этой смене напряжений участвуют все части, «акцентирующие» свое внутреннее «воздействие» на одну, «последующую» часть. Это внутренние аналоги внешних воздействий среды. Различие состоит в том, что цель переводов напряжения должна восстановить исходное положение, воспроизвести начало цикла напряжений (сх. 5).

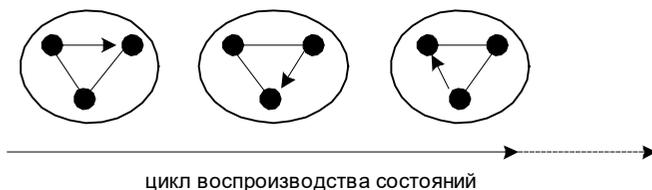

Схема 5

Если включенное в нечто не соответствует «требованиям» включающего, то оно может быть включено лишь при изменении состояния, могущего стать соответствующими месту. Изменение может быть и «количественным» и «качественным».

Кроме того, *при отсутствии потенциала адаптации* нужное состояние может создаваться *преобразованием* или внешне предопределяемым, и в рамках образа будущего состояния изменением включаемого (сх. 6).

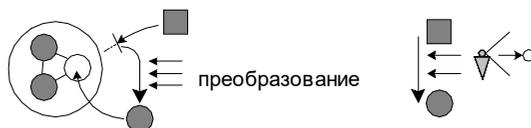

Схема 6

Требование к результату преобразования строится исходя из знания устройства иного – преобразуемого, а не только исходя из знания устройства нечто. Однако в социокультурной практике требования могут идти не от знания возможного состояния преобразуемого, а от «желания» (заказа). В этом случае проявление особенностей актуального состояния «игнорируются» и для усиления надежности получения желаемого вовлекаются иные нечто или используются выгодные обстоятельства.

Надо различать воспроизводимое бытие в двух типах существования нечто – «в-себе сущего» и «для себя сущего». Во втором случае «в-себе сущее» остается основой «для-себя сущего». Если «в – себе сущее» не преобразуется под воздействием извне, то «для - себя сущее» предполагает это преобразование при воздействии извне, но без смены «в-себе сущего».

Итак, если нечто входит в отношения с внешней средой и в ней находит возможность восстановления внутреннего равновесия или «полного заполнения» мест, то *активностью* можно назвать сам *поиск и привлечение внешне находящегося «наполнения»* места в структуре мест. Причиной активности служит механизм соответствия и приведения в соответствие места и наполнения. Этот механизм относим к «законам» универсума – соответствие не может быть нарушено на длительный срок, за пределами цикла (пульсации) бытия. Внешнее проявление нечто как «активное» имеет, как мы

видим, **внутренний источник – отхождение от соответствия**, в рамках того же цикла как единицы бытия (сх. 7).

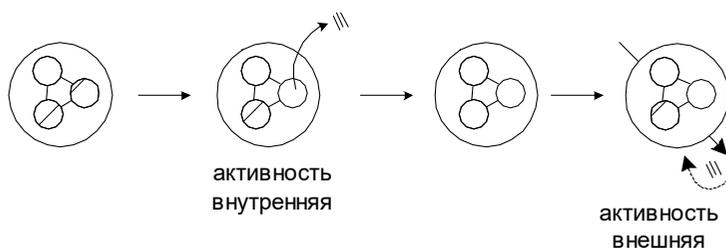

Схема 7

Размещенность наполнителя в пространстве ведет к **пространственно-ориентировочной активности**. Внутри нечто активность может быть названа **пространственно-структурно-фокусной**. Если же наполнитель не соответствует месту, то может быть **активность преобразовательная**, приведение наполнителя в соответствие. Преобразование само может осуществляться внутри и вовне. Здесь мы приходим к порогу естественной активности, за которым уже возникает иная активность – социокультурного характера. Она ведет к **активности в деятельности**. Ее критерием выступает **использование иного нечто в качестве средства преобразования**. Само использование иного нечто как средства может быть «естественным» (или донормативным) и «искусственным» (или нормативным). Во втором случае средство (иное нечто) извлекается из естественных связей и зависит от интенции субъекта, преобразовательно использующего иное нечто (как средство). **Средство** в деятельности само **является продуктом** преобразовательного действия. Чтобы получилось то, что необходимо, целевое представление должно быть предельно определенным и выступать как ориентир в преобразованиях. Преобразование может быть заменено конструктивным синтезом, если достаточно соединить то, что уже есть в наличии (сх. 8).

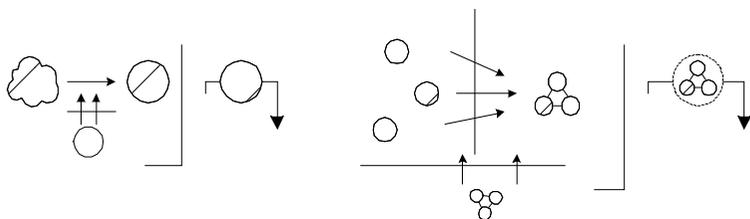

Схема 8

Проектирование состоит как раз в конструировании, но средствами языка, образа, нормативного, будущего результата. Для этого должна быть уже имеющаяся парадигма языка».

***Примечание.** Размышления об активности были связаны с размышлениями о связанности деятельности, волевых механизмов и телеологии. Практически в ходе привлечения предельных онтологических абстракций и дооформилось представление о деятельности и ее составных частях, а затем и об участии человека в деятельности. Приведем материал, касающийся телеологии (9 IV.1975).*

«Телеологические версии появились давно. У Аристотеля цель была одной из важнейших категорий. Этическая проблематика Платона вела его к воле, что неотделимо и от цели. Характерно, что в размышлениях об активности представлены размышления и о свободе воли, например у Вильденбанда. И Гегель соотносил активность и деятельность, активность и волю. В деятельности средство вводится в преобразующее отношение к материалу и так, чтобы получить результат, соответствующий цели, получить продукт. Поэтому средство зависимо от материала и цели, возможности приведения материала в соответствие с целью. Средство обслуживает получаемость продукта и потому к нему «прикрепляется» соответствующий способ применения. В функции средства лежит основа его нормативности, внутренней – для морфологии средства, и внешней – для достижимости преобразовательного результата. Но нормативность преобразовательно выступает и

для человека, заставляя его подчиняться логике бытия средства. Активность человека, фиксируемая вовне, становится следствием внутренней активности, обращенной к самому себе – самоорганизации в рамках подчинения средству. Гегель говорил о хитрости разума, противопоставляющем средство и материал так, чтобы получить желаемое. Но он же и показывал, как проявляется нужда в средствах и зависимость от средств, могущая извлекать человека из случайности его бытия. Средства как бы учат человека уму разуму. Для этого им приходится самим обнаруживать в себе всеобщее, что возможно лишь в случае вовлечения человека в обнаружение. В этом цикле отношений человек меняет вещи и меняется сам за счет адаптации к измененным вещам. Тем более, когда вместо вещи выступает другой человек. Подчиняясь другому, человек вырабатывает в себе качества, обеспечивающие подчинение другого или подчинение вообще иного себе. Подчинение человека появляется даже в ходе познания, когда выявляется возможность изменения состояния вещи. Если не подчиниться логике вещи, то познание станет иллюзорным и подчинение вещи замыслу станет также иллюзорным.

Телеологическое начинается тогда, когда вводится гипотеза о наличии неестественного перехода из одного состояния нечто в другое. Это значит, что переход определяется не стихией внешних и внутренних факторов, а наличием внутренней и неслучайной детерминации. Нечто тогда имеет «замысел», относительно которого используются возможные переходы от одного состояния к другому, и так, что только «желаемый» результат остается, а остальные – исключаются. Возможное переходит в необходимое, за счет отрицания иных возможных. Само нечто имеет механизм предпочтения одной из многих возможностей. Само же предпочтение дополняется не только отрицанием, вытеснением, но и нейтрализацией действия факторов, «мешающих» предпочтению.

Как мы видим, воля и есть тот механизм, который нейтрализует препятствия к реализации, активному воплощению предпочтения одной из возможностей достижения цели. Если содержание предпочитаемого касается не внутренней жизни субъекта как особого нечто, а бытия иного нечто, то воля перевоплощается в деятельное бытие субъекта. В деятельное бы-

тие входит не только проявление воли, но и все то, что обеспечивает переход от актуального состояния нечто (материал) в возможное, но необходимое (продукт). То есть в деятельность вовлекаются и средство, как воздействующее и как преодолевающее сопротивление материала в его продвижении к продукту.

Телеологичность или целецентричность, целенаправленность человека как нечто, обращенная к себе же ведет к самоотношению, к самовоздействию и к самонейтрализации преград к целедостижению. Это и означает переход от доактивной формы бытия к активной, переход к активности. При обращенности к внешнему телеологичность превращается в деятельность. Активность включает в себя и волю, как частный механизм нейтрализации внутренних сопротивлений к целедостижению. Воля может включиться и в деятельность, когда сопротивление материала переходит в сопротивление внутреннего для человека, мешающая целедостижению. Точно также и «сопротивление» средства произволу его использования может перейти в сопротивление внутреннего и тогда вновь включается воля.

При анализе воли философы и психологи все то, что сказано выше, подвергали рассмотрению. Примером анализа может выступить размышление Аристотеля, а также Плотина. Мы провели обзор множества версий воли, особенно в конце XIX и в XX вв. Анализ показывает, что самовоздействие, самонейтрализация, воздействие на внешнее, нейтрализация внешних факторов в целедостижении и само отличие целедостижения в рамках удовлетворения потребности от целедостижения в рамках реализации нормы – все это слабо разъединено. Поэтому и понятия «активность», «деятельность» и т.п. остаются не достаточно различенными и оформленными, недостаточно соотнесенными и связанными друг с другом. Анализ средств здесь также «не завершен». Хотя социокультурный анализ Л.С. Выготского, других, в частности А.Н. Леонтьева, позволил «отделить» средство от человека. Но полностью отделение произошло в мысли методологов, например, Г.П. Щедровицкого. Прототипы были сделаны и у Фихте, у Гегеля. Но выделенность средств, конституирующих прежде всего деятельность, а лишь вместе с деятельностью и

бытие социокультурного человека, произошло у Маркса, а затем в ММК. Точно так же происходило «отделение» целей и норм от человека. Благодаря этому и возникла онтология деятельности, а не человека "осуществляющего деятельность". Цель не должна меняться при ее достижении «кем-либо» и «в чем-либо». Она этим и отличается от мотива. У цели нет состояний. Вторично лишь строятся промежуточные цели. Здесь мы не говорим о самодостижении сущностью своей цели или «идеала» в ходе развития, как это любил утверждать Гегель».

Немного позднее, 22.1.1976 г. мы вернулись к этой теме в анализе сущности «индетерминизма». Нас интересовала общая база для рассмотрения активности в познании, явлений конструктивного, а не имитационного начал в мышлении.

«Детерминизм и индетерминизм обращают акценты на разное в целостности причинно-следственных целей. Однако чтобы эти акцентировки могли войти в план анализа и создать два направления мысли, аналитик должен построить онтологическую схему как средство обнаружения и введения акцентов. Эта схема – продукт мыслительного конструирования, но с направленностью на отражение, мыслительное выражение представлений об объекте познания. Не в материале наблюдений ищется различие между детерминизмом и индетерминизмом, а в различии акцентировок на единой онтологической схеме. Затем эти акценты используются в отборе материала, соответствующего, и подтверждающего право на существование, акцента. Поэтому детерминизм и индетерминизм неотделимы от техники введения и использования онтологических схем как семиотических конструкций, от введения синтагматики и парадигматики языка схем. Чем «чище», жестче эта семиотическая система, тем определеннее можно делать выводы на базе схемы. Совершенствование такой системы ведет к появлению эффекта однозначности. Сохранение многозначности порождает множество недоразумений при историко-критической реконструкции динамики, «движения» взглядов на детерминизм и индетерминизм. В свою очередь чистота семиотической конструкции предполагает соразмерное «очищение» сознания мыслителя. Иначе при точности схемы дефекты

будут порождаться стихийностью работы его сознания. Он должен пройти путь от смыслового характера представлений к значению и понятийному. Онтологические схемы в смысловых выражениях невозможны, так как онтология нейтрализует субъективную динамику в мысли. Теоретик отождествляется с «самим» объектом.

Акцентировка в онтологической схеме связана с активным проявлением в мышлении, с постановкой и решением мыслительных задач. Например, задача выделения того, что различимо и не сводимо друг к другу в онтологеме. Когда выделение произошло, то могут быть задачи по отслеживанию «поведения» какой-либо выделяемой части онтологемы, каких-либо единиц при мыслительно вводимых условиях. Эти условия для разных единиц выступают как значимые по разному.

Если акцентируется зависимость состояния объекта от внешних условий, то появляется идея и направление анализа - «детерминизм». Но зависимость возможна лишь при наличии чувствительности к внешнему воздействию. Поэтому надо вводить два типа – реагирование и нереагирование (сх.9).

Схема 9

Так как нечто может и не реагировать, то этим фиксируется его некоторая устроенность и сохранность устроенности. Но это означает, что внутреннее устройство является фактором «запуска» или «незапуска» реакции. Продолжая эту линию, можно представить внешнее проявление нечто без внешнего воздействия. Само устройство в его динамике становится причиной внешне заметного поведения нечто (сх. 10).

Схема 10

Иначе говоря, внешнее проявление может иметь внешние и внутренние причины (сх. 11).

Схема 11

Детерминизм вырастает из акцента на внешнюю причину, а индетерминизм – на внутреннюю причину. Онтологическая же схема должна совмещать оба варианта. В этом плане, внешнее воздействует через внутреннее и оно «провоцирует внутреннюю детерминацию – «индетерминистическое» в «детерминизме». Поскольку нечто связано с иным в универсуме и все зависимо, то и в «индетерминизме» всегда можно найти отзвук «детерминистического». В этом и состоял философский принцип «всеобщей каузальной связи». Живет как бы весь универсум, хотя наличие устройства тех или иных нечто и создает эффекты то абсолютной чувствительности и зависимости (детерминизм), то нечувствительности на определенном временном промежутке, то «активности» внутреннего и его перехода во внешнее проявление (индетерминизм). Внутренняя устроенность создает эффект автономного существования нечто, самосуществования, в котором все части целого согласованно вносят лепту в существование целого. Это и является критерием существования «механизма» нечто. В непроявлении, в проявлении вовне, при наличии или отсутствии повода, воздействия извне все зависит от особенностей механизма.

Итак, в случае детерминизма и в случае индетерминизма основу составляет внутреннее проявление механизма нечто (сх. 12).

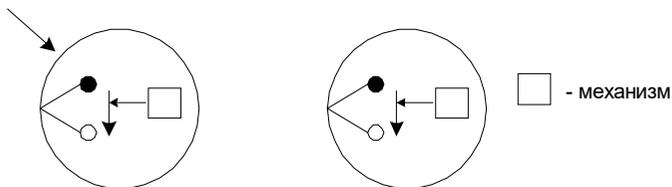

Схема 12

Поэтому причиной и проявления, и не проявления нечто выступает механизм. Поэтому, когда Кант создавал свою критическую философию, то он «всего лишь» осознал роль механизма в построении познавательного и преобразовательного, любого поведения. Без анализа механизма нельзя понять разнообразие замечаемых феноменов. Когда механизм обладал «активностью», то он отходил от принципа отражения. Когда же механизм активность не проявляет, а его внешнее проявление вызываемо «извне», то принцип отражения, имитации, уподобления становится ведущим. В этом случае и говорится о незначимости вносимых «внутренним» деформаций в прямое повторение характера внешних воздействий внутри и внешних проявлениях внутреннего. Более очевидным становится и утверждение Беркли, Локка и др. о том, что знания – всего лишь «призраки», так как они суть результаты работы механизма.

Механизмичность нечто означает, что нечто ведет себя как «одно», где нет рассогласования между частями, вносящими вклад в поведение нечто. Но каждая часть имеет относительную самостоятельность, так как обладает своей устроенностью. Следовательно, механизм как «одно» не противостоит самостоятельности нечто и различности в самостоятельности. И тогда возникает относительность самого «одного», его, механизма, «однородности». Механизм усматривается как совмещающий признаки «одного» и «синкрета различного». Второе и используется как принцип объяснения «состояний» нечто, в отличие от объяснения нечто как механизма, как основы перехода от одного состояния к другому. Состояние – это видимость иного нечто и смена состояния – это переход от одной видимости к другой. И та, и другая – всего лишь раз-

личные проявления одного – механизма нечто. Не случайно Гегель говорил, что душа остается одной и той же, а ее проявления – различными. Механизм поэтому понять путем сбора поведения частей – невозможно, так же как понять психику и «Я» человека через соединение нервных клеток.

Следует также различать морфологическое в нечто и его функциональное, совмещение которого с морфологическим и порождает механизм. Функциональные характеристики появляются через отношения, а не через сами части. В отношениях «отвечают на вопрос» о том, какова значимость части перед иной частью, значимость нечто перед иным нечто, перед «всеми» иными. И тогда нечто имеет свое предназначение либо для другого нечто, либо в единстве всех нечто в универсуме. Но предназначение – постоянно, а проявления – не постоянны, зависимы от ситуаций и их смены. Постоянное целое предназначение дает функциональные характеристики целого, частей и т.п. Иначе говоря, механизм – это особая форма организованности связей, отношений, которая предстает как одно.

В индетерминизме выделяются такие особенности механизма, как его самовозбудимость. Следовательно, те механизмы, у которых самовозбудимость или, как говорил Гегель, разотождествления с собой не развиты, то оно обслуживает лишь вызванные проявления, детерминизм. Дух, по Гегелю, обладает высшим уровнем динамики разотождествления. Природа психики и у Аристотеля связана с «активностью» формы, в отличие от «пассивности» материи.

Механизм нечто, опирающийся на отношения частей друг с другом, включает в себя еще одну особенность. Когда говорится о том, что отношение имеет место, это означает, что в бытии нечто произошло «разотождествление» между собственно «своим» и тем, что отождествляется с иным нечто, то, «что похоже» на него, воспроизводит особенности иного нечто. Но воспроизведение производится «своими силами». Поэтому это становится «как бы иным» внутри нечто. В этом отождествлении нечто создает в себе свое инобытие. Такой механизм реагирования Гегель рассматривал как проявление духа. Но «дух» у разных типов нечто, имеющих различный уровень развития – разный. Тем самым, «связанное с иным» нечто совмещает два типа бытия – «свое» («в-себе») и «не свое»

(для-иного). Но именно двойственность бытия и порождает новые целостности, ведет к возможности более охватывающих целостностей. В тоже время, в бытии «не своем» для создания эффекта устойчивости новой целостности требуется гармонизация в целостности бытия. Она достигается при коррекции бытия «для-иного» в зависимости от особенностей нечто «в-себе». Это и приводит к бытию «для-себя», в котором учтено и внешнее, и внутреннее в отношениях каждого нечто.

С иной стороны, разделение слоев в нечто приводит и к эффекту отражения, познания. Значение – это и есть то бытие «для-себя», которое рассматривается самим нечто, его «в-себе» бытием как представительство иного нечто, как то, на что следует ориентироваться, чтобы учесть свойства иного нечто. Нечто придает этому образу статус существования и образ становится «объектом» (иным нечто) внутри (сх. 13).

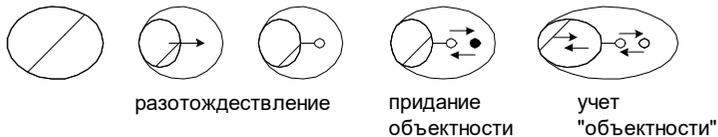

Схема 13

Во вторичном реагировании на «содержание» образа, на «объект» как внешний по функции и внутренний морфологически и проявляется работа познавательного механизма, а затем и корректировочного механизма (самокоррекции), ведущего к развитию нечто. Оно связано с разотождествлением не по внешнему поводу, а из-за образа внешнего, иного нечто. Чем значимее содержание образа иного, при интенсификации воздействия иного нечто или безотносительно к этому, тем больше вероятность внутренних трансформаций в нечто и его качественных преобразований, преобразований механизма.

Итак, детерминизм и индетерминизм суть две акцентированные версии внутреннего регулирования механизма нечто на внешние и внутренние условия бытия нечто. Наиболее полную картину трансформации внутреннего в линии развития субъективности дал Гегель. Было бы крайне значимо реконструировать эти взгляды. В сравнении с ним версии Шопенгауэра,

Гартмана, Меймана, Пиаже, Валлона, Выготского и др. менее тонки и систематичны».

Следует подчеркнуть, что соотношение внешних и внутренних факторов для проявлений и трансформаций механизма «нечто» разного уровня остается актуальным и в наше время. В частности, эти и подобные размышления позволили выделить не только общую картину познавательной и преобразовательной деятельности, но и саму базовую схему развития языка и языковых средств, появления «предикатов», их форм существования в мышлении. Без подобных схем не удалось бы прийти к «технической» схеме логики систематического уточнения.

III. ЗНАКОМСТВО С ПАРАДИГМОЙ ЯЗЫКА ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(версия 1980 г.)

Анисимов О. (далее по тексту: А): Задача состоит в том, чтобы понять исходные схематизмы (ЯТД) как элементы методологической парадигмы, а затем попытаться построить синтагматические переходы в "формальном" стиле, строя правильные умозаключения. Использование схем как инструментов должно происходить по методу (логика "восхождения" от абстрактного к конкретному"), содержание которого выражено одной из схем парадигмы. Используя все схемы ("Азбуки"), мы должны получить эффект "чистого" и системного освоения и оспособления ЯТД. В перспективе это позволяет входить в решение любых задач систематически, организованно, опираясь именно на технику мышления. Трудности должны быть лишь в содержании. Задача может быть такова, что в ее решении возможно совершенствование самой парадигмы. Как и Декарт мы говорим, что не знаем, какое будет решение, но знаем, как идти. Вот в чем суть работы.

***Примечание:** Установка дана такой, чтобы и "познакомиться", усвоить языковые средства, согласовать их значениевые понимания ("нового" потенциального потребителя ЯТД, хотя и очень опытного, и автора ЯТД), с одной стороны, и применить эти средства в выведении сложных, последующих в логическом ряду, из простых, предшествующих в ряду, с другой стороны. Осваивая синтагматический переход, "новичок" может продолжить подобную работу в решении тех задач, которые перед ним станут. Тем самым, освоение парадигмы совмещается с освоением синтагматического процесса и механизма.*

Механистический подход обеспечивает, по установке автора, свободу в переносе, в работе с "любим" материалом и "любой" задачей.

А: В известных практиках обучения мышлению забывают о принципах развитого обучения. Оно предполагает введение изменяемого "аппарата" (мышления, голоса в пении и т.п.) в тот режим, который позволяет решать задачу. Нужна "постановка голоса", а не привлечение прежнего аппарата в решении задачи. Методологов учат теперь в стихии практики. Но средства, которые даются в практике методологического мышления, должны не совпадать с теми, которые следует вводить в обучение методологическому мышлению. В обучении не задачи решаются, а формируется способность к решению задач. Поэтому и средства, как предмет усвоения, должны быть соответствующими задаче обучения. Мы эти, как ты понимаешь, средства и будем осваивать. Этим я отличаюсь в содержании средств от Г.П. Щедровицкого, который не учитывает контекст обучения. Он мне в 1977г. сказал, что не знает, как обучать методологов и не уверен, нужно ли это делать особо, дополнительно к реальной методологической работе. Я создавал язык, "Азбуку" для рутинизации методологического мышления, опираясь на общие способности мыслить этими средствами. И только через рутинизацию можно приступить к обучению владению средствами именно в рамках М-культуры. С помощью моих схем, во многом похожих на схемы Г.П. Щедровицкого, можно реконструировать содержание всех схем, накопленных в ММК.

Порядок работы будет таков. Я ввел схемы, а ты читаешь. Понимаешь их так, как сможешь. Я буду как бы "обискуствлять" понимание. Изобразительность схем должна частично снизить уровень сложности и точности в понимании, преодоления стихийного их восприятия. Понятно?

Ясницкий Ю. (далее по тексту: **Я**): Да. Начнем.

А: Начнем со схемы "функционирования деятельности" (см. сх.1).

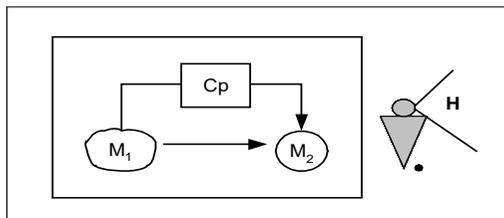

Схема 1

А что такое **функционирование деятельности?**

Примечание. Вводится вопрос раньше, чем пояснения автора. Этим фиксируется реальное понимание того, о чем ведется речь. Именно оно должно модифицироваться в последующем формирующем, корректирующем (в рамках понятийного ориентира) воздействии на "новичка". Этим закладывается иной подход и специфика образовательного события, начало работы педагога, влияющего на содержание сознания и механизмы сознания, мышления, памяти, внимания, самосознания и т.п.

Я: Это, прежде всего, исходная, универсальная, минимальная схема, состоящая из определенных компонентов и которая позволяет описывать любую деятельность в ходе ее разворачивания.

Примечание. В отличие от "подлинно начинающих", которые содержательно отвечают на вопрос и чаще удивляются, почему их спрашивают, не рассказывают про новое, Ю.Г. Ясницкий является опытным мыслителем и методологом. Он сразу выделяет не содержание, а форму схемы, т.е. формную, инструментально-технологическую предназначенность схемы.

А: Схему можно наполнить различным материалом смыслов.

Примечание. Обучаемому делается намек на то, что следует обратиться к содержательности схемы и дать свою смысловую версию. Только тогда можно начать путь к значению.

Я: Эту схему можно разворачивать в направлении решения любых задач, в любой деятельности и до любого уровня конкретизации.

***Примечание.** Обучаемый сохраняет инерцию формного рассмотрения схемы.*

А: Схема может быть разворачиваемой. Что это означает?

Я: Детализация, конкретизация наполнения.

А: При конкретизации структура остается той же?

Я: Сохраняется, но видоизменяется. Это зависит от ситуации.

***Примечание.** Обучаемый сразу вводит известный обоим логический аспект, логическую форму будущего движения. В нем есть и исходный предикат, фиксированная схема, и модификация, конкретизация схемы, и "внешний" ориентир – субъект мысли.*

Но пока у нас ситуация не синтагматическая, а парадигматическая, введения одной из схем. Не нужно схему разворачивать. Следует ввести версию содержания схемы. Предположим, ты смотришь на ситуацию и в "руках" мыслительных у тебя данная схема. Что ты можешь увидеть в мире деятельности?

Я: Функционирование деятельности.

***Примечание.** Обучаемый пользуется названием и не дает содержательной версии. Для него как бы очевидно содержание и эту очевидность он "распространяет" и на других. Этим скрывается его индивидуальное видение "сущности" деятельности по критерию введенной темы (и схемы).*

А: Содержание схемы будет меняться, когда ты смотришь на деятельность с помощью схемы I?

***Примечание.** Подчеркивается то, что отделяет предикативную схему, элемент азбуки от результата созерцания деятельности, могущее меняться в зависимости от внутренних и внешних факторов.*

Я: Вопрос не ясен. Как может меняться содержание схемы, если я эту схему держу как очки? Не меняется.

***Примечание.** Обучаемый заметил акцент, подхватывает его и демонстрирует, в отличие от "подлинно начинающего" посвященность в различие между содержанием и формой, материалом и*

инструментом мысли, созерцанием и мышлением и т.п.

А: Очень хорошо.

Я: Но материал, который попадает в отдельные места схемы, зависит от того, какая у меня задача.

***Примечание.** Обучаемый вводит контекст сопоставления "ситуации" и "средства" мысли, о чем рассуждать не было необходимости. Требуется говорить лишь о средстве мысли*

А: Когда ты смотришь на деятельность с помощью схемы функционирования деятельности, она может разворачиваться?

Я: С какой позиции идет речь – исследовательской или социотехнической?

А: В рамках познавательной позиции. У тебя лишь одна схема.

***Примечание.** Делается намек на то, что при наличии одной схемы нет нужды ее разворачивать. Кроме того, нужно научиться пользоваться сначала одной схемой, а уж потом множеством схем. Это соответствует первой характеристике мышления по Гегелю – "абстрактность" или пользование абстракцией.*

Я: Нет, разворачивать не надо.

А: Отлично.

Я: Но схема разворачивается в мышлении.

***Примечание.** Обучаемый "соскальзывает" в сложное, иное мышление, решение не поставленной в данный момент задачи, хотя это и предполагается в цикле работ.*

А: Ты имеешь в виду разворачивание картины, содержания схемы?

Я: Я говорю, что мы видим. Но видеть недостаточно. Следует разворачивать...

***Примечание.** Обучаемый отвлекается на субъект мысли, на само созерцание, вместо процедуры применения фиксированного предиката. А под "давлением" сложности субъекта мысли уже готовится идти не только с фиксированной схемой.*

А: О разворачивании здесь и не может вестись речь.

***Примечание.** Обучающий переходит от намеков к коррекции и вводит ограничения.*

Я: Почему не может?

А: У тебя есть схема, "очки", а они не разворачиваются. Тем более, что "очки" единственные.

***Примечание.** Обучающий указывает на средственную сторону вне связи с содержательностью, чтобы отвести обучаемого от его ухода к содержательности и динамической стороне работы со средствами.*

Я: Но, если мы решаем задачу...

А: Ты выходишь из рамок, в которые я тебя ввел с самого начала. Ты смотришь на деятельность "через" схему и что-то видишь. Даже если ты смотришь не на деятельность, а на иной тип события, а средство мышления у тебя – наша схема. Что ты можешь видеть?

***Примечание.** В коррекции обучающего более принципиально ставятся рамки задачи и акцентируется содержательность схемы как средства анализа "чего-либо". Содержанием средства, в силу того, что оно первое и единственное, вводится и подход к анализу, деятельностный, точнее – функционально-деятельностный.*

Я: В дереве тоже нужно искать и видеть деятеля?

А: Схема, а не дерево тебе диктует "искать" деятеля.

Я: Но в дереве не найти деятеля!

А: Если смотришь без схемы, то не увидишь. А если через схему смотришь, то можешь и увидеть. Вот колышется дерево и ветки.

Я: Причину что ли искать? Причину колебания? Кто-то там есть?

***Примечание.** Обучаемый стал отходить от своего самовыражения и "помещаться" в рамки задачи. Он подхватывает контрастный пример и начинает процесс поиска того, что нужно.*

А: Вот и хорошо. Вот ты одел "очки". Можешь ты что-то увидеть такое, что в очках есть, что положено видеть?

Я: Если смотрю только на дерево, то не увижу. А если одену "очки".

А: И что ты можешь увидеть?

Я: Если иметь в виду только дерево, то "увиджу" материал деятельности. Потому я и затруднялся. Не понял твоего вопроса. Где здесь иное, что есть в схеме?

А: Можно увидеть. Например, с точки зрения продукта. Разве продукт это не "бывший" материал? Эта сторона продукта может быть замечена?

***Примечание.** Обучающий стал двигаться в измененной задаче – соотношении субъекта и предиката. Этим он увеличивает оперативную близость к обучаемому. В рамках этой задачи он показывает возможность применения схемы за пределами прямого подтверждения и в рамках системных, объектно-каузальных отношений между частями "идеального" мира, мира предикативного.*

Я: Я понял.

А: Тогда вернемся. Что же такое "функционирование деятельности"?

***Примечание.** Обучающий после достижения согласованности близкой к исходной задачам, переходит к началу всего хода взаимодействия, предполагая, что согласование и само обсуждение, которое состоялось, помогут в решении фиксированной задачи.*

Я: В плане структурного анализа – компоненты и связи между ними. В качестве компонентов входят деятель со способностями, принявший норму деятельности.

***Примечание.** Обучаемый ввел абстрактный уровень, выходящий за рамки "прямого" содержания, мета-средства анализа ("компоненты", "связи"). Но затем "опустился" до нужного уровня конкретизации, до рамок деятельностного анализа.*

А: Ты начал с семиотической и даже абстрактно-онтологической стороны характеристики схемы. Рассказ о схеме как изобразительной единице и конструкции здесь непосредственно не нужен.

Я: Хорошо. Функционирование деятельности включает в себя человека с его целями и способностями, который принял норму деятельности.

А: А о целях в схеме что-то сказано?

***Примечание.** Хотя в норме все начинается с нормы результата, т.е. цели, в самой схеме это не выделено и поэтому не входит в объем ответа. Обучающий обращает внимание на ранее отсутствующее в ответе и стремится выяснить, каким образом оно появилось.*

Я: Я вспомнил. Схема функционирования деятельности имеет и субъекта, и объект. Часть, которая имеется в схеме у Г.П. Щедровицкого...

А: Но ты смотришь-то на эту схему. Других схем ты не должен знать. У Г.П. Щедровицкого, у Аристотеля, у Гегеля. Других схем у тебя сейчас нет.

Я: Но я должен соотносить...

А: Нет, не должен. Нельзя соотносить и вспоминать.

***Примечание.** Обучающий корректирует и действие, и рамки действия, стремясь вернуть обучаемого в пределы поставленной задачи.*

Я: Хорошо. Есть деятель, обладающий способностями, принявший норму деятельности.

А: Он обладает любыми "способностями"?

Я: Какие-то у него есть, что и сказано схемой.

А: Какие-то есть, если фиксировать внимание на части схемы и не соотносить с другими.

Я: А с чем соотносить?

А: С нормой. Не любые же способности нужны!

Я: Конечно. В пределах требований нормы.

***Примечание.** Коррекция по критерию структурности схемы была дана обучающим не столько в формном, сколько в содержательном аспекте. Каузальные переходы в "объекте" позволяют говорить о способностях иначе, чем при подчинении элементному подходу в чтении схемы. Обучаемый подхватывает каузальную цепь в реконструкции содержания схемы.*

А: Что еще есть?

Я: Материал, с которым он работает. Продукт, который ему нужно получить. Процесс преобразования материала в продукт. Средства и их употребление, способ употребления.

А: Все?

Я: Да, все.

А: Но схема устроена сложно. Она имеет две группировки изобразительных средств и, соответственно, две части содержания. Субъективная и объективная части. Группировки следует еще соотнести. Как?

***Примечание.** Обучаемый использует коррекции и вписался в решение задачи. При этом обучающий находит возможность "заметить" ту часть содержания, которая не входит в поэлементный анализ и реконструкцию. Он обращает внимание на структурные группировки содержаний, их отношения друг с другом.*

Я: Я пока выделил субъективную часть, но затем перечислил и объективную. И тут много вопросов, а не только к субъективной.

А: Со всеми компонентами нужно разбираться. Давай выделим материал или "исходный материал". Что это такое?

Я: Это то, что преобразуется деятелем в продукт в процессе употребления средств. Он берется исходным для преобразования.

***Примечание.** В силу своей подготовленности обучаемый продемонстрировал "логику" деятельности с фокусировкой на объектную часть схемы. "Начинающий", как правило, так жестко и точно не говорит.*

А: Ты правильно рассматриваешь целое с точки зрения этого компонента. Но выдели компонент. Что это такое "материал"?

Я: Это то, что является объектом преобразования.

А: Это то, что преобразуется. Так?

Я: Да. Но и так нельзя говорить. В деятельности преобразуется деятель. Поэтому я так осторожничаю.

***Примечание.** Обучаемый смог реализовать свою методологическую подготовленность. Но его "тянет" к субъективно более интересному – судьбе деятеля. Поэтому он колеблется в своих акцентах. В то же время для перехода к значению схемы индивидуальные акценты должны быть преодоленными. Нужна необходимость, идущая от самой деятельности, от ее сущности.*

А: А разве деятель законно меняется в деятельности, по твоей версии? И есть ли в схеме изменяемость деятеля?

Я: Я затрудняюсь говорить однозначно. В рисунке нет изменений, но по сути изменяемость его - очевидна.

А: Разве нужно идти в версии от себя? Или нужно "добросовестно" и точно читать то, что ввел автор?

Я: Да, надо понимать автора, ему следовать. Точнее - его схеме.

А: Ты вышел за пределы содержания схемы. В схеме что рассмотрено как изменяющееся?

Я: Материал. По своей структуре. А так меняется "положение" средства, деятеля.

А: Правильно. Меняется положение – это одно. А изменяется "состояние", внутренняя устроенность, морфологические объемы, формы и т.п. – это совсем другое. Здесь различаются функции бытия – "в-себе", "для-иного" и "для-себя". Перемещение не меняет "в-себе" бытие, но показывает бытие "для-иного". Материал меняет свое "в-себе" бытие. Меняет в соответствии с требованием. С этой стороны, он существует не "для-себя", а "для-иного", для целевого требования. Так как цель по содержанию не совпадает с исходным состоянием, то бытие "для-иного" обслуживает бытие "для-в-себе", для нового бытия материала. Новое состояние – это новое "в-себе" бытие. Иначе говоря, материал существует, по актуальному состоянию, как "действительное", по иным состояниям, потенциальным, как "возможное", и по требованию нормы, цели, по одному из возможных состояний – как "необходимое". Три модальности совмещены.

Я: Я присоединяюсь. Хотя тут разбираться и разбираться.

Примечание. Обучающий нашел возможным перейти к системной характеристике "материала", для быстрого расширения характеристик по их объему. При этом введены мета-средства анализа, неспецифические для деятельности, но применимые, как и любые более абстрактные средства.

А: А что тогда такое "продукт"?

Я: Это то состояние, которое необходимо получить из исходного материала.

А: Ты уходишь к характеристике материала. А продукт?

Я: Это результат нашей деятельности.

А: "Нашей" деятельности нет. Она – сама по себе существует.

Я: Да, я имел в виду саму по себе деятельность.

А: Не "включай" своего бытия в рассказ об идеальном объекте.

Я: Ладно, как могу ухожу от своего.

Примечание. Обучаемому, как еще входящему и не до конца вошедшему в заимствованное бытие, в бытие идеального объекта, тяжело покинуть себя. Но опытность помогает использовать коррекции, обращенные к себе. Направление корректирования уже опознается, чем он отличается от "настоящих новичков".

А: Мы говорим о полученном, имеющемся новом состоянии того, что было материалом. Это актуализация возможного и требуемого состояния и актуализированность того состояния.

Я: Ряд нюансов, о которых ты говоришь, у меня оставались склеенными. Я впервые пытаюсь их расклеить, различить и прямо отвечать на вопросы. Казалось все понятно, когда я "читал" схему и твои пояснения. Но в ходе ответа на вопросы уверенность уменьшается и возникают вопросы внутри меня. Вроде бы просто: цель, продукт, результат. Но ты говоришь, что результат не совпадает с продуктом. В реальности они могут и совпадать.

А: Они по функции не совпадают. Продукт – актуальное состояние, соответствующее цели, а результат – актуальное состояние, не обязательно соответствующее цели. Совпадение модальностей (актуальное или действительное и требуемое) это одно, а когда они не совпадают и когда в центре внимания лишь действительное (без требуемого) – совсем другое.

Я: Действительно, схема различений здесь очень сложна. Нужно держать всю сетку различений и выделять варианты.

А: Это выделение ведет к другому дифференциальному понятию.

Я: Давай дальше, попробуем.

А: Что такое "средство"?

Я: Это то, что воздействует на материал для преобразования его в продукт, но которое, по определению, не меняется.

А: Отлично.

***Примечание.** Обучаемый уже хорошо адаптирован к методологической среде. Поэтому он достаточно легко дает само определение, передает главный "смысл".*

А: А почему ты говоришь "по определению"? Зачем уходить от содержательного, онтологического стиля?

***Примечание.** При правильности линии ответа обучаемый ввел термин, который может иметь и содержательную, и формно-средственную ориентацию в употреблении. Поэтому обучающий и задает вопросы, могущие снять двойственность понимания.*

Я: Я согласен, немного ввел неоднозначности. Но ты прав, нужно держать линию онтологического раскрытия.

А: Средства, зафиксируем, это то, что воздействуя на материал, преобразует его в продукт, для чего необходима сохранность его, средства, состояния, но и соответствующая форма применения, оперирования с ним. В чем состоит роль неизменности состояния?

Я: Сохраняется возможность воздействия на материал и отсутствие обратного воздействия.

А: Воспроизводятся стартовые условия, готовность к воздействию. А применение, использование готовности организуется динамикой преобразования материала в продукт. Поэтому средство должно быть изолировано от "ненужных" условий, воздействий, выходящих за рамки преобразовательного перехода.

Я: Видишь, ряд нюансов, чисто мыслительных. С внешней точки зрения они не заметны. Ты меня и ведешь к нюансам?

А: Конечно. В них и заключено содержание значения или понятия "средство" и "деятельность" в целом.

Я: Спасибо, все нормально.

***Примечание.** Обучаемый заметил общие свойства обсуждения, характерные для приобретения понятийного представления. Через них, невидимых в начале характеристик идеальных объектов, опознается различие уже организованных смыслов и значений. Обучаемый демонстрирует подготовленность к такой работе. Но он находится*

на переходе от ЕИ-форм смыслов к ИЕ-формам смыслов под воздействием И-значений, которыми обладает обучающий.

А: Преобразование материала в продукт отличается от естественной, природной формы взаимодействия, от действительностного преобразования. Причина лежит в заданности конечного состояния, наличии цели, категоричности фиксации. И тогда "материал" по содержанию отличается от "вещи" именно тем, что в нем уже предполагается состояние, соответствующее цели, тогда как в "вещи" это не имеется в виду.

Я: Это опять тонкости. Наподобие того, что ты говорил про "товар" у Маркса. Это не просто предмет, а предмет потребности другого участника обмена. Ведь так?

А: Правильно. Эта предопределенность конечного "целевого" состояния отражается и на требованиях к внешнему фактору, к средству. Средство существует не "в-себе", не "для-иного", а "для-себя".

Я: Как же так? Оно и существует "для-иного", для перехода из материала в продукт?

А: А как же постоянность средства, необходимость в этом?

Я: А, я понял! Вновь ускользает это обстоятельство. На одно внимание обращаю, а другое уходит. Вот ведь тонкости какие!

***Примечание.** Обучаемый проходит путь от ЕИ-форм смысла к ИЕ-форме. По пути характерная разорванность видения частей содержания, совмещение "уже" значимой составляющей с "еще" смысловой составляющей происходит достаточно часто. На этой базе "скользит" и применение терминов, например, мета-языка.*

А: Почему выделяется "способ использования средства"?

Я: Из него формулируется требование к способностям деятеля, который пользуется средством. С другой стороны, эти способы направляют преобразование материала, получение продукта.

А: Надо бы переставить местами. Требования к деятелю всегда вторичны. Они обеспечивают взаимодействия средства и материала под "давлением" цели. А ты стремишься к деятелю под "давлением" своего ценностного подхода – люди прежде всего. Так?

Я: Я, конечно, склонен к этому. Всю сознательную жизнь я искал знания и анализировал все, что касается человека, его души и т.п. А ты меня хочешь повернуть в другую сторону!

А: Не в этом дело, что я тебя поворачиваю. Дело в том, что я действую от имени схемы, понятия, значения. Они и принуждают поворачивать тебя к себе, через меня и мои воздействия.

Я: Согласен. Я не возражаю. Мы ведь этого и хотели.

Примечание. Обучаемый вновь испытывает давление своей предрасположенности и инерции своих поисков. Оно проявляется и в процессе прихода к значению, в отрывании себя от смысла. Обучающий подчеркивает различие "логик" субъективной, у обучаемого, и объективной, где источником замыслов и действий выступает понятийное содержание.

А: Возвратимся к идеальному объекту, к деятельности. Мы видим, что она опирается на организуемые деятелем отношения средства и материала. Что такое "отношение"?

Я: Это вхождение во взаимодействие. Одно и другое действуют друг на друга.

А: А что с ними происходит, с каждым?

Я: Они сначала живут сами по себе, а затем воздействуют друг на друга.

А: Они "живут" до и после начала взаимодействия иначе?

Я: Конечно. Сначала просто существуют, а затем во взаимодействии.

А: Я подчеркивал изменения внутри каждого. Внутри сначала бытие независимое, а затем зависимое. А ты сначала говоришь про внутреннее бытие, а затем про внешнее бытие во взаимодействии.

Я: Но я отвечаю на твой вопрос. Сначала они живут врозь, а затем – вместе.

А: Я тебя толкаю на раскрытие специфики "события", вхождения в отношение. Это возможно сделать, лишь проследив и изменения внутренние, и изменения внешние. Внутреннее состояние меняется. Измененное состояние и фиксирует иное бытие во взаимодействии, саму возможность говорить о том, что каждая часть находится "уже" в

отношениях. Нет измененности состояния – нет и отношений. Так?

Я: Вообще-то так. В отношениях мы фиксируем измененные состояния частей.

А: Как ты думаешь, в чем содержание термина "связанность" частей?

Я: Наверное, в том, что это новое состояние каждого сохраняется.

А: Отлично. Нечто, входя в отношение, может затем сохранить иное состояние и тогда постоянность иных состояний даст характеристику бытия нечто в новом "нечто" – структурной целостности.

Я: Атом становится атомом в молекуле?

А: Конечно. Устойчивость иного состояния должна касаться каждого элемента, как компонента целостности. А теперь скажи – такие ли отношения между материалом и средством?

Я: Такие и не совсем.

А: В чем же отличие? В чем отличие молекулы и деятельности? Ведь в деятельности все входит в отношения, зависимые отношения – материал, средство, деятель с его способностями?

Я: Ускользает от меня отличие. Хотя ясно, что оно есть.

Примечание. Обучающий подводит к раскрытию наиболее важного свойства деятельности в начале процесса понимания особенностей деятельности. При этом внимание концентрируется на мета-уровне анализа в соотносении с тем, что уже разъяснено. Обучаемый пока еще не может подойти к главной мысли, хотя уже и чувствует ее возможность.

А: Мы уже говорили, что материал изменяет состояние и его сущность состоит в готовности изменить состояние и готовности изменить до того именно состояния, которое необходимо. В деятельности мы видим "процесс" как смену состояния материала. Изменяемость характеризует наличие отношений с "остальными" как компонентами деятельности.

Я: А средство? Оно же не меняется!

А: По этому критерию отношений для средства нет. Но средство "употребляется" и не ритуально, а в соприкосновении с материалом.

Я: Но средство остается неизменным.

А: Внутри себя. А в то же время именно средство является причиной изменений в материале. Не вообще изменений, а тех, которые соответствуют цели.

Я: Ты имеешь в виду, что материал это и вещь. А она зависит и от внутреннего и внешнего обстоятельств, меняется, но не в этом дело?

А: Да. Как вещь он изменяется. Но те изменения, которые не соответствуют требованиям цели, являются "незаконными". Они либо игнорируются, либо нейтрализуются, если становятся "опасными" для целедостижения.

Я: Нейтрализуются средством?

А: Нет, как правило, деятельностью условиями. Деятельность обеспечивается, чтобы материал оставался материалом, а не "своевольничал" как вещь. Так же и в отношении средства, деятеля и т.п. Но об этом потом.

Я: Для меня это новые нюансы. Значит, условия создаются еще до отношений материала с продуктом? И чтобы деятельность состоялась?

А: Конечно, за счет подбора материала и остального, или за счет особого деятельностного сервиса, иных деятельностей. Но мы убежали.

Я: Да. Вернемся. Так как с отношением, спецификой его в деятельности. Я пока не понимаю.

А: Само средство не инициирует отношений. Деятель заставляя средство быть активным, причиной изменений в материале.

Я: Но тогда деятель подчиняется цели и норме в целом. Они на него "действуют" и являются причиной изменений в поведении. Так?

А: Да. Деятель, сохраняя способности, актуализирует их под руководством цели и нормы в целом. В актуализации строится такое поведение, когда он заставляя средство быть причиной преобразования материала в продукт.

Я: Ну, вот мы и дошли до "моего". Все дело в человеке. Он является причиной всего в деятельности. Пребывание средства в отношениях какое-то неприродное, так как оно не меняет состояния. Но материал от него испытывает действие и вынужден меняться. Но, изменившись, материал сохраняет

новое состояние уже вне деятельности. Человек меняет состояние, но не меняет способности и состояния эти временные, не сохраняющиеся после деятельности. Вот так накрутил я!?

А: Очень здорово. Только все это не совпадает с твоим тезисом о том, что все от человека, от его активности, что он причина всему.

Я: Как так? Я же доказал это!

А: Нет! Ты доказал, что человек вынужден так жить и причина не в нем, а в норме.

Я: Опять ты прав. Действительно. Он – агент нормы и вынужден быть причиной всего.

А: Это точнее. Но ты сильно приблизился к особенностям отношений в деятельности. Они действительно резко отличаются от отношений в молекуле и т.п.

***Примечание.** Обучающий создал проблемную ситуацию, в которой эффективнее стало внесение поисковой активности обучаемого, а он как бы только следовал этой активности. В результате совместились выгоды управления ходом раскрытия и активного поведения, мотивированности обучаемого. Он как бы сам пришел к важным выводам. Появляется объектно-каузальное понимание схемы. Кроме того, подготавливается переход к более сложным содержаниям, касающимся кооперативных деятельностных систем.*

Я: Мы ведь уже пришли и к отношениям между объективной (нормативно значимой объективной) и субъективной частями схемных содержаний. Ведь так?

А: Конечно. Каково бытие человека в деятельности?

Я: Человек, поняв и приняв норму, берет средство и воздействует на материал, получая нужный продукт.

А: Сточки зрения объективной логики это правильно. Но он еще и человек, со своими субъективными формами бытия. В своей зависимости, подчиненности норме он имеет источник своего культурного, духовного существования. Этим предопределяется и его самоорганизация.

Я: Аналогично тому, что решая теперешнюю задачу, как ты говорил, нужно лишь обучаться пользоваться одной схемой, а

не многими. И в этом должен быть источник воодушевления и моей самоорганизации?

А: Да, источником твоего культурного учебного бытия и самоотношения. И в нарушении данного обстоятельства, "требования" сущности деятельностного бытия, его неучета состоит причина агрессивного отношения Г.П. Щедровицкого к психологам.

Я: Нужно ли обсуждать издержки субъективного существования деятеля?

А: А зачем? В схеме же нет содержаний, касающихся этого. Давай вернемся к схеме в целом. Тебе нужно применить схему.

***Примечание.** Интерес обучаемого к субъективности ограничивается рамками того, что может позволить схема.*

Я: Давай попробуем применить к предприятию. Там есть все. И даже больше.

А: Давай, приложи схему. Можешь увидеть в заводе функционирующую деятельность?

Я: Конечно. Завод имеет материалы, средства, деятелей, нормы.

А: Можно ли использовать эту схему один раз и получить вполне конкретные представления о деятельности завода?

Я: Нет, так как на заводе есть еще развитие и т.п.

***Примечание:** Обучаемого направляют на мыслительное использование схемы, но не уклоняясь от задачи. А обучаемый несколько отходит от задачи и "скользит" в сторону реального описания деятельности. Там возникает опознания и развития.*

А: Увидишь ли ты завод как "функционирование деятельности"?

Я: И не только это. По крайней мере, много можно рассказать о функционировании.

А: А как же простота схемы?

***Примечание.** Обучающий обращает внимание на то, что "должен" видеть владеющий одной схемой, да еще и в "одноразовом" применении. Обучаемый не удерживает этот момент задачи.*

Я: Она простая, но завод-то сложен. Ты имеешь в виду особое "простое" видение завода?

А: Да, конечно. Схема-то одна. Предикат прост и ответ должен быть "простым" по объему и качеству.

Я: Да, это не очень просто увидеть завод как "простое функционирование". Но надо, чтобы анализ завода вошел в рамки культуры мышления. Это ты хочешь сказать?

А: Именно это. И не сохранять, как любит говорить Г.П. Щедровицкий, "пережитки натурализма".

Я: И не надо, как сначала я думал, знакомиться с людьми, работать с документами и т.п.

А: Да. И тогда будет один материал, одно средство, один деятель, один продукт.

Я: Но это уже совсем сложно.

Примечание. Обучающий подводит к особенностям мышления, построения абстрактного заместителя с помощью одного средства. Обучаемый показывает, что такая работа для него пока нова и сложна.

А: И что же делать!? Таково мышление. Средство одно, предикат один, а субъектов мысли много.

Я: Но это означает утерю специфики субъекта, формализм.

А: Да, формально насыщенное мыслительное ремесло. Но формализм появляется тогда, когда субъект не рассматривается, а игнорируется.

Я: Как же тут его оставить? Тогда нельзя уже не учитывать сложностей завода, его жизни.

А: А так. Надо тогда описать реальное бытие завода, а затем его, описание, упрощать, удерживая главное до рамок требований схемы.

Я: Это огромная работа. Но тогда все равно придется "уйти из схемы" и остановиться на упрощенном, но описании.

А: Нет. Этим не оканчивается работа. Надо дойти до возможного "упрощения", эмпирической и неэмпирической схематизации. После получения соответствующего заместителя в субъекте мысли, возвратиться к предикату и рассмотреть его уже не как формальный, а как подтвержденный.

Я: Подтверждение странное. Оно происходит за счет утери первоначальной реальности картины, адаптации к схеме. Подтверждается то, что меняется в подтверждении. Так?

А: Да, таковы условности мира мышления. Но об этом еще впереди.

***Примечание:** Обучаемый столкнулся с реальностями механизма мышления и его непохожестью с привычным, "содержательным" бытием в мышлении. Пользование схемой вне овладения механизмом мышления уже поставлено под сомнение.*

Я: Но ведь в управлении, как правило, не знают об этих тонкостях.

А: Конечно. Поскольку язык теории деятельности – специфический, профессиональный язык для управленцев, то они и не имеют профессиональной культуры описания и развертывания систем деятельности. Они не могут увидеть завод в пределах схемы функционирования деятельности или делают это крайне стихийно.

Я: Но ведь психологически это очень сложно. Можно понять управленцев. Да и педагогов тоже, хотя они изучают теорию деятельности.

А: Теорию А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и т.п., но не Г.П. Щедровицкого и вообще наследия ММК. Они не знают версий Аристотеля, Прокла, Фихте, Гегеля и даже Маркса плохо знают. Они сохраняют лишь инерцию многих учений о воле, где все есть, почти, о чем говорит А.Н. Леонтьев, и более. Но не про объективную, социотехническую версию деятельности. Это длинная история.

Я: Действительно, субъективно сложно очень четко идти по логическим правилам в мышлении. Тут и не в логике, обычно понимаемой, дело. Не в формальной логике, и даже не в диалектической. Наверное, в содержательно-генетической логике. А еще сложнее - в твоей версии. Ты жестче в организации мышления. Я не зря перешел из ММК к тебе, почувствовал новый уровень.

***Примечание:** Обучаемый поддался расширению контекста и вошел в пространство логической организации мышления. Для более глубокого самоопределения и понимания значимости проводимой*

работы это крайне важно. Иначе можно было бы без самокритики, и не замечая критики конструктора "Азбуки", продолжать двигаться в мышлении в ЕИ-варианте, неточно.

А: С первой схемой все пока сделано. Есть ощущение новизны в представлениях о деятельности?

Я: Ты меня завел в тот уровень сложности, о котором я только догадывался. Я столкнулся с множеством содержательных, но фундаментальных нюансов и структурных переходов. А сейчас еще и общелогическое осознание. Так что много нового вокруг вроде бы старого. Спасибо.

А: Перейдем к новой схеме – "развитие деятельности". Без нее нам не обойтись в синтагматике, в усложнении схем деятельности.

Я: С удовольствием. Тем более, что здесь все методологические интересы опознаются. Я столько времени занимался рефлексией.

А: Тем более, что это звено у Г.П. Щедровицкого рассматривается весьма рыхло. На ЕИ-уровне, как правило. Хотя и придается справедливая значимость именно этому.

Я: На этом сидит все развитие методологии.

А: Потому что построение средств критики деятельности и выделяет методологию в особую культурную деятельность. А звено критики – особое звено, на раскрытии которого мы расходимся с Г.П. Щедровицким. Так что такое "развитие деятельности"?

Я: Это изменение норм в ситуации затруднений при функционировании деятельности.

А: Что является началом в этом?

Я: Первое – это рефлексия.

А: Так как говорится о начале, то указывается на некоторую последовательность. В ней есть первое звено. Какое?

Я: Я же говорил, что рефлексия.

А: Но я подчеркиваю процессуальное начало, а ты выделяешь уже процессуально-структурное целое. Рефлексия же сложна внутри.

***Примечание:** После перехода к пониманию новой схемы, на основе сложившихся взглядов, обучаемый дает текстуально правильный ответ. Для проверки*

гипотезы о правильности обучающий стал вводить режим процессуальной реконструкции. Обучаемый испытывает давление инерции "целостного взгляда" и плохо реагирует на особенности поставленного вопроса.

Я: С чего все начинается? В рефлексии? Там все очень сложно.

А: А если началом выступает сама фиксация затруднения в действии?

Я: Ну, конечно. Прежде всего, надо увидеть затруднения в функционировании.

А: Можно ли говорить о фиксации затруднения в функционировании еще до развития деятельности?

Я: Естественно. Сначала затруднение есть, а затем уже оно осознается в рефлексии.

А: А где располагается затруднение в развитии деятельности?

Я: Там же, в деятельности.

А: Но тогда зачем говорить о развитии деятельности, затруднения могут быть в функционировании и без развития.

Я: Это уже что-то слишком сложное.

А: Я введу схему (см. сх. 2).

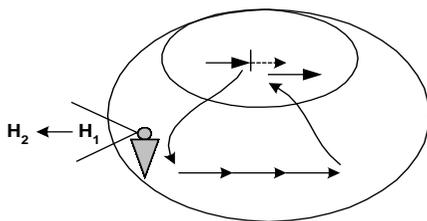

Схема 2

Я: Вот ты же и подтвердил сказанное мною.

А: Чтобы было развитие деятельности нужен переход от D_1 к D_2 ?

Я: Естественно. И качество D_2 должно быть иным.

А: Чем предопределяется качество деятельности?

Я: Качеством всех составляющих.

А: Что самое важное, где источник качества, того или иного, в деятельности?

Я: В содержании нормы.

А: Ну, вот и дошли – следовательно, при смене, заметной по содержанию, содержание нормы будет меняться и качество деятельности. Так?

***Примечание.** Обучающий подводит к "ядру", источнику развития деятельности, находящемуся вне функционирования.*

Я: Согласен. Я и говорил о смене содержания нормы, переход от одной нормы к другой.

А: И тогда что заставляет менять норму, строить новую норму?

Я: Затруднения в функционировании.

А: Но они должны быть фактором внутренним, а не внешним.

Я: Естественно, в ходе рефлексии затруднение тоже существует, как этот фактор. С регистрации затруднения все и начинается.

***Примечание.** Обучающий привел обучаемого к различию внешнего и внутреннего факторов развития деятельности*

А: И как действует на ход мышления зарегистрированное затруднение?

Я: Создает многообразные версии в нормировании.

А: Можно версии множить без регистрации затруднения?

Я: Думаю, что можно. Ты имеешь в виду различие априорного и апостериорного проектирования?

А: Да, и это тоже. Чем отличается роль затруднения в этих формах проектирования деятельности?

Я: И там, и там оно ведет к множеству проектов, норм деятельности. А различие...

А: В каком случае разнообразие версий больше?

Я: Когда затруднение уже зарегистрировано, можно выявить коренную причину затруднения и количество версий уменьшается. Хотя и здесь все зависит от таланта проектировщика.

***Примечание.** Обучаемый подводится к более строгому различению хода анализа деятельности, порядка, роли каждой отдельной процедуры, ее*

функции. Обучаемый сохраняет инерцию идти в логике своего размышления, а не в логике, отчужденной от субъективного состояния, объекта.

А: Ты смотри на схему, а не на свой опыт и свои знания, где талант специально проявляется. Если есть затруднение, то есть и его причины. Среди причин одна всегда "более главная". И тогда она, ее знание, ограничивает проявление таланта, внутренних источников порождения версий.

Я: Ты сильно прикрепляешь "развивателя" к функционированию деятельности. А ведь он может и "полететь", оторваться от прежних зависимостей.

А: Конечно, если взять практику и вообще возможное. А в схеме предполагается возврат в деятельность, функционирование. Цели никто не менял.

Я: Ты имеешь в виду постоянство цели и переменность норм?

А: Да, конечно. И прикрепленность "развития" к постоянству цели.

Я: А как же сомнения в цели, которые законны в рефлексии? Методология сидит на этих ситуациях.

А: Это уже про далекое будущее. Пока важно исходные различия понять. В схеме консерватизм цели вменен.

Я: Ладно, потерпим. Следовательно, затруднение и заставляет осуществлять развитие, и отбирает версии развития. А постоянство цели – источник отбора. Так?

А: Правильно. Априорный подход освобождает проектировщика, позволяет множить версии проектов, а апостериорный подход – суживает альтернативы.

Я: Тут такие новые тонкости выявляются. Я вспоминаю многие методологические семинары, в которых с пафосом говорилось что-то похожее. Но мы-то всего лишь в схеме копаемся, а говорим о тонкостях, которые возникали в анализе каких-то сложных, охватывающих систем в науке, образовании, в дизайне и т.п. Чем дальше в лес, тем больше дров. Вот так схемы!

***Примечание:** Обучаемый стал глубже осознавать значимость неслучайного и подчиненного схеме и сущностной ориентации чтения схем. Чем меньше свободы здесь, тем быстрее появляются "открытия" фундаментального характера. Это и есть*

опознавание характерного для границы между ЕИ и ИЕ - формами чтения, применения схем понятийного типа. Обучающий применяет процессуально-реконструктивный подход, вводя по пути элементы механистического и функционального анализа.

А: Ты понял, думаю, почему я такое значение придаю моим "простым" азбучным схемам. Тут упакована огромная каузальная информация, незначительная часть которой видна непосредственно.

Я: Ты говоришь о богатстве немногого как явлению культуры мышления?

А: Да, конечно. Тем более, что в ММК не ценят строгое мышление. Особенно после начала игрового периода. Но и на семинарах 70-х гг. не так уж прикреплялись к жесткому чтению схем.

Я: Так как схемы, как я теперь понимаю, были не очень-то и понятийные. Так?

А: Ты начинаешь действительно глубоко входить в суть мышления. А ведь Г.П. Щедровицкий и некоторые другие из ММК ценили жесткие переходы. Например, Г.П. Щедровицкий говорит часто, что если методолог "неправильно" мыследествует, то этим обесмысливается все дальнейшее. Поэтому стремление не к целедостижению, а к правильности было знаменем кружка-ММК. А где источник правильности?

Я: В культуре.

А: Конечно, но точнее – в "сущности". Сущность для Гегеля была важнее культурности, так как культура имеет своим подлинным основанием – сущность, истину и т.п. Вспомни "Абсолютный дух" в его "Философии духа".

Я: Да, с этим бы разобраться когда-нибудь. Ты ведь уже 10 лет сидишь на Гегеле. Тебе и карты в руки.

А: Я и воплощаю в МРТ и в "Азбуке" его подход.

Я: Когда-нибудь и реконструкцию дашь его текстов.

А: Мечтаю пока. Кстати, в НИИ проблем высшей школы, у нас, уже начинается поиск новых идей. Я в секторе у В.А. Охрименко, как ты знаешь, применяю те же идеи, что мы обсуждаем. В соседнем секторе я говорил об "Азбуке" как

универсальной парадигме средств решения проблем и содержании образования.

Я: Проснулись они, что ли?

А: Приблизились и отделились. Меня обвинил руководитель, что я говорю бессмысленные вещи. Такое не может быть. Все относительно и я ошибаюсь.

Я: А что ему еще говорить?

А: Это нормальное утверждение для Е или даже ЕИ – уровня мыслительной культуры.

Я: Для аспирантов это было бы полегче, понятнее.

А: Нужно разработать программу работы аспирантов. Вот ребята из психфака МГУ скоро будут аспирантами.

Я: Это Самошкин и компания – то! Сначала мне нужна такая программа. Они до нее не доросли.

А: Всем нужна. Ввести программу, реализовать ее и посмотреть правильность реализации. Критически проанализировать уже имеющиеся программы, "отнормировать", а затем в широкую реализацию поместить. Сопоставить с "неправильными" программами. И вообще учить программированию исследований. Я с психологами уже это начинаю, опираясь на "Азбуку".

***Примечание.** Для углубления самоопределения обучающий вводит в широкий культурно-образовательный контекст. Он набрасывает некоторые линии применения новых технологических новаций автора.*

Я: Вернемся к решению задачи?

А: Конечно. Затруднение зафиксировано. Что дальше?

Я: Анализ, рефлексия.

А: Что такое "рефлексия"? В развитии деятельности она просто необходима.

Я: Имитация прошлой деятельности.

А: Построение картины осуществленной деятельности?

Я: Да.

А: И тогда к нормированию, перенормированию это уже не относится?

Я: Я понимаю так: рефлексия содержит все компоненты развития деятельности. Есть фазы рефлексивного анализа.

А: Так построение картины осуществленной деятельности, реконструирование, или все, включая и конструирование новых норм?

***Примечание.** Обучающий фиксирует несовпадающие определения и использует их для локализации акцента по критерию "ретро" и "проспе" конструирования.*

Я: Думаю, что ближе к реконструкции. Хотя и не только отражение. Рефлексию и нормирование по-разному соотносят методологи. Наверное, рефлексия – это все же отражение, а развитие – все, включая нормирование.

А: Это действительно трудный вопрос. В истории философии, у Гоббса, Локка, Лейбница и т.п. чаще отражение лежит в основе рефлексии. А у Канта и далее, особенно у Гегеля, опирающегося на сущность духа и его рефлексивность, она уже включает и "разотождествление", как методологи говорят, проблематизацию, а затем депроблематизацию. В науковедении и семиотике, лингвистике, немного и в психолингвистике, в логике, имена и значения относительны. Нужны версии и обоснования вводимого значения. Так что и ты можешь искать. Но есть ведь схема.

Я: В ней нет прямого указания на то, как понимать рефлексию.

А: Да, нужно более подробное реконструирование всей этой надстройки. Я уже писал об этом в 1978 г. и обсуждал со Славой Бязыровым. Скоро появится в Пензе. Это сложный текст в стиле Гегеля.

Я: Ладно уж, введи свое видение.

***Примечание.** Возникла концептуально-понятийная проблемная ситуация. Обучаемый не имеет достаточной базы для прямых ответов на сложный вопрос и для разработчиков в методологии. Поэтому вводится дополнительное пояснение.*

А: Рефлексивный выход – это отход от действия, в котором зафиксировано затруднение и вхождение в анализ действия. Заказ действия – вернуться с иной или прежней нормой. Развивающее отношение к надстройке – ожидание иной нормы, гарантирующей преодоление затруднения. Нет затруднения – нет заказчика и нет рефлексии.

Я: Но анализировать-то можно и без затруднения или помимо него!

А: Да. Но когда рефлексивный механизм уже есть. А мы – в начале пути.

Я: Опять нюансы.

А: Да. Методологи могут "бежать" впереди практики и даже убежать от нее. Но это уже при развитой рефлексии.

Я: Наука тоже убегает, отрывается от практики.

А: Да, когда она отрывается от целостности рефлексии и развития деятельности.

***Примечание.** Обучающий вводит моменты техники парадоксальности в создание и разрешение проблемной ситуации в обсуждении вопроса.*

Я: Ты говоришь о различии исследовательского и социотехнического отношения?

А: Да. И об их едином источнике – рефлексии. Здесь появляется отношение части и целого. Рефлексивный выход, даже у Г.П. Щедровицкого, не только для исследования вводится. Мы с тобой и со Славой уже обсуждали сообщество аналитиков, от исследования до нормирования. И здесь так же, только в единице надстройки.

Я: А тогда чем отличается рефлексия от развития или надстройки развития деятельности?

А: "Развитие деятельности" – явление деятельностное и оно дополнительно к функционированию. А рефлексия – явление деятельностно-мыслительное.

Я: Как это? В чем отличие?

А: В том, что рефлексия по механизму явление мыслительное и сознания, и самосознания. Об этом вся философия и говорила, особенно немецкая классика, Гегель. Хотя еще неоплатоники в учениях о душе говорят похоже, хотя и в более широком космическом контексте. Например, Плотин, Прокл.

Я: А деятельностный статус?

А: По функции, не по механизму, это явление деятельностное.

Я: Да, следует разбираться с отношениями между механизмом, процессом, функцией. Следовательно, функция рефлексии – развитие деятельности?

А: Да, но в деятельности. А она может обслуживать и обычную самоорганизацию.

***Примечание.** Обучаемый выявляет для себя поле новых сопоставлений между тем, что ему как бы и*

было известным. Все это становится дополнительным условием понимания схемы. Она, в первоначальном восприятии "известная", становится лишь "вершиной айсберга".

Я: Мы о чем-то подобном говорили.

А: О конструкции идеального объекта у Маркса. Для политэкономии началом всего выступает рынок (обменная стоимость). Но источником стоимости выступает производство. Оно и рынок – два механизма, а играют разные функции. В одном варианте "партнер" кооперации входит в предмет политэкономии, в другом случае – не входит.

Я: Вот видишь. На этой схеме еще могут быть различные открытия, при соотнесении с разными содержаниями.

А: Конечно. Мне давно хотелось реконструировать "объект" марковского "Капитала", еще с начала 60-х г. Но вернемся. Что после реконструкции должно быть?

Я: Критика.

А: Что такое "критика"?

Я: Квалификация, оценка, нахождение причин затруднений.

А: Какова функция квалификации и оценки?

Я: Облегчают поиск причин затруднений.

А: То есть, они служебны для поиска причин затруднений?

Я: Да, так.

А: А без них можно обойтись?

Я: Да нет, нельзя.

А: А если в схеме нет еще этих различий, сложностей, есть лишь стрелка в цепи стрелок?

***Примечание.** Обучаемый поворачивает обсуждение к базисной схеме. Накопленное в представлениях должно быть выраженным с помощью схемы и не все останется после соотнесения или примет иную форму.*

Я: Стрелка-то стрелкой, а куда деть эти процессы. Без них не выявишь причину затруднений. Так что схема твоя несколько упрощена.

А: А почему ты вытягиваешь эти тонкости, если в схеме они не обозначены?

Я: Причина – следствие. Слежу за опытом и по аналогии рассуждаю.

Примечание: Обучаемый вовлек каузальный тип мышления, опираясь на содержательный и эмпирический подходы.

А: Тем самым, отождествляясь с происходящим, в нашем случае это должно быть – в идеальном объекте, ты и проходишь этот мыслительный путь?

Я: Да.

Примечание. Обучающий сделал указание на различие реального и идеального объекта в каузальном анализе.

А: Можешь согласиться с тем, что по сути квалификация и оценка всегда происходят в рефлексии, но их формы и генетический уровень осуществления может быть различным.

Я: Согласен. Надо выбрать уровень.

А: Какой уровень сейчас необходим, чтобы применить схему, прочитать ее?

Я: Как-то свернуто, но как?

А: Если "развернутое" суть более развитое, как писали Гегель и Маркс, "свернутое" – менее развитое. Что такое развитое здесь?

Примечание. Обучающий ведет к форме сохранения мысли обучаемого, но в рамках задачи, использования фиксированной схемы. Используются основания логического характера и онтологического движения мысли в решении логических задач.

Я: Квалификация и оценка – это соотнесение результата реконструкции с "эталоном", со средством анализа.

А: Что это за средство?

Я: Правильное представление?

А: Что может быть этим средством?

Я: Норма. Хотя это в контрольных процедурах. А здесь – проблематизация. Теория этого случая, сущность деятельности.

А: Это должно быть представление о "правильности", которое выявит сохраняемое и несохраняемое в прошлой деятельности. Действительно, "теория" той деятельности может это сделать. Может быть и абстрактная норма. А менее развитый вариант? Говорит ли психология об этом?

Примечание. Обучающий подводит к типологии вариантов реализации функции в генетическом ряду.

Я: Да, в психологии указывается, что может быть самооценка. По содержанию она включает и квалификационное, и оценочное. Но нет никаких норм, теорий.

А: Отлично. Следовательно, можно "иметь в виду", но не акцентировать эти моменты при чтении схемы. Если надо, то развертывать.

Я: Ты опираешься на то многое, о чем в теории деятельности явно не говорится. Я помню дискуссии в ММК.

А: На то и различие философского и методологического подходов. В философии – вся онтология, начиная, как у Гегеля от "чистого бытия". А в методологии – все строится от деятельности. Это лишь "глава" в онтологической философской книге. Начало в "Философии духа" у Гегеля иное, чем в трехтомнике "Энциклопедия философских наук".

Я: Я понял. Схема организует объем содержания для его использования как средства анализа.

А: Конечно. Так и устроен любой язык и любая парадигма.

Примечание. Удастся снять "противоречие". Обучаемый увидел, где сохраняется его содержательность и не нарушается рамка решения задачи. Содержание становится предполагаемым или явно выражаемым, в зависимости от детализированности схемы.

Я: Тогда я могу сказать, что критика – это поиск причины затруднения. И все. Остальное – "докажем". Так?

А: Отлично. А какова судьба результата?

Я: Он вводится в нормирование как подсказка.

А: Можно сказать, что выявленная причина затруднения есть и материал для нормирования, и средство.

Я: Думаю, что да. Эту причину мыслитель может "переместить" и событие станет иным. А затем придать нормативный статус результату.

А: А как же средственность "причины"?

Я: Мы же глядим на образ причины и работаем с представлением о происшедшем. Вот и средственность.

А: Вот и виден процессуальный рисунок нормирования, точнее – перенормирования. Что такое "норма"?

***Примечание.** Обучающий подвел к переходу в иной процесс с отслеживанием функций того, что берется в прошлом процессе.*

Я: Это картина деятельности, которую надо принять к исполнению как предписание.

А: А коррекция предписания – это развитие деятельности?

Я: Да.

А: Но это же коррекция нормативного текста в нормативном мышлении!

Я: Не понимаю, куда ты ведешь.

А: Нормирование – мыслительный процесс и механизм, но реализует он функцию в цепи, цикле развития. А это уже – деятельностьное.

Я: Понял. Опять тонкости. Морфология и функция, процесс и механизм. Так?

А: Да, так.

Я: Но у тебя в схеме еще одна стрелка. После нормирования. Или это что-то еще к рефлексии?

А: Нет, не рефлексия. Как ты думаешь, если рефлексия завершена, норма новая есть, можно приступить к действию?

Я: Почему бы и нет. Как и раньше была реализация требований прежней нормы.

А: Да, была. Но кроме нормы шла речь о человеке, о материале, о средстве. Они привлекались в реализацию.

***Примечание.** Обучающий наводит мысль на новую функцию в развитии, отличающуюся от рефлексивного мышления и рефлексии как таковой*

Я: Имеется в виду, что там было все гладко, все составляющие есть и можно осуществлять деятельность. А теперь полнота стала под вопросом?

А: Отлично. Это прямое следствие коррекции норм. Мы говорим о функции "снабжения".

Я: Иные требования к составляющим и нужно вести поиск этого, иного наполнения.

А: Да. Я ввожу эту специальную функцию. Скажи, если подобрать нельзя, нет соответствующего. Что тогда делать в функции снабжения?

Я: Преобразовывать морфологию.

А: Правильно. Если человек не соответствует новым требованиям деятельности, его надо обучать. Об этом, слава Богу, в психологии уже не только говорят. В этом рассматривается А.Н. Леонтьевым, особенно Л.Б. Элькониним и В.В. Давыдовым, источник учебного бытия. И Г.П. Щедровицкий не противоречит этому.

Я: Он еще в 1966 г. в сборнике об этом писал.

А: Конечно. В.В. Давыдов акцентирует внимание на том, что освоение понятий и диалектического мышления ставит ученика в ситуацию подобного рода. Он должен себя менять, а не просто решать задачи.

Примечание: Обучающий расширяет горизонт, объем сознания новой функции и этим подчеркивает несводимость развития деятельности к рефлексии.

Я: У тебя на другом рисунке, в "Азбуке", еще один процесс выделяется. Контроль.

А: Что это такое?

Я: Сравнение с эталоном.

А: Правильно. Чем вызвана эта функция?

Я: Проверкой соответствия.

А: А может быть прогнозом несоответствия?

Я: Конечно. И проверкой, когда что-то не идет, и вероятностного несоответствия.

А: Хорошо. И тогда целостность состоит из рефлексии, снабжения, контроля.

Я: В контроле процессы похоже на рефлексиию.

А: Да, это свернутая рефлексия. Ну что, все ясно?

Я: Да.

Примечание: Фиксируется завершение прочтения схемы.

А: Сейчас мы должны начать переход к динамике, к синтезированию схем. Какие здесь могут быть проблемы?

Я: Обычные, связанные с синтагматикой.

А: Для этого нужно четко организовать слежение за ходом мышления в синтагматике.

Я: Но для этого у тебя есть схемы в парадигме!

А: Верно. Поэтому мы должны их воспринять как "ключи" к организации того, что называют "языковым мышлением".

***Примечание:** Обучающий вводит организационно-мыслительную плоскость как сервис неслучайности в решении основной задачи.*

Я: Давай, остановимся на первой схеме – "функционирование мышления" или акт мысли. Так ты называешь?

А: Да. Давай, используем предшествующее, схему развития деятельности, для вхождения в акт мысли или "суждение".

Я: Я не против. И что именно надо использовать?

А: Как ты считаешь, что в той схеме напоминает акт мысли?

Я: Контроль. Сопоставляется изделие и эталон, результат и эталон, "правильное", или норма продукта.

***Примечание:** Обучающий ведет к возможности переноса части содержания одной схемы для использования содержания иной, новой схемы.*

А: Верно. Но в чем отличие этих процессов?

Я: В контроле сравнивается натура и норма, а в акте мысли сравниваются два представления, одно из которых "правильное".

А: Если точнее, то в контроле все может быть натуральным, и результат, и "правильное" – эталон. В мышлении языковом все может быть в мире представлений. И "эмпирический" образ – субъект мысли, и "теоретическое" – предикат мысли. И два таких крайних типа сравнений имеют одну абстрактную форму. Так ведь?

Я: Я согласен. А как же языковые средства – знаки, схемы?

А: Как ты думаешь, натура знака и символа сами по себе нужны для акта мысли?

Я: Они обязательно нужны. Ведь вся логика строится на анализе текстов, письменных – как правило.

А: Что важнее, соотнесение "слов" (средств мышления – в широком смысле) или соотнесение "значений", скрепленных за словами?

***Примечание:** Обучаемый еще не разобрался в функциях всех "участников" мышления и сводит ответ к созерцаемым явлениям. Обучающий хочет подвести к опознаванию функций и их иерархизации.*

Я: Важна содержательная строка. То есть сравнение значений. А точнее, думаю, смысла (субъект мысли) и значения (предикат мысли).

А: Молодец. Именно так. Вообще. А, в частности, в функции субъекта мысли может быть и понятие, в сравнении понятий, при переходе к более абстрактной характеристике уже абстрактного представления.

Я: Имеешь в виду переход к метатеориям?

А: Конечно. У нас же было неоднократно обращение к философским средствам анализа.

Я: Ясно.

А: Но тогда роль знаков, символов (схем) состоит в чем? Для акта мысли.

Я: Чтобы соотнесение было внешне представленным?

А: Конечно. Как и все в языковом мышлении. Всегда языковые средства позволяют содержание держать в организованном напряжении, следить, контролировать "скрытое" в сознании.

Я: Отлично. То есть они нужны, но не для раскрытия схемы акта мысли, а для сознания?

А: Да. Поэтому я нарисовал схему без явного указания на языковые средства, функционально (см. сх. 3).

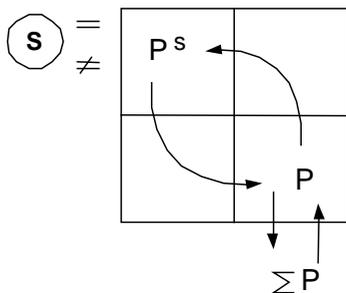

Схема 3

Какие здесь элементы схемы?

Я: Субъект, предикаты, пространство мысли, сам процесс движения предиката.

А: И каково бытие предиката?

Я: Предикат выступает в функциях претендента на знание и как знание.

А: А его бытие как "знание" можешь раскрыть?

Я: Предикат рассматривается как субъект мысли.

А: Это да. А способ бытия здесь имеет особенности?

Я: Вроде бы я все сказал.

А: Но ведь натурально предикат тот же. Следовательно, его бытие в левом верхнем квадранте специфично тем, что его интерпретируют уже не как средство, а как объект, как отражающее. Интерпретация, с помощью сознания.

Я: Видишь, появляется роль сознания. А где оно в схеме?

А: Его нет, так как схема функциональная. А при морфологизации, при логико-семиотическом рассмотрении увидим и обеспечивающие механизмы. Но они реализуют функции логические.

Я: Ты как-то усложнил.

Примечание: Для обучаемого сложно различить собственно логический взгляд на акт суждения, акт мысли и иные взгляды.

А: Предикат сам по себе есть средство мысли, а не просто средство языка. Средством языковым является знак, а лишь затем и значение. Но он приобретает, как бы сказал Гегель, "иностранность", превращаясь, интенционально (психологически) и функционально (логически) в свою противоположность, в "объект". Для оправдания такой возможности нужно сравнение, сопоставление, отождествление. При разотождествлении иностранности устраняется и предикат возвращается в инструментальное бытие.

Я: Интересно. Глубоко. Хотя всего лишь суждение. Акт мысли. Придется твоего Гегеля читать еще раз.

А: Тем более, что в "Философии духа" раскрыт генезис всех этих возможностей.

Примечание: Обучаемый обнаружил для себя новый узел сложных содержаний, которые не были или не имели значимость в его мыслительном сознании.

Я: А ведь и с теорией то же самое. Сначала это гипотеза, а затем собственно знание. Тут много эпистемологических и гносеологических тонкостей.

А: Я то же это ощущал, когда собирал идеи философии XIX и XX веков. Логически все крутится вокруг этого же. Но вернемся. Здесь надо заметить, что предикат в средственном бытии, в нижнем правом квадранте, еще парадигматичен. А в его знаниево-онтологическом бытии, в верхнем левом квадранте – синтагматическое бытие. Он готов к соединению с иными содержаниями.

Я: Еще тонкости.

А: Извини... Я убежал вперед.

***Примечание:** Обучающий сделал ускоряющее движение для подготовки восприятия в последующем ходе мыслительного взаимодействия.*

Я: Ты говоришь о накоплении, развитии знаний?

А: Точнее, о развертывании перехода от суждения к умозаключениям.

Я: Нешлохо бы и с "Аналитиками" Аристотеля разобраться.

А: Да, хорошо бы. Я читал Платона и думал, как он с учением об идеях легко понимается с помощью этой схемы. Но только в содержательном подходе. Предикат тогда уже сущность или идея, которой уподобляется субъект мысли. Но это все науковедение и история мысли. Вернемся.

Я: С этим связано и моделирование.

***Примечание:** Будучи компетентным во многих знаниях обучаемый стал быстро находить похожее в различных областях. Этому способствовал сам обучающий.*

А: Я писал обзор идей о сущности моделирования и встретил приятное высказывание о символах А.Ф. Лосева. Он говорит о порождающей природе символа. А так же о модельной значимости идей Платона. А я сам к этой же мысли пришел. В отличие от Аристотеля. Все же вернемся. Мог бы ты схему развития деятельности рассмотреть как предикат и приложить к какому-либо описанию деятельности?

***Примечание:** Обучающий переводит акцент с понимания схемы акта мысли на ее использование, введя в качестве "наполнения" звена схемы содержание ранее рассмотренной схемы.*

Я: Ты говоришь о том, чтобы я показал подтверждение и опровержение того, что можно применить предикат – схему развития деятельности.

А: Пройти путь акта мысли. Может быть, вплоть до проблематизации или опровержения того, что можно применить предикат – схему развития деятельности.

Я: Она не имеет достаточного соответствия в качестве и объеме субъекта мысли или слишком много этого субъекта. Так?

А: Да. Так как это и будет основным в последующей работе.

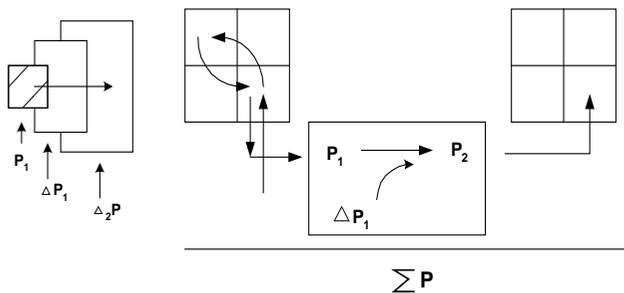
Я: Я думаю, что попробовать-то смогу. Это делать сейчас? Кстати. В МРТ ты особое внимание уделяешь логике "восхождения" и даже выражаешь ее в схеме, которой нет ни у кого в логике. Нет и у Г.П. Щедровицкого. Они, в ММК, все еще не поняли, то, что ты сделал. Лучше применить эту логику. И мне станет яснее. Все хотят иметь образцы движения по этой логике.

Примечание: Обучаемый, ощущая и предвкушая многие раскрытия техники мышления, сам усложняет задачу.

А: Не хочешь на более простом поле поработать? Попробовать можно и полезно в решении любых задач.

Я: Только ты пояснил бы идею этой логики еще раз. В литературе так все неопределенно говорится, суетливо. И у Г.П. Щедровицкого толком ничего не найдешь.

А: Перед ним старались сделать кое-что А.А. Зиновьев, Б. Грушин, М. Мамардашвили. Я Э.В. Ильенкова не беру в расчет, так как он формы не отслеживал. Он был "имманентным" мыслителем в диалектической логике. Так как есть две, свернутая и развернутая схемы логики ВАК, то изложу идею (см. сх. 4):

Идея состоит в обычном приеме "опускания" или "поднимания" наблюдателя над объектом. Он меняет взгляд не от того, что меняется объект, а из-за высоты. На большой высоте он не видит детали, а на низкой – видит. Мыслитель, проходя "эти же" пути на высоте должен подбирать из словаря более абстрактный предикат, а при опускании более конкретный предикат. Гегель, лучше всего использовавший эту идею в генетической реконструкции полноты содержания "объекта" (эмпирического материала об объекте), ввел принцип перехода на более "низкий" или конкретный уровень. Он утверждал, в конце "Науки логики", что мысль уплотняется благодаря новым предикатам. Я это все выразил как "техника уточнения" и должен быть уточняющий предикат. Тем самым, есть использование готового, исходного предиката, есть его уточнение и есть использование уточненного предиката. И т.п. Акт мысли здесь дополняется "актом уточняющего конструирования". Гегель, а затем, частично, и Маркс, шли в этой технике. И тогда появилась проблема нахождения уточняющего предиката. Они это трактовали как нахождение в исходном (очередном "исходном" предикате), внутри появляющегося нового содержания в разотождествлении, противоречии "начал" в содержании идеального объекта. Это и есть указание на противоречие в объекте и извлечение из него "уточнителя". Я вывел поиск уточнителя за объект в техническое требование. Тогда появляется возможность говорить о двух мыслительных функциях предикатов в ВАК: понятийное (субъективация предиката) и категориальная (уточняющее конструирование). Категория – средство уточнения мысли.

Я: Ты здесь резко обошелся с теми, кто анализировал категории. Они иначе понимают.

А: Не будем углубляться в историю. Я посмотрел определения "категории" через "очки" схемы акта мысли и убедился в неопределенности логического статуса "их" категорий. А у меня все так просто.

Я: Так же просто и у Гегеля.

А: На деле, функционально просто. Но в этой логике – в логике "систематического уточнения" (ЛСУ). В логике дополнительности категорий нет.

Я: Ты очень суров. И может быть - справедлив.

А: А какие предикаты будут играть роль понятия или категории зависит от выбора первого предиката – "категориального понятия". Кстати, в МРТ я применяю логику ВАК. И выявляю систему категорий любой теории.

Я: Здорово.

***Примечание:** Обучающий резко увеличил темпы разъяснения, опираясь на знание об опыте обучаемого и его внутреннюю устремленность к раскрытию "главных тайн" метода мышления. Акцентировка на ключевых звеньях идеи метода и связанность их с рядом проблем, узловых логических дискуссий, имеющих огромную историческую глубину, замеченных обучаемым, увеличивает значимость для него происходящего и настрой на работу. Содержание логического характера имеет ориентировочную значимость.*

А: Кстати, у Аристотеля к этой версии категории есть близость. Но не столь определенная. При построении учебных предметов как раз и нужна такая технология развертывания содержания. Но за формой движения мысли никто и не следит, так что эта линия просто незначима.

Я: Тогда последовательность шагов в мыслительном ряду становится жесткой.

А: Конечно. Типовые вопросы: каков исходный предикат, что является первым уточняющим предикатом, насколько "приемлем" он для исходного и т.п. Поэтому же возникает вопрос об исходной деятельности, о порядке появления сервисных, их приемлемость для исходной в системной кооперации, сохранности соответствия целостности начальному звену и т.п. Так и построена содержательность в "Капитале" Маркса. Это меня очень потрясло еще в конце 60-х годов. В 1974 г. в ходе обсуждения статьи "Смысл и значение" старички ММК, Раппопорт А., Розин В., Сазонов Б., Генисаретский О., Дубровский В., спрашивали Г.П. Щедровицкого о технике передвижения и это было для них трудным орешком. Ответ же был не техничным, а интенциональным ("надо уметь", "смотрите и увидите" и т.п.),

хотя моменты организации перехода в его статьях есть. Но не раскрыты им же самим по технике.

Примечание: Обучающий обращается к значимой для него и обучаемого истории ММК, живых событий, накопленных неясностей.

Я: У тебя в работе от НИИВШ есть схема "сферы науки". Там это заметно.

А: Она так и построена. Системообразование в чистом соответствии с логикой ВАК.

Я: Смотри. Нельзя ли служебную деятельность зарисовать внутри исходной?

Примечание: Обучаемый пытается сразу же увидеть приложимость идеи и попробовать рассуждать в этой логике на материале.

А: Нельзя, так как нарушим условие развития деятельности. Внутри, это относящееся к функционированию. Развитие связано с дополнительным к прежнему, но в функции уточняющего прежнее бытие. И это иная новая деятельность

Я: Сложно как-то. Слово-то "уточнение" указывает на неизменяемость границ. А тут – рядом.

А: Я и говорю, функционально это внутри. А натурально, морфологически – вне.

Я: Здесь уже проблемы утряски в сознании данного соотношения функции и морфологии.

А: Такое в мышлении встречается часто. В этом и состоят сложности.

Примечание: Попытка применить привычное сознание стала мешать пониманию логической идеи в ее приложении. Обучающий открывает для себя новые узлы предпосылок культурного мышления.

Я: И все же странно как-то. У Гегеля что-то подобное про сохраняемость в результате развития.

А: Конечно. В чем особенность развития? В том, что это временное событие переструктурирования нечто. А после этого опять стабильность новой структуры.

Я: То есть, от функционирования к функционированию.

А: Да. Хитрость в чем состоит? Человек развивается, но он остается тем же человеком? Хотя и изменившимся.

Я: И тем же, и нет.

А: Вот и парадокс. Функционально он тот же, а морфологически все время меняется, структурно. Так же и система деятельности. Это все та же научная, методическая, педагогическая деятельность. Но структурно в исследовательской (научной) деятельности могут быть, в виде сервиса, методическая, педагогическая и т.п. деятельности. Точно так же и методическая может иметь сервисы исследования, педагогической и т.п. деятельности.

Я: Знакомо. Но механика мысли и ее владение не только по содержанию – сложна. Просто и нет.

А: Кстати, функции вне нормативности, а, следовательно, вне деятельностного мира, не существуют. Поэтому "физиологические функции" – это метафора.

Я: Но ведь все так говорят, "физиологическая функция", функция кишечника, почки и т.п.

А: Говорят. "Кто?" – реализует функцию. Вот что важно. Должно быть сознание. Иначе нужно говорить только о том, что оно "просто происходит".

Я: Бог сознает и знает функцию. Так можно сказать?

А: Пока что в теологию не пойдем. К этому нужно быть готовым.

***Примечание:** Введен еще один узел внимания. Он связан с применением деятельностных терминов вне деятельности или с введением деятельностного статуса, значения для терминов, извлеченных из "недеятельности".*

Я: Скажи. Если уточняющий предикат не удастся найти, ввести, что будет делать мыслитель?

***Примечание:** Обучаемый отходит от приложения и возвращается в анализ логических вопросов.*

А: Тогда нужно вновь заниматься парадигмой, "Азбукой", совершенствовать ее.

Я: Но чаще, если приблизиться к реальности, это означает коренные переделки всего аппарата.

А: Вполне возможно, так как при создании аппаратов не учитывали указанные требования к мышлению. Ты же знаешь, что я пришел к своей версии парадигмы в этом же обнаружении невозможности регулярного подбора

уточняющего предиката при работе с парадигмой Г.П. Щедровицкого.

Примечание: Вновь водится контекст реальных и драматических событий.

Я: Они не зря так игнорируют тебя. Взять тех же В. Авксентьева, А. Зинченко с их отношением к тебе в Киеве. Им все это непонятно, а гонор велик. Думаю, что либо Г.П. Щедровицкий тебя поймет, либо начнет "душить".

А: Маловероятно, что он всерьез начнет разбираться. В 1976-78 гг. он громил мое гегельянство, считая Гегеля путаником. Хотя в 1977 г. он достаточно корректно беседовал со мной, стремясь понять мое лицо, мое место в ММК.

Я: Ты же ему разъяснял.

А: Да, но он сказал, что "воспроизводство методологов" с помощью МРТ и схематизации, и т.п. ему очень непонятно. Требовал все подробно разъяснить. А сейчас язвит, что я "все еще сижу на понятиях".

Я: В ММК все побежали прочь от понятий.

А: Они еще спохватятся.

Я: Это точно. Но когда? Кстати, мне очень неясно само уточнение как процедура. Как меняется содержание, когда что-то выступает как средство изменения.

А: Это самая сложная сторона метода у Гегеля и логики ВАК. Но у тебя больше звучит содержательная сторона, "онтологический подход". И Гегель поясняет эту материю через анализ саморазвития. А я хочу обратить внимание на технику. Уточняемое уточняется за счет внесения новой, усиливающей определенности того же самого содержания. Гегель об этом пишет, но надо в схемах это повторять. Определенность инструментально может быть показана лишь в знаково-символических средствах. "Внюшу" уточняемую схему. А потом разбираюсь, что бы это значило по содержанию. И тут огромная проблема оперативной работы сознания. Думаю, что на этом все и ломается у неподготовленных мыслителей. Так что проблемы сознания, любезные тебе, здесь очень даже к месту.

Примечание: Акцентируется новое проблемное поле.

Я: И понадобятся Фихте, Кант и тот же Гегель с их учениями о сознании и самосознании. Да и вообще все, кто всерьез мыслил о природе сознания.

А: Я согласен. Вот и нужна наша версия категориального аппарата психологии.

Я: А твои психологи, почему не работают по этой теме?

А: Они еще не подготовлены. Хотя я их соблазнял на подобные подвиги. И И.И. Ильясов тоже.

Я: Сам напиши.

А: Кое-что уже сделал. Д. Артыков обещал издать.

Я: Надо будет обсудить твою версию.

А: Как всегда, готов. А пока давай, применим схему ВАК.

Я: Давай. При синтезе двух схем, функционирования и развития, ты быстро прошел к системе деятельности и говорил о сервисе. Тут немало запутанного для меня. Как рефлексия приводит к синтезу исходной, базовой и сервисной деятельности? По содержанию это ясно. Примеры из практики легко найти. А по технике не очень ясно.

***Примечание:** При попытке начать решение основной задачи обучаемый фиксирует для себя проблемную ситуацию. Он не может еще совместить примеры по этой теме с тем, как мыслитель приходит к результату.*

А: Ты согласен, что один из результатов рефлексии – требование к созданию сервисной деятельности?

Я: Да, ясно. А где неслучайность такого варианта? Мы же не подбираем случаи, а логически выводим.

А: Согласен ли ты, что неслучайность должна появиться в рефлексии?

Я: Конечно. В критической части.

А: И тогда в рефлексии обнаруживается, что "разрыв", как любят говорить в ММК, должен быть заполнен, преодолен за счет новой деятельности.

Я: Но пока живописание объектное. А техничность?

***Примечание:** Обучаемый стремится локализовать свое затруднение с помощью рассуждения обучающего.*

А: Развитие – это особый тип изменения. Согласен?

Я: Да, и что?

А: Следовательно, только та рефлексия относится не только потенциально, как возможность, к развитию, но и актуально, если она по содержанию изменяет, но особо, норму деятельности. Так?

Я: Ясно. И что?

Примечание: Обучаемый еще не обнаруживает нить, ведущую к ответу на его вопрос.

А: Особость здесь состоит в структурных и системных изменениях. Увеличивается число компонентов, меняется тип их связи и т.п.

Я: Но ведь это может быть увеличение числа компонентов в акте деятельности.

А: Эмпирически – да. А если сохранять схему акта деятельности?

Я: Не пойму. Ты не хочешь, чтобы я эмпирический опыт вводил?

А: Да. С точки зрения техники, логики у нас есть изначальная единица – деятельность. Ее форма – схема акта деятельности. Внутри по содержанию есть любые нормо-реализационные отношения. Поэтому если говорится о развитии деятельности, то тогда нужно менять структуру целого, усложнять ее.

Я: Ты хочешь сказать, этих единиц, актов, должно быть больше?

А: Да, но это "больше" касается не количества. Ведь не просто изменения нужны, в структуре. Нужно "развитие". А это и означает, что требует схема ВАК, уточненная структура в целом остается, с тем же названием, принадлежать тому же объекту. Это объект, как говорил Гегель, себя усложняет.

Я: Но с точки зрения схем, последняя схема правильная. Откуда тогда затруднение и необходимость переструктурирования объекта? Что заставляет рефлектирующего идти к усложнению структуры деятельности?

А: Вот для этого и нужна еще одна схема – "становление организованности".

Примечание. Следуя импульсам обучаемого и направляя их, обучающий подводит к потребности в новой схеме, нужной для анализа переструктурирования деятельности.

Я. Она тоже загадочно выглядит. Дай иллюстрацию для начала.

А. Пожалуйста. В литейном цехе вливают металл в форму. Ясная картина?

Я. Конечно.

А. Что за тип явления, в чем его суть?

***Примечание.** Обучающий дает то явление, в котором можно извлечь фундаментальные отношения. ("места" и "наполнения", "функцию" и "морфологию")*

Я. То, что металл оформляется формой.

А. А в мире деятельности этому что соответствует?

Я. Это и есть процесс деятельностный.

А. В схеме акта деятельности находишь подобное?

Я. Материал оформляется в продукт.

А. А где "форма"?

Я. Форма – цель или особая часть нормы.

А. Вот именно. Норма – в роли формы и все служит действию "оформления" материала.

Я. Хитро это!

А. А все же. Еще что усматриваешь подобное?

Я. Не вижу, скажи.

А. А норма в целом и есть форма деятельности как производства продукта. Все остальное – морфология.

Я. Но эта морфология уже соответствует форме деятельности.

Не цели – это меняется, а деятельности. Норма хода создания продукта.

А. В том и суть, что возможность соответствия, несоответствия и приходов к соответствию и несоответствию реального хода процессов норме и выражается в схеме "становление организованности" (см. сх. 5)

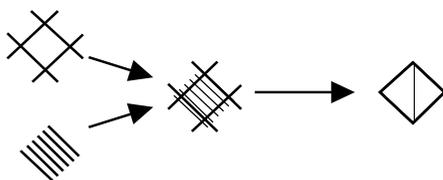

Схема 5

Я: Да, ясно. Но тут они "параллельно" идут к соответствию. Для проблематизации же нужно другое. Например, когда методология вырывается из формы, начинает идти сама по себе.

А: Следовательно, рефлексия позволяет выявить "своеволие" морфологии и прийти к норме, в которой предусмотрена деятельность по обузданию морфологии, служебная. Ясно.

Я: Спасибо. Стало прозрачно. Но тогда и схема последняя должна не просто, формально наложиться, а с ее содержательным поворотом в этот вариант разрыва.

Примечание. После привода к необходимости в новой схеме и разъяснения предшествующего узла непонимания, обучаемый подхватывает линию применения схемы. Путь к системодетельностному усложнению становится открытым.

А: И что ты понял, применительно к основной задаче?

Я: Совместно действуют несколько схем. Первая вводит единицу деятельности. Вторая вводит изменяемость единицы. Третья "подсказывает" возможность причин изменяемости. При этом сначала изменяемость дается любая, а затем с введением новой единицы, сервисной и появляется система деятельности.

А: В целом идея тобою удерживается. Главное то, что уже сейчас мы можем совместить применение пяти схем Азбуки. Но этому еще надо учиться, делать это технично. А зачем дается схема 4, в этом случае?

Примечание. Обучающий подводит первые итоги синтезирования схем и намечает различные функции схем в едином процессе.

Я: Чтобы мыслить по содержанию конкретнее.

А: Куда бы ты ее поместил в качестве уточняющей?

Я: К мышлению.

А: А в какой схеме мышление дано?

Я: В схеме развития деятельности, в рефлексии.

А: А на какой стадии рефлексии, локально, ты бы приложил?

Я: В критике.

А: Зачем? Что там нужно?

Я: Конкретизировать критику.

А: Может быть, локализовать содержание в критике?

Я: Да, пожалуй.

А: Не одно и то же эти процедуры. Так ведь?

Примечание. Обучающий предлагает решить иерархизирующую задачу по синтезу схем – "вставление" схемы в предшествующую схему.

Я: Так. А где тогда использовать?

А: согласишься, что в нормировании?

Я: Где именно?

А: Не где, а как! В перестройке "простой" деятельности в "сложную", в систему деятельности, в кооперацию.

Я: Хорошо, согласен.

А: Но специфика этой схемы в чем? Как она влияет на рефлексивное нормирование?

Я: Конкретизирует. Или я чего-то не понимаю.

Примечание. Обучающий подводит к пониманию особой роли схемы в синтезировании с другими схемами.

А: Да, многого не достигаешь. Схема эта "уточняется", следовательно, сохраняющая целое, исходное. Поэтому благодаря схеме прохождение нормирования ведет не к "расползанию" деятельности в системе. Деятельность сохраняется, но усложняется.

Я: Становится "более развитой".

А: Именно. Она укрепляет базовый процесс и базовую деятельность, а не просто ведет к обрастанию новыми звеньями.

Я: Это здорово. Нюансы и жесткость движения соблюдена. То, чего не хватает нашим методологам ММК. Надо потренироваться в строгом конструировании систем деятельности. Еще я углядел, что эта схема последняя может быть применена и к логической схеме.

А: Ну-ка, скажи. Это интересно.

Примечание. У обучаемого возникли новые соображения за счет технического использования приема синтезирования схем. Он применяет ту же схему, но к иной, чем ранее, схеме.

Я: Предикат в восхождении, как ты говорил, понятийный или категориальный. Но ведь категория – это как бы методология,

встраиваемая в предшествующее понятие. Это ведет к обогащению.

А: Очень важный ход. Конкретизированный предикат более богат и это дополнительное богатство "вливается" в конкретизируемый. Однако, при внешней правильности применения схемы, надо учесть, что уточняющий предикат в мышлении – лишь инструмент конкретизации. Если ты предикат уточняемый рассматриваешь по содержанию, то изменяется именно оно. И реального "вливания" нет. Уточняющий предикат как бы подсказывает, как "саморазвиваться" уточняемому содержанию. А точнее – как развиваться или изменяться объекту, выраженному уточняемым предикатом.

Я: Так тут опять объектная логика!

А: Точнее, объектно-каузальная, но в конструирующем мышлении. Вот отсюда все проблемы, обсуждаемые Гегелем, вообще немецкими классиками начала XIX века. Здесь же и роль самосознающего мышления, порождающего духа и т.п.

Я: Вот ведь залетел в "пекло" проблем.

А: Молодец!

Примечание. Обучающий подхватывает инициативу обучаемого и приводит к оформлению, создающему новое понимание "случайно" возникшего у обучаемого смысла.

Я: Какой молодец! Я только начинаю понимать.

А: Но в нужном и важном месте. Здесь опять нужна конкретизация, схемы про языковое мышление, язык, знаковые средства. Тогда появится и различие содержания и формы языка, языкового мышления.

Я: Движение в знаковой форме по схемам двойного знания по Г.П. Щедровицкому?

А: Похоже. С этим надо разбираться. В частности, у него тоже есть похожее на последнюю схему и размышления, в "коричневом кирпиче" 1974 года о функциональной форме, морфологии, организованности. Как и везде, там теряется исходное различие. С чего начинается. Это как бы приостановка в большом мыслительном забеге. Я хотел бы продемонстрировать применение логики ВАК, вообще МРТ ко всем его схемам. Но много надо времени.

Я: А ты можешь онтологически, не инструментально подойти к этой схеме?

А: Тогда я должен был бы говорить метафизически. Пришлось бы проходить путь Анаксагора, Пифагора, Платона, Аристотеля, Плотина, Прокла. Я уже не говорю о других, о моем Гегеле. Когда-нибудь займусь этим. А пока мне важно онто-технически схему применить и инструментально для введения типологии "встреч" формы и морфологии.

***Примечание.** Обучающий показывает перспективу творческих разработок историко-культурного и фундаментально-теоретического анализа за счет особого использования схемы.*

Я: Это далекие перспективы. Давай опять попробуем движение в развитии и применении логики ВАК.

А: Давай. Иди по схеме логики ВАК и используй содержательную проблематизацию. Усложняй структуру деятельностной кооперации.

Я: Зачем такие сложности! Может быть, последовательно применить предикат "функционирование деятельности"? Ввожу один предикат, потом другой. Появляется система деятельности, совместная деятельность. Ввожу ее в пространство мышления, а затем в пространство знания. А затем проблематизирую.

А: Что будет в данном случае?

Я: Я вижу, что схема недостаточна для отображения объекта – назван он: "организация совместной деятельности". Кстати. Ты задаешь вопросы с разными терминами: схема совместной деятельности, система деятельности, организация совместной деятельности, совместная деятельность. Я их пока четко не различаю. Нужна большая определенность. И тогда давать подсказки при затруднении.

***Примечание.** Обучаемый испытывает большие сложности в применении логики ВАК и пытается решать более легкую версию задачи. При этом он задумался о терминологической четкости, понимая роль значений.*

А: Ты не уходи от сложностей. Иначе чего толку в нашем деле. Надо ведь проникать и в парадигму, и в механизм ее синтагматического применения. Иди по схемам и задавай себе

вытекающие из них вопросы. Вообще культура вопросов, их введения очень важна. Не зря имелся опыт наших предшественников. Возьми Сократа, Платона или Плотина и др. И задавай себе вопросы. Они организуют линию и ответов, и поисков.

***Примечание.** Обучающий вводит преграду к "скольжению" в решении задачи обучаемым. При этом акцентирует внимание на роли вопросов и культуры задавания вопросов.*

Я: С чего начать?

А: Начни с вопроса о том, какова исходная абстракция. Ответ очевиден. Она тебе дана. Другой вопрос – есть ли еще более абстрактное начало? Если есть, то начало находится там.

Я: Но у нас не одна исходная схема, а две.

А: Синтезируй и рассматривай как одну абстракцию.

Я: И тогда следующий шаг. Это рисование развивающей надстройки как служебной деятельности.

А: А если сделать еще шаг!

***Примечание.** Обучающий вводит быстроту переходов, резко переходя от медленного разбирательства.*

Я: Развивающую деятельность рассмотреть как систему деятельности.

А: В каком членении?

Я: Рефлексия, снабжение, контроль.

А: Можно ли крупнее сначала членить?

Я: Рефлексия и остальное. А затем опять членить. По перечню функций. Так может быть получена большая система деятельности.

А: Можно ли членение сделать и в базовой части, в функционировании?

Я: Можно, но только уйдя от целостности акта.

А: Каким образом? Так, чтобы части были деятельностями?

Я: Членение разваливает функционирование.

***Примечание.** Обучающий подводит к проблеме совмещения членения и получения целостного для каждой части эффекта, оформления их как "тоже" деятельности.*

А: А в надстройке тоже идет развал?

Я: Но там и не было целостности такой, как в функционировании. Там и не было акторности.

А: А мы говорили о членении как переходе от моноединиц к "полиструктуре", где каждая единица – деятельность.

Я: Мне опять становится трудно. В общем смысле было ясно, а ты сейчас ввел требование...

Я: Требование деятельностного подхода.

Примечание. Создана новая проблемная ситуация. Обучающий подготавливает почву для формирования деятельностного мировоззрения, где "атомы" – деятельности и "молекулы" – деятельности.

Я: Мы членили процессы. А должны получить не части процессов, а деятельности. Так?

А: Да. Ты увидел лейтмотив. И тогда какой уточняющий предикат нужен?

Я: Когда понятен уточненный предикат?

А: Предположим. Гипотеза о типе результата – есть. Скажи, что именно будет результатом?

Я: Организованная совместная деятельность.

А: Правильно, но это еще дальше. Пока нужна совместная деятельность.

Я: Тогда уточняющий предикат – деятельность, акт деятельности, а уточняемый предикат – цепь процессов, как следствие членений.

А: Развилка дана, согласен. Только давай разберемся с тем, как из одной деятельности получить две. Бери акт деятельности и получи из него две деятельности.

Примечание. Формируется принцип и техника рассмотрения и структурирования деятельностей.

Я: Надо свести деятельность к процессу и осуществить его членение.

А: Вначале процессы в деятельности были и таковы, что они как бы не мешали друг другу, в этом состоит целостность содержания схемы. А теперь что? Взял и разрезал? Формализм?

Я: Я не знаю, что тебе ответить. Вроде бы все очевидно. Резать процесс.

А: А как это технически сделать?

Я: Подскажи.

Примечание. Сталкиваются, в сознании обучаемого, смысловой вариант членения, "как-то!", и иной, который скрыт, но возможен. Общая культурная интуиция и опыт позволяют ему предполагать наличие иного способа.

А. Установка на разрезание – внешняя, от задачи. Она должна совместиться с содержательным чтением схемы, с движением "по ней". Это первое условие. При этом надо найти тот процесс, который лежит в основе, от которого зависит членимость. Какой это процесс?

Я: Преобразование материала в продукт.

А: Верно. И тогда нужно решить задачу – пройти путь от соответствия схеме к несоответствию, но такому, которое как бы вытекало из соответствия.

Я: То есть осуществить проблематизацию?

А: Да, но о самой проблематизации лучше в другой раз. И как пройти путь? Как вырваться из схемы и не случайно, а под этот заказ мультипликации деятельности?

Я: Шел процесс деятельности, по "акторной схеме". И вот что-то мешает переходу материала в продукт.

А: Что мешает?

Я: Материал "ломается" или средство.

А: Но ведь это ведет к более сложному строению деятельности, к сервисным единицам. Согласен?

Я: Да. Но как упростить? Если человек перестал соответствовать, то тоже его менять надо, обучать и т.п. Тоже сложно?

А: Верно. А ты упрости. Если все то же, кроме человека уставшего. Замирает процесс, но не разрушается. Так?

Я: Здорово. Как ты подбираешь примеры, чтобы решить задачу?

Примечание. После приближения обучаемого к нужному различению обучающий вводит свое "дорешение" задачи. Он видит принцип подбора, а обучаемый остается в стиле проб и ошибок.

А: Я манипулирую соотношением между соответствием и несоответствием схеме, что и выражено в последней схеме "становление организованности". Минимизирую расхождение по критерию сохранности формы, чтобы он был в покое, и

вариативность морфологии. Вот и появляется случай, субъект мысли, под поиск.

Я: Спасибо. Очень важно. Итак. Членим процесс перехода за счет приостановки, а не деструкции. Приостановка из-за дефицита в воспроизводстве свойств морфологии, из-за "усталости".

Примечание. Обучаемый улавливает принцип решения задачи и подбора иллюстрации.

А: Отлично. И мы имеем уже последовательную кооперацию двух деятельности. Какой применим уточняющий предикат и как?

Я: Схема "морфология-форма".

А: И членение процесса. Что вперед применено?

Я: Членение и его сервисом становится схема.

А: Может быть и наоборот. Сначала разотождествление морфологии и формы, а затем организация разотождествления под членение. Но это нюансы. Ясно?

Я: Да, понял.

Примечание. Обучающий усложняет решение задачи и этим раскрывает технику членения.

А: Я думаю, ты согласишься, как это важно совмещать онтологическое прочтение схем и введение процедуры в решение мыслительной задачи. При этом еще и следя за отсутствием деформаций в схеме, которая читывается и используется.

Я: Правильно, это надо осваивать.

А: Двигаясь в оживляющем прочтении схемы, я могу вводить траектории прохода в зависимости от установки, задачи и т.п. Но, открепляясь от линии содержания, я должен возвратиться туда, куда позволяет схема, а не мое только лишь желание.

Я: А как ты подбираешь уточняющие предикаты?

А: С одной стороны, на них "намекает" задача. С другой стороны, они вычлениются из уточняемого предиката.

Я: Он содержит множество возможностей, уточняющих, хотя их еще надо обнаружить.

А: Мы ведь говорили, что на схеме дана "вершина айсберга" содержания. Чтобы получить "акт деятельности", нужно пройти большой путь псевдогенезиса. А там и найдется

множество предикатов, которые мы должны вывести на "поверхность".

Я: До чего же плотная работа! Сколько нужно иметь в виду.

А: А как же. Для созерцателя нет этих проблем. Увидел и все. А мыслитель все воспроизводит, реконструирует. Как Гегель говорил – "плачет", а не обнаруживает.

***Примечание.** Обучающий увеличивает тонкость и системность мыслительных различий и стимулирует рост системности сознания у обучаемого.*

Я: И что сейчас?

А: А приди к организации совместной деятельности. Совместная деятельность у нас уже есть. Кстати, за счет чего совместность создана?

Я: За счет членения.

А: И все?

Я: А также содержания расчлененного.

А: Верно. Что за процедура тогда?

Я: Соединения? Все вроде ясно.

А: Должно быть, подчинение результата членения исходному предикату. Это то, что Гегель называл "спекулятивностью мышления".

Я: Да. Объект-то в ВАКе не меняется, поэтому расчленившийся акт деятельности опять себя собирает, но уже как кооперацию. Так?

А: Да. По содержанию. Деятель восстановил силы и пошел дальше. У него обязанности все остались в нормореализации.

Я: А раз членение произошло, то должно быть уже два деятеля.

А: Верно. Сначала в двух местах пребывает многостаночник, а потом деятельность кооперативная завершает путь в становлении.

Я: Красота. Нужен предикат размножения деятелей.

А: Верно. Это все и произойдет в чистом движении мысли к "полным" кооперациям. А пока мы имеем намек. Так?

***Примечание.** Обучающий акцентирует внимание на незавершенность "шага" в восхождении и на перспективу будущих шагов. Он создает прогностический потенциал.*

Я: Кстати. Мы членили деятельность. А это проявление ли развития? Мы всего лишь иначе восстановили то же самое.

А: Механизм развития, ядром которого является рефлексия, готов к любым изменениям. Даже если это не "совсем" развитие, не качественные переходы. Так что пока была "мелочевка" в его использовании.

Я: Хорошо.

А: Так как перейти к организации совместной деятельности?

Я: Нужно функцию организации ввести.

А: Верно. Но как? Какой предикат ввести?

Я: Надстройка у нас есть. И рефлексия, и другое. Если надстройка для развития, то мы будем продолжать развивать кооперацию. А ты говоришь об организации. Следовательно, нужно надстройку иметь не для изменения, а для укрепления. Так?

А: Отлично. Логика движения правильная. Но что побуждает эту надстройку иметь?

Я: Неорганизованность. Рассогласование в кооперации.

А: Так какой предикат нужен?

Я: Согласование.

А: А что если "структура" и его раскрытие – "структурообразование"?

Я: Общая основа согласования. Я согласен.

А: И куда его поместить?

Я: В звено рассогласования. И тогда, как ты уже ранее направлял меня, надо положить, сконструировать разрыв, применяя схему становления организованности, между двумя деятельностями, а затем его преодолевать за счет специальной рефлексии.

А: Одно дело создать разрыв, требуется одна схема, другое – устранить "этот" разрыв, несогласованность, не получение конечного продукта кооперации из-за несогласованности, самостоятельности динамики. Тут уже иная схема нужна.

Я: А ты не думаешь, что чистота уточнения здесь размывается?

А: Конечно, она уже обрастает фокусировками, дополнительностью и т.п.

Я: Так здесь еще масса трудов должна состояться. Очень непросто все сделать организованным.

***Примечание.** Обучаемый осознает, что идея развития, логического уточнения в "чистоте" применяется редко. Она совмещается с идеей дополнительности, фокусировки и т.п. Обучающий подводит к общей базе техники движения.*

А: Надо осознать, что все типы шагов опираются на имитационном отслеживании, чтении схем, опираясь, в свою очередь, на объектно-каузальное, онтическое чтение, объектную идентификацию, а лишь затем появляется возможность решать задачи. Они могут быть по расширению, уточнению, сужению объема содержания и т.п. Нам, по результату в содержательной плоскости, важно то, что разрыв как несогласованность, снимается ради сохранения кооперации, а не ее усложнения. И это будет организационной работой надстройки. В этом основании организационной функции и начало организационной деятельности.

Я: Ну, что же, ясно. Что будем делать теперь?

А: Если мы ввели мыслительной волей разрыв по критерию "несогласованность частей", то, используя надстройку развития, мы разрыв преодолеваем. Согласование осуществляем в проектировочной мысли, а затем – в согласовательном, совмещающем действии. Однако после "разового" действия надстройки все возвратилось в начало – в совместную деятельность, в реализацию нормы. Какое усложнение нужно ввести, чтобы появился организатор в кооперации? Чтобы была организационная деятельность?

Я: Организационная деятельность, но не развивающая надстройка?

А: Да. Кстати. Мы немного накопили опыт усложнения деятельности и с учетом возможностей ВАК, а не только принципа дополнительности. Возникли нюансы. Я тебе давал задачи, установки. А в методе НОД, "нормативное описание деятельности", который я активно ввожу на базе языка теории деятельности, требующим выступает рефлексивно-исследовательский материал. Он "требует" своей реконструкции в средствах ЯТД. В работе с В. Чернушевич я брал в качестве материала тексты методических документов. Все равно та же техника. Когда пространство деятельности воссоздается, можно начать понимание того, что все-таки

произошло, но уже организованно понимать. И критиковать, проектировать улучшение.

Я: Я это осознаю. И хочу разобраться. Ты говоришь "описание" при фиксированном материале. Следовательно, культурное оформление сохраняет неразбериху, если она есть. Не получится тогда правильного хода деятельности.

А: То в материале, что соответствует форме – правильное. Если переходы в материале ведут к различным кускам правильности, то это и опознается. Фиксируется неоправданность "смены траектории" в правильных кусках выложенной.

Я: Что облегчает критику?

А: Правильно. И приход к нормированию, но уже неслучайному. НОД – это оформление прошлого и форма повторяет принципиальные неправильности, но на стыках кусков, а не в кусках.

Я: Красиво.

А: Тем более, что "описание" идет по требованиям логики ВАК. Это максимально "выпрямляет" содержание, отрывает его от истории.

Примечание. Обучающий сделал очередной переход к близким процедурам для расширения ориентировки и подготовки перехода к ним.

Я: Кстати. У Г.П. Щедровицкого нет развернутых представлений о нормативном описании деятельности.

А: Это, в частности, объясняет его непонимание Гегеля.

Я: Но надо еще разделить теоретическую и нормативную функцию. НОД – не теоретическое описание?

А: Нет, но опирается на ту же технику мышления, что и теоретическое конструирование. Просто функция добавляется перехода из "описания" в "предписание". В процедуре НОД сохраняются неправильности практики, но выраженные в сменах траекторий. А в теоретической работе неправильности устраняются, и остается лишь правильное, вообще правильное.

Примечание. Доопределяются различие линий в применении единой техники мышления.

Я: Давай я изложу свое понимание того, что ты сейчас сказал. Твои схемы и способы их применения дают тебе возможность решать любую задачу, и теоретическую, и социотехническую.

Владея инструментами, ты можешь дать нормативное, например, проектное "описание" того, как надо действовать, чтобы получить результат. Приходит заказчик и просит решить задачу. А ты ему даешь средства и способ их использования и говоришь – "давайте, делайте". А как у них получится! Пусть барахтаются? Или ты говоришь, я сейчас построю НОД, дам вам, и вы его применяйте как можете.

А: Не первое, конечно. Они же не прошли подготовки в культуре мышления. А второе возможно. Им дан ориентир.

Я: Это как стратегия отдается?

А: Да. Но не при сохранении опыта – НОД, а при построении опыта. Это уже не НОД в чистом виде, а результат проектировочного конструирования, остающийся на абстрактном уровне.

Я: У них, заказчиков, не было практики. Они просто хотят что-то получить как результат. А ты имеешь только ЯТД, как методолог. В чистом мышлении ты развертываешь деятельностьную кооперацию в рамках НОД. И этот НОД отдается им. Если будут соответствовать содержанию НОД – получают результат. А другое дело затруднения и использование НОД для критики, коррекции норм. Так?

А: НОД имеет свою предназначенность для реконструкции. Другое дело, что легко повернуть работу с той же техникой мысли в чистое проектирование.

Я: Но НОД как результат используется в качестве средства критики. За счет чего возникает его положительная роль. Он ведь не чистое, сохраняет изъяны практики.

А: Но и очищает практический материал. А при априорном использовании он, результат конструирования, не имеет изъянов. Поэтому может очень хорошо быть средством критики. Но только в руках методолога.

Я: А варварские описания деятельности практика только для их пересылки методологу?

А: По функции в кооперации – да.

***Примечание.** В связи с обсуждением НОД и техники мышления обсуждение привело к особому отношению между практиком и методологом, к месту, в котором законным выступает эта техника мышления.*

Я: Но для этого методолог должен владеть и НОД, и всей исходной культурой мышления, "Азбукой". А пока все достаточно размыто. И в ММК, и у нас в ММПК. Твои ребята далеко не ушли.

А: Поэтому мы и работаем с тобой. Входим в режим, раз уровень осознания возрос. Немного из осознавших. Фактически, ты, да Слава. Самошкин, Чернушевич и др. только чувствуют, а не осознают. Давай, решаем задачку. Как перейти от функции организации совместной деятельности к деятельности организатора?

Примечание. Фиксируется широкий контекст значимости решения типовой задачи, значимость выхода на технико-технический уровень мышления методолога.

Я: Если функция уже есть и она реализуется, значит есть образец. Тогда нужно от образца перейти к деятельности.

А: Верно. И как?

Я: Мы как бы возвращаемся к становлению деятельности.

А: В этом цикле мы не обсуждали. Но это все равно. Давай рассуждай.

Я: Надо прийти от донормативности, морфологичности поведения, к поднормативности. Через рефлексию. А если норма появляется, то и деятельность будет.

А: Отлично. Во всем объеме, акторно?

Я: Хотя бы постепенно. Кстати, это же рефлексия рефлексии. Почти как у методологов. Поэтому так сложно.

А: По общей форме рассуждения ты прав. Рефлексия вводит нормы. А объем нормы может наращиваться постепенно. Какие шаги постепенности ты отметишь?

Примечание. Обучаемый применил схему развития деятельности на материале самой схемы и получает обскуствление развития. Но оно сужено до решения организационной деятельностной задачи.

Я: Сначала цель. Нормируется результат. Следовательно, воспроизводится совмещаемость разных деятельностей в различных ситуациях.

А: Появляется "одно и то же"?

Я: Да, как бы рутиня. А потом нормируется процесс. И так до акторности. При той же цели.

А: Молодец. Рутинизируется и путь совмещения деятельности. Тогда появляется и "деятель" –организатор. Отлично. Но это и является содержанием схемы (см. сх. 6).

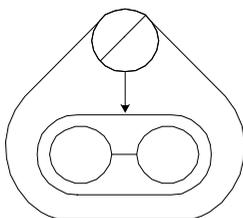

Схема 6

Остается спросить, как рефлексивная акцентировка, обслуживающая разрыв, перешла в определяющее начало организационной деятельности?

Я: То есть, как частный тип рефлексии, организационной, становится деятельностью?

А: Да. В деятельности есть требовательность, а не ситуационность в рефлексии. Появляется типовая рефлексивная деятельность.

Я: Фактически – управление.

А: Не спеши. Но ведущая к управлению.

Я: Во всяком случае, тогда у рефлексивна-организатора должны быть средства, способы их использования, нормы, а материал уже "был", дается разрывом в исполнительской деятельности, кооперации.

А: Путь ты держишь. Хорошо. А еще что, кроме рефлексии есть в организационном месте деятельности системы?

Я: Норма вырабатывается, а затем снабжение, контроль.

А: Верно. И как это с *акторностью* связать?

Я: Тут сложная картина возникает. Норма тоже должна касаться не только рефлексии, но и снабжения, контроля. И коррекции.

А: Да, в схему развития деятельности надо ввести коррекцию как надстроечную функцию. Она пограничная к выходу в управление. Пока оставим на потом.

Я: У меня начинает пыть образ. Разваливается единая деятельность. Она становится *многоакторной*. И вперед!

А: Ты прав. Но это все для последующего усложнения и уточнения. А пока важен принцип. Если рефлексия организационного образца получается, то возможно становление нового типа деятельности, при наличии всего сервисного корпуса. То, что эта деятельность многофункциональна и легко "поддается" развалу и превращению в кооперацию, это другое дело.

Я: Но это очень важно и надо будет рассмотреть. Здесь раскрываются все механизмы управления и управленческих структур.

А: И всего лишь за счет мыслительного перехода по акторному оформлению развивающей надстройки?

Я: Да, красота. Вот оно мышление настоящее! А вот куда девать нашу развивающую надстройку, "полную", не рутинизируемую?

А: Она остается "над" кооперацией, готовой к реагированию на разрывы в увеличенной кооперации.

Я: Как "курица", порождающая кооперативные "яйца".

А: Что-то подобное.

Примечание. Окончилось выяснение генезиса организационного типа деятельности на уровне принципа.

Я: Итак, методолог должен пользоваться и даже вытаскивать описания у практика. При этом он должен владеть и техникой психоанализа.

А: При чем здесь психоанализ?

Примечание. Обучаемый вовлек в обсуждение тот тип анализа, который ему знаком и который "похож" на обсуждаемый тип анализа.

Я: Это ретроспективный анализ. Я имею в виду метод. Ты вошел в позицию нормировщика для меня и не слушаешь, что я тебе говорю. Психоанализ – это метод рефлексивного анализа поиска причин затруднений.

А: Но у него свои средства, своя картина мира, которую он вводит в анализ как средство, подводит под них материал.

Я: Я говорю о методе, организации опроса, а ты – о картине мира психоаналитиков!

***Примечание.** Обучаемый акцентирует внимание на схожесть формы метода, а обучающий – на "морфологию" метода, применяемые средства и способ применения.*

А: Но метод зависит от того, какие понятия о мире привлекаются. Я говорю в рамках деятельностного подхода, а у психоаналитиков разве деятельностный подход?

Я: Психоанализ как метод есть рефлексивный анализ, ретроспективное восстановление картины прошлой деятельности, поиск затруднений в деятельности. Это не зависит от картины мира. Как врач психоаналитик помогает восстановить картину в диалоге.

А: Здесь очевидна единость функции – ретроспективной работы. Но реконструкция с акцентом на психическое бытие – одно, а на деятельностное бытие – другое. Ты говоришь о функции? Еще до конкретизации – "деятельностная функция"?

Я: Разве психолог не осуществляет деятельность?

А: Да, если осуществляет профессиональную, а не любительскую процедуру. Но он не видит рамки деятельности. Он видит "психологически", а не деятельностно.

Я: Какая разница, как он видит. Он "разглядывает" реконструктивно.

А: Думаю, что между подходами (психологический и деятельностный) и соответствующими картинами мира, моделями есть различие. Я его недавно обсуждал и написал. Дал Артыкову Д., чтобы напечатал. Ты же знаешь!

Я: Надо еще разбираться. Так как реконструкция рефлексивная, то они смотрят достаточно одинаково.

А: Если "натуральная" реконструкция, до введения методов.

Я: Ну, ладно. Так. Когда мы уже вводим теоретико-деятельностные средства, то появляется реконструктивная онтология.

***Примечание.** Недоразумение возникло из-за нежесткого различения **Е** и **ИЕ** форм реконструкции. В **ИЕ**-форме все зависит от подхода, применяемого языка.*

А: Да. Теперь не лишним является напоминание о том, что онтологии психологические отличаются от методологических, так как в основе одной лежит психика, ее "деятельностное

проявление", а в основе другой – собственно деятельность. В учениях о воле, смотри конец XIX и начало XX вв., да и сейчас – сплошь термин "деятельность" используется. А у немцев в начале XIX в. и даже у Плотина в III в., тоже деятельность. И что, это та деятельность, что у ММК? Или хотя бы у Маркса?

Я: Нет, конечно.

А: Ну, вот. Видишь. Разбор этого обстоятельства будет еще впереди. Без этого не наладить подготовку и обучение специалистов с методологической оснасткой. Мы же это сейчас и обсуждаем в секторе В.А. Охрименко и на эксперименте в МГИ, горном институте у Ю. Протасова. А уж про подготовку преподавателей я уж не говорю. Да и методологов.

Я: Ладно. Мы говорили о реконструкции. А потом онтологема применяется в нормировании, в создании проекта совместной деятельности.

А: Используя онтологическое мышление, умение рассуждать онтологически.

Я: Но я должен еще и использовать это мышление для нормирования. При этом надо учитывать ситуационный и морфологический аспекты, а не только онтологический.

А: Что ты имеешь в виду?

Я: На материале человеческой морфологии могут быть замечены затруднения в распределенной деятельности, несоотнесенности двух деятелей. Сколько таких явлений? На каждом шагу. Даже в нашем взаимодействии друзей-методологов.

***Примечание.** Обучаемый "соскальзывает" на свой любимый аспект.*

А: Давай локализуем. Преобразование материала в продукт сначала происходит "правильно" или в организационном бытии. Затем морфология выходит из соответствия форме (норме). Результат не соответствует продуктивности.

Я: Другой деятель в кооперации говорит, что неполноценный полуфабрикат он не принимает. И перестает работать. Могут быть разные и причины, и реакции на них.

А: Нам нужно иметь "организационное" затруднение. Если морфология не подходит, например, деятель, его настроение и

т.п., то тут еще нет такого затруднения. Что значит затруднение в соотношении деятельности и согласовании, при правильности работы в каждой деятельности.

Я: Надо искать линию параллельного бытия каждой деятельности и деятелей в них. Что-то подводит их к рассогласованию. Еще было, вероятно, рассогласование между исполнителем и организатором.

А: Кстати, почему?

Я: У исполнителя свой настрой и ориентация, а у организатора – свой. Один действует, а другой рефлектирует.

А: И корректирует.

Я: Конечно. Я бы добавил, именно в отличие от надстройки развития и развивателя, организатор должен быть корректировщиком. "Загонять" в согласование.

А: А рассогласование между исполнителем и организатором приведут еще к одному этажу организационной деятельности?

Я: Вот именно. И так появляются иерархии в управлении и организации.

А: Потенциально. Мы обсудим. Итак, что является для организатора исходным материалом?

Я: Несогласованность в деятельности, кооперативной.

А: Тогда с чего надо начать анализ этой ситуации?

Я: С рассогласования.

А: Но ведь оно побуждает к реагированию. А если еще не выявлено рассогласование?

Я: Тогда не надо и начинать.

А: Как же так! Организационная деятельность уже есть. Следовательно, даже при отсутствии рассогласования он, организатор, должен работать.

Я: Началом будет проверка на рассогласование.

А: Еще ближе – фиксация согласованности.

Я: Как так? Его же функция согласователя!

А: Поэтому он должен обнаруживать переход к рассогласованности. Для этого нужно иметь "нормальное" начало и начало "ненормального". Это разные начала.

Я: Я опять вспоминаю схему "становление организованности".

А: Вот именно. Только вспоминай как начало – организованностное бытие, а потом рассогласование. Так же и тут.

Я: Уяснил.

Примечание. Обучаемый проходит путь от смыслового, ситуационного, индивидуализированного понимания начала к "отчужденному", соответствующему функциональной картине (онтологической).

А: Согласовательные процедуры и соответствующие разрывы, при любых причинах их, очень важны не только практически, но и теоретически. В создании коопераций две стороны всегда находятся рядом. С одной стороны, какие-то расчленения, развалы целостностей, исходных. С другой стороны, восстановление целостностей. И тут вся почва кооперативного строительства и применения методологии.

Я: С точки зрения реального опыта управления, ты влез в самую дискуссионную трясиину. Вот тут-то неразбериха!

А: Достойный для методолога материал.

Я: Я, думаешь, зря учусь у тебя? Для таких вот проблемных ситуаций. Тут Г.П. Щедровицкий не поможет. Накрутит еще больше, чем раскрутит и снимет затруднения. Твои различия только под микроскопом обнаружишь. Но более надежные.

А: А я же с простыми схемами работаю.

Я: А техника продумана как! Так что все очень хитро.

А: Давай сделаем еще шаг. У нас есть уже совместная деятельность по реализации нормы, есть организация деятельности, если они рассогласуются. Остается и звено развития деятельности. В центре внимания до сих пор было получение продукта. Ради него прилагал усилия организатор. Развитие деятельности показало себя, как бы потенциально. Исходя из его возможностей, была реакция на любые события в "производстве" продукта. Но мы можем задать вопрос о том, откуда появляется цель! Без нее нет всего упомянутого, включая и нормы в целом. Если цели и нормы нет, то незачем вовлекать всю реализационную морфологию, "ресурсы", незачем членить ход получения продукта и согласовывать распавшийся акт на два и множество актов. Как появляется цель?

Я: Есть что-то внешнее деятельности. Требующий чего-то по содержанию – это и будет целью. Целеполагающий.

А: А он что – фиксирует содержание будущего продукта и требует – "давайте мне его!"?

Я: Конечно.

Примечание. Вводится новая задача по поиску источника целеполагания, а затем нормы в целом.

А: Как он живет, этот "целеполагатель", внешний деятельности. Чем он отличается от "внутреннего" для деятельности нормировщика, похожего на тех, кто уже есть в схемах?

Я: Он и не отличается.

Примечание. Обучаемый вовлекается в различение внешнего и внутреннего для целеполагания.

А: Следовательно, он предписывает, и в реализационной части деятельности все следуют этому предписанию?

Я: Да.

А: А может быть такое, когда он, неожиданно, меняет свое содержание? Когда еще цель не достигнута.

Я: Это его право.

А: Представь деятельность, когда руководитель меняет содержание цели в зависимости от случайностей внутренних и внешних факторов!

Я: Так и бывает, особенно в культурно неразвитых системах.

А: Это в реальности. А в теории, по понятию?

Я: Тут другое дело. Если цель ввел, то надо реализовывать ее, пока не появилось обстоятельство, вынуждающее менять цель. Но это уже не функциональная ситуация.

А: Вот именно. А мы рассматриваем сущностно, в понятиях.

Я: Тогда нет. Нельзя рассматривать такого целеполагателя.

А: Так целеполагатель этот внутри или вне деятельностного целого?

Я: Тогда внутри.

А: А откуда он берет содержание цели? Ведь целеполагание было и тогда, когда рефлексия в развитии или в организации деятельности происходила. В нормативной части место целеполаганию было. Но это было не изначальное целеполагание. Ведь так?

Я: Да. Ты сейчас имеешь изначальное целеполагание? Тогда это происходит извне.

А: А внешний, вводящий цель, вправе менять это содержание?

Я: Если он вне, то он и не обязан. Конечно, может.

А: Но можно ли его назвать целеполагателем?

Я: А как же еще!

А: Но мы же выяснили, что цель достигается без изменения содержания. Иначе разрушается деятельностный мир. И лишь препятствие провоцирует на критику нормы и, в последнюю очередь, цели.

Я: Ну да, цель меняется лишь в развитии, а не в функционировании. Так фиксируется в методологии, занимающейся как раз развитием, а не совершенствованием деятельности.

А: В рамках консервации цели?

Я: Да. Совершенствование оставляет цель в покое.

А: И цель, и способ, нормы, стратегически, а не тактически.

Я: Да. Так что же, внешний тогда и не целеполагатель? Кто же он? А затем само "внешнее" зачем в теории деятельности?

Примечание. Обучающий подвел обучаемого к осознанию внешнего и внутреннего бытия "цели". Но возникла проблема осознания "внешнего бытия цели".

А: В теории деятельности должен быть и источник целеполагания. Это то "внебытие", которое создает "бытие" деятельности.

Я: Ты имеешь в виду жизнь додеятельностную, где нет деятельностных обязанностей?

А: Да. Как особую периферию, пограничную. Как источник и разрушитель деятельности, внешнюю оболочку.

Я: Ход интересный. Это уже ближе к мировоззрению, к философии, а не к методологии.

А: Гегель же говорил, что "ничто" возникает из иного бытия, но как своего "инобытия". Дух, про него речь в системе. Но дух противоречив. Он сначала не существует как бы, а затем появляется, становится. А потом, достигнув абсолютного бытия, мощи, он уходит в свое инобытие. Цикл. Змея кусает свой хвост. Вот и в теории деятельности должна быть змея.

Я: Тогда в жизни этому соответствует заказчик. Он говорит "хочу этого". Но это еще не цель, а как бы прототип цели. Должен быть руководитель, который переформулирует заказ в цель и в норму.

А: Великолечно! Мы пришли.

Примечание. Обучаемый нашел аналогию как наполнение тех формных рамок, которые держал обучающий.

Я: Получается как в психологии. Потребность это одно, а оценивание предмета с точки зрения потребности – другое. Деятельность, по А.Н. Леонтьеву, побуждается потребностью, а движется только мотивом.

А: Правильно. Поведение вызывается не потребностью, а мотивом. Этот переход важное звено теории. И плохо проанализированное в психологии. Пробегается. Итак, мы говорим о внедеятельностном звене деятельностного пространства. И там возникают "потребности", "спрос" и т.п., Носящие характер морфологии цели и, иногда, даже нормы. При пересечении "границы" они приобретают форму и превращаются в цели как организованности. Ясно?

Я: Да, я понял.

А: Тогда можно ввести и новую схему (см. сх. 7).

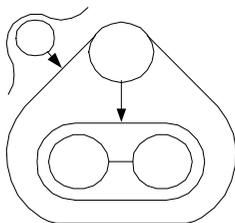

Схема 7

Она называется "социально-технологическая единица". Внешнее бытие для "подлинной" деятельности показано.

Я: Хороший прием изображения. Однако здесь у тебя организатор по новому существует.

Примечание. Обучаемый замечает и подобие схеме 6, и отличие. Там организационное звено зависело от наличия или отсутствия рассогласования. А здесь – от внешней "преддеятельности".

А: Что ты заметил?

Я: То, что организатора прежнего нет. Если учесть то, что только что обсуждалось, то это заказчик вводит предцель и

организатор тогда должен оформить в цель, породить норму в целом. Норму совместной деятельности. А это же иное!

Примечание. Обучаемый заметил и раскрыл новизну содержания схемы, пользуясь каузальным чтением схемы, хотя и в интуитивном варианте.

А: Как ты это вычислил?

Я: Но ведь видно же.

А: Схема то чуть-чуть иная. А ты много рассказал.

Я: Это же очевидно.

А: Ты почти "повторил", собственно, описание схемы. Теперь можно реагировать на недоумение. Действительно, здесь не просто организатор введен как персонаж. Это уже "управленец". Частный тип задач у него – организационные. Он подхватывает "предцель" (заказ) и оформляет в нормировке. А когда норма есть, то все прежнее сюда привлекается. Я эти переходы раскрыл в специальном выводном тексте, о котором я говорил (текст будет издан в Пензе).

Я: Тогда законными становятся и противоречия между позициями заказчика и управленца?

А: Совершенно верно. Они законны в теории деятельности.

Я: Возникают проблемы понимания, отношения между ними в субъективном, человеческом, плане.

А: И это тоже, как частный тип затруднений.

Примечание. Обучаемый прогнозирует затруднение в рамках понятий теории деятельности.

Я: А почему название такое – "социально-технологическая"?

А: Ты уже ответил. Что-то есть деятельностно-технологическое, три из четырех позиций. А что-то за пределами технологического, произвольное – исходная позиция. Она близка к логике социальности.

Я: Согласования и противостояния?

А: Да, согласования, на основе противостояния. Внутри же технологических систем люди существуют отчужденно от своих интересов. Гегель это связывал с гражданским бытием.

Я: Но могут быть конфликты и внутри. Исполнители могут неправильно понять нормы, не понимать друг друга. И т.п. Это учитывается?

А: При дальнейших конкретизациях.

Я: Я правильно понял, что эта схема – подлинная исходная?

А: Да, она стартовая для систем деятельности.

Я: Она может быть и свернутой, когда только один исполнитель?

А: Конечно.

Я: А когда один человек и управляет, и исполняет?

А: Да, можно свернуть.

Я: А когда все позиции одним реализуются?

А: Это сложнее. Если сам себе режиссер, это в жизнедеятельности и происходит, но без нормативности. А откуда нормативность, без которой нет деятельности. Вот вопрос. Поэтому нужно обсуждать генезис нормативности. В "Философии духа" Гегеля идет раскрытие ухода от естественности бытия к социальности и культурности. Надо что-то подобное сделать и теоретико-деятельностно.

Примечание. Обучаемый интуитивно осуществил редукцию схемы и этим ввел псевдогенетическую перспективу и ретроспективу.

Я: Можно ли сказать, что управленец с самого начала совмещает организационные и развивающие функции?

А: Он прежде всего специализированный рефлексун. В рефлексии он оформляет заказ, превращает его в норму. А затем обеспечивает, снабженчески и контрольно-коррекционно, реализацию нормы. Его отличие от развивающего и состоит в том, что заказ он оформляет, а не активно порождает.

Я: Как в методологической работе? Методологи не оформляют, а проблематизируют практику.

А: Да, развивающие возможности сначала, генетически первично, существуют в управленческой форме. Поэтому в управленце законсервировано развитие. А может и разыграться.

Я: Следовательно, методолог появляется из управленца?

А: Конечно. Это же актуализированный рефлексун, урезанный развигатель. В развитом изменении содержится. Акцентируя на изменение и оформление призывов, мы получаем управление. А акцент может быть и на развитие. Но для этого нужна опора на развернутое функционирование.

Я: То есть, надо развивать функционирование?

А: Конечно.

Я: Вот как существуют "Инь" и "Ян" в деятельности. Так?

А: Да. Ты прав.

Я: Большая перспектива в разъяснении знакомого. Спасибо. Шли, шли и дошли до больших разъяснений. Здесь же разъясниться оппозиция психологического и социо-технического.

А: Это совпадает с подходами: морфолого-функциональным и функционально-морфологическим

Я: Кстати, мы еще не рассматривали усложнение схемы 7. Можно было бы каждому позиционеру дать "волю", возможность рефлексировать. И тогда получили бы огромные возможности в анализе отношений в системах деятельности. Общения и борьбы.

А: А какой предикат ты вводишь в качестве уточняющего?

Я: Рефлексии.

А: А затем?

Я: Коммуникации, общения.

А: Работы хватит надолго. Появится полисоциум. А если ты введешь к этой же схеме ее саму как уточняющий предикат, помещая ее, например, в место управленца.

Я: Появится управленческая кооперация, социо-технологическая единица. Так?

А: Да. Хотя для упрощения лучше ввести как уточняющую схему организации совместной деятельности. И уже будет много того, что мы знаем в интеллектуальных системах. В том числе и наука, методология и т.п.

Я: А затем, научные и методологические школы.

А: Это мне и хотелось бы сделать, для самоопределения в ММПК.

Я: Мне бы хотелось получить кооперацию внутри школы, ММПК.

А: И мне тоже.

***Примечание.** Появилось течение логического и онтологического прогноза, вплоть до интересующих обоих участников проблем.*

Я: Я наблюдаю за взаимодействием в ММПК, и мне многое не нравится. Конечно, это уже не то, что в ММК. Там Г.П. Щедровицкий необуздан. Пока он мыслит и теоретически, это

одно. А в общении он легко выходит в неприемлемые пассажи. Ты же знаешь.

А: Знаю и огибаю общенческое, ради самой мысли. И Слава Бязыров также и даже более принципиально "не замечает".

Я: Это и плохо. Некорректность не нужна в методологии. Слишком велика ответственность.

***Примечание.** Обучаемый вводит проблемный материал для его истолкования.*

А: И что?

Я: Давай обсудим общение. Ведь кооперанты всегда входят в общение. А ты только обещал рассмотреть общение.

А: Но только не само по себе, а "в деятельности".

Я: Какая разница!

А: Это к тому же – внутри или вне идет факультативный процесс, для деятельности, для получения продукта.

Я: Да, я согласен. Опять улетела разница.

***Примечание.** Обучаемый не удерживает деятельностный подход в применении к процессу "не совсем" деятельностному, но имеющемуся в целостности деятельности.*

А: Обучение – процесс и механизм, включенный в деятельностное целое. Как морфология, привлекаемая в форму и могущая ускользнуть из под гнета формы.

Я: Хорошо.

А: Теперь. Я отделяю общение от коммуникации.

Я: В психологии все легко смешивается.

А: Вот именно. А это различные процессы и механизмы. Общение – организованный процесс межличностных отношений. Морфологией служат межличностные отношения. Вырабатываемая норма отношений предписывает поведение каждому участнику. Если недостаточно ситуативных предписаний, дается "надситуативное", консервативное. Недостаточно этого, вводится обучение и воспитание, ситуационное и надситуационное. Все нормы уходят в поле этики.

Я: В чем суть предписаний? Помимо поведения.

А: В том, чтобы учитывать особенности друг друга, их жизнь, мнения, установки. Учет происходит за счет заимствования

позиции и бытия другого. Это рассмотрение "плохо ли будет мне, если я буду жить как он", а затем производится и учет.

Я: Это то, о чем говорит А.А. Бодалев и др.?

А: Конечно, если различить общение и коммуникацию. У них это не очень-то различается.

Я: В данном случае ты так же, как методолог, ищешь в своих схемах простоту изначальных предикатов, их различаешь и тогда делишь, чтобы не спутать.

А: Конечно, молодец! У них эта работа не ведется. Вообще теоретики в психологии не знают ни логики, ни методологии. Даже зная, В.В. Давыдов, например, они мало это технически используют. Я же гегельянец, но методологизированный. Поэтому я отличаюсь от В.В. Давыдова, который ближе к Э.В. Ильенкову. Когда Г.П. Щедровицкий ругал Гегеля и мое к нему отношение, он говорил так: "Идите к Ильенкову, зачем у меня находитесь". А я ему говорил, в 1977 г., и там, и там хочу быть. Он меня обвинил в "гигантомании".

Я: Узнаю его. Он тебя еще очень жалеет. Тебя еще не громил по-настоящему.

***Примечание.** Обучаемый увидел связь "азбучных" различений с жесткими дифференцировками в применении логического подхода (ВАК). Он увидел и источник отличий от принятого в психологии подхода автора "Азбуки".*

А: Если общение помещается в пространство деятельности, в кооперации, то мотивация к общению и предопределяется типом деятельности, в которой пребывает общающийся. Например, общение теоретика и экспериментатора, экспериментатора и практика, практика и методолога, методолога и педагога, и т.п. Однако специфичным остается учет бытия другого в согласовании кооперативного бытия.

Я: Интересно разобраться в твоём общении с учениками, членами ММПК. Как тут наложить исходные различения. Да и в общении со мной.

А: Это хорошо. Надо разбираться. Увидел ли ты, что в этом основания этики?

Я: Но этик много.

А: Это уже "размножение", зависящее от многих факторов, имеющих историческую перспективу и ретроспективу. Одни

придают большую значимость нормативности, другие – свободе от нее. Второе ближе к выделению общения в центр внимания. Это чаще демократические общества. Морфологические установки могут совмещаться с функционально-технологическими в разных пропорциях.

Я: А ты указывал, что общение отличается от коммуникации. Коммуникация тоже влияет на этику, ее воплощение.

А: Если общество рассмотреть как объект, онтологему, то акцентировка дает предметизированный взгляд. Акценты на собственно общение, на коммуникацию, на деятельностные нормативы и т.п. В зависимости от этого общение складывается по-разному, и этики – тоже. Так же и в разных сферах возникают "сферные" типы этик. В том числе и типы методологических этик.

Я: Вот, вот. Разобраться бы с этикой в ММК и ММПК!

А: Так можно оформить большую программу этических разработок. Только предварительно следует утрясти вопрос о средствах анализа. Я пока не сделал свою версию аппарата психологии и социальной психологии.

Я: Вовлеки своих психологов.

А: Я подготавливаю почву. Надо наладить хотя бы научные исследования по методологическим канонам. Возьми хотя бы педагогическую психологию. Человек входит в деятельностные кооперации со своей индивидуальностью. Его в них "заталкивает" и он преобразуется. В учебных системах это делается организованно. Тут работает и схема "вхождение в деятельность", и "снабжение деятельности", и "организация снабжения". Педагог – это же организатор снабжения.

Я: То есть, в обучении, в образовании в целом, человек готовится к деятельности.

А: В частности. К жизни вообще, в целом. Другое дело, что образование может взяться и за подготовку собственно к деятельности. И не так, как сейчас, к типу деятельности, и даже к типам задач, а к любой деятельности.

Я: Это еще только приоткрыто Г.П. Щедровицким. У тебя же чувствуется что-то очень важное и иное.

А: Возможность принципиальной постановки такого вопроса и разработки стратегии. Я ее частично уже и разработал в НИИВШ. И со Славой Бязыровым обсудил ряд линий, еще в

1978-1979гг. Кстати, один из акцентов, как не разрушить при этом психику.

Я: Возникает проблема психической устойчивости и надежности?

А: Конечно. Личность это то психическое, что вовлекается в реализацию требований деятельности, в том числе и требований общения.

Я: А что ты имел в виду под устойчивостью психики?

А: Дело в том, что сама психика появляется тогда, когда "допсихическое" начинает реагировать еще и, не меняясь, сохраняться. Тут можно вспомнить "вечность" души, взгляды Платона, Плотина, Прокла, Авирона, Фомы Аквинского и т.п. Поэтому психика и пластична бесконечно, не "ломается" в разных условиях. Конечно, если она способна быть и чувствительно, и отбирающей, на что ей реагировать. А Гегель говорит, что личность и развитость духа появляются тогда, когда психика способна реагировать на надситуативные нормы, на всеобщие нормы. Близость к методологической постановке проблемы очень велика. Так?

Я: Да, тут новые глубины. Если еще учесть источники древней Индии и вообще Востока.

А: Но социум должен быть заинтересован выращивать готовность к любой деятельности.

Я: У нас социум – не готов. Хотя и возникла методология.

А: Нужно учесть и стартовую неразвитость психики конкретных людей, колебания потенциала психики. Одни – гибкие, другие – ригидные, ломкие и т.п.

Я: Можно ли понять так, что личность у тебя та психика, человек, который владеет чистым мышлением?

А: Много индивидуальных различий.

Я: А полнота?

А: Историчность надо учитывать.

Я: А в принципе, предел?

А: "Абсолютный дух", по Гегелю. Там максимум готовности к любой деятельности. Кстати, литература помогает вовлекаться, хотя и не действенно в самые различные ситуации, адаптироваться к ним полу-актуально, потенциально, развивать ту свободу духа, но в рамках ("осознанная необходимость" Гегеля), которая нужна социуму.

Однако все зависит и от чувствительности к идентификации. Так же влияет и смена коллективов, сред бытия в социуме.

Я: Толя Тюков носился со своей семислойкой, где есть и психологические слои анализа. Наверное, и он идет туда же.

А: Едва ли. У него есть слои, набор синкретический, обусловленный его многообразием. А где внутренняя неслучайная пружина – это вопрос. Он, как и все ребята из ММК, включая новых лидеров, Наумова, Громько, Петю Щедровицкого, Малиновского, Зинченко и др., логику не применяют, хотя бы обычную. До ВАКа им далеко. Это я понял в общении и с Сашей Буряк.

Я: Ну, что же. Пока достаточно. Спасибо тебе! Будем двигаться дальше. Ряд мест для саморазвития я себе пометил. До освоения языка конечно еще далеко.

А: Было бы желание, освоишь. Тебе спасибо.

Приложение I.

ЕМЕЛЬЯНОВ А.Л.*.

ЯЗЫК СХЕМАТИЗИРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Основу профессиональной деятельности любого аналитика составляет профессиональный язык. С помощью него он формулирует свои мысли, с помощью него он транслирует их содержание управленцу. Таким образом, язык аналитика состоит из двух частей, профессиональный язык, с помощью которого он мыслит и часть профессионального языка, адаптированного для общения с внешним заказчиком.

Внутренняя часть языка аналитика должна удовлетворять некоторым требованиям. Во-первых, он должен во всей полноте отражать описываемую реальность. Во-вторых, он должен позволять легко контролировать выражаемое содержание. В-третьих, он должен быть конструктивным, т.е. минимальным набором средств выражать максимально возможное количество содержания.

К началу XXI века все большее распространение получают языки, построенные не на словах, а на схемах. Для этого есть свои основания. В то время как мысль, образ в нашем сознании вообще существует целостно, структурно и одномоментно (симультанно), сразу весь, то текст существует для нас процессуально (сукцесивно) и возникает в нашем сознании «по кусочкам», сознание еще только вынужденно строить из

* Автор статьи **Емельянов Алексей Леонидович** – кандидат психологических наук, активный участник ММПК-движения Анисимова О.С. с 1993г., Ведущий аналитик ассоциации "ИМА-Пресс".

него целостный образ. Схема же существует симультанно, поэтому она более адекватна мысли, чем текст.

Преимущество использования текстуальных языков состоит в том, что они более мобильны и конструктивны, с их помощью значительно повышается скорость мышления – скорость построения и перестройки образов. Ведь для высказывания человек вынужден разбивать все богатство своего внутреннего представления на отдельные части, связывать с ними отдельные знаки, что способствует дифференциации представлений. А потом связывать эти отдельные части по определенным правилам для восстановления всего образа в целом. Так получается специальный семантический конструктор – язык, который позволяет более или менее адекватно передавать другому человеку содержание образов сознания.

Преимущество схематических языков состоит в том, что они более наглядны, позволяют легче контролировать адекватность передаваемого содержания и управлять пониманием, но они более тяжеловесны, замедляют быстроту мышления, хотя и делают его более надежным. Кроме того, в схематических языках можно использовать еще одно очень важное преимущество – их символьную природу.

Все текстуальные языки используют знаковые средства – знаки для обозначения закрепленного за ними содержания. А знак характерен тем, что не несет в себе никакого намека на выражаемое им содержание. Знаки равнодушны к выражаемому ими содержанию. Это ведет к тому, что закрепление знаков за значениями имеет условный, конвенциональный характер и наше сознание легко модифицирует и даже изменяет закрепленные за знаками значения. Поэтому все значения, даже закрепленные в словарях, всегда имеют большую или меньшую зону неопределенности при их понимании и использовании.

Символьные же средства позволяют преодолевать отчужденность между знаками и значениями. Символ по своей природе в своей знаковой форме несет намек на содержание. Сравните адекватность понимания знака «смерть» и символа «череп со скрещенными костями». Кроме того, обладая

наглядностью, символные средства выступают более адекватным средством межпрофессиональной и даже межнациональной коммуникации.

Все эти особенности привели к тому, что языки схем начали бурно развиваться и активно применяться в аналитике, в частности в проектировании информационных систем, а позднее и для описания бизнес-процессов (инжиниринг и реинжиниринг).

Недостатки этих языков (например, SADT) состоит в том, что они в большей степени лишь языки, позволяющие получить наглядность описываемых ими содержаний. Они в большей степени знаковые, чем символные. Например, процессы в большинстве существующих ныне языков обозначаются «квадратиками» или «прямоугольниками», но ведь это противостоит нашему сознанию, для которого квадрат или прямоугольник связан со статикой, а не с динамикой происходящего. Такой подбор обозначений автоматически лишает эти языки преимущества символности. А если сознание «сживается» с этим языком, начинает только через него видеть реальность, то рождаются извращенные формы видения действительности.

Но даже не эти особенности делают эти языки непригодными для высококлассного проектирования. Главный их недостаток – они несут в себе техническое, а не деятельностное мировоззрение. В этих языках нет законного места для субъекта деятельности, там нет человека, а ведь он является системообразующим элементом деятельности. В этих языках изображаются процессы, но нет деятельности. А ведь все управление – это управление деятельностями, а не только ее процессными составляющими.

В связи с этим необходимым стал язык деятельностного плана. Наиболее адекватным для этого, на наш взгляд, является разработанный профессором *Анисимовым О.С.* так называемый *Язык Схематизированных Изображений*.

Функция и структура языка

Язык всегда возникает в той ситуации, когда необходимо изменить содержание сознания другого человека, его представление о чем-либо. Прямое воздействие на сознание другого невозможно (исключая рассмотрение случаев телепатии или прямого воздействия на сознание другого). Для того чтобы это было возможно сделать, людям приходится использовать элементы внешней среды для воздействия друг на друга. Но это воздействие должно быть подчинено изменению представлений другого человека, а не просто какого-либо его состояния. Таким образом, язык появляется тогда, когда мы начинаем использовать элементы внешней среды как посредник для изменения представлений другого человека.

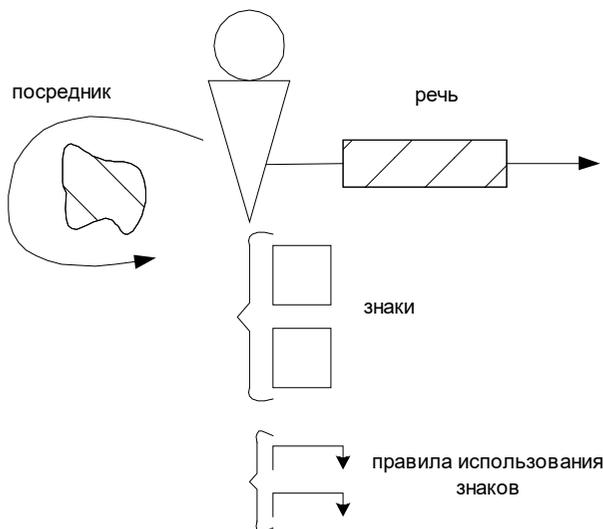
В качестве таких элементов, опосредующих изменение представлений, может выступать все, что угодно: жесты, звуки, слепообразование одного предмета на другом (рисунки) и пр. Однако, само по себе наличие посредника не гарантирует адекватной передачи сообщения. Людям приходится договариваться о том, на какие элементы будет разделен посредник (например, из всех возможных жестов отбираются те, которые будут использоваться для передачи сообщений). Такой элемент внешней среды, как посредник, который предназначен для изменения представления другого человека, называется знаком. Поэтому знак сам по себе не нужен, он необходим только потому, что позволяет изменить представление другого человека. В качестве знака может быть использовано любое событие и явление, объект. Выбор того или иного варианта определяется исключительно удобством оперирования.

Развитие языка начинает порождать эталоны таких элементов посредника, которые могут быть применены в разнообразных случаях. Возникает стандартизация знаков и правил их связывания друг с другом. Применение этих правил для организации какого-либо определенного посредника, подчиненной необходимости передать сообщение, порождает речь (см. сх. 1).

По мере организации посредника растет и организованность того содержания, к которому он отсылает. Так, по нача-

лу знак отсылает воспринимающего его к собственному индивидуальному представлению о событии. Но в связи с необходимостью более адекватной передачи сообщения людям

Схема 1. Организация посредника для передачи сообщения.

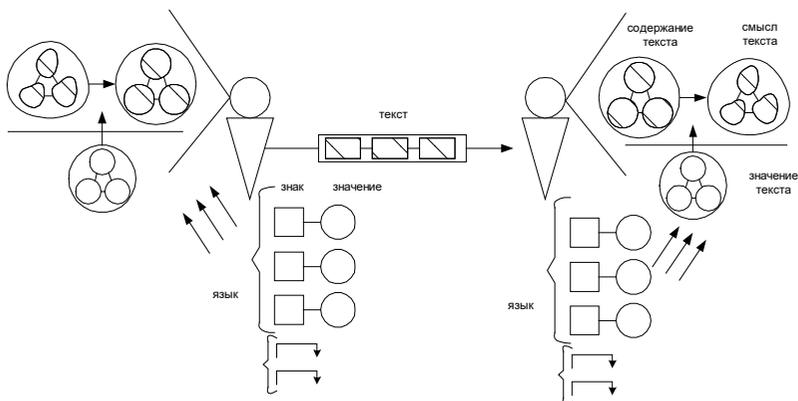

приходится заниматься не только организацией посредника, но и организацией тех представлений, к которым отсылает посредник. Так возникают значения. **Значением** будем называть эталон организованного и согласованного с другими представления о чем-либо. И носитель языка должен пройти путь присвоения этих значений и правил связывания значений.

Кроме того, так как иметь значения на все случаи жизни представляется не целесообразным, то у конструкторов языка возникает специфическая задача, разработать такую систему значений (и знаков), которая бы позволила минимальным количеством унифицированных значений описать все многообразие мира в необходимой для носителя языка полноте. Так возникает словарь или парадигма языка.

Рассмотрим, как работает язык в коммуникации (см. сх. 2).

Схема 2. Язык в коммуникации.

Высказывающий текст выбирает (строит) у себя в сознании то представление, которое он считает нужным передать другому. Для его адекватной передачи он, пользуясь своей языковой способностью, строит на структуру значений, которая способна передать содержание его представления. Затем он осуществляет сопоставление структуры значений и своего представления, и результат сопоставления выражает в тексте. При этом особенности передаваемого представления «шифруются» в особенностях связывания знаков в тексте.

Воспринимающий текст, в свою очередь, на основе языковой способности осуществляет реконструкцию структуры значений. На ее основе восстанавливает содержание текста, а затем переходит к реконструкции смысла, который заложил человек, высказывающий текст. Восстановление, как содержания, так и смысла текста осуществляется воспринимающим текст на основе своих индивидуальных представлений, на основе своего опыта. Поэтому возможность понимания зависит от индивидуальных характеристик воспринимающего текст.

Таким образом, любой язык в своем устройстве подразумевает:

- наличие словаря (парадигмы) языка, который состоит из эталонизированных элементов «знак – значение»;
- правил соединения элементов языка в структуры (грамматика и синтаксис) для создания синтетических конструкций (синтагм);
- правил использования синтагм для выражения особенностей индивидуальных представлений высказывающегося.

Кроме того, любой текст может быть прочитан (рассмотрен) на четырех уровнях:

- формальный уровень – уровень знаковых средств;
- формально-содержательный уровень – уровень значений текста;
- содержательно-формальный уровень – уровень содержания или усредненного относительного множества понимающих смысла текста;
- содержательный уровень – уровень индивидуального смысла текста.

В аналитической практике крайне важно иметь язык, который позволяет более адекватно передавать содержание мысли, в максимально возможной степени преодолевая субъективность в понимании и интерпретации заложенного в информационном сообщении содержания. В связи с этим все большее распространение получают символические языки, которые базируются на использовании для выражения и трансляции содержания графические средства.

Схематические изображения

Схематические изображения позволяют экстериоризировать (выразить во внешне замечаемой форме) содержания представлений, которые находятся у человека в плане сознания.

Изображением называется результат воспроизведения характеристик наблюдаемого объекта (формы, цвета и др.) на ином для объекта материале.

Степень схематичности изображения задается степенью соответствия между изображением и самим изображаемым объектом. При порождении обычных, отражательных (не схематических) изображений ведущим выступает принцип прямого отображения, подобия. В этом плане, чем точнее передан, изображен объект, тем лучше.

При схематизации изображение подвергается конструктивной переработке, какие-то характеристики объекта, содержащиеся в изображении, «стираются», а какие-то наоборот подчеркиваются, оформляются. Таким образом, за счет конструктивной переработки изображения, в ходе которого исходное изображение членилось на части, из полученных частей изображения производится отбор значимых под какую-либо задачу частей, отобранные части оформляются и вводятся в отношения друг с другом (синтезируются), рождается схематическое изображение.

Схематическое изображение сохраняет в изображении объекта только ту часть, характеристику, которая значима для схематизирующего это изображение, от остальных частей, характеристик объекта он отвлекается.

Схематические изображения рисуют очень многие. Каждый из нас что-то «набрасывал» или чертил, но, как правило, эти изображения остаются очень ситуативны и уникальны. Через пять минут то же самое мы засхематизируем по-другому. Элементы этих изображений не унифицированы, правила связи элементов отсутствуют, мы над этим даже не задумываемся, просто рисуем и все. Но если задаться целью типологизиро-

вать все используемые нами при схематизации элементы, свести их к какому-то конечному (и небольшому набору отдельных единиц), задать правила соединения этих единиц в синтетические изображения, то мы получим специальный язык. Если теперь мы будем пользоваться этим языком для повторения наших прежних схематизмов (повторим схематизацию тех изображений, которые раньше зарисовывали просто так), то мы зарисуем их несколько по-другому. В различии полученных результатов схематизации и будет отражена разница между схематическим и схематизированным изображением (СИ). Схематические изображения мы получаем, когда схематизируем «по наитию», а схематизированные изображения, когда опираемся при схематизации на специально созданный для этого язык и правила.

Различия между схематическим и схематизированным изображением подобны различию между анализом и анализированием, синтезом и синтезированием.

Таким образом, схематизированные изображения обладают, с одной стороны, особенностью средств коммуникации – позволяют согласовывать представления разных людей, а с другой стороны, они выражают содержание мира, объекта.

Когда мы начинаем регулярно применять СИ для изображения элементов мира, то, рано или поздно, начинаем формировать понятия о мире выраженные как в обычном языке, так и в языке СИ. Это позволяет разделить в схематических изображениях две функции: «схемную» и «изобразительную». Схемная функция обращена к коммуникации и при ее реализации СИ выступает средством согласования представлений, т.е. за СИ закрепляется строго определенное словарное значение, и люди, апеллируя к нему, используя это СИ, выверяют по нему свои представления. Схематизированное изображение, используемое как средство согласования, как элемент языка называется схемой. Изобразительная функция СИ предназначена для отражения мира, он становится ведущей, когда мы, апеллируя к схеме, утверждаем, что именно так и устроен мир, как он изображен в этой схеме (т.н. процедура онтологизации).

Меняя схематизированное изображение, мы меняем в своем сознании представление об объекте, которые выражает это изображение. Подчиняя это изменение СИ особым правилам содержательного конструирования – содержательно-генетической логике, мы получаем мощнейшее средство оперирования с идеальными объектами, непревзойденный пока инструмент проектирования. И шутливая ранее фраза «что нам стоит дом построить, нарисуем, будем жить» начинает оборачиваться к нам своей серьезной частью. Если правильно нарисуем, спроектируем, то действительно ничего не стоит (все остальное уже понятно), это создать.

АЛФАВИТ ЯЗЫКА СХЕМАТИЗИРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

При разработке языка схематизированных изображений (ЯСИ) в основу была положена определенная онтология. Приведем кратко ее основные положения.

- Любой объект имеет структуру, т.е. в нем выделимы элементы и отношения между элементами;
- Если нам необходимо ввести изменение структуры и отнести изменение к одному и тому же объекту, то структура объекта в определенный момент получает статус временного существования. Поскольку такая структура имеет самостоятельную значимость, то мы назовем ее "состоянием". Один и тот же объект может иметь в разные моменты времени разную структуру. В этом случае можно различать потенциальные и актуальные состояния объекта.
- Так как состояние это всегда состояние единого (объекта), то между объектом и его состоянием существуют отношения принадлежности.
- Ориентированное отношение между состояниями описывается как переход от состояния к состоянию и имеет особое значение, и называется "процессом". Его значение раскрывается лишь в контексте объекта, реализующего возможность смены состояний.

- При рассмотрении развития объекта его переход из одного состояния к другому можно представить в специфической форме генетического перехода. В этом случае прежние характеристики объекта становятся основанием для получения новых. Предположим, что нам требуется не только зафиксировать одно из состояний как исходное и основание нового, но и обеспечить сохранение этого основания в новом состоянии (в особом виде). Тогда новое состояние может быть представлено в следующей форме: исходное состояние приняло потенциальную форму существования и является дополнительным к новым характеристикам, хотя сохраняется первичность исходного состояния. Если мы введем отношения между этими состояниями (прежним и новым), то получим развивающийся объект.

Таким образом, в состав языка схематизированных изображений входят компоненты, которые используются для формирования структурных изображений. Это исходные компоненты: «элемент» и «отношение». Элементы зарисовываются на основе геометрических фигур, а отношения между элементами на основе различных линий.

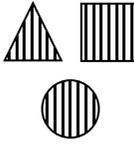
Объект с меняющимися состояниями может быть изображен наглядно и интерпретирован посредством различения двух форм существования: актуального и потенциального. Графическим выражением актуального существования является штриховка соответствующей структуры, а переход – дополнительное включение отношения между состояниями.

Итак, схематизированные изображения строятся на основе нескольких базовых компонентов: точки, линии, стрелочки, геометрической фигуры и пространства. На основе них и порожден некоторый набор элементов языка, который можно назвать его алфавитом, по аналогии с алфавитом обычного языка.

Таблица 1. Значения символов алфавита языка схематизированных изображений

Символ	Описание символа	Онтологическое содержание
	Точка	<p>Проявленное состояние объекта.</p> <p>Наблюдателем рассматривается как бесструктурное, однородное, монадное.</p> <p>Чистое качество без количества (т.е. минимально возможное количество морфологии, которое может соответствовать заданной форме).</p>
	Неупорядоченное множество точек	<p>Совокупность проявленных неупорядоченных состояний объекта.</p> <p>Объект беспорядочно эпизодически переходит из состояния в состояние. Объект не имеет механизма проявления состояния, состояния проявляются спонтанно.</p>
	Упорядоченное множество точек	<p>Совокупность проявленных упорядоченных состояний объекта.</p> <p>Объект регулярно переходит из состояния в состояние.</p> <p>Объект имеет механизм проявления состояния, но переход из одного состояния в другое осуществляется скачкообразно.</p>

	Кривая линия	Неорганизованное непрерывное изменение состояния объекта. Объект имеет механизм непрерывного изменения своих состояний, но не имеет механизма организации изменения этих состояний.
	Прямая линия	Проявленное организованное непрерывное изменение состояния объекта. Объект имеет механизм организации изменения своих состояний.
	Штрих-пунктир	Потенциально возможное, не проявленное организованное непрерывное изменение состояния объекта.
	Стрелка	Проявленное направленное организованное непрерывное изменение состояния объекта. Объект имеет механизм подчинения изменения состояния какому-либо внешнему требованию и блокирования возврата к прежнему состоянию.
	Угол	Организованное изменение характера, принципа изменения состояния объекта. Объект имеет механизм организованного изменения самого изменения своих состояний.
	Заштрихованное облачко	Неоформленный объект, объект в стадии становления

	Заштрихованная фигура	Ставший объект. Характеризуется наличием замкнутой границы, и различием внешнего и внутреннего пространства.
	Незаштрихованная Фигура	Форма объекта.
	Штриховка	Морфология объекта
	Разные заштрихованные фигуры	Разные типы объектов
	Составная заштрихованная фигура	Субъект
	Рамка	Границы пространства
	Скобка	Границы подпространства

Из этих «букв» созданы «слова», «словосочетания» и даже фразеологические обороты языка схематизированных изображений. Рассмотрим этот словарь более подробно.

Словарь языка схематизированных изображений

ОБЩЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

- направленный процесс

- граница, ненаправленное изменение

- направленное неорганизованное изменение

- форма

- морфология

- организованность

- возникновение организованности

- появление организованности

- нечто

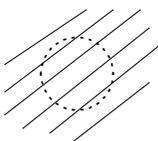
- преднечто

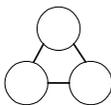
- форма нечто

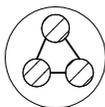
- различные типы форм нечто

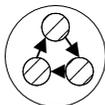
- нечто в потенциальном состоянии

- структура

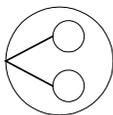
- нечто, имеющее структуру, система

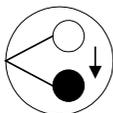
- нечто, с циклической внутренней активностью

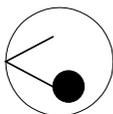
- потенциальная возможность проявления одного типа состояния нечто в другом

- нечто, имеющее два потенциальных состояния

- переход нечто из потенциального состояния в актуальное

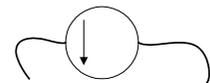
- консервация актуального состояния нечто

или

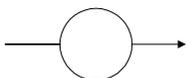

- изменение внутреннего состояния нечто

внешнее проявление внутренних изменений

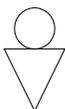
нечто

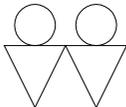
движение нечто

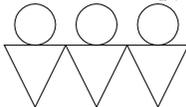
- животное

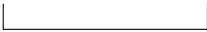
- человек

- группа

- макрогруппа, общество

 - подпространство

 - два подпространства

 - появление нескольких вариантов протекания события и актуализация одного из них

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДИНАМИКА

 - простой процесс

 - составной процесс

 - сложный процесс

 - параллельное течение процессов

 - разнонаправленное течение процессов

 - взаимодействие

 - процесс, имеющий выраженное начало

 - энергетически насыщенный процесс

 или
 - отклонение процесса (смена направленности)

 или
 - формно организованные процессы

- способ действия, операция

- процесс, направленный на захват, присвоение

- возможность двух (или более) вариантов течения процессов

- расщепление течения процессов

- циклический процесс

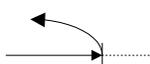
- циклический многофазовый процесс

затруднение в течении процесса

генезис затруднения

уход от затруднения

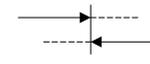
обход затруднения

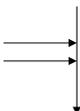
слом затруднения

организованное преодоление затруднения

взаимопрепятствование, борьба процессов

- ряд последовательных воздействий на течение процесса

- сопоставление содержаний двух пространств

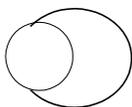
СТАТИКА. СТРУКТУРНО - ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

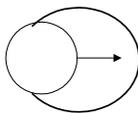
- функциональное место для деятельности

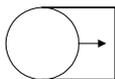
- функциональное место для рефлексии

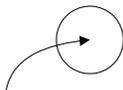
- деятельность с рефлексивной настройкой

- изменение деятельности

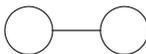
- выделение стороны изменения, предметизация изменения

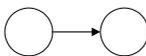
- вхождение в деятельность

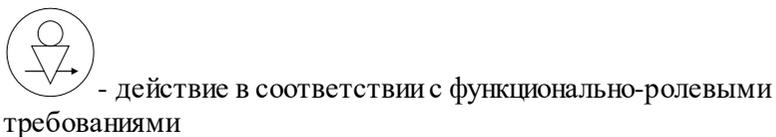
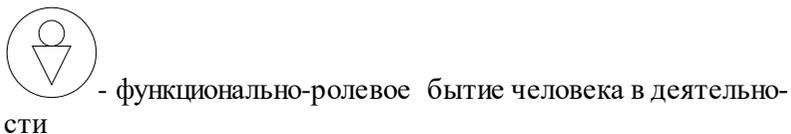
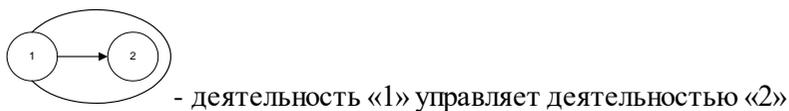
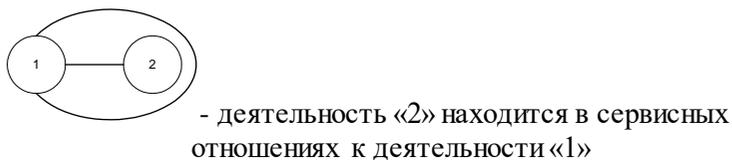
- выход из деятельности

- отношения между двумя деятельностями

- воздействие одной деятельности на другую

Статика. Морфологический аспект

- исходный материал деятельности

- продукт деятельности

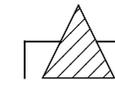
- деятель

- преобразование исходного материала в продукт

- преобразование одного продукта в другой

- преобразование исходного материала в продукт с помощью средства

- движение от одного объекта к другому

Человек

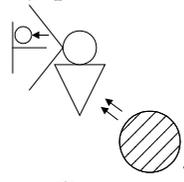
● - человек со способностями к определенной деятельности

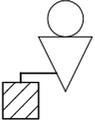
 - человек с измененными способностями к деятельности

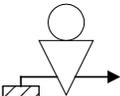
 - возникновение потребностного напряжения

 - человек с внутренним планом сознания

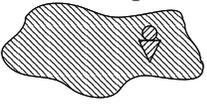
 - появление и исчезновение образа потребности во внутреннем плане сознания

 - отражение внешнего объекта в плане сознания

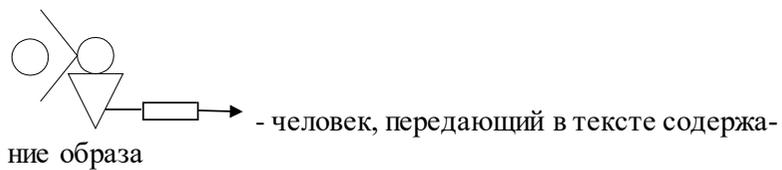
 - человек, владеющий предметом оперирования

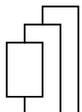
 - человек, использующий предмет оперирования

 - конкретный человек

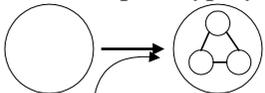
 - территория проживания

Общение и коммуникация

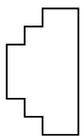

МЫШЛЕНИЕ И ЛОГИКА

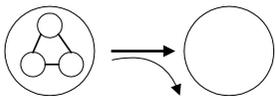
- процедура уточнения (логический аспект)

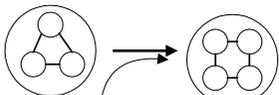
- процедура уточнения, конкретизации
(структурный аспект)

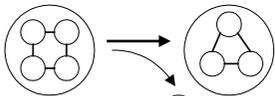
- уточненный предикат

- процедура упрощения, абстрагирования

- процедура дополнения

- процедура редукции

ОБОЗНАЧЕНИЯ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

$\neq =$ – нетождественность и тождественность

-, + – негативный и позитивный

Σ – сумма

P – предикат мысли

P_{исх} – исходный предикат мысли

ΔP – первый уточняющий предикат мысли

$\Delta\Delta P$ – второй уточняющий предикат мысли

S – субъект мысли

Я. – язык

СИ – схематизированное изображение

Сх. или сх. – схема

ср – средство

M1 – исходный материал

M2 – конечный продукт

A – абстрактное

АД – аналитическая деятельность

K – конкретное

АЦ – аналитический центр

e или e – естественное

i или и – искусственное

eⁱ или eⁱ – естественно-искусственное

i^e или i^e – искусственно-естественное

P или P – рефлексия

Ис. – исследование

Кр. – критика

Нор. – нормирование

Д или Д – деятельность

d или д – действие

МД – мыследеятельность

Н или Н – норма

ГР – групповая работа

ПД – пленарная дискуссия

МК – методологическая консультация

ГР – групповая рефлексия

ДИ – деловая игра

ИнИ – инновационная игра

ИИ – имитационная игра

ОДИ – организационно-деятельностная игра

ОМИ – организационно-мыслительная игра

ОКИ – организационно-коммуникативная игра

СМД – системо-деятельностный

ВАК – "восхождение от абстрактного к конкретному"

И – игрок

ИГ – игротехник

МИТ – метаигротехник

ид. – идеолог

сц. – сценарист

реж. – режиссер

акт. – актер

ОТД – общая теория деятельности

ЯТД – язык теории деятельности

ЯСИ – язык схематических изображений

ан. – аналитик

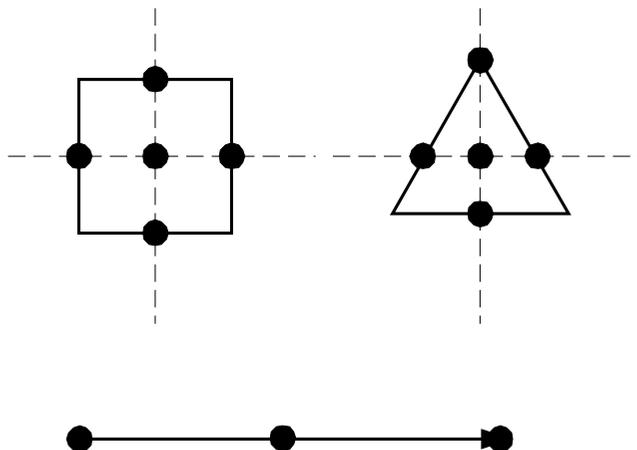
конс. – консультант

эксп. – эксперт

Грамматика и синтаксис языка схематизированных изображений

Отдельные элементы языка схематизированных изображений могут соединяться друг с другом (по аналогии со словосочетаниями в обычном языке). При этом синтезируются как графические изображения, так и значения, которые стоят за каждым из символов. Кроме того, варианты прочтения синтетической схемы на уровне ее значения, зависят от того, как был осуществлен синтез графических изображений.

Схема 3. Ключевые звенья синтеза базовых компонентов языка.

Мы имеем два базовых компонента языка: геометрическую фигуру и стрелочку. Рассмотрим возможные типы соединений между ними на графическом уровне (формальный синтез).

Геометрическая фигура имеет несколько типовых точек для подсоединения стрелок:

- Центр симметрии фигуры

- Точки пересечения вертикальной оси симметрии фигуры с границами фигуры
- Точки пересечения горизонтальной оси симметрии фигуры с границами фигуры (см. сх. 3).

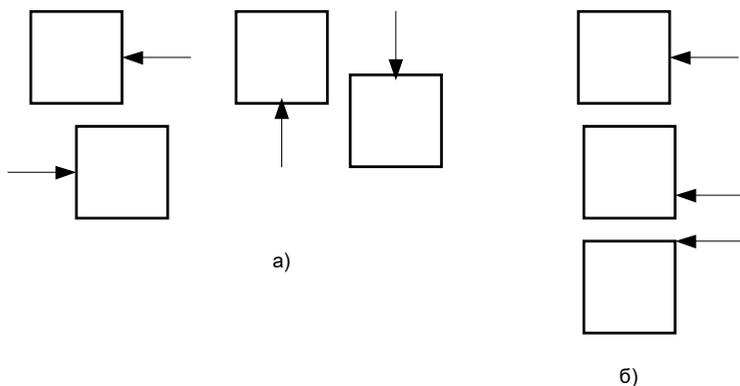
Стрелка также имеет типовые точки для возможности синтезирования с геометрическими фигурами:

- Начало стрелки
- Середина стрелки
- Конец стрелки (см. сх. 3).

Таким образом, можно получить несколько вариантов синтеза фигуры и стрелочки. Стрелочку можно соединить с геометрической фигурой в различных точках.

Возникает вопрос, а как различные варианты соединений отразятся на уровне синтеза значений? Равноправны ли точки между собой или нет?

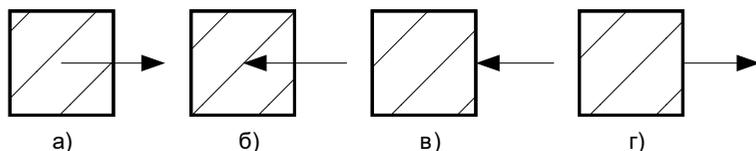
Схема 4. Особенности синтезирования компонентов языка.

Точки на границе фигуры равноправны между собой, т.е. присоединение стрелочки к любой из точек пересечения осей симметрии с границами фигуры имеет одно и то же онтологическое значение (см. сх. 4, часть а). Также равноправны между собой точки внутри фигуры.

Различие между этими точками может задавать сам аналитик, если ему нужно подчеркнуть неравноправность горизонтальных и вертикальных отношений, или лево и правосторонних отношений (например, в иерархических кооперациях). Также равноправны между собой и все остальные точки на границе фигуры. Присоединение стрелочки не к точке пересечения оси симметрии с границей фигуры (см. сх. 4, часть б), а к другой точке на границе фигуры может выражать какой-то нюанс в мысли аналитика. Все эти тонкости должны оговариваться специально. Если никаких указаний на неравноправность точек соединения нет, то все точки соединения фигуры и стрелочки считаются равноправными и не стоит искать большего смысла, если стрелочка нарисована присоединенной не к главной точке, а где-то сбоку.

Схема 5. Особенности значениевого прочтения СИ.
(Ведущий компонент – объект)

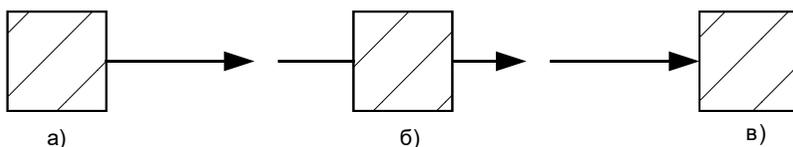
Но кроме вариантов синтеза, которые не имеют особого значения, существуют такие варианты синтеза, которые имеют особое значение и отражаются не только на уровне соединения геометрических изображений, но и на уровне соединения значений, стоящих за каждым символом.

Рассматривая различные варианты синтеза, изображенные на схеме (см. сх. 5), можно предложить следующие варианты их значениевого прочтения:

- а) вывод из внутреннего пространства объекта чего-либо;
- б) ввод во внутреннее пространство объекта чего-либо;
- в) воздействие на объект;
- г) воздействие объекта.

В этом случае ведущим элементом при синтезе, т.е. таким элементом, который определяет контекст прочтения, выступал объект (геометрическая фигура). Теперь рассмотрим вариант, когда ведущим элементом является процесс (см. сх. б). Характеристика приоритетности графически задается

Схема 6. Особенности значеиевого прочтения СИ.
(Ведущий компонент – процесс)

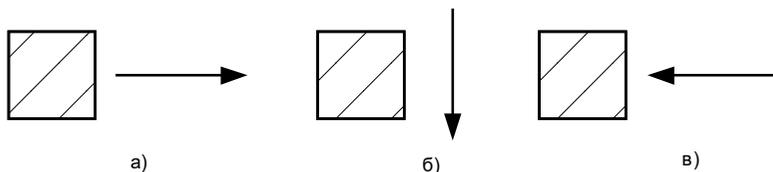

«жирным» изображением ведущего элемента.

- а) Начало, исходная точка изменения состояния объекта;
- б) Промежуточная точка процесса изменения состояния объекта;
- в) Окончание, конечная точка изменения состояния объекта.

В случае, когда мы будем иметь объект и процесс как два равноправных элемента, то процедура синтеза даст нам следующие варианты (см. сх. 7):

Схема 7. Особенности значеиевого прочтения СИ.
(Объект и процесс – равноправные по статусу компоненты)

- а) Движение, процесс, направленный от объекта
- б) Движение, процесс, идущий вне зависимости, «параллельно» объекту

в) Движение, процесс, направленный к объекту.

Точки, которые находятся внутри фигуры, и точки, находящиеся на линии, ограничивающей фигуру, не равноправны. Если мы присоединим стрелочку к точке внутри фигуры (см. ш. а) и б) на сх. 5), то мы будем иметь факт пересечения границ объекта извне внутрь или изнутри вовне. Если же мы присоединим стрелочку к границе, то оснований для таких выводов у нас нет.

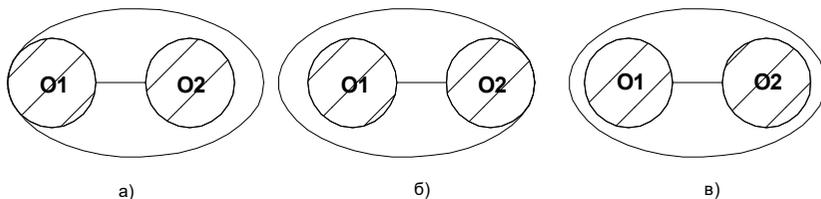
Отношения между геометрическими фигурами реализуется только через линии. Геометрическая фигура не может непосредственно примыкать к другой геометрической фигуре. Такое формальное соединение не имеет онтологической интерпретации (см. сх. 8).

Схема 8. Особенности синтеза и зарисования синтеза объектов.

Особенности зарисования иерархических отношений объектов задается так, как показано на следующей схеме (см. сх. 9).

Схема 9. Особенности иерархического синтеза и зарисования иерархического синтеза объектов.

а) Объект О1 предопределяет бытие объекта О2. На графическом уровне это определяется тем, что граница объекта О1, соприкасается с границей целостности, объединяющей оба объекта. Таким образом объект О1 предопределяет бытие целостности, а через нее и бытие объекта О2.

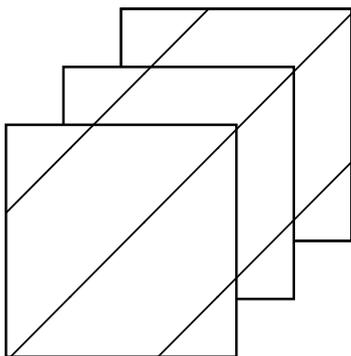
б) Объект О2 предопределяет бытие объекта О1.

в) Объект О1 и О2 находятся во взаимоотношениях, образуют единую целостность и равноправны во взаимоотношениях внутри этой целостности.

Зарисование множественности, количественных характеристик объектов осу-

ществляется мультиплицированием изображения объекта (см. сх. 10).

Схема 10. Зарисование множественности объектов.

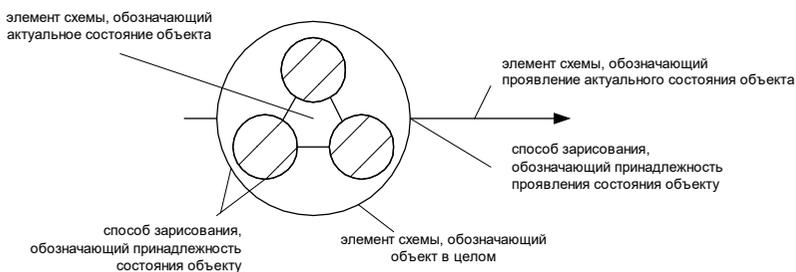
Единицей или предложением в языке схематизированных изображений выступает схема. Схема должна обладать свойствами целостности, структурности и подразумевать возможность ее онтологизации, рассмотрения как объекта.

Рисование схемы начинается с системообразующего элемента (в иерархических объектах) либо с зарисовывания границ объекта. После этого вводится следующий по значимости (для иерархических объектов) или первый в процессуальной последовательности элемент объекта (с которого начинает работать устройство объекта). Между элементами устанавливаются отношения и т.д.

В случае схематизации развивающихся объектов первым зарисовывается наиболее простое (наименее развитое состояние объекта, либо то, с которого рассматривается развитие объекта). В последующем поэлементно вводятся усложнения, стоящие далее в генетическом ряду.

В схеме подразумевается возможность изображения трех «планов» бытия объекта: объекта как такового, актуального состояния объекта и проявления актуального состояния объекта (см сх. 11)

Схема 11. Общая структура схемы.

При зарисовании конкретных схем не всегда требуется введение всех трех «планов», аналитик может ограничиваться только одним или двумя, но всегда подразумевается возможность ввода всей полноты бытия объекта.

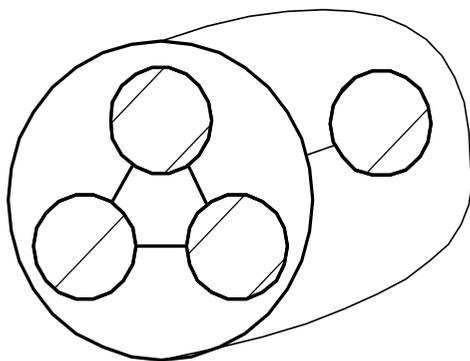
Так как схема компонуется из этих элементов и отношений, и число операций комплектования нельзя предписать заранее достаточно определенно, то требуется ввести знак окончания комплектования, свидетельствующий о полноте введенной структуры схемы (по аналогии с точкой в конце предложения). Практически вместе с введением этого знака, структура может трактоваться как «целое». Самостоятельная значимость знака окончания комплектования может быть определена как возможность рассмотрения окончательного вида структуры как окончательного составного элемента (сведение целого к части). В этом случае знак окончания комплектования суть знак целостности композиции элементов и отношений. Как компонент языка он не отличается от элемента, но рисуется окружностью большего диаметра, охватывающей полученную структуру.

Знак целостности четко отделяет то, что относится к содержанию схемы, и что является вне нее. На схеме «Общая структура схемы» все, что находится внутри большого круга,

относится к объекту, а все, что находится вне него, не относится к объекту, составляет для него внешнюю среду. Стрелка, с одной стороны, прикреплена к объекту, имеет с ним общую точку, а с другой стороны, нарисована вне объекта как принадлежность среды. Такое зарисование и позволяет трактовать ее как что-то принадлежащее объекту проявленное во внешнюю для объекта среду – в данном случае проявленность состояния.

Очень часто при зарисовании после введения границ объекта становится необходимым ввести такое усложнение прежнего, которое просто графически не помещается в отведенные границы объекта. Поэтому для удобства зарисования вводится прием рисования вне объекта того, что предполагается внутри него. Но так как онтология требует сохранения целостности объекта при каждом шаге изменения или усложнения, то вводится специальный прием включения нарисованного во вне внутрь объекта за счет охватывающей линии, отходящей от элемента, изображающего целостность объекта (см. сх. 12).

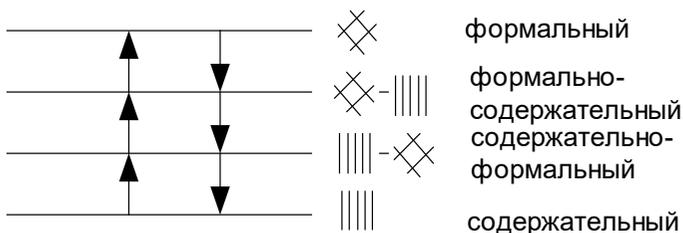
Схема 12. Прием зарисования элементов вне объекта с сохранением прежних границ объекта.

Чтение схем

Общая стратегия чтения схем такая же, как и при чтении обычного текста. Схема читается на формальном уровне поэлементно слева направо и сверху вниз.

Схема 13. Уровни содержательности схемы.

Чтение схемы представляет собой непростое занятие, как уже говорилось выше (см. раздел: Функция и структура языка) для прочтения схемы необходимо понять ее содержание на четырех уровнях, и, кроме того, осуществить сопоставление содержания на одном уровне с содержанием на всех остальных (см. сх. 13).

К тому же, схема всегда изображает только самое существенное, только то, на что целенаправленно обращается внимание, но для сохранения полноты представления, стоящего за схемой, нужно иметь в виду и то, что подразумевается, но не изображается непосредственно. Тогда к способности чтения схемы на разных уровнях содержательности необходимо прибавить способности к поиску недостающего знания у себя в сознании и ведения его в контекст содержания схемы.

Для пояснения и объяснения всего этого обратимся к примеру. Допустим, нам дана какая-нибудь схема (см. сх. 14).

Начнем ее чтение на разных уровнях содержательности.

ФОРМАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ СХЕМЫ

Формальное чтение схемы идет на уровне опознавания в схеме стандартных для символов ЯСИ геометрических элементов и способов соединения их между собой. Оно требуется для того, чтобы на основе особенностей геометрического построения схемы более точно понять содержание схемы.

Схема 14. Социально-технологическая единица.

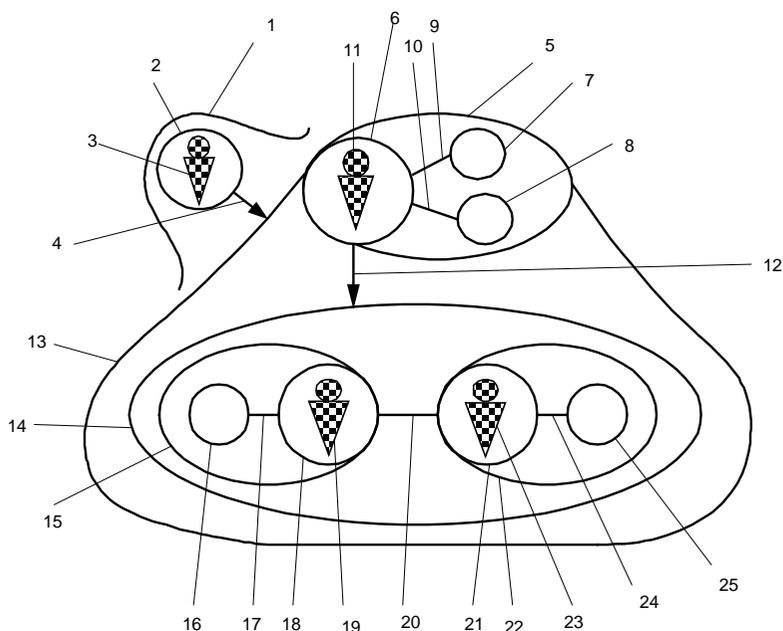

Схема состоит из двух разных по размеру частей. Одна часть схемы ограничена с одной стороны скобкой (1), а с другой стороны частью замкнутой линии (13), другая часть схемы – замкнута и ограничена линией (13). Внутри первой части схемы находится круг, это круг через стрелочку соединяется

с другой частью схемы. Внутри круга расположена составная фигурка, состоящая из треугольника и кружочка (3).

Вторая часть схемы больше по размерам и имеет больше различных компонентов. В свою очередь эта часть схемы тоже состоит из двух частей, одна часть ограничена овалом (5), а другая – овалом (14). Часть, ограниченная овалом (5) примыкает вплотную к охватывающей обе части линии (13). Другая часть, ограниченная овалом (14) нигде не примыкает к охватывающей линии (13). Части, ограниченные овалами (5) и (14) соединены между собой стрелочкой (12).

Часть, ограниченная овалом (5) состоит из трех кружочков (одного большого (6) и двух маленьких (7, и 8)), маленькие кружочки соединены с большим кружочком линиями (9, 10). Маленькие кружочки между собой не соединены. В большом кружочке находится заштрихованная составная фигурка, состоящая из треугольника и кружочка.

Часть, ограниченная овалом (14) состоит из двух одинаковых частей, ограниченных овалами (15) и (22), и соединенных между собой линией (20). Части нигде не примыкают к охватывающей их линии (14).

Каждая из частей состоит из двух кружочков, большого (18 и 21) и маленького (16 и 25), соединенных между собой линией (17 и 24). Внутри большого кружочка находится заштрихованная составная фигурка, состоящая из треугольника и кружочка (19 и 23).

Как видно на этом примере, формальное прочтение схемы не требует от читающего особых знаний. Достаточно немного потренироваться в опознании элементов, специфичных для ЯСИ.

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ФОРМАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ СХЕМЫ

Содержательно-формальное чтение схемы идет на уровне значений, которые закреплены за символами. Его суть состоит в опознании содержательности значения каждого символа и введение этих значений в отношения друг с другом, в соответ-

ствии со структурой символов, которая выявлена на формальном уровне.

Способность читать схему на содержательно-формальном уровне уже не является простой и требует от читающего специальных знаний по теории деятельности. Подразумевается, что он прошел путь присвоения языка схематизированных изображений.

Заказчик (3), находясь в реализации функции заказной деятельности (2), которая подчинена воспроизводству (1) системы деятельности (вся схема), выражает содержание заказа (4).

Управленец (11), находясь в реализации функции управленческой деятельности (6), которая предопределяет (13) структуру исполнительской деятельности (14), на основе высказанного заказчиком содержания заказа (4), доводит до исполнителей содержание их нормы деятельности (12). Для реализации своей функции управленческая деятельность привлекает на постоянной основе (5) вспомогательные деятельности (7, 8), формулируя им соответствующие задания (9, 10). Эти вспомогательные деятельности (7, 8) являются независимыми друг от друга (отсутствие линии соединяющей их между собой), подчинены управленческой деятельности (5), и их привлечение осуществляется только в определенных случаях (отсутствие фигуры человечка в кружочках 7 и 8).

Исполнители (19, 23), находясь каждый в реализации части функции исполнительской деятельности (18, 21), и приняв норму, которую довел до них управленец (12), реализуют свою часть общей нормы исполнительской деятельности (14). После чего осуществляется совмещение реализованных частей общей нормы друг с другом (20). Каждая из исполнительских деятельностей в случае необходимости может привлекать для реализации своей функции (15, 22) сервисные деятельности (16, 24). Эти сервисные деятельности обслуживают базовые деятельности (18, 22) и передают им свой продукт (17, 24).

Достоинством ЯСИ выступает то, что можно читать одну и ту же схему на разных уровнях абстрактности. Что позволяет, с одной стороны, структурировать сознание по уровням аб-

страктности, а с другой стороны, позволяет сделать тот или иной вариант чтения более обоснованным.

Давайте прочитаем то же самое на другом уровне абстрактности.

Некто (3) находится в оформленном и организованном пространстве (2), внешние его проявления разрешены по отношению к другому пространству (13), в остальных направлениях они блокированы (1). Этот Некто (3) из своего пространства (2) осуществляет воздействие (4) на другое пространство (13).

Это воздействие (4) воспринимает другой Некто (11), который находится в ином, но таком же по типу пространстве (6), как и Некто (3), потому что через границу воздействие передается в первую очередь на элемент, который к ней примыкает. Пространство (6) имеет расширение в форме замкнутого подпространства (5). В этом подпространстве находятся два пространства, такие же по типу, как и базовое пространство (6). Эти пространства находятся в отношениях (9, 10) с базовым пространством, а между собой не соотносятся. Некто (11), находясь в своем пространстве (6), воздействует на замкнутое подпространство (14) пространства (13).

В подпространстве (14) воздействие передается на двух Некто (19, 23), которые находятся в оформленных и организованных пространствах (18, 21), по типу таких же, как пространства (2 и 6). Пространства (18, 21) равноправны друг относительно друга и находятся в равноправных отношениях. Каждое из этих пространств (18, 21) имеет расширение в форме замкнутого подпространства (15, 22), внутри которых находятся по одному оформленному и организованному пространству (16, 25). Эти пространства (16, 25) находятся в отношениях с базовыми пространствами.

Такое прочтение можно назвать чтением на формально-содержательно-формальном уровне. Оно осуществляется в слое содержания, который имеет наименьший уровень определенности, философско-онтологический. И это содержание должно сохраняться при переходе к более содержательному чтению.

Осуществим такое, более содержательное прочтение.

Деятель (3), находясь в рамках своей деятельности для реализации ее функции, осуществляет действие (4) в отношении некоторой структуры деятельности (13).

В рамках реагирования на это действие (4) другой деятель (11), находясь в рамках своей деятельности (6), имея у себя набор дополнительных деятельностей (7,8) и возможность их привлечения для реагирования на внешнее действие (4), осуществляет действие (12) в отношении подструктуры деятельностей (14).

В рамках подструктуры деятельностей (14) деятели (19, 23), находясь в рамках своих деятельностей, реагируют на свою часть воздействия (12), взаимодействуя друг с другом (20). Каждая из деятельностей (18, 21) имеет возможность привлечь для реагирования на свою часть воздействия сервисную деятельность (16, 25).

Такой тип прочтения можно назвать формально-содержательно-формально-содержательным.

Таким образом, видно, что по мере более содержательного прочтения схемы нарастает определенность ее содержания, при этом вся предыдущая, абстрактная часть прочтения имеется в виду, подразумевается, находится в снятом виде.

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ФОРМАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ СХЕМЫ

Содержательно-формальное прочтение схемы подразумевает чтение схемы на уровне типовых случаев или моделей. Поэтому такое прочтение зависит от той области, на материале которой осуществляется содержательно-формальное прочтение схемы. Возьмем, для примера, область предпринимательской деятельности. В этом случае мы получим следующий вариант.

Клиент (3), обнаружив у себя необходимость в каком-либо товаре (2), ищет ту фирму, которая может ему такой товар предоставить и делает заказ (4).

Предприниматель (11), как руководитель фирмы (13), осуществил планирование производства требуемого товара (6),

для помощи в этом он привлек экономиста (7) и технолога (8). После чего он довел этот план до своих работников (12).

Один из них (19) изготовил отдельные составляющие товара. Для этого он привлекал в помощь дополнительного временно нанятого работника (16), что он осуществлял подготовку сырья для производства отдельных элементов будущего товара. После чего (19) осуществил передачу материалов второму работнику (23), который осуществил сборку отдельных элементов вместе. Иногда в ходе работы ему пришлось привлекать для ремонта инструментов слесаря (16), который был для этого временно нанят на работу.

Очевидно, для возможности осуществления такого прочтения схемы нужно иметь в голове обобщающие конкретный опыт представления. Чем их больше и чем они разнообразнее, тем легче найти типовой аналог тому, что сказано на формально-содержательном уровне чтения схемы.

Напомню, что для иллюстрации мы взяли только самую простую единицу, молекулу в системах деятельности, поэтому привлекаем наиболее простые случаи.

Также как мы продемонстрировали на формально-содержательном уровне, чтение на содержательно-формальном уровне может быть проведено на разных уровнях абстрактности.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ СХЕМЫ

Содержательное прочтение схемы осуществляется на уровне конкретных примеров из жизни. Поэтому реальный образ, который возникнет у читающего, предопределен его индивидуальным опытом.

Был такой случай. У дяди Васи возникла проблема, его одежда пылилась и грязнилась. А это ему не очень нравилось. Тогда он подумал, что нужно ее куда-нибудь убрать, где-нибудь закрыть. Сам он этого делать не умел, поэтому решил попросить кого-нибудь сделать ему. У него был сосед дядя Петя, который работал столяром и у которого было что-то вроде семейного предприятия, он изготавливал мебель. Дядя

Вася пришел к дяде Пете и рассказал о своей проблеме. Тогда дядя Петя сказал, что он все понял, и что дяде Васи нужен платяной шкаф, и он в своей мастерской может ему его сделать. На том и порешили.

Дядя Петя давно уже не изготавливал шкафы, поэтому не знал, какие модели сегодня в моде. Он послал свою сестру в ближайший мебельный магазин для того, чтобы она выяснила этот вопрос. Сестра принесла эскиз платяного шкафа. Дядя Петя по нему начертил чертеж, а его жена подсчитала, сколько его изготовление будет стоить.

После этого дядя Петя пошел и дал задание своим работникам Ивану и Федору. Иван должен быть распилил доски для шкафа и передать их Федору, а Федор, потом собрать шкаф в целом. Иван начал пилить, но выяснилось, что доски все грязные и их нужно сначала как следует все протереть, но если Иван будет все это делать сам, то он ничего не успеет сегодня сделать. Тогда пригласили соседнего мальчишку Гришку, который частенько помогал в мастерской, чтобы он протирал доски. После того как Иван распилил все доски, он передал их Федору.

Федор начал склеивать доски вместе, но оказалось, что он не успевает намазывать и клей засыхает, его нужно все-время помешивать, чтобы он не засыхал. Для размешивания клея пригласили Семеныча, который вообще-то работал сторожем, но иногда не прочь был и руками потрудиться.

Так дядя Петя сделал дяде Васе шкаф. Дядя Вася за это выставил дяде Пете ящик водки, шкаф обмыли.

Расширение объема содержательности схемы

На формальном слое изображается не все то, что подразумевается. Зарисовать все просто немислимо. Схематическая форма только вершина стоящего за ней айсберга содержания. Поэтому возникает вопрос о том, что законно подразумевать в содержании схемы, а что нет.

Если мы рассмотрим взаимоотношения между заказчиком и структурой деятельности (см. сх. 14 «Социально-технологическая единица»), то выяснится, что мы прочитываем стрелочку (4) как «выражение заказа», другие процессы, которые протекают у заказчика, мы как бы не замечаем. Так на схеме не зарисована обратная стрелочка от структуры деятельности к заказчику, которая должна была бы означать передачу продукта заказчику. Кроме того, у заказчика в его деятельности происходит много всякого интересного: возникает разрыв в исходной деятельности, идет поиск этого разрыва, оформление разрыва как потребностного состояния, опознание того, что может снять этот разрыв и пр. Также, когда мы рассматриваем управленца, то подчеркиваем и зарисовываем лишь его демиургическую функцию практически оставляя в тени его обеспечивающую реализацию нормы функцию: снабжение, контроль, коррекция.

Все это означает только то, что на схеме рисуется самое и самое главное, а все остальное необходимо присваивать и усваивать в ходе определенной подготовке. Таким образом, и получается, что понятие нельзя присвоить, пока не пройдешь самостоятельно путь его построения, когда не выяснишь все то, что подразумевается, но не вводится явным образом.

Структурное и процессуальное чтение схем

Структурное и процессуальное прочтения схем, переход от одного типа прочтения к другому являются базовыми способностями для аналитика.

Структурное прочтение схемы (см. сх. 15 часть а)) означает, что все элементы схемы читаются статично, в отношениях между элементами подчеркивается функциональная, постоянная зависимость. В структурном прочтении все происходит как бы одновременно.

Ригорика при структурном прочтении может быть следующая: схема устроена так-то, имеются такие-то элементы, они находятся в таких-то отношениях друг с другом.

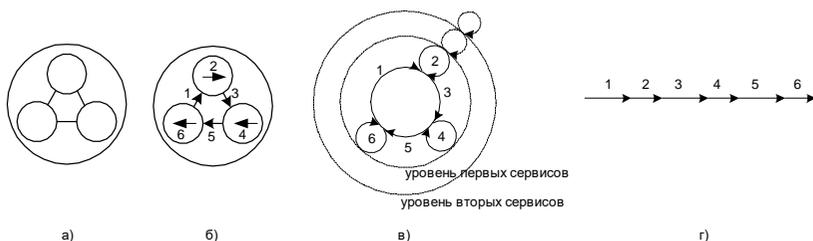

Схема 15. Структурное и процессуальное чтение схем

Структурно-процессуальное прочтение означает, что все элементы читаются динамично, не что они есть, а что в них происходит, в отношениях между элементами выделяется динамическая характеристика взаимозависимости, что изменилось в одном, как это передалось другому элементу, что поменялось в нем и т.д. (см. сх. 15, часть б)). При структурно-процессуальном прочтении процессы размещены в функциональных местах, соотнесены с реализацией функции.

Ригорика структурно-процессуального прочтения примерно следующая: схема устроена таким-то образом, все начинается вот с этого, в этом элементе происходит вот это,

потом все вот так-то переходит вот в этот элемент, а в этом элементе изменяется вот это вот таким образом, и т.п.

При процессуально-структурном прочтении реализуемость процессом то или иной функции отодвигается на задний план, но остается иерархия самих процессов. Выделяются базовый и сервисные процессы: кто, кому, что дает, кто, кому подчиняется (см. сх. 15, часть в)).

Риторика процессуально-структурного прочтения следующая: все начинается вот с этого момента, изменяется следующим образом, вот в этом месте возникает остановка базового процесса и запускается сервисный процесс он так протекает, вот этим заканчивается, после этого базовый процесс продолжается следующим образом и т.п.

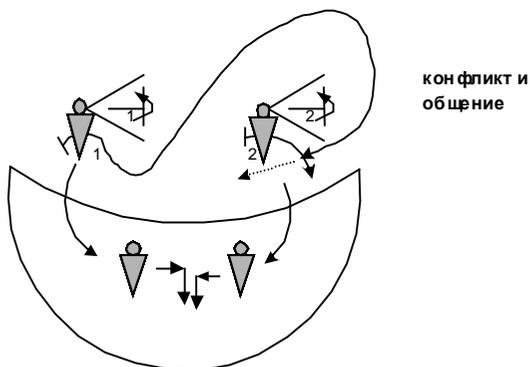
При процессуальном прочтении на первый план выдвигается последовательность процессов и непрерывность перехода содержания от процесса к процессу. Основным критерий непрерывности – конец первого процесса является началом следующего (см. сх. 15, часть г)).

Риторика процессуального прочтения следующая: все начинается с этого момента, протекает следующим образом, потом начинается вот этот процесс, он идет следующим образом, затем следующий и т.д.

Таким образом, если аналитик владеет всеми выше перечисленными языковыми способностями, то его можно уверенно называть профессионалом в своей области.

СХЕМА 2. "ОБЩЕНИЕ"

Целое общения определяется переходом от конфликта к согласованию способов взаимодействия.

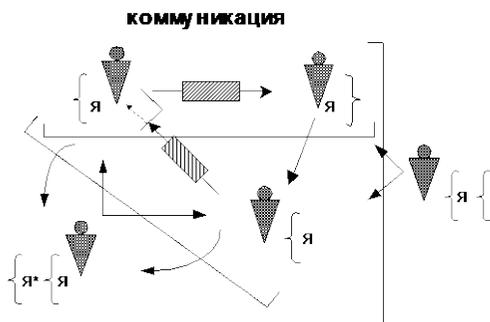

Общение включает в себе определенную последовательность шагов:

- ◆ жизнедеятельностный процесс, включая поиск предмета потребности;
- ◆ нахождение «другого» человека как предмета потребности (его использования для удовлетворения своей потребности);
- ◆ попытка его использования;
- ◆ сопротивление использованию, оказываемое «другим»;
- ◆ переход к согласованию;
- ◆ выдвижение версий взаимодействия;
- ◆ согласование версий;
- ◆ утверждение версии в качестве нормы.

СХЕМА 3. "КОММУНИКАЦИЯ"

Целое коммуникации определяется переходом от текстуального выражения мнения к согласованному, более совершенному варианту мнения.

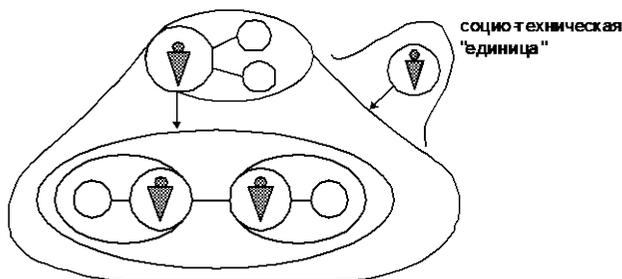

Коммуникация включает в себя определенную последовательность шагов:

- ◆ изложение возникшего и считающегося автором значимого для других мнения о чем-либо;
- ◆ понимающая реконструкция содержания мнения «другим» участником коммуникации;
- ◆ использование результатов понимания для выдвижения альтернативного, более совершенного мнения;
- ◆ сопротивление учету нового мнения;
- ◆ переход в согласование мнений;
- ◆ построение средства согласования и обнаружения «роста» (совершенствования) содержания мнения – арбитражной точки зрения;
- ◆ использование арбитражного средства для установления «роста» содержания мнения;
- ◆ организационное воздействие на снятие затруднений в переходе к согласованию и осуществление согласование точек зрения.

СХЕМА 4. "КООПЕРАТИВНАЯ СИСТЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ"

Целое кооперативной системы определяется переходом от выражения заказа до принятия результата деятельности кооперативной системы, как соответствующего заказу.

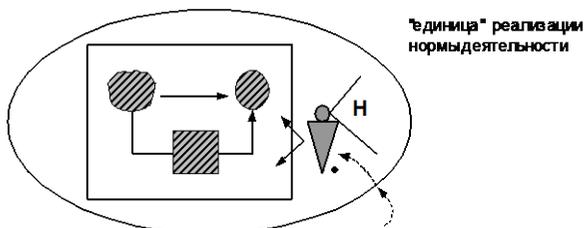

В кооперативной системе деятельности можно выделить определенную последовательность шагов:

- ◆ выражение содержания заказа в форме решения коммуникативной задачи в заказной деятельностной позиции;
- ◆ понимание содержания заказа, соотносимое с возможностями деятельностной кооперации и, при необходимости, корректируемое в согласовательном процессе;
- ◆ перевод содержания заказа в форму проекта деятельности; обеспечение в управленческой позиции реализуемости проекта совместной исполнительской деятельности;
- ◆ использование сервисных деятельностей для преодоления затруднений в согласовании заказа, в построении проекта и обеспечении его реализуемости;
- ◆ реализация частей проекта кооперативной исполнительской деятельности в каждой из исполнительских позиций;
- ◆ использование сервисной деятельности в каждой из исполнительских позиций для преодоления затруднений в реализации частей проекта деятельности.

СХЕМА 5. "ВОСПРОИЗВОДИМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ"

Целое воспроизводящейся деятельности («единицы» реализации нормы деятельности) определяется переходом от понимания и принятия содержания нормы исполнителем к фиксации соответствия результата деятельности требованиям его нормы.

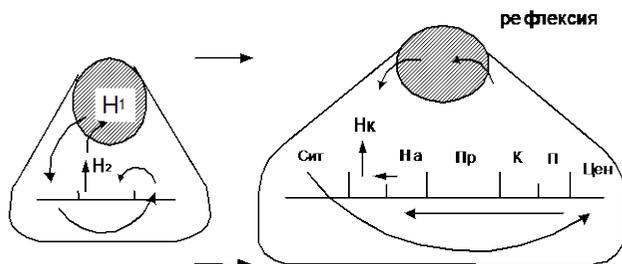

Воспроизводящаяся деятельность включает в себе определенную последовательность шагов.

- ◆ понимание нормы;
- ◆ принятие нормы;
- ◆ введение элементов ресурса в нормативно значимые и соответствующие отношения;
- ◆ сохранение своего соответствия требованиям нормы;
- ◆ фиксация соответствия результата нормативному требованию к нему;
- ◆ уход из деятельности.

СХЕМА 6. "РЕФЛЕКСИЯ"

Целое рефлексии определяется переходом от выхода из действия для поиска пути преодоления затруднения к фиксации найденного пути, способа действия, на основе предположения о будущем отсутствии прежнего затруднения.

Мини-цикл рефлексии включает в себя следующие шаги:

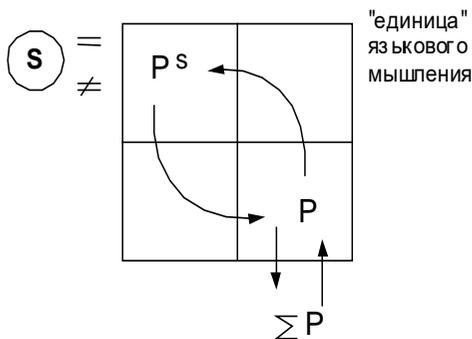
- ◆ выход из действия, в котором возникло затруднение;
- ◆ реконструкция происшедшего;
- ◆ выявление причины затруднения;
- ◆ коррекция способа действия;
- ◆ возврат в действие.

Макси-цикл рефлексии включает в себя следующие шаги:

- ◆ выход из действия, в котором возникло затруднение;
- ◆ реконструкция происшедшего (ситуационная);
- ◆ выбор ценности (введение ценности), относительно которой будет корректироваться способ действия;
- ◆ построение концепции (понятия) «случая» на базе имеющегося аппарата категорий и с учетом результатов ситуационного анализа;
- ◆ использование концепции для проблематизации прошлого опыта;
- ◆ использование проблемы для построения абстрактной нормы («стратегии»);
- ◆ конкретизация абстрактной нормы;
- ◆ возврат в действие.

СХЕМА 7. АКТ МЫСЛИ

Целое акта мысли («единицы» языкового мышления) определяется переходом от среднего бытия предиката (имя или знак и значение) к соотносительному с субъектом, содержательному, «объектному» бытию предиката.

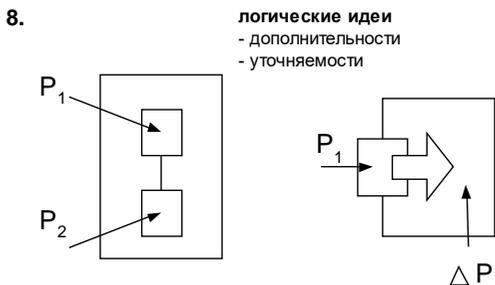
Акт мысли включает в себе следующую последовательность шагов:

- ◆ фиксация субъекта мысли (S) (материал для мыслительного раскрытия);
- ◆ подбор предиката (P) из набора предикатов (Σ P);
- ◆ введение предиката в функцию средства мысли;
- ◆ соотнесение субъекта и предиката при содержательной («объектной») интерпретации фиксированных субъекта и предиката;
- ◆ установление соответствия и придание объектного (и «онтологического») статуса предикату;
- ◆ обнаружение несоответствия;
- ◆ возврат предиката в функцию средства мысли;
- ◆ возврат предиката в набор предикатов (словарь).

СХЕМА 8. ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Целое логической формы (идеи дополнительности и уточняемости) определяется переходом от применения одного предиката к применению иного, последующего предиката (в языковом мышлении).

Идея дополнительности включает в себе следующую последова-

тельность шагов:

- ◆ введение в «пространство мысли» первого предиката;
- ◆ подбор иного предиката, исходя из содержательного отношения «часть – часть» объекта;
- ◆ рассмотрение совмещенных предикатов как «отражения» разных частей единой целостности.

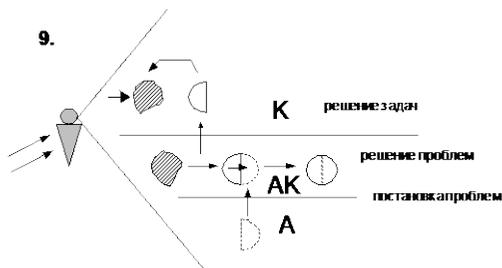
Идея уточняемости включает в себе следующую последова-

тельность шагов:

- ◆ введение первого предиката в «пространство мысли»;
- ◆ подбор иного предиката, исходя из содержательного отношения «целое – детализация целого» объекта, как уточняющего;
- ◆ соотнесение предикатов с точки зрения допустимости уточняющего в «пространство» уточняемого;
- ◆ осуществление перехода от уточняемого к уточненному (более конкретному по содержанию) предикату через средство (подчинение преобразования содержаний «требованиям» уточняющего предиката) уточняющего предиката.

СХЕМА 9. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

Целое решения задач (РЗ) определяется переходом от анализа, реконструкции содержания «исходных данных» и «вопроса» к установлению соответствия выделенной части данных содержанию вопроса или «неизвестного» задачного типа. Целое решения проблем (РП) определяется переходом от фиксации содержания «исходных данных» и «вопроса» к установлению несоответствия содержания вопроса содержанию исходных данных.

РЗ включает в себя следующие шаги:

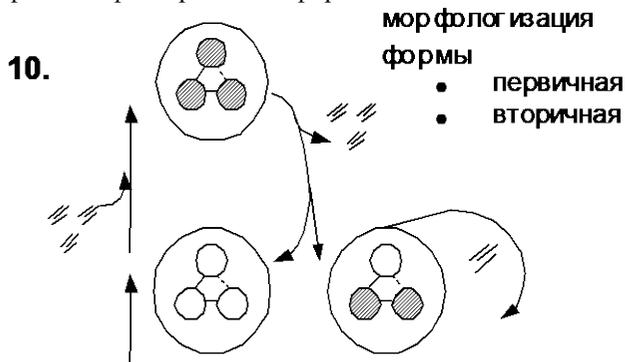
- ◆ понимание исходных данных;
- ◆ понимание вопроса через посредство соответствующей вопросу концепции;
- ◆ поиск той части содержания данных, которая соответствует содержанию вопроса;
- ◆ возможная достройка содержания «данных» до полноты объектного видения;
- ◆ фиксация соответствия выделенной части данных содержанию вопроса.

РП включает в себя следующие шаги:

- ◆ сопоставление фиксированного содержания субъекта мысли с содержанием предиката для выявления частей содержания субъекта, не замещаемых предикатом;
- ◆ выявление части содержания предиката, соседствующей с замещаемым материалом субъекта;
- ◆ выявление линии движения процессов (содержательно-объектная интерпретация), завершаемая в выделенной части предиката;
- ◆ прогнозирование «продолжаемости» этих процессов при коррекции отдельных фрагментов содержания; оформление требований к прогнозируемой дополнительной части предиката (оформление проблемы).

СХЕМА 10. ОРГАНИЗОВАННОСТЬ

Целое организованности (морфологизации формы) определяется переходом от фиксации формы «нечто» к фиксации соответствия морфологии фиксированной форме.

Становление организованности предполагает прохождение ряда следующих шагов:

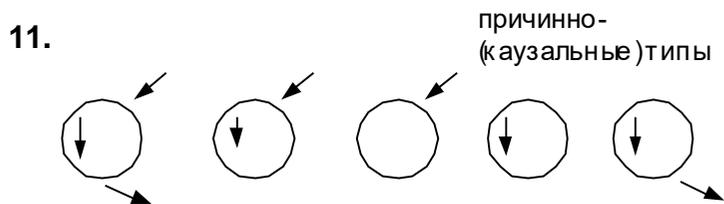
- ◆ фиксация содержания формы;
- ◆ переход к поиску и обнаружению морфологии;
- ◆ вовлечение морфологии в форму;
- ◆ фиксация соответствия морфологии имеющейся форме.

Бытие организованности предполагает прохождение следующего ряда шагов:

- ◆ фиксация бытия организованности;
- ◆ автономизация организованности;
- ◆ фиксация деморфологизированной части формы;
- ◆ активизация организованности (неполностью морфологизированной);
- ◆ поиск и вовлечение недостающей организованности.

СХЕМА 11. НЕЧТО (КАУЗАЛЬНЫЕ ТИПЫ)

Целое бытия нечто определяется переходом от внешнего воздействия до внешнего проявления внутреннего реагирования.

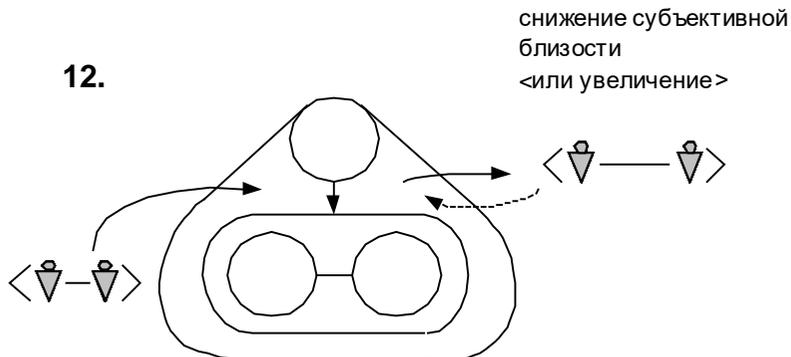

Частичные типы реагирования могут быть следующими:

- ◆ внутреннее реагирование без внешнего проявления.
- ◆ нечувствительность к внешнему воздействию;
- ◆ самоактивизация;
- ◆ самоактивизация с внешним проявлением.

СХЕМА 12. СУБЪЕКТИВНАЯ БЛИЗОСТЬ

Целое субъективной близости определяется переходом от фиксированности уровня субъективной близости к фиксации его изменения.

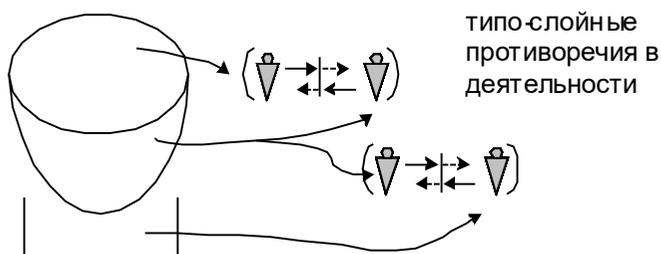
Этот переход включает в себе следующие шаги:
фиксирование, внутреннее, субъективной близости (оценка уровня близости);

- ◆ вхождение в деятельностную кооперацию;
- ◆ пребывание в деятельностных позициях (различных);
- ◆ внутренняя адаптация к позициям;
- ◆ вхождение в кооперативные отношения;
- ◆ обнаружение влияния различия адаптаций на динамику отношений;
- ◆ субъективная оценка «внешнего влияния» кооперанта;
- ◆ изменение субъективной оценки близости партнера;
- ◆ фиксация (субъективная) изменения субъективной близости в кооперативном взаимодействии;
- ◆ выход из кооперации;
- ◆ фиксация изменения субъективной близости вне кооперации.

СХЕМА 13. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СЛОЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Целое определяется переходом от фиксации отсутствия противоречия, обусловленного особенностями «слоя» деятельности, к фиксации зависимости противоречия, возникшего между участниками совместной деятельности, от специфики слоя деятельности.

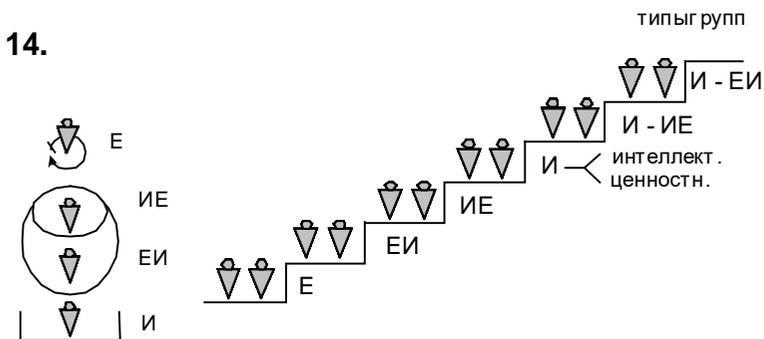
13.

Типы противоречий: противопоставленность автономных действий, обусловленных различиями действия и рефлексии, рефлексии и критерияльным обеспечением рефлексии.

СХЕМА 14. ТИПЫ ГРУПП

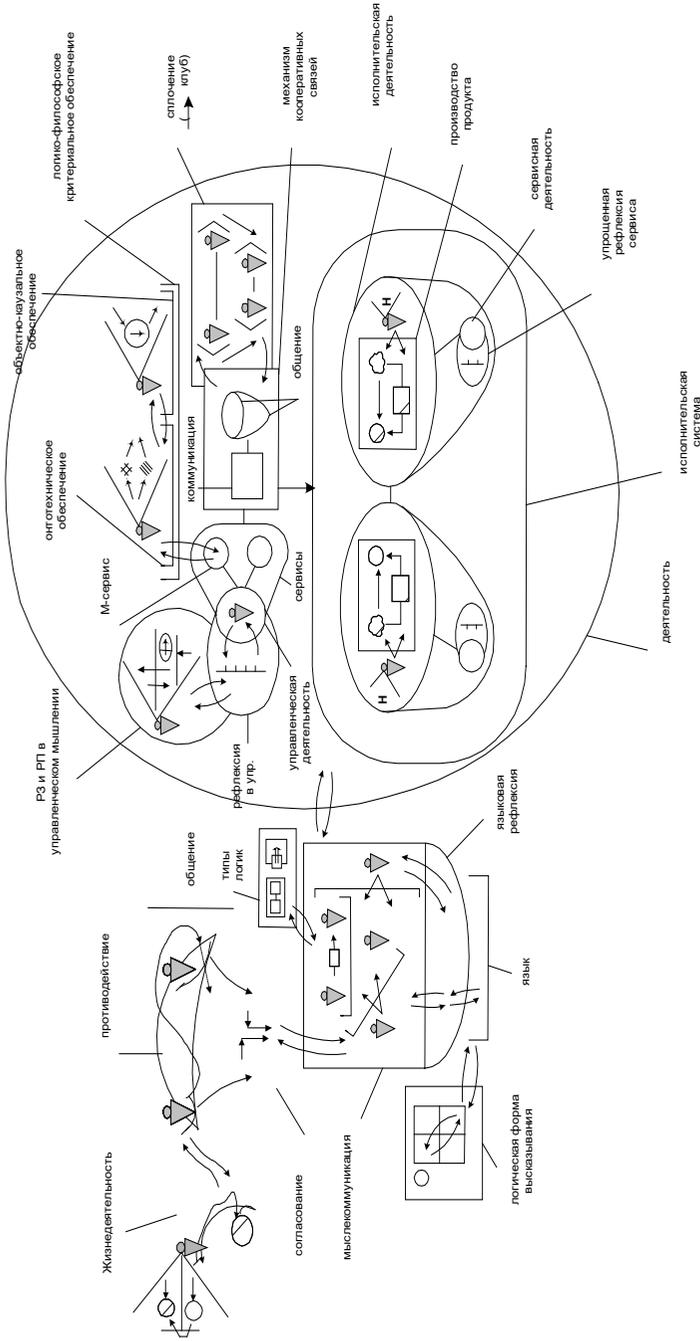
Целое определяется переходом от простейшей формы объединенности людей к наиболее сложной форме объединенности.

Типы группообразования:

- ◆ сплочение по критерию симпатии (антипатии) или в жизнедеятельностном слое;
- ◆ сплочение по критерию согласования результатов рефлексии поведения и по поводу противодействия;
- ◆ сплочение по критерию рефлексии процесса реализации норм (решения задач);
- ◆ сплочение по критерию оснований организации рефлексии;
- ◆ сплочение по критерию способа разработки оснований организации рефлексии;
- ◆ сплочение по критерию поиска способа разработки оснований организации рефлексии.

Синтетическая онто-схема

Приложение III.

ИНФОРМАЦИЯ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ

г. Москва

**Московский методолого-педагогический кружок
под руководством профессора Анисимова О.С.**

Московский методолого-педагогический кружок (ММПК) был организован в 1978 году в рамках методологического движения. Его основной целью стало создание учебных процессов по подготовке управленцев, педагогов, аналитиков и методологов.

Бессменный руководитель кружка: Анисимов Олег Сергеевич – доктор психологических наук, профессор методологии, автор более 150 книг, брошюр, статей по методологии, психологии, педагогике, политологии, экономике, игротехнике; идеолог, теоретик, технолог и практик методологического и игротехнического образования, создатель наиболее сложных мыслительных технологий и языка схематических изображений.

В настоящее время заседания ММПК проходят еженедельно по субботам с 10.00 до 20.00 в здании Российской Академии Государственной Службы при Президенте РФ (ст. м. Юго-западная).

Общие цели кружка:

- ◆ Освоение и трансляция методологической и игротехнической культуры;
- ◆ Разработка образовательных технологий трансляции методологической культуры;

В рамках трансляции методологической культуры два раза в год: в конце января – начале февраля и в конце июня – начале июля проходят двухнедельные семинары в форме организационно-деятельностных или организационно-мыслительных игр.

Дополнительную информацию можно получить по телефонам:

Раб. (095) 436-07-19

Дом. (095) 907-54-08 **Анисимов Олег Сергеевич**

**г. МОСКВА
Группа АКМЭ**

[Аналитика, Консультирование, Методология, Экспертиза]

Руководитель группы АКМЭ: Звезденков Андрей Александрович (методолог-консультант по организации управленческой деятельности, специалист по Public Relations, редактор журнала "Консультант Директора", эксперт-консультант лаборатории журнала "Консультант Директора").

Направления деятельности группы АКМЭ: организационное развитие предприятий, проведение организационно развивающих игр, организация системы управления, стратегическое планирование PR-кампаний, консультирование штабов предвыборных кампаний.

Опыт работы: с 1993 Проведение деловых игр с городскими и районными администрациями, предпринимательскими фирмами, политическими и общественными организациями: "Агентство Михайлов и партнеры", "Агентство PRP", "Фабрика PR", "Центр Стратегия" Г.Э. Бурбулиса, Video International, Хлебо-булочный комбинат "Серебряный Бор" и т.д.),

Тел.: (095) 128 33 66 (Звезденков А. А.)

E-mail: dedey@akme.orthodox.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

г. Омск

Лаборатория развивающихся педагогических технологий, входящая в структуру ООИМПКРО с 1990 г. проводит 16-летний инновационный эксперимент на основе теоретико-технологических разработок профессора, методолога О. С. Анисимова.

Содержание эксперимента составляет деятельность по созданию и внедрению в учебно-педагогический процесс технологических новшеств, в качестве которых выступают мысле-коммуникация, рефлексивная самоорганизация, самоопределение к деятельности, кооперативное взаимодействие.

В настоящее время осуществляется оформление полученных в ходе эксперимента образцов инновационных педагогических и управленческих техник с целью создания методик системного изменения личности, что является подготовкой к этапу распространения инновации.

Сформированные личностные и профессиональные качества педагогов и управленцев обеспечили становление учебного процесса на основе принципов педагогики развития – рефлексивности, мыслекоммуникации, самоопределения, конструктивного общения.

Промежуточные результаты эксперимента по экспертным оценкам имеют социальную и научную значимость.

Адрес лаборатории: 644008 г. Омск, ул. 22 апреля, 31

Телефоны: 64-99-54 (лаборатория)

24-09-54 (приемная ООИМПКРО)

41-27-42 (контактный, Салатич Т. П.)

г. Новгород Великий**Учебно-научная лаборатория акмеологических технологий обучения НовГУ**

Учебно-научная лаборатория акмеологических технологий обучения образована в марте 1998 г. и является межкафедральным научно-учебным подразделением Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. В составе лаборатории 16 человек: преподавателей, аспирантов и студентов.

Руководитель лаборатории Смирнов Андрей Анатольевич – доцент кафедры политической философии и социологии, кандидат философских наук.

Цель деятельности лаборатории – повышение у студентов уровня профессионализма с помощью акмеологических технологий обучения, созданных на основе методологических понятий.

Основные направления деятельности:

- ◆ Проведение занятий с преподавателями по теме: «Методологические основы построения учебных предметов»;
- ◆ Разработка, апробация и внедрение в практику преподавания различных модификаций модульной системы обучения;
- ◆ Проведение постоянно действующего методологического семинара по теме: «Методологические основы культуры мышления»;
- ◆ Проведение занятий с муниципальными и государственными служащими в рамках повышения уровня их управленческого профессионализма.

Координаты для связи: (8162) 66-21-42 (дом.) – Смирнов Андрей Анатольевич.

Г. Томск**Методолого-педагогическая группа (МПП)**

Руководитель: Галкин Дмитрий Владимирович (научный руководитель муниципального образовательного учреждения для одаренных детей "Академлицей" г. Томска, преподаватель и аспирант ТГУ, консультант по управлению)

Направления специализации МПП: разработка проектов и программ, оргпроектирование, экспертиза, аналитика и мониторинг, менеджмент наукоемких проектов, концептуальные разработки, методология междисциплинарных исследований.

Методологические разработки: Организационно-деятельностные игры (ОДИ) по реорганизации городской системы управления образованием, проекты ОДИ по реорганизации предприятий АПК, организация экспертизы в образовательном учреждении, научно-педагогические проекты в сфере среднего образования (история культуры, интерактивные образовательные технологии).

Адрес: 634055, Томск, Вавилова 8
Тел.: (3822) 25 86 30 (Галкин Д.В.)
42 62 06 (Галкин Д.В.)
E-mail: gdv_t@mail.ru

Г. Нижний Тагил
Нижнетагильский институт УГТУ-УПИ

Майзлер Илья Геннадьевич (методист, учитель отдела)

Основная цель консультационной деятельности:

Развитие профессиональной культуры управленческих кадров органов местного самоуправления.

Область деятельности:

Горнозаводской округ Свердловской области.

Направление деятельности:

- ◆ изучение особенностей профессионализма управленческих кадров органов местного самоуправления и факторов его определяющих
- ◆ изучение и коррекция пространств деятельности органов местного самоуправления
- ◆ исследование и создание методик повышения рефлексивной культуры управленческих кадров при осуществлении профессиональной деятельности

Работа осуществляется на базе: Проблемной лаборатории управления кафедры «Экономика и управление в промышленности» НТИ УГТУ

Тел. (3435) 25-69-22

Адрес: 622031 г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д.59, ком. 212, НТИ УГТУ кафедра ЭУП

г. Караганда
Институт предпринимательства и культуры менеджмента

Институт выполняет следующие услуги:

- ◆ экспертиза мышления и соответствующее консультирование
- ◆ построение концепций и бизнес-проектов рыночной деятельности
- ◆ моделирование ситуаций развития деятельности, взаимовыгодного использования интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов
- ◆ проведение организационно-деятельностных игр по любой тематике заказчика
- ◆ проведение методологических семинаров, краткосрочных школ, курсов по вопросам образования, управления, предпринимательства, законодательства, государственной и региональной политики

Команда экономистов, психологов, философов и методологов института поддерживает контакты и при необходимости привлекает ведущих специалистов в области культуры мышления из Москвы, Омска, Новгорода и др. городов России.

Ориентация на применение в практике новых методологических принципов мышления, упреждающее моделирование и подготовку профессионального корпуса управленцев и предпринимателей являются надежной гарантией становления и развития любой деятельности.

Адрес: Республика Казахстан
470055, г. Караганда, пр. Н.Абдирова, 24/3
Телефон: 42 64 65; 42 65 65
E-mail: KARIPKM@mail.ru

Г. Оренбург **Оренбургская методологическая группа**

Направления деятельности: Проведение курсов «Основы предпринимательства» для школьников 10-11 классов.

Основные направления работы – формирование способностей, которые требуются от выпускников средней школы в современной социально-экономической обстановке и, в частности, навыков и знаний, необходимых для предпринимательской деятельности.

Целевые группы: школьники 10-11 классов

Используется игровая форма организации учебного процесса, а именно три типа работ в задачно-проблемной заданности:

- ◆ групповой тренинг
- ◆ пленарная дискуссия
- ◆ консультации и лекции

Цели:

- ◆ Дать первичное представление о предпринимательской деятельности.
- ◆ Формирование способностей к самоорганизации, к рефлексивной организации мышления.
- ◆ Формирование навыков, необходимых для ведения деловых переговоров (коммуникации, общения), аналитических способностей.

Адрес: 460018 г. Оренбург, ул. Мало-Мельничная, 38 «А» - 48 (Кузнецов О.)
г. Оренбург, ул. Чернышевского, 28 –156 (Копылов В.)
Координаты: тел. 41-87-01 (Кузнецов Олег)
тел. 56-93-39 (Копылов Вадим)

Г. Сыктывкар **Республика Коми**

Методолого-педагогическая группа

Место функционирования: Республиканский лицей управленческого резерва при Коми республиканской академии государственной службы и управления при Главе Р. Коми.

В составе группы: штатные и внештатные работники – представители Вузов и других образовательных учреждений г. Сыктывкара - Казакова Л. А., Воронова Л. А., Котырно Е. С., Ветрова Л. Н. и др.

Цель группы: внедрение в образовательную практику инновационной модели обучения в рамках личностно-ориентированного подхода.

Создаются условия, в которых обучаемые становятся субъектами собственной учебной деятельности, которую они осуществляют осознанно и самостоятельно. Ядром совместной деятельности педагога и обучаемых являются учебные задачи различного уровня сложности и предметного содержания, предполагающие освоение обучаемыми трех основных видов интеллектуальной деятельности: мышления, творчества, коммуникации.

Формы обучения: ОДИ, деловые игры, тренинги, семинары, лекции и консультации.

Способ внедрения инновационной модели – коммуникативный, имитационно-ролевой, рефлексивный.

Методолого-педагогическая группа проектирует и внедряет программы в рамках дополнительного образования для старшеклассников.

Разработаны и функционируют программы дополнительного образования - по экономическому, юридическому, гуманитарному профилю:

- ◆ Программа профильного лагеря «Развитие молодежной и социальной инициативы в регионе»
- ◆ «Школа демократической культуры»
- ◆ «Основы предпринимательской деятельности»

Методолого-педагогическая группа организует и проводит семинары и консультации для педагогов и родителей, интересующихся инновационными моделями обучения.

Адрес: 167000 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11, каб. 31

Телефон: 42-41-19

Руководитель группы: директор лицея - Ичеткина Тамара Александровна

Г. Калуга

ФОНД «СТРАТЕГИЯ»

Фонд «Стратегия» осуществляет деятельность в двух направлениях: образование и консультирование. Это связано с ре-

лизацией двух проектов: «Среднее образование» и «Консультационный центр».

Проекты реализуются работниками Муниципального образовательного центра и консультационной группой – профессиональное объединение консультантов, аналитиков, работающих в сфере консультирования по вопросам управленческого развития и развития образования.

Целью проекта «Среднее образование» является развитие способностей участников, необходимых для адекватного существования в системе современного образования.

Целью проекта «Консультационный центр» является предоставление консультационных, информационных и аналитических услуг.

Основные направления деятельности и виды консультирования, предлагаемые в рамках проектов: «Консультационный центр» и «Среднее образование»:

- ◆ проведение тренингов, семинаров, ОДИ
- ◆ проведение аналитических семинаров
- ◆ консультирование по вопросам образования
- ◆ разработка концепций, программ и стратегий развития организаций
- ◆ консультирование по проблемным ситуациям
- ◆ психологическое консультирование

Помимо этого, в Калужском регионе организована «Тренинг-семинарская программа» (ТСП), которая предоставляет возможность ее участникам изучать средства методологии.

Координаты: e-mail: strategy @ serve. cam
(0842) 58-12-85 (Сальникова Людмила)
(08422) 2-70-40 (Щербакова Татьяна)

Литература

1. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М.: ВМЦ, 1989.
2. Анисимов О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. М.: Экономика, 1991.
3. Анисимов О.С. Методология: функция, сущность, становление. М.: 1996.
4. Анисимов О.С. Методологический словарь (для акмеологов и управленцев). М.: 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Олег Сергеевич (1943 г.р.) – доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной академии акмеологических наук, Российской экологической академии. В 1974 году окончил МГУ, факультет психологии. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по теме "Формирование мыслительных операций студентов с использованием схематических изображений", а в 1994 году – докторскую диссертацию по теме "Акмеологические основы рефлексивной самоорганизации педагога: творчество и культура". Является автором более 200 научных трудов.

Создатель неформального межрегионального научного сообщества "Московский методолого-педагогический кружок" (с 1978 г.) и первой учебной кафедры методологии в СССР в Высшей школе управления Агропрома РСФСР (в 1988 г.). Автор и руководителю огромного множества оргдеятельностных игр и игромодельных циклов, в которых проходили подготовку управленцы, преподаватели, аналитики-консультанты России и ряда стран СНГ. В настоящее время (2001 г.) является профессором кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

В число наиболее объемных, масштабных по содержанию трудов входят следующие монографии, получившие широкое признание специалистов: *"Основы методологического мышления"* 1989 (412 с.); *"Методологическая версия категориального аппарата психологии"* 1990 (332 с.); *"Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования"*, 1991 (351 с.); *"Методологическая культура педагогической деятельности и мышления"* 1991 (415 с.); *"Основы методологии"* 1994 (588 с.); *"Основы общей и управленческой акмеологии"* 1995 (268 с.); *"Методология: функция, сущность, становление"* 1996 (380 с.); *"Акмеология мышления"* 1997 (553с.); *"Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники"* 1998 (772 с.); *"Стратегии и стратегическое мышление"* 1999 (605 с.); *"Гегель: мышление и развитие"* 2000 (800 с.); *"Дух и духовность"* 2001 (114 с.); *"Методологический словарь"* 2001 (168 с); *"Метод работы с текстами и интеллектуальное развитие"* 2001 (461с) *"Педагогическая акмеология: общая и управленческая"* 2001 (640 с.).

ИНТЕРНЕТ-страница Анисимова О.С.: www.osa.nm.ru

Анисимов Олег Сергеевич
Язык теории деятельности: становление
М., 2001 - 484 с

В подготовке книги к изданию принимали участие:

Верхоглазенко В.Н.
к.п.н. Емельянов А.Л.
Чекин С.А.

Подписано в печать2001. Формат

Бумага..... Гарнитура Печать ризографическая.

Усл. печ..... Тираж Заказ

Изд. лиц.

Издательство "Агро-Вестник" АМБ-агро
111612, Москва, ул. Оренбургская, 15 "б".